

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 19 № 3 (160) март 2024

В НОМЕРЕ:

Росинский Б. В.

Значение структуры федеральных
органов исполнительной власти
в государственном управлении

Турбанов А. В.

Сущность денежного суррогата

Новопашина У. С.

Особенности наследования
нотариальных депозитов

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.

Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).

Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.

Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).

Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».

Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.

Почтовый адрес: Рашпилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.

Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.

Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).

Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке.

Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.

Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.

Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.

Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки.
- 5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msai.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 04.04.2024
Объем 24,06 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенко

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenska, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).

Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.

Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.

Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.

Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.

Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technology of the Saratov State Law Academy.

Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 104, b. 3, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).

Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.

Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. FS77-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

04.04.2024
Volume: 24.06 conventional printer's sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Содержание

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

- Бурла В. М.** «Конституционные ценности» как научная категория:
проблемы дефиниции, формализации, систематизации 11

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Россинский Б. В.** Значение структуры федеральных органов
исполнительной
власти в государственном управлении 27
- Брежнев А. А.** Данные и доказательства реальной
клинической практики: сравнительно-правовое исследование 44

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Турбанов А. В.** Сущность денежного суррогата 56
- Ларионова Е. С.** Развитие финансово-правового механизма
функционирования платежных
систем в новых экономических условиях 73

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

- Сергеев П. В.** Информационные детерминанты насилия
против личности и превентивная функция права 81

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Чурилов А. Ю.** Фиксация и оборот исключительных прав на объекты
авторского права с помощью смарт-контрактов: миф или реальность? 89
- Новопашина У. С.** Особенности наследования нотариальных депозитов. 100

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

- Кулакова В. Ю.** Единство и дифференциация процессуальной формы 109
- Литвинова Т. А.** Споры, возникающие из договоров о целевом обучении. 120

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Егорова М. А.** Баланс интересов государства и правообладателя в сфере
интеллектуальной собственности для целей защиты конкуренции 128

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

- Парамонова С. В.** Особенности правового регулирования отношений
в сфере труда при введении военного положения
и специальных мер в сфере экономики: проблемы и перспективы гармонизации. 135

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Цыреторов А. И.** Рациональные основы уголовного судопроизводства:
взгляд через призму социологических воззрений 150

ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРАВО

- Пономарёва Д. В., Некотенева М. В.** Геномные исследования
и искусственный интеллект: проблемы правового
регулирования на глобальном и региональном уровне 168

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

- Багрян Г. А.** Гражданское общество в конституциях зарубежных стран 180

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Никитин Е. Л., Зорин В. С.** Разграничение компетенции органов прокуратуры
и суда по обеспечению законности оперативно-розыскной деятельности 195

Contents

STATE POWER AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

- Burla V. M.** «Constitutional Values» as a Scientific Category:
Problems of Definition, Formalization, Systematization 11

PUBLIC ADMINISTRATION AND ADMINISTRATIVE PROCEDURE

- Rossinskiy B. V.** The Importance of the Structure
of Federal Executive Authorities in Public Administration 27
- Brezhnev A. A.** Data and Evidence of Real
Clinical Practice: A Comparative Legal Study. 44

FINANCIAL LAW

- Turbanov A. V.** The Essence of a Cash Surrogate 56
- Larionova E. S.** Development of the Financial Law Mechanism
for the Functioning of Payment Systems in New Economic Conditions 73

LEGAL REGULATION IN THE INFORMATION SPHERE CIVIL AND FAMILY LAW

- Sergeev P. V.** Informational Determinants
of Violence Against Person and the Preventive Function of Law 81

CIVIL AND FAMILY LAW

- Churilov A. Yu.** Fixation and Turnover of Exclusive Rights
to Copyrighted Works Using Smart Contracts: A Myth or Reality? 89
- Novopashina U. S.** Features of Inheriting Notary Deposits 100

CIVIL AND ADMINISTRATIVE PROCEDURE

- Kulakova V. Yu.** Unity and Differentiation of Procedural Form 109
- Litvinova T. A.** Disputes Arising out of Targeted Training Agreements 120

INTELLECTUAL PROPERTY LEGAL PROTECTION

- Egorova M. A.** Balance of Interests of the State
and the Copyright Holder in the Field of Intellectual
Property for the Purposes of Competition Protection 128

LABOR RELATIONS AND SOCIAL SECURITY

- Paramonova S. V.** Peculiarities of Labor Relations Regulation
amid Imposition of Martial Law and Special
Economic Measures: Problems and Prospects for Harmonization 135

CRIMINAL PROCEDURE

Tsyretorov A. I. Rational Foundations of Criminal Proceedings: A View through the Prism of Sociological Considerations	150
--	-----

INTEGRATION LAW

Ponomareva D. V., Nekoteneva M. V. Genomic Research and Artificial Intelligence: Problems of Legal Regulation at the Global and Regional Level.	168
--	-----

COMPARATIVE LEGAL STUDIES

Bagiryan G. A. Civil Society as in the Constitutions of Foreign Countries.	180
---	-----

LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Nikitin E. L., Zorin V. S. Differentiation of the Competence of the Prosecutor's Office and the Court to Ensure the Legality of Operational Investigative Activities	195
---	-----

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.011-026

В. М. Бурла*

«Конституционные ценности» как научная категория: проблемы дефиниции, формализации, систематизации

Аннотация. Статья посвящена проблемам научного исследования конституционных ценностей: их доктринального определения, установления правовых форм (формальных источников) и системного обобщения. Приводятся аргументы в пользу отнесения конституционных ценностей к категориям науки конституционного права. Статья выключает несколько проблемных блоков. В первом автор рассматривает проблематику дефинирования конституционных ценностей, приводит различные научные позиции, предлагает собственное доктринальное определение. Во втором блоке с помощью структурно-логического анализа автор приходит к выводу о том, что конституционные ценности получают воплощение (формируются) в трех видах источников: нормативном, нормативно-доктринальном, доктринальном. В третьем блоке рассматриваются проблемы классификации и систематизации конституционных ценностей, анализируются подходы к обобщению их видового многообразия. В заключение приводится авторское видение системы конституционных ценностей на основе аксиологического анализа Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: конституционные ценности; конституционная аксиология; конституция; Конституция Российской Федерации; формы конституционных ценностей; система конституционных ценностей; иерархия конституционных ценностей; дефиниция научной категории; формализация явлений правовой действительности; систематизация конституционных ценностей.

Для цитирования: Бурла В. М. «Конституционные ценности» как научная категория: проблемы дефиниции, формализации, систематизации // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 3. — С. 11–26. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.011-026.

© Бурла В. М., 2024

* Бурла Виктория Михайловна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
spiritvictory@list.ru

«Constitutional Values» as a Scientific Category: Problems of Definition, Formalization, Systematization

Victoria M. Burla, Cand. Sci. (Law), Lecturer, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
spiritvictory@list.ru

Abstract. The paper is devoted to the issues that include academic research of constitutional values, namely, their doctrinal definition, establishment of legal forms (formal sources) and systematic generalization. The author provides arguments in favor of attributing constitutional values to the categories of the science of constitutional law. The paper consists of several blocks devoted to certain problems. In the first block, the author examines the problems of defining constitutional values, refers to various academic standings, and offers his own doctrinal definition. In the second block, using structural and logical analysis, the author comes to the conclusion that constitutional values are embodied (formed) in three types of sources: normative, normative-doctrinal, doctrinal. The third block examines the problems of classification and systematization of constitutional values, analyzes approaches to generalizing their diversity. In conclusion, the author elucidates the system of constitutional values based on axiological analysis of the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: constitutional values; constitutional axiology; constitution; Constitution of the Russian Federation; forms of constitutional values; system of constitutional values; hierarchy of constitutional values; definition of a scientific category; formalization of phenomena of legal reality; systematization of constitutional values.

Cite as: Burla VM. «Constitutional Values» as a Scientific Category: Problems of Definition, Formalization, Systematization. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(3):11-26. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.011-026

Введение

Аксиологические исследования в современной публично-правовой науке получают всё большее распространение. О возрастающем интересе ученых-конституционалистов к этой сфере свидетельствует число защищенных за последние 15 лет диссертаций, посвященных

отдельным конституционным ценностям¹, роли конституционных ценностей в практике органов конституционной юстиции², системному осмыслению конституционных ценностей³.

Тема ценностей, ценностных ориентиров актуальна не только в научном измерении, но и в контексте развития правовой системы. Если выявление и обоснование объективиро-

¹ См., например: *Джантуханов В. З.* Равенство и справедливость как конституционные ценности гражданского общества : дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006 ; *Ереклинцева Е. В.* Суверенитет и демократия как конституционные ценности современной России : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010 ; *Колоцей И. А.* Право на охрану здоровья и медицинскую помощь как конституционная ценность : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010 ; *Магадов Ш. Р.* Нравственность как конституционная ценность в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

² См.: *Карасёва И. А.* Конкуренция конституционных ценностей в практике Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных судов зарубежных стран : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014 ; *Клочко Е. И.* Конституционные ценности в доктрине конституционного права и практике конституционной юстиции : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018 ; *Рудт Ю. А.* Баланс конституционных ценностей в доктрине конституционного права и практике органов конституционной юстиции Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2019.

³ *Бурла В. М.* Система ценностей в конституциях государств — членов Содружества Независимых Государств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.

ванных Конституцией Российской Федерации ценностей — задача конституционно-правовой науки, то наполнение этих ценностей конкретным содержанием обеспечивается текущим законодательством, в первую очередь документами стратегического планирования. Только за последние три года в России принят целый ряд нормативных документов стратегического характера, которые содержат цели, коррелирующие с ценностями: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации⁴, Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей⁵, Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом⁶. В последнем документе в качестве принципа гуманитарной политики обозначается единство системы конституционных ценностей. В этой точке законодательство встречается с доктриной, поскольку вопросы: что представляет собой система конституционных ценностей, каким образом конституционные ценности могут быть формализованы для последующей систематизации и, главное, что есть конституционная ценность — решаются наукой конституционной аксиологии.

Конституционные ценности: *quid est?*

Проблема № 1: дефиниция категории

«Конституционные ценности» мы можем научно детерминировать не только как *понятие*

или логическое обобщение, которое отражает наиболее значимые устойчивые свойства и признаки группы явлений конституционно-правовой действительности⁷, но и в качестве *научной категории*, во-первых, отражающей класс взаимосвязанных феноменов и закономерности их существования, во-вторых, выступающей инструментом научного познания в конституционной аксиологии. Именно эти два компонента — гносеологическая инструментальность и закономерность в функциональности и взаимосвязи (конституционные ценности образуют динамичную систему) — позволяют идентифицировать конституционные ценности как научную категорию.

Признание того, что конституционные ценности выступают в науке конституционного права в качестве категории, позволяет восходить от абстрактного к конкретному, не только видеть в конституционных ценностях «общетеоретический, доктринально-гносеологический»⁸ аспект, но и признавать их инструментальную природу. Согласимся, что конституционные ценности в практическом измерении есть «инструмент выработки конституционно-правового решения»⁹. Однако признание категориальности конституционных ценностей требует методологически выверенного их дефинирования, ведь, как совершенно справедливо замечает профессор А. С. Автономов, «определение категорий имеет огромное значение для любой науки, поскольку именно с их помощью осуществляется процесс познания законов существования и развития

⁴ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «Об утверждении Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27. Ст. 5351.

⁵ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

⁶ Указ Президента РФ от 05.09.2022 № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // СЗ РФ. 2022. № 37. Ст. 6315.

⁷ См.: Богданова Н. А. Система науки конституционного права : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 164.

⁸ Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия = Axiology of judicial constitutionalism: constitutional values in the theory and practice of constitutional law. 2-е изд., доп. М. : Юрист, 2014. С. 17.

⁹ Ключко Е. И. Конституционные ценности в доктрине конституционного права и практике конституционной юстиции : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 15.

конкретной действительности»¹⁰. Вот почему определение понятия «конституционные ценности» — интеллектуальная задача, которую ставит перед собой каждый исследователь конституционно-аксиологической проблематики. Неслучайно важным положением на защиту во многих диссертациях, посвященных различным аспектам теории конституционных ценностей, выносятся авторская дефиниция ключевой категории.

Так, в исследовании на тему «Суверенитет и демократия как конституционные ценности современной России» Е. В. Ереклинцева, предлагая положения, касающиеся непосредственного объекта исследования (феноменов суверенитета и демократии), предлагает дефиницию конституционных ценностей как совокупности «универсальных и приоритетных социальных принципов (целей, установок), формализованных в Основном Законе и (или) исходящих из результата конституционно-оценочной деятельности судебных органов конституционного контроля, обеспечивающих оптимальное развитие личности, общества и государства на основе баланса частных и публичных интересов, опирающегося на принцип справедливости»¹¹.

В более широком исследовании «Ценности в конституционном праве Российской Федерации» Г. Б. Ройзман под конституционными ценностями предложил понимать совокупность универсальных и приоритетных социальных принципов (целей, установок), формализованных в Основном Законе и (или) исходящих из результата конституционно-оценочной деятельности судебных органов конституционного контроля, обеспечивающих оптимальное развитие личности, общества и государства на основе баланса частных и публичных интересов¹².

А, например, в практико-ориентированной научно-квалификационной работе, посвященной конкуренции конституционных ценностей в практике Конституционного Суда РФ и конституционных судов зарубежных стран, И. А. Карасёва в первом положении, выносимом на защиту, предлагает определять конституционные ценности «как блага, воплощенные в различных юридических формах (нормах-принципах, правах и свободах, иных нормах наиболее общего характера), закрепленные в конституции и выводимые из ее содержания путем официального толкования»¹³.

Очевидно, что *a priori* конституционно-аксиологического исследования формулирование дефиниции является не хорошим тоном, а научной необходимостью, поскольку от смыслового наполнения ключевой категории зависит достижение цели исследования. Важное наблюдение: авторские дефиниции предлагаются если не *ad hoc*, то в тесной связи с контекстом — объектом исследования.

Безусловно, подход к конструированию дефиниции конституционных ценностей должен учитывать цель исследования и его задачи. Вместе с тем надлежит соблюдать определенный алгоритм дефинирования. В первую очередь стоит определить оптимальное родовое понятие или группу понятий, далее обозначить источник, в котором конституционные ценности формализованы, в завершение указать на предназначение: зачем нужны конституционные ценности? Сконструированное таким образом определение будет отвечать критерию полноты, раскрывая грани феномена конституционных ценностей благодаря ответам на три вопроса: «что?» (родовое понятие), «откуда (где)?» (источник) и «для чего (зачем)?» (функциональное назначение).

¹⁰ Автономов А. С. Системность категорий конституционного права : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 78.

¹¹ Ереклинцева Е. В. Суверенитет и демократия как конституционные ценности современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. С. 12.

¹² Ройзман Г. Б. Ценности в конституционном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 8.

¹³ Карасёва И. А. Конкуренция конституционных ценностей в практике Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных судов зарубежных стран : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 8.

В отечественной литературе для определения конституционных ценностей используется широкая палитра родовых понятий: «принципы», «установки», «цели», «идеи», «идеалы», «блага», «стандарты», «приоритеты». Важно заметить, что единого варианта предпочитаемой родовой лексики нет не только среди ученых в целом, но даже в трудах одного исследователя. Первые два примера дефиниций это доказывают.

Так или иначе, при выборе родовых категорий используется не формально-юридическая позитивистская оптика, а скорее философская, что указывает и на происхождение категории (аксиология как часть философии), и на производность конституционных ценностей от ценностей социальных. Несмотря на разнообразие общефилософских родовых понятий, научная конвенциональность обнаруживается в оценке конституционных ценностей как объективно существующих положительно окрашенных явлений правовой действительности, авторами подчеркивается их значимость и универсальный характер как общественных идеалов, целей, стандартов, по поводу которых общество пришло к консенсусу, что позволило интегрировать их в конституцию. Согласимся с В. В. Комаровой, что объективный характер конституционных ценностей предопределен тем, что они «воплощают *общие универсальные значимости*»¹⁴. Одновременно конституционные ценности есть *результат оценки* позитивирующим субъектом (народом, принимающим конституцию) определенных социально значимых благ с точки зрения их роли. Если бы объективно существующие явления, даже с самой положительной коннотацией, не получали бы социальную оценку, они не могли бы стать конституционными ценностями. Более того, безоценочно невозможно установить положительный или отрицательный характер явления. Например, демократическая государственность признается конституционной ценностью, поскольку народовластие как

объективное явление получило положительную общественную оценку. Общерегулятивная конституционно-правовая норма (ст. 1 Конституции РФ), в которой Россия детерминирована как демократическое государство, фактически зафиксировала конституционную ценность, придав ей характер перспективной стратегической цели, к которой надлежит всемерно стремиться. На этом примере видно, что конституция реализует одновременно аксиологическую и телеологическую роль.

Конституционные ценности, с нашей точки зрения, это и приоритеты. Приоритет есть первенствующее положение, преобладающее, первоочередное значение. Такой статус получают ценностно наполненные положения конституции как документа особой юридической и социально-политической природы. Конституция является ценностью не только как инструмент формализации социальных ценностей, но и ввиду наличия особых юридических свойств: верховенство, высшая юридическая сила, особый порядок изменения, особая правовая охрана. Структура Конституции Российской Федерации «отражает первичность и производность тех или иных ценностных ориентиров, которые объективно существуют в обществе»¹⁵. В частности, каждая из статей гл. 1 Конституции РФ содержит первообразные ценности, которые закономерно могут быть названы *приоритетами* государства и общества.

Наконец, конституционные ценности по своей природе близки к научной категории конституционных принципов, то есть *принципов*, формализованных конституцией и выражающих ее исходные идеи, цели, основы конституционно-правового регулирования всех сфер жизни общества и государства, а также правового статуса личности. Например, такие принципы организации и деятельности государства, как социальность (ст. 7 Конституции РФ), принципы экономики свободного рынка (ст. 8 Конституции РФ), идеологический и политический плю-

¹⁴ Современный российский конституционализм: проблемы становления и перспективы развития : монография / отв. ред. В. В. Комарова, Г. Д. Садовникова. М. : Норма : Инфра-М, 2017. С. 173.

¹⁵ Таева Н. Е. Ценностное содержание и прямое действие конституционных норм // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 11. С. 113–114.

рализм (ст. 13 Конституции РФ), «обуславливают возникновение *представлений об идеальных моделях социального взаимодействия*»¹⁶ и способах *оптимального правового регулирования* общественных отношений на основе баланса публичных и частных интересов.

Итак, обосновав родовые понятия («что?»), обозначив концептуально источник — конституцию (о правовых формах речь пойдет в следующей части) и инструментальную направленность («зачем?»), сформулируем определение конституционных ценностей.

Конституционные ценности — это наиболее значимые для конкретного государственно организованного общества на определенном историческом этапе социальные ценности (цели, приоритеты, принципы организации и деятельности государства), объективированные конституцией, отражающие актуальный цивилизационный выбор страны, выступающие в качестве инструмента государственного целеполагания, имеющие стратегическое (перспективное, программное) значение и направленные на обеспечение оптимального устойчивого развития и сбалансированной конституционно-правовой защиты личности, общества и государства.

Формальный источник vs. правовые формы.

Проблема № 2: формализация конституционных ценностей

Современная теоретико-правовая наука стоит на том постулате, что постановка знака равенства между понятиями источника и формы права не вполне оправданна, хотя и допускается, когда речь идет об источниках права в формально-юридическом смысле. Потому, несмотря на на-

личие сторонников синонимизации форм права с источниками¹⁷, в современной теории права, в частности в ее коммуникативном, интегративном изводе, этот вопрос сопровождается смысловая дихотомия. Предлагается дифференцировать понятия и под *источником* права понимать волю правотворческих субъектов, а *форму* рассматривать как способ внешнего выражения права или своего рода «резервуар, где находятся юридические нормы»¹⁸. Эта логика может быть использована и для решения задачи формализации конституционных ценностей, то есть установления их формальных источников и правовых форм.

Конституция РФ в силу принятия ее на референдуме есть выраженная воля позитивирующего субъекта — народа. Очевидно, в аксиологическом контексте Конституция выступает в качестве формального источника конституционных ценностей. При этом часть конституционных ценностей формализована в тексте конституции (так называемые эксплицитные ценности), а другая часть (имплицитные ценности) формализуется в результате выявления в интерпретационной деятельности органов конституционного контроля и в конституционно-правовой доктрине. Существование конституционных ценностей, таким образом, возможно в силу их выражения посредством определенных правовых форм. Иными словами, роль единого формального *источника* конституционных ценностей выполняет Конституция РФ, а под *формой* — «резервуарами», в которых ценности *воплощаются*, логично понимать «вещественный, наглядный способ выражения социальных ценностей»¹⁹. Принимая во внимание существование как эксплицитно выраженных, так и имплицитных ценностей, правовую форму конституционных ценностей предлагаем определять в качестве способа *воплощения* (в случае прямой формализации конституцией) или *формирования* кон-

¹⁶ Комарова В. В. Наполнение и видовое многообразие правовой категории «конституционные ценности» (конституционно-правовой аспект) // Успехи современного естествознания. 2015. № 1-8. С. 1385.

¹⁷ См., например: Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) М., 2005. С. 67.

¹⁸ Кашанина Т. В. Эволюция форм права // Lex russica. 2011. № 1. С. 34.

¹⁹ Основы аксиологии права : учеб. пособие / Ю. Ю. Ветютнев. Волгоград : Изд-во Волгоградского филиала РАНХиГС, 2013. С. 83.

ституционных ценностей. В последнем случае речь идет о ценностях, выявляемых в практике органов конституционного контроля и конституционно-правовой доктрине.

В литературе встречается точка зрения, что важнейшим юридическим свойством конституционных ценностей является *нормативность*. В обоснование этого свойства приводится, с одной стороны, роль конституции как правового акта, который «воплощает правовые принципы, общечеловеческие идеалы и ценности»²⁰, а с другой — ценностное содержание самой правовой нормы. Не вызывает сомнений тезис о том, что ключевой формой конституционных ценностей являются нормы Конституции. Но здесь возможны две концептуально разные точки зрения. Первая состоит в том, что конституционные ценности выражаются и закрепляются преимущественно посредством конституционных норм наиболее общего, абстрактного характера, таких как нормы-принципы, нормы-цели, нормы-определения²¹. Вторая не отрицает аксиологического наполнения и конкретно-регулятивных конституционных норм. В этом контексте согласимся с В. В. Комаровой в том, что система конституционных ценностей включает в себя не только основы конституционного строя, но и ценности, определяющие организацию государственной власти, которая «выступает в первую очередь в качестве средства создания таких условий развития общества, когда человек, его права и свободы занимают главенствующее место в иерархии социальных ценностей»²². При этом, имея в виду задачу систематизации конституционных ценностей, о чем пойдет речь ниже, следует учитывать первичность и производность ценностно наполненных положений

конституции, а потому заключим, что *в первую очередь* формализация конституционных ценностей обеспечивается нормами общерегулятивного характера. Так или иначе, говоря о конституционных нормах как форме конституционных ценностей, надлежит исходить из *концептуального содержания* конституционных норм.

К самостоятельной правовой форме конституционных ценностей могут быть отнесены решения Конституционного Суда РФ, содержащие правовые позиции. Обоснование их в качестве правовой формы вытекает из признания того, что не все конституционные ценности обнаруживают прямое текстуальное закрепление в нормах Конституции. Существуют имплицитные ценности, выявление и правовое обоснование которых производится в результате интерпретационной деятельности Конституционного Суда; это ценности, уже объективированные конституцией, хотя и не выраженные буквально. Примерами ценностей, сгенерированных Конституционным Судом РФ, являются ценности правовой определенности²³, поддержания баланса публичных интересов государства и частных интересов субъектов правоотношений²⁴, стабильности и определенности правоотношений и иные.

Наконец, конституционно-правовая доктрина выступает в качестве особой формы конституционных ценностей. Речь идет об имплицитных и выявляемых в трудах ученых конституционных ценностях. Взяв в качестве опорного тезиса высказанную В. В. Комаровой идею о том, что конституционные ценности формируются в трудах ученых, обозначим, что в науке не только получают теоретико-методологическое обоснование ценности, прямо обозначенные в конституции

²⁰ Витрук Н. В. Верность Конституции : монография. М. : Изд-во РАП, 2008. С. 113.

²¹ См., например: Таева Н. Е. Указ. соч.

²² Комарова В. В. Конституция страны — ценность государства и общества // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 1 (34). С. 64.

²³ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 6-П // СЗ РФ. 2007. № 22. Ст. 2686 ; постановление Конституционного Суда РФ от 26.11.2012 № 28-П // СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. 6). Ст. 7124 ; постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П // СЗ РФ. 2013. № 8. Ст. 868.

²⁴ Постановление КС РФ от 27.04.2001 № 7-П // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2409 ; постановление Конституционного Суда РФ от 10.04.2003 № 5-П // СЗ РФ. 2003. № 17. Ст. 1656 ; постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 № 9-П // СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. 2). Ст. 3200.

(прежде всего отдельные конституционные права и свободы²⁵), но также формулируются новые конституционные ценности. Справедливо заметить при этом, что единых критериев отнесения тех или иных конституционно значимых явлений к числу конституционных ценностей не существует, в результате чего массив имплицитных конституционных ценностей, получающих воплощение в научных работах, образует крайне эклектичный набор. Среди конституционных ценностей называются: порядок²⁶, плюрализм²⁷, индивидуальная автономия²⁸, уважение к суду²⁹.

Иерархия или сетевая структура? Проблема № 3: систематизация

Настоящий проблемный блок является, пожалуй, наиболее сложным и при этом прагматическим. Сложносоставной характер проблемы систематизации конституционных ценностей можно предполагать из первых двух частей настоящей статьи: проблемы дефиниции и проблемы формализации. Хотя бы тот единственный факт, что в среде ученых отсутствует фундаментальная научная конвенциональность в отношении природы и определения конституционных ценностей, уже является достаточным для некоторого научного пессимизма исследователя, намеревающегося сконструировать

систему конституционных ценностей. Но это и не единственный, хотя и наиболее существенный, фактор. В целом «установление точного набора конституционных ценностей, размещение их в едином нормативном пространстве и построение в иерархическом порядке»³⁰ достаточно нетривиальная задача.

Первым шагом на пути к систематизации является «составление некоего <...> списка ценностно-обоснованных явлений»³¹, однако представить себе полный и закрытый перечень конституционных ценностей практически невозможно, имея в виду, что значительная их доля обладает имплицитностью и получает правовую форму в нормативно-доктринальных и доктринальных источниках. В этом контексте конструктивизация исследования достигается за счет, во-первых, классификации и, во-вторых, поиска системообразующих компонентов, которые, отвечая критериям объективности, обоснованности и относительной стабильности, не только умозрачительно, но и практически обеспечивают целостность и непротиворечивость всей системе.

Относительно классификации в литературе встречается широкое разнообразие теоретико-методологических подходов: от простого перечисления³², которое, по существу, классификацией не является, до попыток обобщить видное многообразие ценностей в соответствии с различными основаниями.

²⁵ См., например: Колоцей И. А. Указ. соч. ; Хурматуллина А. М. Право на труд как конституционная ценность и его обеспечение в субъектах Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015.

²⁶ Мамут Л. Порядок — конституционная ценность // Конституционные ценности в теории и судебной практике : сборник докладов. М. : Институт права и публичной политики, 2009. С. 109–116.

²⁷ Нуссбергер А. Плюрализм — конституционная ценность // Конституционные ценности в теории и судебной практике : сборник докладов. С. 119–133.

²⁸ Уитц Р., Шалат О. Индивидуальная автономия как конституционная ценность: пересмотр фундаментальных положений // Конституционные ценности в теории и судебной практике : сборник докладов. С. 134–171.

²⁹ Лесив Б. В. Уважение к суду как конституционная ценность: формирование доктрины // Судья. 2019. № 9 (105). С. 32–40.

³⁰ Красс В. И. Теория конституционного правопользования. М. : Норма, 2007. С. 189–195.

³¹ Рудт Ю. А. Указ. соч. С. 20.

³² См., например: Авакьян С. А. Глобализация, общие конституционные ценности и национальное регулирование // Социальные интересы. 2001. № 4. С. 44–47 ; Зорькин В. Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 6.

Так, Ю. А. Рудт предлагает классифицировать конституционные ценности по следующим критериям:

1) по допустимости ограничений: абсолютные (не подлежащие ограничениям) и относительные (потенциально ограничиваемые);

2) по связи с общественными отношениями: идеальные (эйдетические) и реальные (контекстуальные);

3) по степени значимости: исходные и производные конституционные ценности³³.

Автор также предлагает дифференцировать национальные и наднациональные конституционные ценности.

Н. Э. Несмеянова также подходит к классификации конституционных ценностей с точки зрения разных критериев, предлагая выделять ценности:

1) по видовому признаку: ценность человека, его прав и свобод; ценности, определяющие основы конституционного строя России, учитывая приоритет норм гл. 1 Конституции; ценности преамбулы и ценности иных глав Конституции;

2) по уровню правовой защиты («Ценности могут быть под защитой конституции или международных договоров»³⁴);

3) исходя из интересов субъектов (ценности публичные и частные);

4) по уровню обобщенности (конкретные и абстрактные);

5) по объекту усвоения (материальные и процессуальные ценности);

6) по субъекту (личные, коллективные, общечеловеческие).

С нашей точки зрения, наиболее универсальным и всеохватывающим можно признать

деление конституционных ценностей исходя из сферы правоотношений по аналогии с классической теоретической группировкой основ конституционного строя. Например, О. В. Казанцева пишет: «Есть политические, экономические, социальные, духовные конституционные ценности»³⁵, а К. М. Худолей, руководствуясь основанием классификации в зависимости от сферы правоотношений, предлагает распределить конституционные ценности в рамках пяти групп³⁶: личные блага; блага государственности; ценности экономической сферы общества; ценности социальной и культурной сферы общества.

Этот подход пока вынесем за скобки, он будет полезен нам в дальнейшем, когда речь пойдет собственно о системе конституционных ценностей и системообразующих ценностях.

Предваряя конструирование системы посредством наполнения ее элементами, рассмотрим наиболее дискуссионный вопрос об иерархичности системы конституционных ценностей, основываясь на Конституции РФ³⁷.

Иерархия предполагает упорядоченность элементов в рамках четкой вертикальной структуры, наличие различных уровней: от высших к низшим и в известном смысле подчинение элементов, находящихся в нижней части пирамиды, вышестоящим элементам. Долгое время в литературе по конституционной аксиологии превалирующей оставалась точка зрения на систему ценностей в Конституции РФ как иерархическую³⁸. Ключевым аргументом в этом подходе традиционно выступает статья 2 Конституции РФ, которая закрепляет, что выс-

³³ Рудт Ю. А. Указ. соч. С. 12.

³⁴ Несмеянова С. Э. К вопросу об иерархии конституционных ценностей // Legal Concept. 2017. № 4. С. 73.

³⁵ Казанцева О. Л., Рудт Ю. А., Воробьев М. Н. Конституционные ценности: современный опыт России и зарубежных стран : монография. Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2013. С. 30.

³⁶ Худолей К. М. Иерархия конституционных ценностей в странах СНГ и Балтии // Ex iure. 2020. № 2. С. 23.

³⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

³⁸ См., например: Авдеев Д. А. Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6. № 2 (22). С. 73–91 ; Шустров Д. Г. Иерархия конституционных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6. С.

шей ценностью являются человек, его права и свободы. Логика следующая: если есть высшая ценность — есть и иерархия. Более подробное обоснование иерархии размывается крайне неубедительными попытками упорядочения остальных конституционных ценностей в последовательную и непротиворечивую вертикаль. В качестве решения предлагается либо вновь (как и в случае с классификацией) прибегнуть к методу простого перечисления, либо сгруппировать, а фактически классифицировать все остальные ценности, избрав предпочтительный критерий либо несколько критериев, о чем мы писали выше.

В этом контексте интерес представляет идея А. А. Кондрашева показать конституционные ценности как иерархию посредством следующей концептуальной классификации всех ценностей :

1) на «надконституционные» ценности (например, справедливость), которые не имеют нормативного содержания;

2) конституционные, фундаментальные ценности, относящиеся к основам конституционного строя;

3) «подконституционные» ценности, являющиеся производными от содержания фундаментальных ценностей, они обнаруживаются в ходе доктринального толкования;

4) ценности судебного истолкования (например, правовая определенность)³⁹.

В некотором смысле здесь наблюдается авторская интерпретация эксплицитных и имплицитных ценностей, но, строго говоря, собственно конституционными и одновременно эксплицитными, согласно этой модели, являются только ценности в рамках основ конституционного строя. Неужели все они (а не только статья 2), будучи фундаментальными, являются

высшими или если, по логике автора, над ними располагаются «надконституционные» ценности, то какова в конечном счете иерархия конституционных ценностей?

Противоположной точкой зрения, получающей всё больше сторонников среди исследователей в последние годы, является своего рода аннигиляция иерархии. Так, Ю. Ю. Ветютнев замечает, что «декларация о высшей ценности человека, его прав и свобод, опровергается самим конституционным текстом»⁴⁰, поскольку если бы человек, его права и свободы действительно были высшей ценностью, их ограничение в пользу иных благ (речь о ст. 55 Конституции) было бы невозможно, а значит, сама идея иерархии конституционных ценностей крайне неудачна. А Е. В. Виноградова пишет: «Все ценности, определяемые как конституционные, имеют одинаково высокий статус»⁴¹, в другой работе автор обосновывает позицию о равенстве элементов единой системы конституционных ценностей⁴². Вместе с тем справедливо заметить, что, отрицая иерархический характер системы и подчеркивая казуальность при выявлении значимости («степени ценности»), автор не предлагает альтернативную модель.

Безусловно, конституционные ценности не существуют в атомарном измерении. Явления правовой действительности, которые тем или иным способом обретают форму и могут быть аксиологически обоснованы, составляют не случайный набор, они образуют систему, однако иерархичность не является ее ключевым свойством, хотя и не может быть отринута совершенно. Согласимся, что наличие в Конституции РФ как минимум одной ценности, названной высшей, задает некую вертикальность системе. Кроме того (это свойственно многоуровневым нелинейным системам), в аксиологической ком-

³⁹ Кондрашев А. А. Конституционные ценности в современном российском государстве: о конфликтах и девальвациях // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1. С. 6–13.

⁴⁰ Принцип законности: современные интерпретации : монография / под общ. ред. М. А. Беляева, В. В. Денисенко, А. А. Малиновского. М. : Проспект, 2019. С. 111.

⁴¹ Виноградова Е. В. К вопросу об иерархии системы конституционных ценностей // Образование и право. 2022. № 2. С. 150.

⁴² Виноградова Е. В. Конституционные ценности — система без иерархии // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 3. С. 78–82.

позиции Конституции ценности, во-первых, находятся во взаимосвязи и взаимообусловленности и, во-вторых, не могут подменять одна другую, а должны сосуществовать в балансе. Такое видение системы не предполагает линейного подчинения, четкой субординации ценностей, однако само существование системы не было бы возможным без наличия краеугольных, или системообразующих, элементов (ценностей).

Системообразующие конституционные ценности придают *цельность* всей системе ценностей, объективированных Конституцией РФ. Они могут быть определены как базисные (первоосновные) конституционные ценности, составляющие ядро системы ценностей, определяющие цели и приоритеты, а также основополагающие принципы организации и деятельности общества и государства. Системообразующие конституционные ценности обуславливают развитие всех сфер жизни общества и государства: политической, социально-экономической и духовно-нравственной, они находятся во взаимосвязи и обеспечивают единство всей системы конституционных ценностей, в том числе с учетом имплицитных ценностей, еще не получивших правовую форму выражения. К их числу мы относим ценности, содержащиеся в нормах Конституции РФ об основах конституционного строя (гл. 1). Формально-юридическим основанием такого подхода является особый (не изменяемый иначе как в порядке пересмотра всей Конституции) юридический статус норм гл. 1, а потому согласимся, что закрепленные в ее статьях ценности «перевешивают любые конституционные и иные ценности правовой системы»⁴³.

Предлагаем следующий перечень системообразующих ценностей в системе конституционных ценностей Российской Федерации:

а) *высшая* ценность *человека*, его прав и свобод (ст. 2);

б) системообразующие ценности *суверенной государственности* (демократическая и правовая государственность (ст. 1), народный суверенитет, народовластие (ст. 3), государственный суверенитет, территориальная целостность (ст. 4));

в) системообразующие *социально-экономические ценности* (ценность социальной государственности (ст. 7); ценности рыночной экономики (ст. 8));

г) системообразующие *духовно-нравственные ценности* (идеологический и политический плюрализм (ст. 13), светская государственность (ст. 14)).

Аксиологический анализ Конституции РФ не будет полным без учета преамбулы, безусловно имеющей ценностное наполнение. Как отмечает Н. С. Бабурин, конституция должна отражать в концентрированном виде смысл прошлого пути народа, давать правовую основу ответов на вызовы современности и «быть фундаментом развития общества в будущем»⁴⁴. Именно преамбула в первую очередь формализует ценности, отражающие цивилизационный выбор государства. Импонирует подход О. Г. Румянцев, который предлагает рассматривать ценности преамбулы Конституции РФ в рамках пяти блоков: нравственные ценности, ценности социального мира, ценности демократии и государственности, ценности патриотизма, ценности благополучия⁴⁵.

Возвращаясь к вопросу о модели системы конституционных ценностей Российской Федерации, отметим открытость каталога ценностей и связь его наполнения с актуальной правовой реальностью, обусловленной историческим и социально-политическим контекстом. Важным фактором наполнения этого каталога со стороны эксплицитных ценностей является преобразование конституционного текста. Так, нельзя не принять во внимание, что по итогам конституци-

⁴³ Шустров Д. Г. Пределы изменения конституции и конституционный контроль за их соблюдением : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 349.

⁴⁴ Бабурин С. Н. Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма : монография / предисл. И. М. Рагимова. М. : Норма, 2020. С. 221.

⁴⁵ Румянцев О. Г. Основы конституционного строя России: понятие, содержание, вопросы становления. М. : Юрист, 1994. С. 39–41.

онной реформы 2020 г. перечень закрепленных нормами Конституции РФ ценностей пополнился такими объектами конституционной защиты, как память и идеалы предков, вера в Бога, память защитников Отечества, подвиг народа при защите Отечества, историческая правда, тысячелетняя история, преемственность в развитии страны, в частности правопреемство от Советского Союза, государственное единство, дети как приоритет государственной политики (ст. 67.1); благосостояние граждан, взаимное доверие государства и общества, уважение человека труда, сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность (ст. 75.1) и пр. Заметим, что, хотя многие из обозначенных понятий нуждаются в критическом междисциплинарном осмыслении научным сообществом и социальной легитимации в их восприятии (в противном случае они могут сыграть не солидаризирующую, а разъединяющую роль), эти понятия со всей очевидностью обладают ценностным зарядом. По крайней мере, в аксиологическом наполнении указанных явлений и их конституционализации состояла одна из целей конституционной реформы.

С точки зрения расширения каталога ценностей посредством артикуляции имплицитных ценностей большая роль принадлежит Конституционному Суду РФ. Выявляя конституционно-правовой смысл положений Конституции, Суд формулирует ценности, вытекающие из «духа Конституции» и обусловленные общественно-политической повесткой. Например, в получившем резонанс определении от 30.05.2023 № 1398-О Суд именует конституционной ценностью «государство, образованное многонациональным народом Российской Федерации в

определенных им параметрах»⁴⁶, а также подчеркивает, что ценностями являются правопорядок, общественный порядок и безопасность. Очевидно, в конкретной рассматриваемой правовой позиции конституционные ценности, инспирированные публичными интересами, одержали верх над ценностями частного характера — субъективными правами человека, которые согласно ст. 2 Конституции, как и сам человек, являются высшей ценностью (по мнению заявителя, оспариваемой нормой законодательства нарушались, в частности, права на свободу совести, мысли и слова, свободу собраний, принцип равенства и запрет дискриминации).

Рассмотренное позволяет утверждать о *потенциальной множественности иерархий конституционных ценностей или гетерархичности системы конституционных ценностей*⁴⁷. Не только практика конституционного судопроизводства, но и сам текст Конституции свидетельствует в пользу данного вывода. Так, пункт 3 ст. 55 Конституции гласит, что права и свободы человека и гражданина (*суть высшая ценность*) при соблюдении определенных условий могут быть ограничены в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. В этом отношении В. В. Комарова замечает, что «устанавливая правило, согласно которому существует возможность ограничения всех прав и свобод человека и гражданина <...> в той мере, в какой это необходимо в целях защиты»⁴⁸ иных благ, конституционный законодатель относит последние в разряд конституционных ценностей.

В конституционной аксиологии эти блага предлагается именовать *приоритетными ценностями*⁴⁹.

⁴⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 1398-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яшина Ильи Валерьевича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-30052023-n-1398-o/> (дата обращения: 14.07.2023).

⁴⁷ Подробнее о гетерархичности системы конституционных ценностей см.: Бурла В. М. Указ. соч. С. 87–90.

⁴⁸ Социальное благополучие человека: правовые параметры : сборник статей / отв. ред. В. В. Комарова. М. : Норма : Инфра-М, 2020. С. 34.

⁴⁹ См., например: Арбузкин А. М. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью? // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 2. С. 18–25.

Подводя итог рассмотрению проблематики систематизации конституционных ценностей, представим собственное видение системы ценностей в Конституции РФ, которая включает:

- 1) ценности конституционной преамбулы;
- 2) системообразующие ценности (содержатся в нормах гл. 1), а также ценности, содержащиеся в имеющих концептуальное аксиологическое наполнение общерегулятивных и конкретно-регулятивных нормах иных глав Конституции;
- 3) приоритетные ценности — объекты конституционной защиты, названные в ст. 55 в качестве благ, в пользу которых допускается ограничение прав и свобод человека (высшей ценности);
- 4) имплицитно содержащиеся в конституционных нормах ценности, получающие правовую форму в нормативно-доктринальных и доктринальных источниках.

Заключение

Исследование системы конституционных ценностей не может носить завершённый характер в

силу ее открытости и динамизма, обусловленного подвижностью социальных оценок, политическим контекстом, этапом исторического развития страны и, как следствие, преобразованием конституционного текста. Даже системообразующие ценности, несмотря на особую юридическую жесткость норм гл. 1 Конституции РФ, не являются категорически неизменяемыми: глава 9 содержит соответствующий механизм пересмотра Конституции.

Действительно, «не всё “вечное” — неизменно»⁵⁰, и масштабная реформа 2020 г., результатом которой стали 206 поправок, внесенных в конституционный текст, в будущем, возможно, будет рассматриваться лишь в качестве трамплина к новой конституции. Дискуссии об этом идут сегодня⁵¹ и заслуживают пристального внимания и неравнодушного участия профессионального сообщества. Принятие новой конституции, в свою очередь, является закономерным следствием коренных изменений в социально-политической жизни страны, связано с переоценкой приоритетов, целей, принципов развития государства и общества и неизбежно ведет к трансформации системы конституционных ценностей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Автономов А. С. Системность категорий конституционного права : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1999. — 361 с.
2. Бабурин С. Н. Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма : монография / предисл. И. М. Рагимова. — М. : Норма, 2020. — 536 с.
3. Богданова Н. А. Система науки конституционного права : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2001. — 334 с.
4. Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия = Axiology of judicial constitutionalism: constitutional values in the theory and practice of constitutional law. — 2-е изд., доп. — М. : Юрист, 2014. — 184 с.

⁵⁰ Бондарь Н. С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. № 6. С. 21.

⁵¹ Об этом подробнее: Авакьян С. А. О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2023. № 1. С. 3–21; Бабурин С. Н. Конституционная реформа 2020 года в Российской Федерации как путь укрепления нации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 3–6; Клеандров М. И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // Государство и право. 2022. № 1. С. 7–18.

5. *Бондарь Н. С.* «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. — 2020. — № 6. — С. 20–34.
6. *Бурла В. М.* Система ценностей в конституциях государств — членов Содружества Независимых Государств : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2022. — 221 с.
7. *Виноградова Е. В.* К вопросу об иерархии системы конституционных ценностей // Образование и право. — 2022. — № 2. — С. 149–153.
8. *Витрук Н. В.* Верность Конституции : монография — М. : Изд-во РАП, 2008. — 272 с.
9. *Ереклинцева Е. В.* Суверенитет и демократия как конституционные ценности современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2010. — 25 с.
10. *Казанцева О. Л., Рудт Ю. А., Воробьев М. Н.* Конституционные ценности: современный опыт России и зарубежных стран : монография. — Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2013. — 136 с.
11. *Карасёва И. А.* Конкуренция конституционных ценностей в практике Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных судов зарубежных стран : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2014. — 30 с.
12. *Кашанина Т. В.* Эволюция форм права // Lex russica. — 2011. — № 1. — С. 34–53.
13. *Клочко Е. И.* Конституционные ценности в доктрине конституционного права и практике конституционной юстиции : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2018. — 184 с.
14. *Комарова В. В.* Конституция страны — ценность государства и общества // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2019. — № 1 (34). — С. 62–66.
15. *Комарова В. В.* Наполнение и видовое многообразие правовой категории «конституционные ценности» (конституционно-правовой аспект) // Успехи современного естествознания. — 2015. — № 1-8. — С. 1385–1387.
16. *Кондрашев А. А.* Конституционные ценности в современном Российском государстве: о конфликтах и девальвациях // Конституционное и муниципальное право. — 2017. — № 1. — С. 6–13.
17. *Крусс В. И.* Теория конституционного правопользования. — М. : Норма, 2007. — 752 с.
18. *Несмеянова С. Э.* К вопросу об иерархии конституционных ценностей // Legal Concept. — 2017. — № 4. — С. 71–74.
19. Основы аксиологии права : учеб. пособие / Ю. Ю. Ветютнев. — Волгоград : Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2013. — 92 с.
20. Принцип законности: современные интерпретации : монография / под общ. ред. М. А. Беляева, В. В. Денисенко, А. А. Малиновского. — М. : Проспект, 2019. — 168 с.
21. *Ройзман Г. Б.* Ценности в конституционном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2012. — 25 с.
22. *Рудт Ю. А.* Баланс конституционных ценностей в доктрине конституционного права и практике органов конституционной юстиции Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2019. — 220 с.
23. *Румянцев О. Г.* Основы конституционного строя России: понятие, содержание, вопросы становления. — М. : Юрист, 1994. — 288 с.
24. Современный российский конституционализм: проблемы становления и перспективы развития : монография / отв. ред. В. В. Комарова, Г. Д. Садовникова. — М. : Норма : Инфра-М, 2018. — 448 с.
25. Социальное благополучие человека: правовые параметры : сборник статей / отв. ред. В. В. Комарова. — М. : Норма : Инфра-М, 2020. — 240 с.
26. *Таева Н. Е.* Ценностное содержание и прямое действие конституционных норм // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2014. — № 11. — С. 112–119.

27. Худoley К. М. Иерархия конституционных ценностей в странах СНГ и Балтии // *Ex jure*. — 2020. — № 2. — С. 19–30.
28. Шустров Д. Г. Пределы изменения конституции и конституционный контроль за их соблюдением : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2021. — 570 с.

Материал поступил в редакцию 14 июля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avtonomov A. S. Sistemnost kategoriy konstitutsionnogo prava: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 1999. — 361 s.
2. Baburin S. N. Nравственное государство: russkiy vzglyad na tsennosti konstitutsionalizma: monografiya / predisl. I. M. Ragimova. — M.: Norma, 2020. — 536 s.
3. Bogdanova N. A. Sistema nauki konstitutsionnogo prava: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2001. — 334 s.
4. Bondar N. S. Aksiologiya sudebnogo konstitutsionalizma: konstitutsionnye tsennosti v teorii i praktike konstitutsionnogo pravosudiviya = Axiology of judicial constitutionalism: constitutional values in the theory and practice of constitutional law. — 2-e izd., dop. — M.: Yurist, 2014. — 184 s.
5. Bondar N. S. «Vechnye» konstitutsionnye idealy: naskolko oni neizmenny v menyayushchemsya mire? // *Gosudarstvo i pravo*. — 2020. — № 6. — S. 20–34.
6. Burla V. M. Sistema tsennostey v konstitutsiyakh gosudarstv — chlenov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2022. — 221 s.
7. Vinogradova E. V. K voprosu ob ierarkhii sistemy konstitutsionnykh tsennostey // *Obrazovanie i pravo*. — 2022. — № 2. — S. 149–153.
8. Vitruk N. V. Vernost Konstitutsii: monografiya — M.: Izd-vo RAP, 2008. — 272 s.
9. Ereklintseva E. V. Suverenitet i demokratiya kak konstitutsionnye tsennosti sovremennoy Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Chelyabinsk, 2010. — 25 s.
10. Kazantseva O. L., Rudt Yu. A., Vorobev M. N. Konstitutsionnye tsennosti: sovremennyy opyt Rossii i zarubezhnykh stran: monografiya. — Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo universiteta, 2013. — 136 s.
11. Karaseva I. A. Konkurentsia konstitutsionnykh tsennostey v praktike Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii i konstitutsionnykh sudov zarubezhnykh stran: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2014. — 30 s.
12. Kashanina T. V. Evolyutsiya form prava // *Lex russica*. — 2011. — № 1. — S. 34–53.
13. Klochko E. I. Konstitutsionnye tsennosti v doktrine konstitutsionnogo prava i praktike konstitutsionnoy yustitsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2018. — 184 s.
14. Komarova V. V. Konstitutsiya strany — tsennost gosudarstva i obshchestva // *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. — 2019. — № 1 (34). — S. 62–66.
15. Komarova V. V. Napolnenie i vidovoe mnogoobrazie pravovoy kategorii «konstitutsionnye tsennosti» (konstitutsionno-pravovoy aspekt) // *Uspekhi sovremennoy estestvoznaniya*. — 2015. — № 1-8. — S. 1385–1387.
16. Kondrashev A. A. Konstitutsionnye tsennosti v sovremennoy Rossiyskom gosudarstve: o konfliktakh i devalvatsiyakh // *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*. — 2017. — № 1. — S. 6–13.
17. Kruss V. I. Teoriya konstitutsionnogo pravopolzovaniya. — M.: Norma, 2007. — 752 s.
18. Nesmeyanova S. E. K voprosu ob ierarkhii konstitutsionnykh tsennostey // *Legal Concept*. — 2017. — № 4. — S. 71–74.
19. Osnovy aksiologii prava: ucheb. posobie / Yu. Yu. Vetyutnev. — Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS, 2013. — 92 s.

20. Printsip zakonnosti: sovremennye interpretatsii: monografiya / pod obshch. red. M. A. Belyaeva, V. V. Denisenko, A. A. Malinovskogo. — M.: Prospekt, 2019. — 168 s.
21. Royzman G. B. Tsennosti v konstitutsionnom prave Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Chelyabinsk, 2012. — 25 s.
22. Rudt Yu. A. Balans konstitutsionnykh tsennostey v doktrine konstitutsionnogo prava i praktike organov konstitutsionnoy yustitsii Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — Omsk, 2019. — 220 s.
23. Rumyantsev O. G. Osnovy konstitutsionnogo stroya Rossii: ponyatie, sodержanie, voprosy stanovleniya. — M.: Yurist, 1994. — 288 s.
24. Sovremennyy rossiyskiy konstitutsionalizm: problemy stanovleniya i perspektivy razvitiya: monografiya / otv. red. V. V. Komarova, G. D. Sadovnikova. — M.: Norma: Infra-M, 2018. — 448 s.
25. Sotsialnoe blagopoluchie cheloveka: pravovye parametry: sbornik statey / otv. red. V. V. Komarova. — M.: Norma: Infra-M, 2020. — 240 s.
26. Taeva N. E. Tsennostnoe sodержanie i pryamoe deystvie konstitutsionnykh norm // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. — 2014. — № 11. — S. 112–119.
27. Khudoley K. M. Ierarkhiya konstitutsionnykh tsennostey v stranakh SNG i Baltii // Ex jure. — 2020. — № 2. — S. 19–30.
28. Shustrov D. G. Predely izmeneniya konstitutsii i konstitutsionnyy kontrol za ikh soblyudeniem: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2021. — 570 s.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.027-043

Б. В. Россинский*

Значение структуры федеральных органов исполнительной власти в государственном управлении

Аннотация. В статье показано, что действующая система федеральных органов исполнительной власти, будучи абстрактной категорией, претворяется в жизнь лишь посредством функционирования конкретной структуры этих органов. Как совокупность реальных субъектов, данная структура материализует заложенную в системе федеральных органов исполнительной власти управленческую стратегию, которая, однако, не возникает хаотично, а формируется в процессе развития системы органов и их соответствующей структуры. Рассмотрена динамика построения системы и структуры центральных исполнительных органов в СССР и федеральных органов исполнительной власти в Российской Федерации. Проанализированы достоинства и недостатки соответствующих систем и структур, существовавших в постсоветской России до 2004 г., а также действующих в настоящее время. Исследованы информационные проблемы современной модели федеральных исполнительных органов, виды и особенности свойственных ей каналов связи. Утверждается, что характер информационных связей между элементами системной структуры определяет степень устойчивости самой структуры и, как следствие, всего механизма государственного управления, т.е. вероятность их сохранения или разрушения. Сделан вывод, что значение структуры федеральных органов исполнительной власти состоит не только в оптимизации управленческой деятельности, но и в формировании такой конфигурации каналов информационной связи в конкретной системе исполнительных органов, которая создает устойчивость функционирования всего механизма государственного управления.

Ключевые слова: система федеральных органов исполнительной власти; структура федеральных органов исполнительной власти; государственное управление; децентрализация государственного управления; оптимизация государственного управления; федеральные министерства; федеральные агентства; федеральные службы; информационные каналы прямой связи; информационные каналы обратной связи; конфигурация каналов информационной связи; простая прямая связь; параллельная распределительная прямая связь; параллельная соединительная прямая связь; устойчивость структуры федеральных органов исполнительной власти.

Для цитирования: Россинский Б. В. Значение структуры федеральных органов исполнительной власти в государственном управлении // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 3. — С. 27–43. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.027-043.

© Россинский Б. В., 2024

* *Россинский Борис Вульфович*, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
boris.rossinskiy@gmail.com

The Importance of the Structure of Federal Executive Authorities in Public Administration

Boris V. Rossinskiy, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Administrative Law and Procedure, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
boris.rossinskiy@gmail.com

Abstract. The paper shows that the current system of federal executive authorities, being an abstract category, is implemented only through the functioning of a specific structure of these bodies. As a set of real subjects, this structure materializes the management strategy embedded in the system of federal executive authorities, which, however, does not arise chaotically, but is formed in the process of development of the system of bodies and their corresponding structure. The paper examines the dynamics of the system and structure of the central executive bodies in the USSR and federal executive authorities in the Russian Federation. The author has analyzed the advantages and disadvantages of corresponding systems and structures that existed in post-Soviet Russia before 2004, as well as structures functioning currently. The information problems of the modern model of federal executive bodies, types and features of communication channels peculiar to the system under consideration have been analyzed. It is argued that the nature of information links between the elements of the system structure determines the degree of stability of the structure itself and, as a result, the entire mechanism of public administration, i.e., the probability of their preservation or destruction. It is concluded that the importance of the structure of federal executive authorities is explained not only in optimizing management activities, but also in forming such a configuration of information communication channels in a specific system of executive bodies that stabilizes the functioning of the entire mechanism of public administration.

Keywords: system of federal executive authorities; structure of federal executive authorities; public administration; decentralization of public administration; optimization of public administration; federal ministries; federal agencies; federal services; information channels of direct communication; information feedback channels; configuration of information communication channels; simple direct communication; parallel distributive direct communication; parallel connecting direct communication; stability of the structure of federal executive authorities.

Cite as: Rossinskiy BV. The Importance of the Structure of Federal Executive Authorities in Public Administration. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(3):27-43. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.027-043

В 2024 г. исполняется 20 лет действующей в России системе федеральных органов исполнительной власти и перманентному процессу формирования на ее основе структуры данных органов¹. Известно, что основной концепцией построения этой системы являлось разделение нормотворческих функций, контрольно-надзорных функций, а также функций по управлению государственным имуществом и оказанию государственных услуг по разным видам исполнительных органов: федеральным министерствам, федеральным службам и федеральным агентствам. Подобным решением предполагалось устранить монополизм одного органа исполнительной власти (федерального

министерства) в управлении отраслями хозяйства страны с целью повышения эффективности государственного управления в целом.

Но эта концепция, будучи, как и любая идеология, определенной абстракцией, воплощается в жизнь лишь посредством функционирования конкретных материальных образований. Одним из таких важнейших образований в механизме государственного управления является структура федеральных органов исполнительной власти. Как совокупность реальных субъектов, данная структура материализует заложенную в системе федеральных органов исполнительной власти управленческую стратегию, которая, однако, не возникает хаотично, а формируется

¹ Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 2004. № 11. Ст. 945.

в процессе развития системы органов и их соответствующей структуры. В этой связи разобратся в особенностях структуры федеральных органов исполнительной власти, понять ее предназначение в механизме государственного управления невозможно без ретроспективного рассмотрения динамики не только самой структуры, но и ее идеологической основы — системы федеральных органов исполнительной власти.

Действующая в настоящее время система федеральных органов исполнительной власти явилась результатом развития вариантов построения центральных исполнительных органов в СССР² и Российской Федерации за предыдущие 80 лет. Конечно, основными союзными отраслевыми исполнительными органами (органами государственного управления) были министерства СССР³, хотя имелись и некоторые органы отраслевой и межотраслевой компетенции с другим названием, но всё равно работающие на правах министерств⁴. В частности, с фактической ликвидацией союзной министерской системы в условиях известной реформы по децентрализации управления 1957–1964 гг. возникли серьезные проблемы в отраслях хозяйства, которые неизбежно обусловили обратный процесс — восстановление ряда союзных органов, правда теперь уже в виде государственных комитетов СССР. Некоторые из этих комитетов после 1964 г. были вновь преобразованы в министерства, а часть государственных комитетов продолжала

существовать параллельно с министерствами до конца советской государственности⁵. Однако, несмотря на два вида союзных отраслевых исполнительных органов (их двухзвенную структуру), в стране всегда существовала одноступенчатая (или одноуровневая) система⁶ этих органов, ибо они не находились в субординационном подчинении друг другу, а при жестком централизме в государственном управлении подчинялись единому центру — исключительно Совету Министров СССР⁷.

Подчеркнем, что одноступенчатая система центральных исполнительных органов существовала только в отношении отраслевых и межотраслевых органов государственного управления. В целом для центральных исполнительных органов система являлась двухступенчатой, на ее высшем уровне находился Совет Министров СССР. Естественно, общая система исполнительного механизма в стране с учетом республиканских (союзных и автономных) образований, местных (краевых, областных, районных, городских, сельских и др.) органов государственного управления, исходя из вертикального субординационного принципа их построения, была многоступенчатой.

При создании российской государственности был взят курс не только на расширение круга федеральных органов исполнительной власти (как и перечня их названий), но и на формирование такой системы этих органов, которая позволяла бы им в условиях децентрализации

² Здесь и в дальнейшем с учетом современной терминологии мы будем называть такие советские органы исполнительными, хотя в конституциях СССР и законодательстве они назывались исполнительными и распорядительными органами.

³ До 1946 г. — народные комиссариаты (наркоматы) СССР.

⁴ Например, Всесоюзный комитет по высшей школе при Совете Народных Комиссаров СССР (1932–1946 гг.), Государственный плановый комитет СССР (1923–1991 гг.), Государственный комитет СССР по делам строительства, впоследствии — Государственный комитет СССР (1950–1991 гг.), Комитет государственной безопасности СССР (1954–1991 гг.), Центральное статистическое управление (1923–1991 гг.).

⁵ Отметим, что в 1970–1980 гг. образовалось еще несколько новых исполнительных органов в форме государственных комитетов. Например, Государственный комитет СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли (1972–1989 гг.), Государственный агропромышленный комитет СССР (1985–1989 гг.).

⁶ В литературе нередко это ошибочно называют однозвенной системой.

⁷ Подробный историографический анализ изменений в советской системе органов государственного управления сделан в работе Т. П. Коржихиной «Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. — декабрь 1991 г.» (М.: РГГУ, 1994).

управления эффективно взаимодействовать вне зависимости от иерархического положения в данной системе. Попытка решения названных задач была предпринята менее чем через год после распада СССР⁸, и, как часто бывает, «первый блин» оказался «комом». И дело даже не в том, что Верховный Совет Российской Федерации предложил Президенту РФ приостановить действие двух указов, принятых им в сентябре 1992 г.⁹, а в том, что определенный ими круг центральных органов исполнительной власти (министерство РФ, государственный комитет РФ, комитет РФ, федеральная служба, российское агентство, федеральная инспекция) оказался непривычно широким, причем никак научно не обоснованным. Тем не менее система из 6 федеральных органов исполнительной власти¹⁰, а также соответствующие ей структуры этих органов просуществовали более 10 лет. В определенной мере это замедлило развитие всего механизма государственного управления.

Однако упомянутые выше указы Президента РФ № 1147 и 1148 сыграли немалую положительную роль в становлении как системы, так и структуры исполнительной власти в стране. Прежде всего, до Указа № 1148 не было законодательного закрепления понятия структуры исполнительных органов. Даже в последней редакции Конституции СССР (после внесения в нее изменений и дополнений в декабре 1988 г.) в ст. 113 лишь указывалось, что Верховный Совет

СССР образует и упраздняет министерства СССР и государственные комитеты СССР¹¹. А в ст. 19 Закона СССР «О Совете Министров СССР» говорилось, что Совет Министров СССР вносит предложения об образовании и упразднении министерств и государственных комитетов¹². Упоминания же о структуре республиканских исполнительных органов как единого управленческого образования не было ни в Конституции РСФСР, ни в редакции Конституции РФ, действовавшей с апреля 1992 г., в ст. 130 которой упоминалась только структура самого Совета Министров РФ¹³. Рассмотрению вопросов структуры исполнительных органов как единого управленческого образования не уделялось внимание и в научной литературе.

Конечно, в обыденном понимании слово «структура» ассоциируется с взаиморасположением составных частей какого-либо комплекса, его внутренним строением, но применительно к совокупности исполнительных органов это нигде не определялось. А в Указе Президента РФ № 1148 впервые, хотя и завуалированно, лишь своим содержанием, но тем не менее в определенной мере было прояснено, что является структурой федеральных органов исполнительной власти. Только после этого термин «структура федеральных органов исполнительной власти» был включен в ст. 112 Конституции РФ¹⁴ и начал активно использоваться в законодательстве¹⁵.

⁸ Указ Президента РФ от 30.09.1992 № 1147 «О системе центральных органов федеральной исполнительной власти» // СЗ РФ. 1992. № 14. Ст. 1090; Указ Президента РФ от 30.09.1992 № 1148 «О структуре центральных органов федеральной исполнительной власти» // СЗ РФ. 1992. № 14. Ст. 1091.

⁹ Постановление Верховного Совета РФ от 06.10.1992 № 3598-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 42. Ст. 2337.

¹⁰ Напомним, что в советской государственности до конца 1950-х гг. был только один вид союзных органов — министерство (наркомат), а потом система стала двухзвенной, включавшей министерства и государственные комитеты.

¹¹ Закон СССР от 01.12.1988 № 9853-XI «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) СССР» // Ведомости ВС СССР. 1988. № 49. Ст. 727.

¹² Закон СССР от 05.07.1978 № 7765-IX «О Совете Министров СССР» // Ведомости ВС СССР. 1978. № 28. Ст. 436.

¹³ Конституция (Основной Закон) Российской Федерации — России // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 20. Ст. 1084.

¹⁴ В первой части статьи определено, что Председатель Правительства РФ представляет Президенту РФ предложения о структуре федеральных органов исполнительной власти (Российская газета. № 237 (853). 25.12.1993).

Параллельно структура данных органов понемногу стала рассматриваться в научных публикациях, хотя достаточно серьезного отношения к этой проблеме не наблюдалось. Например, авторы первого комментария к Конституции РФ¹⁶, подготовленного по горячим следам после ее принятия в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, рассматривая ст. 112, хотели детальнее прояснить, что следует понимать под структурой данных органов. Однако их определение, по нашему мнению, оказалось не очень удачным, запутанным, в частности, авторам не удалось обосновать причины отождествления в законодательстве федеральных и центральных исполнительных органов. А в специальном Энциклопедическом словаре, посвященном терминам Конституции РФ¹⁷, понятие структуры федеральных органов исполнительной власти вообще не рассматривалось.

К счастью, с годами ситуация исправляется. Например, в наше время указанное положение ст. 112 Конституции РФ получило развитие в ст. 83 новой редакции Конституции РФ¹⁸, согласно которой Президент РФ утверждает данную структуру и вносит в нее изменения. Исходя из важности проблемы, приведенные положения ст. 83 и 112 Конституции РФ были уже более обстоятельно прокомментированы в новом, подготовленном Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, фактически официальном комментарии к Конституции РФ¹⁹.

С учетом сказанного, несмотря на все нюансы, нельзя недооценивать реальный сдвиг, кото-

рый произошел в свое время, после издания в сентябре 1992 г. указов Президента РФ № 1147 и 1148, в понимании сущности структуры исполнительных органов.

Положительная роль этих указов в становлении и развитии системы исполнительной власти в стране определяется еще двумя обстоятельствами.

Во-первых, Указом № 1147 «О системе центральных органов федеральной исполнительной власти» 6 видов органов были разбиты на 2 группы, что с определенной аналогией повторилось в 2004 г. Однако, в отличие от Указа от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти», в Указе № 1147 была закреплена норма о том, что органы второй (низшей) группы не могут входить в состав органов первой (высшей) группы, в частности в состав министерств, или быть подведомственны им. Это положение, не оцененное в 2014 г., крайне злободневно сегодня при поиске направлений совершенствования системы федеральных органов исполнительной власти.

Во-вторых, подготовка не единого указа, в комплексе рассматривающего вопросы системы и вопросы структуры федеральных исполнительных органов, а двух самостоятельных актов была решением, авторы которого смотрели далеко вперед. Ведь концепция системы федеральных органов исполнительной власти, как и любая идеология, — перспективная, долгосрочная программа, естественно, правовой акт с ее изложением (допускаем, что это станет со временем федеральным законом) должен

¹⁵ В частности, норма, соответствующая рассмотренному фрагменту ст. 112 Конституции РФ, содержалась и в ст. 24 первого Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» (СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5712), она имеется и в ст. 27 нового Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» (СЗ РФ. 2020. № 45. Ст. 7061).

¹⁶ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Л. А. Окунькова. М. : Бек, 1994.

¹⁷ Конституция Российской Федерации : энциклопедический словарь / В. А. Туманов, В. Е. Чиркин, Ю. А. Юдин [и др.]. М. : Большая российская энциклопедия, Юристъ, 1997.

¹⁸ Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

¹⁹ Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Т. Я. Хабриева, Л. В. Андрюченко, С. Б. Нанба, А. Е. Помазанский ; под ред. Т. Я. Хабриевой. М. : Инфра-М, 2023. С. 211. С. 288–289.

быть актом длительного действия. Структура же этой системы достаточно изменчива, устанавливающий ее указ не может быть рассчитан на слишком долгий срок.

Соответствующую ошибку, допущенную в марте 2004 г. при издании единого Указа № 314, мы до сих пор не исправили до конца. Ведь на протяжении двух десятилетий установленная этим документом система остается неизменной, хотя структура федеральных органов исполнительной власти многократно изменялась, чтобы обеспечить в конкретных условиях оптимальную организацию государственного управления. При этом Указ № 314, который, называясь актом о системе и структуре федеральных органов исполнительной власти, продолжает действовать (естественно, только в части системы, ибо уже с мая 2004 г. никоим образом не отражает структуру этих органов). Помимо него, в частности, действует Указ о структуре этих органов²⁰, причем сегодня уже в более поздней редакции. Всё это создает нередкие сложности в понимании структуры федеральных органов исполнительной власти, а зачастую — просто путаницу.

Но, возвращаясь к указам Президента РФ 90-х гг., отметим, что важным представляется также Указ от 10.01.1994 № 66 «О структуре федеральных органов исполнительной власти»²¹, изданный фактически сразу после принятия Конституции РФ. Этим Указом в данную струк-

туру первым пунктом было включено Правительство РФ, что в принципе является абсолютно верным решением²². Однако в Конституции РФ в тот период не было нормы о руководстве главой государства Правительством РФ (которая содержалась ранее в п. 6 ст. 121.5 Конституции РФ в редакции 1992 г. и появилась опять в 2020 г. в п. «б» ст. 83), в связи с чем представилось неприемлемым, чтобы Правительство РФ было включено в структуру федеральных органов исполнительной власти указом Президента РФ. В результате Правительство РФ было исключено из этой структуры²³.

За три с половиной года после издания Указа № 66 был принят ряд новых указов, направленных на совершенствование системы и структуры федеральных органов исполнительной власти²⁴. Несмотря на имеющиеся в них противоречия, что, в частности, и обуславливало постоянную их смену, многозвенная система исполнительных органов и соответствующая ей структура были сформированы и просуществовали практически в неизменном виде до марта 2004 г.

Поскольку в ст. 71 Конституции РФ определяется, что в ведении Российской Федерации находится, в частности, установление системы федеральных органов исполнительной власти, принципы организации этой системы, механизм ее функционирования и вопросы взаимодействия с иными субъектами государствен-

²⁰ Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 21 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 2020. № 4. Ст. 346.

²¹ Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1994. № 3. Ст. 190.

²² Информационные недостатки как системы, так и структуры федеральных исполнительных органов, связанные с невключением в них Правительства РФ, будут рассмотрены ниже.

²³ Указ Президента РФ от 09.07.1997 № 710 «О признании утратившими силу некоторых указов Президента РФ и внесении изменений в структуру федеральных органов исполнительной власти, утвержденную Указом Президента РФ от 14.08.1996 № 1177» // СЗ РФ. 1997. № 28. Ст. 3422.

²⁴ Указ Президента РФ от 14.08.1996 № 1176 «О системе федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 1996. № 34. Ст. 4081 ; Указ Президента РФ от 14.08.1996 № 1177 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 1996. № 34. Ст. 4082 ; Указ Президента РФ от 09.09.1996 № 1326 «Вопросы федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 1996. № 37. Ст. 4264 ; Указ Президента РФ от 17.03.1997 № 249 «О совершенствовании структуры федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1419 ; Указ Президента РФ от 09.07.1997 № 710 «О признании утратившими силу некоторых указов Президента РФ и внесении изменений в структуру федеральных органов исполнительной власти, утвержденную Указом Президента РФ от 14 августа 1996 г. № 1177» // СЗ РФ. 1997. № 28. Ст. 3422.

ного управления, после принятия Конституции данные проблемы начали рассматриваться в научной литературе²⁵. Но, как оказалось, глубоко исследовать системные проблемы без параллельного осмысления многих вопросов структуры данной системы, и прежде всего ее сущности, было невозможно. В частности, понимание организационных аспектов системы федеральных органов исполнительной власти требует рассмотрения возможности или невозможности объединения в одной структуре таких органов федеральной исполнительной власти, которые, с одной стороны, имеют субординационные отношения друг с другом, т.е. представляют собой двухступенчатую (или даже многоступенчатую) системную конструкцию, а с другой стороны, должны взаимодействовать в условиях децентрализации управления. Ведь только децентрализация отраслевых подсистем может обеспечить устранение монополизма в управлении данными отраслями.

К сожалению, в конце XX — начале XXI в. должного научного представления не было не только по этой проблеме, но и по более простым вопросам, связанным с объективными закономерностями построения структуры федеральных органов исполнительной власти. Структура продолжала рассматриваться лишь как установленный главой государства конкретный перечень таких органов, образованных для управления страной. Неслучайно даже в фактически официальном комментарии к Федеральному конституционному закону «О Правительстве Российской Федерации» 1997 г. при рассмотрении содержания его статьи 24 та часть, которая касалась структуры федеральных органов исполнительной власти, была полностью опущена²⁶.

Исследование вопросов структуры органов исполнительной власти, в частности федераль-

ных органов, в тот период было осложнено двумя обстоятельствами. Во-первых, структура органов — это важный элемент организации управленческого процесса, который, как известно, имеет информационно-системную природу. К сожалению, изучение как информационных, так и системных подходов применительно к функционированию исполнительной власти на должном уровне началось лишь 10–15 лет спустя. Во-вторых, понимание закономерностей построения структуры федеральных органов исполнительной власти, помимо теоретических выводов, требует анализа практической реализации вариантов системного объединения органов, что должно позволить апробировать схемы, которые обеспечивают эффективное государственное управление. Однако осуществление такой работы представилось интересным и реально возможным лишь начиная с 2004 г. — после утверждения новой системы и структуры федеральных органов исполнительной власти.

Тем не менее определенные исследования вопросов системы и структуры федеральных органов исполнительной власти проводились и ранее. Так, анализируя вышеназванные указы Президента РФ, И. Л. Бачило утверждала, что изучение структурного состава федеральных органов исполнительной власти необходимо в совокупности с рассмотрением их системы, в которую неизбежно должно быть включено и Правительство РФ как центр этой системы²⁷. Как было показано выше, в 1990-е гг. этого, по сути, так и не было сделано.

К великому сожалению, в полной мере этого не было сделано и в Указе Президента РФ № 314. В утвержденной им структуре (и во всех последующих структурах) существуют федеральные министерства (назовем их органами второго уровня управления), федеральные службы и федеральные агентства (это органы либо вто-

²⁵ См., например: Тихомиров Ю. А. Публичное право. М. : Бек, 1995 ; Исполнительная власть в Российской Федерации / А. Ф. Ноздрачев [и др.]. М. : Бек, 1996 ; Исполнительная власть в Российской Федерации. Проблемы развития / И. Л. Бачило, А. А. Гришковец, Н. Г. Салищева [и др.]. М. : Юристъ, 1998 ; Тихомиров Ю. А. Курс административного права и процесса. М. : Юринформцентр, 1998.

²⁶ Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации». Комментарий / Г. В. Атаманчук, И. Л. Бачило, А. Ф. Ноздрачев [и др.]. М. : Юрид. лит., 1999. С. 297–307.

²⁷ Исполнительная власть в Российской Федерации. Проблемы развития. С. 128.

рого, либо третьего уровня управления в зависимости от наличия или отсутствия над ними федеральных министерств). При этом имеется четкое распределение федеральных органов исполнительной власти, руководство которыми осуществляет либо Президент РФ, либо Правительство РФ (субъекты первого, высшего уровня управления). Однако пункт 1 данного Указа определяет, что система федеральных органов исполнительной власти является трехзвенной (состоящей лишь из министерств, служб и агентств), хотя в п. 2 есть упоминание о Президенте РФ и Правительстве РФ как субъектах, осуществляющих руководство федеральными исполнительными органами. Значит, система федеральных органов исполнительной власти фактически является и многозвенной, и многоступенчатой (многоуровневой).

В принципе, причина невключения Президента РФ и Правительства РФ в систему федеральных органов исполнительной власти понятна. Ведь в случае прямого их отражения в 2004 г. в данной системе она приобрела бы явный трехступенчатый вид. И если на нижней ступени, к сожалению, обошлись без детализации взаимодействия находящихся на ней органов (федеральных служб и федеральных агентств), то объяснить руководящее участие Президента РФ в осуществлении исполнительной власти и его соответствующие взаимоотношения с Правительством РФ на высшей ступени системы было невозможно. Этого не позволяли сделать ни действовавшая тогда Конституция РФ 1993 г., ни Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации» 1997 г. Между тем информационно правильное построение высшей ступени системы федераль-

ных органов исполнительной власти устранило бы многие ошибки, допущенные, на наш взгляд, в апробированном варианте.

Рассматривая вопросы административной реформы в России, Ю. А. Тихомиров еще за несколько лет до принятия Указа № 314 предупреждал об имевшихся в системе исполнительной власти непроработанных функциональных решениях и, соответственно, о неудачных связях между элементами системной структуры. Причем, по словам ученого, без кардинальных преобразований у подобной тенденции не было возможностей измениться²⁸. Особую обеспокоенность научного сообщества вызывало взаимодействие министерств и агентств в силу нередкой фактической идентичности их полномочий²⁹. Указывались также значительные проблемы в организации деятельности самих министерств, в частности, отмечалось, что с середины 1980-х и до конца 1990-х гг. не произошло серьезного сдвига в поиске и внедрении новых научных подходов в работе министерств³⁰ и к концу века им были свойственны недостатки, которые отмечались еще в 1970-е — начале 1980-х гг.³¹

Все эти научные выводы были хорошо известны в государственных органах, занятых в начале 2000-х гг. разработкой новой системы и структуры федеральных органов исполнительной власти, однако и ученые, и практические работники видели также определенные достоинства предлагаемых аппаратных решений. После долгих дискуссий³² была найдена компромиссная модель, которая и легла в основу неоднократно упомянутого нами Указа Президента РФ № 314. Однако, как уже отмечалось, поиск вариантов системы и структуры федеральных

²⁸ Тихомиров Ю. А. Об административной реформе в России // Исполнительная власть: организация и взаимодействие. М. : Юстицинформ, 2000.

²⁹ Исполнительная власть в России. История и современность, проблемы и перспективы развития / А. С. Автономов, И. Л. Бачило, А. А. Гришкова [и др.]. М. : Новая правовая культура, 2004. С. 50–52.

³⁰ Исполнительная власть в Российской Федерации. Проблемы развития. С. 129.

³¹ Бачило И. Л. Организация советского государственного управления. Правовые проблемы. М. : Наука, 1984. С. 37–46 ; Тихомиров Ю. А. Курс административного права и процесса. М. : Юринформцентр, 1998. С. 260–270.

³² Автор статьи неоднократно участвовал в таких дискуссиях в Администрации Президента РФ и других государственных органах.

органов исполнительной власти «следующего поколения» требует как дальнейших теоретических исследований, так и детального изучения практической реализации модели, установленной этим Указом.

Не вдаваясь в данной статье в многоаспектный анализ недостатков нынешней системы и структуры федеральных органов исполнительной власти (в определенной степени этот вопрос уже затронут выше, частично освещен нами в других работах³³, представлен в публикациях иных авторов³⁴), рассмотрим крайне важные информационные проблемы современной модели федеральных исполнительных органов.

Напомним, что управление вообще и государственное управление в частности имеет информационную природу, а его эффективность определяется прежде всего хорошо проработанной архитектурой каналов прямой и обратной связи между субъектами и объектами управления. Для больших систем, к которым относится система государственного управления, характерно наличие как относительно простых каналов прямой связи и обратной связи, так и их комбинаций, имеющих нередко весьма сложную конфигурацию (особенно для обратных связей)³⁵.

Для целей настоящей статьи важно рассмотреть как схему прямых связей, соответствующую концептуальным особенностям существующей системы федеральных органов исполнительной власти (т.е. конфигурацию каналов связи, фактически определенную Указом № 314), так и возможную архитектуру кана-

лов прямой связи при модернизации системы³⁶. Конечно, система федеральных органов исполнительной власти, определяющая виды органов, входящих в их структуру, субординационные отношения между ними и функциональные особенности, служит фундаментальной основой конструкции каналов, по которым передается информация между этими органами. Однако в рамках этой абстрактной генеральной конструкции при реальных изменениях в структуре органов исполнительной власти, т.е. в случаях упразднения существовавших и образования новых органов, появления иных системных взаимосвязей между ними, уточнения функций и полномочий органов и др., происходит перестроение каналов связи и перераспределение информационных потоков.

Анализ взаимодействия конкретных органов исполнительной власти показывает, что в разных ситуациях между ними возникают три наиболее вероятных вида каналов прямой связи, хотя отмечаются и иные варианты (следует иметь в виду, что при этом одновременно возникает не менее шести видов каналов обратной связи). Самая распространенная прямая связь — это связь непосредственного субъекта управления с одним объектом управления. Она называется простой прямой связью. Зачастую непосредственный субъект управления руководит сразу несколькими объектами управления. При этом возникает так называемая параллельная распределительная прямая связь. И наконец, нередко несколько непосредственных субъектов управления руководят одним общим

³³ См., например: *Россинский Б. В.* К вопросу о реформировании системы федеральных органов исполнительной власти // *Административное право и процесс.* 2004. № 1 ; *Он же.* Размышления о реформе системы федеральных органов исполнительной власти // *Административное право и процесс.* 2019. № 10 ; *Он же.* Исполнительная власть в системе государственного управления. М. : Норма, 2023. С. 226–237.

³⁴ См., например: *Петров М. П.* Исполнительная власть на этапе модернизации Российского государства: опыт правового исследования. М. : Юрлитинформ, 2012 ; *Попов Л. Л., Мигачёв Ю. И., Тихомиров С. В.* Государственное управление и исполнительная власть. М. : Норма, 2011 ; *Формы и методы государственного управления в современных условиях развития / С. В. Запольский, А. А. Гришковец, А. И. Стахов [и др.].* М. : Прометей, 2017.

³⁵ Подробно об этом см.: *Россинский Б. В.* Проблемы государственного управления с позиций теории систем. М. : Норма, 2021 ; *Он же.* Исполнительная власть в системе государственного управления.

³⁶ Рассмотрение возможных конфигураций каналов обратной связи в системах исполнительных органов в задачу статьи не входит.

объектом управления. Связь всех субъектов с объектом носит название параллельной соединительной прямой связи³⁷.

В любой большой структуре исполнительных органов, тем более структуре федеральных органов исполнительной власти, всегда существует триада подобных каналов прямой связи. При этом их конфигурация (кстати, как и конфигурация каналов обратной связи) должна обеспечивать обмен информацией между всеми субъектами конкретной структуры, а также между ними и управляемыми объектами. Без этого эффективное управление никакими объектами, будь то отдельная организация, корпорация, целая отрасль хозяйства страны, невозможно.

Начнем с рассмотрения основного звена системы федеральных органов исполнительной власти — отраслевого комплекса, состоящего из федерального министерства и подведомственных ему федеральных служб и федеральных агентств. В этом комплексе федеральное министерство является органом, находящимся на более высоком уровне управления, чем два других вида органов³⁸, ибо оно осуществляет координацию и контроль³⁹ федеральных служб и агентств.

При этом федеральный министр:

- 1) утверждает план и показатели деятельности данных служб и агентств, отчет об их исполнении;
- 2) вносит в Правительство РФ предложения по кандидатурам их руководителей, проект положений об этих органах, предложения по их штатной численности;
- 3) вносит в Минфин России предложения по финансированию данных органов;
- 4) во исполнение указаний Президента РФ, Правительства РФ дает поручения этим службам

и агентствам, контролирует их исполнение (обращаем внимание, что министр не может давать иные поручения службам и агентствам, контролировать другие вопросы их деятельности);

5) имеет право отменять противоречащие федеральному законодательству решения этих органов⁴⁰.

Совершенно очевидно, что здесь реализуется параллельная распределительная прямая связь. Федеральное министерство в пределах своих полномочий руководит сразу несколькими органами. В структуре федеральных органов исполнительной власти, утвержденной Указом № 314, Министерство промышленности и энергетики РФ, например, осуществляло руководство восемью службами и агентствами, а Министерство транспорта и связи РФ — семью службами и агентствами. Но главное не в количестве подведомственных органов, а в том, что агентства и службы осуществляют диаметрально противоположные функции по отношению к одним и тем же объектам.

Реализуя свои функции, агентство по каналам параллельной распределительной прямой связи осуществляет координацию деятельности, контроль, дачу иных руководящих указаний в отношении подведомственных ему объектов, занимающихся управлением государственным имуществом и оказанием государственных услуг, в том числе организационными и производственными вопросами. Служба по аналогичным, но собственным каналам простой параллельной распределительной прямой связи в пределах своих контрольно-надзорных полномочий воздействует на те же самые, но подведомственные в том числе и ей объекты.

Анализ возможных управленческих ситуаций свидетельствует, что нередко между агент-

³⁷ Мы используем названия прямых связей, предложенные Н. С. Полевым. См.: *Полевой Н. С.* Правовая информатика и кибернетика. М.: Юридическая литература, 1993.

³⁸ Да и сам федеральный министр как член Правительства РФ имеет более высокий статус по сравнению с руководителями других органов, занимая государственную должность Российской Федерации.

³⁹ Осуществление министерством контроля за агентством и службой (п. «г» третьей статьи Указа), на наш взгляд, противоречит жесткой редакции п. «в» этой же статьи, запрещающей министерству в принципе контрольную деятельность.

⁴⁰ Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 2004. № 11. Ст. 945.

ствами и службами возникают коллизии, ибо их цели зачастую противоречат друг другу⁴¹. Однако коллизии иногда разрешаются министерствами, конечно выходящими в этих случаях за пределы возложенных на них функций, в пользу агентств⁴² и подведомственных им объектов. При этом фактически игнорируется основная идея действующей системы федеральных органов исполнительной власти — устранение монополизма федеральных министерств в управлении отраслями хозяйства. Хотя в подавляющем большинстве ситуаций федеральные министерства, безусловно, не вмешиваются в контрольную, а тем более надзорную, деятельность федеральных служб. А вот попытки вмешательства федеральных министерств с превышением их полномочий в деятельность федеральных агентств — явление не столь уж редкое.

Дело в том, что обратной стороной децентрализации управления отраслью является потеря федеральными министерствами возможности получить комплексную информацию о положении дел в отрасли и принять управленческие решения, основанные на всестороннем ее анализе. Действительно, при складывающейся конфигурации каналов прямой и обратной связи в ведомственной структуре органов многие возможные каналы оказываются утерянными, а вся сеть каналов в целом незамкнутой. Это происходит, в частности, из-за организации каналов обратной связи от объектов, подведомственных федеральным агентствам и федеральным службам, лишь к данным исполнительным органам,

но при отсутствии такой связи объектов с федеральными министерствами, а главное — при фактическом отсутствии прямой и обратной связи в ведомственной структуре федеральных служб и федеральных агентств между собой.

Так, согласно ст. 6 Указа № 314, порядок взаимоотношений федеральных министерств, служб и агентств устанавливается в положениях об этих органах. И если взаимоотношения между министерствами и службами, министерствами и агентствами положениями о них в определенной мере урегулированы, то взаимоотношения между самими службами и агентствами — практически нет. В качестве характерного примера следует привести транспортную сферу, в которой, помимо федеральной надзорной службы, имеется четыре федеральных агентства, отвечающих за транспортные подотрасли. Анализ соответствующих положений убеждает, что в них рассматриваются в основном полномочия службы и агентств по отношению к подведомственным объектам и игнорируются вопросы взаимоотношения между службой с агентствами (как, кстати, и между агентствами друг с другом)⁴³. Повторим, что фактическое отсутствие должных информационных каналов связи крайне негативно отражается на деятельности отрасли.

Характер информационных связей между элементами системной структуры определяет степень устойчивости самой структуры и, как следствие, всего механизма государственного управления, т.е. вероятность их сохранения или разрушения. В нашем случае наиболее инте-

⁴¹ См.: Россинский Б. В. Размышления о реформе системы федеральных органов исполнительной власти // Административное право и процесс. 2019. № 10.

⁴² Несмотря на то что федеральные агентства и федеральные службы, наряду с федеральными министерствами, являются как бы самостоятельными федеральными органами исполнительной власти, фактически все они объединены под началом федеральных министерств в одну «ведомственную упряжку». Неслучайно в федеральных министерствах, имеющих в ведении федеральные агентства, федеральные службы, как правило, в полномочия одного из заместителей министра входит курирование этих органов, а иногда даже назначается специальный заместитель министра как куратор служб и агентств.

⁴³ Положение о Федеральном агентстве морского и речного транспорта. Утверждено постановлением Правительства РФ от 23.07.2004 № 371 // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3261; Положение о Федеральном дорожном агентстве. Утверждено постановлением Правительства РФ от 23.07.2004 № 374 // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3264; Положение о Федеральном агентстве воздушного транспорта. Утверждено постановлением Правительства РФ от 30.07.2004 № 396 // СЗ РФ. 2004. № 32. Ст. 3343; Положение о Федеральном агент-

ресны три классических системно-структурных принципа: принцип моноцентризма, принцип ингрессии и принцип обратной связи.

Принцип моноцентризма утверждает, что для устойчивости системы в ее структуре должен быть один центр. Однако, если структура достаточно сложная, в принципе в ней могут быть несколько центров, но при обязательном наличии высшего, общего центра, а каждая группа элементов структуры непосредственно связывается с ближайшим для нее центром, но ни в коем случае не с двумя или несколькими центрами⁴⁴.

Общим центром в ведомственной структуре является федеральное министерство. Однако для объектов, подведомственных федеральным агентствам, именно они являются ближайшими центрами, тем более что ни прямых, ни обратных связей с министерством у них нет. Но, как было показано, в определенном смысле центром для них является и федеральная надзорная служба, находящаяся в этой же структуре (если такая служба есть). Учитывая, что агентство и служба информационно не связаны, они не могут рассматриваться как единый ближайший центр. Структура органов и подведомственных им объектов становится неустойчивой и склонной к разрушению. Если за объектами этой структуры надзирает федеральная служба, деятельностью которой руководит Правительство РФ, то ситуация еще более усложняется, о чем речь пойдет ниже.

Принцип ингрессии⁴⁵ определяет, что для длительного соединения элемента системной

структуры со всем структурным комплексом между ним и комплексом (фактически центром структуры) должен быть другой промежуточный общий элемент, имеющий прочные связи и с первым элементом, и с центром структуры⁴⁶. В ведомственной структуре исполнительных органов таким промежуточным элементом между объектами, подведомственными федеральным агентствам и федеральным министерствам, может являться лишь само агентство. Увы, как было показано выше, в существующей структуре федеральных органов исполнительной власти между министерствами и агентствами тоже есть противоречия.

Неслучайно вопросы, связанные с проблемами нахождения агентств в федеральной исполнительной структуре, сложностью их взаимодействия с негосударственными организациями, целесообразностью вывода из государственного аппарата, начали рассматриваться административистами сразу после установления Указом № 314 действующей ныне системы федеральных органов исполнительной власти⁴⁷. К слову, крайне интересно отметить, что взаимоотношения федеральных министерств и федеральных агентств фактически копируют ситуацию, возникшую в России в начале XIX в. при создании министерской системы и связанную с закреплением за министерствами так называемых коллегий. Отношения коллегий, существовавших до образования министерств в качестве самостоятельных исполнительных органов, складывались с министерствами крайне непросто, в результате чего коллегии были

стве железнодорожного транспорта. Утверждено постановлением Правительства РФ от 30.07.2004 № 397 // СЗ РФ. 2004. № 32. Ст. 3344 ; Положение о Федеральной службе по надзору в сфере транспорта. Утверждено постановлением Правительства РФ от 30.07.2004 № 398 // СЗ РФ. 2004. № 32. Ст. 3345.

⁴⁴ Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука / под ред. Г. Д. Гловелли. Изд. 6-е изд., испр. и доп. М. : Ленанд, 2019. С. 403.

⁴⁵ Ингрессия — термин, заимствованный из геологии, а в теории систем означающий вхождение, появление новых структурных элементов, обеспечивающих системно-структурную сплоченность, слаженность функционирования всех элементов структуры.

⁴⁶ Богданов А. А. Тектология : Всеобщая организационная наука / под ред. Г. Д. Гловелли. Изд. 6-е изд., испр. и доп. М. : Ленанд, 2019. С. 182–183.

⁴⁷ См., например: Исполнительная власть в России. История и современность, проблемы и перспективы развития. С. 45–58, 369–374.

поглочены министерствами⁴⁸. Анализ показывает, что 220 лет назад между этими исполнительными органами возникли точно такие же проблемы, как в наши дни.

И наконец, согласно принципу обратной связи, устойчивость в сложных структурах достигается лишь при замыкании всех контуров системной связи⁴⁹. Как было показано выше, в структуре федеральных органов исполнительной власти контуры связи не всегда замыкаются.

В целом из-за несоблюдения этих принципов состояние данной структуры неустойчиво, что подтверждается постоянным сокращением числа федеральных агентств и параллельным ростом количества федеральных министерств. Так, из 26 федеральных агентств, которые в марте 2004 г. входили в первую структуру федеральных органов исполнительной власти, находясь в ведении 9 федеральных министерств⁵⁰, к настоящему времени осталось только 11 в ведении 6 федеральных министерств и 4 — непосредственно в ведении Правительства РФ⁵¹.

Сокращение количества федеральных агентств происходит двумя путями. Прежде всего созданием вместо них вновь министерств (за 20 лет общее число федеральных министерств возросло с 14 до 21). Так, функции регулирования науки и образования, осуществлявшиеся в 2004 г. Федеральным агентством по науке и Федеральным агентством по образованию, исполняются в настоящее время Министерством науки и высшего образования РФ и Министерством просвещения РФ. Федеральное агент-

ство по физической культуре, спорту и туризму сначала было преобразовано в Министерство спорта РФ и Федеральное агентство по туризму, которое в дальнейшем было ликвидировано с передачей его полномочий Министерству экономического развития РФ. Функции бывшего Федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию возложены ныне на Министерство здравоохранения РФ и Министерство труда и социальной защиты РФ и т.д. Мы уже отмечали выше, что в начале 2000-х гг. серьезную обеспокоенность административистов вызывал вопрос, возможно ли взаимодействие министерств и агентств в силу зачастую идентичности их полномочий? Как видим, жизнь подтвердила справедливость этих опасений.

Однако есть и второй механизм сокращения числа федеральных агентств — передача значительной части их функций в различные некоммерческие организации, реализующие отдельные государственно-властные полномочия. Так, вместо Федерального агентства по атомной энергии в стране существует Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», вместо Федерального космического агентства — Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос», вместо Федерального агентства специального строительства — публично-правовая компания «Военно-строительная компания»⁵² и пр. Здесь уместно вспомнить и оценить имевшуюся в 2004 г. в научной среде дискуссию о возмож-

⁴⁸ *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М. : Третий Рим, 1997. С. 148 ; *Приходько М. А.* Создание министерской системы управления в России в первой трети XIX века. Историко-правовой аспект. М. : Проспект, 2020. С. 74–82.

⁴⁹ *Росс Эшби У.* Введение в кибернетику. М. : Изд-во иностранной литературы, 1959. С. 82.

⁵⁰ Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 2004. № 11. Ст. 945.

⁵¹ Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 21 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 2020. № 4. Ст. 346.

⁵² Федеральный закон от 01.12.2007 № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии “Росатом”» // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6078 ; Федеральный закон от 13.07.2015 № 215-ФЗ «О Государственной корпорации по космической деятельности “Роскосмос”» // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4341 ; Указ Президента РФ от 18.10.2019 № 504 «О создании публично-правовой компании “Военно-строительная компания”» // СЗ РФ. 2019. № 42 (ч. III). Ст. 5894.

ном выводе федеральных агентств за пределы государственного аппарата⁵³.

При этом необходимо подчеркнуть, что, к счастью, тенденция возвращения на круги своя — ликвидация федеральных агентств и расширение полномочий федеральных министерств — не привела к новому витку монополизации управленческой деятельности в федеральных министерствах. Этому, конечно, во многом способствует образование некоммерческих организаций, реализующих отдельные государственно-властные полномочия.

Отмеченные выше проблемы информационной связи в структуре федеральных органов исполнительной власти обусловили и определенное развитие таких ее элементов, как федеральные службы. Так, вскоре после издания Указа Президента РФ № 314 начался процесс, в определенном смысле аналогичный модернизации федеральных агентств, — выведение федеральных служб из подведомственности соответствующих федеральных министерств и подчинения их Правительству РФ.

Если в марте 2004 г. имелись всего 2 независимые от федеральных министерств и находящиеся непосредственно в ведении Правительства РФ федеральные службы, осуществлявшие в том числе функции по контролю и надзору⁵⁴, то вскоре Указом Президента РФ⁵⁵ еще 4 подобные федеральные службы⁵⁶ были выведены из подведомственности федеральных министерств и подчинены Правительству РФ. Обратим внимание, что всего лишь за 2 месяца работы этих федеральных служб в системе министерств стала понятной реальная опасность отсутствия информационных каналов непосредственно между ними и Правительством РФ (крайне важных для обеспечения эффективности государственного управления). К настоящему времени

осталось всего несколько федеральных служб, осуществляющих лишь контрольно-надзорные полномочия, которые находятся в ведении федеральных министерств.

Неизбежным следствием уменьшения числа федеральных агентств и федеральных служб, подведомственных федеральным министерствам, является расширение круга агентств и служб, подведомственных Правительству РФ. Если в марте 2004 г. в ведении Правительства РФ не было ни одного федерального агентства и находилось, как уже отмечалось, всего 2 федеральные службы, то сегодня Правительство РФ, кроме федеральных министерств, осуществляет непосредственное руководство 9 федеральными агентствами и службами.

По сути дела, в структуре федеральных органов исполнительной власти сформировалась «правительственная составляющая», которая позволила в относительно полной мере заработать каналам параллельной распределительной прямой связи не только в отраслевых структурах, но и в целом во всей структуре федеральных исполнительных органов. На наш взгляд, такая «правительственная часть» общей структуры федеральных органов исполнительной власти будет только развиваться, в том числе с целью создания независимого от ведомств контрольно-надзорного механизма.

Завершая статью, нельзя не затронуть вопрос об информационных каналах, связывающих Президента РФ со структурой федеральных органов исполнительной власти. Как известно, Конституцией РФ до 2020 г. определялось, что исполнительную власть осуществляет Правительство РФ, и не предусматривалось общее руководство им со стороны Президента РФ. Тем не менее в ст. 32 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федера-

⁵³ Исполнительная власть в России. История и современность, проблемы и перспективы развития. С. 51.

⁵⁴ Федеральная антимонопольная служба и Федеральная служба по финансовым рынкам.

⁵⁵ Указ Президента РФ от 20.05.2004 № 649 «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 2004. № 21. Ст. 2023.

⁵⁶ Федеральная служба по тарифам, Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, Федеральная служба государственной статистики, Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору.

ции»⁵⁷ устанавливалось руководство деятельностью федеральных органов исполнительной власти административно-политической сферы Президентом РФ, а в Указе № 314 все эти органы были прямо перечислены с выделением их в самостоятельную часть структуры федеральных исполнительных органов.

С учетом этих положений законодательства между Президентом РФ и федеральными органами исполнительной власти, казалось бы, должна была быть установлена параллельная распределительная прямая связь — такая же, как между Правительством РФ и федеральными исполнительными органами двух иных сфер. Но с учетом общей нормы ст. 12 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» о том, что Правительство РФ руководит работой федеральных органов исполнительной власти и осуществляет контроль за их деятельностью, между Президентом РФ (как и Правительством РФ) и органами административно-политической сферы существует параллельная соединительная прямая связь. Два управляющих субъекта руководят одновременно несколькими объектами, однако до 2020 г. это осуществлялось с нарушением принципа моноцентризма. Механизм управления в данной сфере находился в определенной неустойчивости.

И только с внесением изменений в Конституцию РФ, согласно которым исполнительную власть осуществляет Правительство РФ под общим руководством Президента РФ, в указанных отношениях между этими субъектами

появилась информационная определенность, обусловившая возникновение простой прямой связи от Президента РФ к Правительству РФ (и соответствующей обратной связи между ними). Структура федеральных органов и механизм государственного управления пришли в устойчивое состояние.

Резюмируя изложенное, следует заключить, что значение структуры федеральных органов исполнительной власти состоит не только в оптимизации отраслевой управленческой деятельности, но и в формировании такой конфигурации каналов информационной связи в конкретной системе исполнительных органов, которая создает устойчивость функционирования всего механизма государственного управления.

Однако видится и другое, стратегическое предназначение структуры федеральных органов исполнительной власти, которое определено необходимостью прогнозирования новых, более эффективных подходов к государственному управлению. Дело в том, что построить систему федеральных органов исполнительной власти «следующего поколения» можно лишь на основе анализа достоинств и недостатков различных вариантов структуры этих органов в ныне действующей системе. Именно поиск оптимального решения данной проблемы происходит в течение двух последних десятилетий. Представляется, что в ближайшие годы, реализуя отмеченные в настоящей статье тенденции, страна перейдет к модернизированной системе и структуре федеральных органов исполнительной власти.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Богданов А. А. Тектология : Всеобщая организационная наука / под ред. Г. Д. Гловелли. — Изд. 6-е изд., испр. и доп. — М. : Ленанд, 2019. — 680 с.
2. Бачило И. Л. Организация советского государственного управления. Правовые проблемы. — М. : Наука, 1984. — 238 с.
3. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. — М. : Третий Рим, 1997. — 357 с.

⁵⁷ Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5712.

4. Исполнительная власть в Российской Федерации / А. Ф. Ноздрачёв, Ю. А. Тихомиров, В. С. Пронина [и др.]. — М. : Бек, 1996. — 269 с.
5. Исполнительная власть в Российской Федерации. Проблемы развития / И. Л. Бачило, А. А. Гришковец, Н. Г. Салищева [и др.]. — М. : Юристъ, 1998. — 432 с.
6. Исполнительная власть в России. История и современность, проблемы и перспективы развития / А. С. Автономов, И. Л. Бачило, А. А. Гришковец [и др.]. — М. : Новая правовая культура, 2004. — 568 с.
7. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Л. А. Окунькова. — М. : Бек, 1994. — 664 с.
8. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Т. Я. Хабриева, Л. В. Андриченко, С. Б. Нанба, А. Е. Помазанский ; под ред. Т. Я. Хабриевой. — М. : Инфра-М, 2023. — 368 с.
9. Конституция Российской Федерации : энциклопедический словарь / В. А. Туманов, В. Е. Чиркин, Ю. А. Юдин [и др.]. — М. : Большая российская энциклопедия, Юристъ, 1997. — 320 с.
10. Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. — декабрь 1991 г. — М. : РГГУ, 1994. — 418 с.
11. Петров М. П. Исполнительная власть на этапе модернизации Российского государства: опыт правового исследования. — М. : Юрлитинформ, 2012. — 384 с.
12. Полевой Н. С. Правовая информатика и кибернетика. — М. : Юридическая литература, 1993. — 528 с.
13. Попов Л. Л., Мигачёв Ю. И., Тихомиров С. В. Государственное управление и исполнительная власть. — М. : Норма, 2011. — 320 с.
14. Приходько М. А. Создание министерской системы управления в России в первой трети XIX века. Историко-правовой аспект. — М. : Проспект, 2020. — 480 с.
15. Росс Эшби У. Введение в кибернетику. — М. : Издательство иностранной литературы, 1959. — 432 с.
16. Россинский Б. В. К вопросу о реформировании системы федеральных органов исполнительной власти // Административное право и процесс. — 2004. — № 1. — С. 20–24.
17. Россинский Б. В. Размышления о реформе системы федеральных органов исполнительной власти // Административное право и процесс. — 2019. — № 10. — С. 38–42.
18. Россинский Б. В. Проблемы государственного управления с позиций теории систем. — М. : Норма, 2021. — 264 с.
19. Россинский Б. В. Исполнительная власть в системе государственного управления. — М. : Норма, 2023. — 376 с.
20. Тихомиров Ю. А. Публичное право. — М. : Бек, 1995. — 486 с.
21. Тихомиров Ю. А. Курс административного права и процесса. — М. : Юринформцентр, 1998. — 800 с.
22. Тихомиров Ю. А. Об административной реформе в России // Исполнительная власть: организация и взаимодействие. — М. : Юстицинформ, 2000. — С. 8–23.
23. Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации». Комментарий / Г. В. Атаманчук, И. Л. Бачило, А. Ф. Ноздрачёв [и др.]. — М. : Юрид. лит., 1999. — 480 с.
24. Формы и методы государственного управления в современных условиях развития / С. В. Запольский, А. А. Гришковец, А. И. Стахов [и др.]. — М. : Прометей, 2017. — 394 с.

Материал поступил в редакцию 7 октября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bogdanov A. A. Tektologiya: Vseobshchaya organizatsionnaya nauka / pod red. G. D. Glovelli. — Izd. 6-e izd., ispr. i dop. — M.: Lenand, 2019. — 680 s.
2. Bachilo I. L. Organizatsiya sovetskogo gosudarstvennogo upravleniya. Pravovye problemy. — M.: Nauka, 1984. — 238 s.

3. Eroshkin N. P. Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolutsionnoy Rossii. — M.: Tretiy Rim, 1997. — 357 s.
4. Ispolnitelnaya vlast v Rossiyskoy Federatsii / A. F. Nozdrachev, Yu. A. Tikhomirov, V. S. Pronina [i dr.]. — M.: Bek, 1996. — 269 s.
5. Ispolnitelnaya vlast v Rossiyskoy Federatsii. Problemy razvitiya / I. L. Bachilo, A. A. Grishkovets, N. G. Salishcheva [i dr.]. — M.: Yurist, 1998. — 432 s.
6. Ispolnitelnaya vlast v Rossii. Istoriya i sovremennost, problemy i perspektivy razvitiya / A. S. Avtonomov, I. L. Bachilo, A. A. Grishkovets [i dr.]. — M.: Novaya pravovaya kultura, 2004. — 568 s.
7. Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii / pod red. L. A. Okunkova. — M.: Bek, 1994. — 664 s.
8. Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii (postateynny) / T. Ya. Khabrieva, L. V. Andrichenko, S. B. Nanba, A. E. Pomazanskiy; pod red. T. Ya. Khabrievoy. — M.: Infra-M, 2023. — 368 s.
9. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: entsiklopedicheskiy slovar / V. A. Tumanov, V. E. Chirkin, Yu. A. Yudin [i dr.]. — M.: Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya, Yurist, 1997. — 320 s.
10. Korzhikhina T. P. Sovetskoe gosudarstvo i ego uchrezhdeniya: noyabr 1917 g. — dekabr 1991 g. — M.: RGGU, 1994. — 418 s.
11. Petrov M. P. Ispolnitelnaya vlast na etape modernizatsii Rossiyskogo gosudarstva: opyt pravovogo issledovaniya. — M.: Yurlitinform, 2012. — 384 s.
12. Polevoy N. S. Pravovaya informatika i kibernetika. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1993. — 528 s.
13. Popov L. L., Migachev Yu. I., Tikhomirov S. V. Gosudarstvennoe upravlenie i ispolnitelnaya vlast. — M.: Norma, 2011. — 320 s.
14. Prikhodko M. A. Sozdanie ministerskoy sistemy upravleniya v Rossii v pervoy treti XIX veka. Istoriko-pravovoy aspekt. — M.: Prospekt, 2020. — 480 s.
15. Ross Eshbi U. Vvedenie v kibernetiku. — M.: Izdatelstvo inostrannoy literatury, 1959. — 432 s.
16. Rossinskiy B. V. K voprosu o reformirovanii sistemy federalnykh organov ispolnitelnoy vlasti // Administrativnoe pravo i protsess. — 2004. — № 1. — S. 20–24.
17. Rossinskiy B. V. Razmyshleniya o reforme sistemy federalnykh organov ispolnitelnoy vlasti // Administrativnoe pravo i protsess. — 2019. — № 10. — S. 38–42.
18. Rossinskiy B. V. Problemy gosudarstvennogo upravleniya s pozitsiy teorii sistem. — M.: Norma, 2021. — 264 s.
19. Rossinskiy B. V. Ispolnitelnaya vlast v sisteme gosudarstvennogo upravleniya. — M.: Norma, 2023. — 376 s.
20. Tikhomirov Yu. A. Publichnoe pravo. — M.: Bek, 1995. — 486 s.
21. Tikhomirov Yu. A. Kurs administrativnogo prava i protsessa. — M.: Yurinformtsentr, 1998. — 800 s.
22. Tikhomirov Yu. A. Ob administrativnoy reforme v Rossii // Ispolnitelnaya vlast: organizatsiya i vzaimodeystvie. — M.: Yustitsinform, 2000. — S. 8–23.
23. Federalnyy konstitutsionnyy zakon «O Pravitelstve Rossiyskoy Federatsii». Kommentariy / G. V. Atamanchuk, I. L. Bachilo, A. F. Nozdrachev [i dr.]. — M.: Yurid. lit., 1999. — 480 s.
24. Formy i metody gosudarstvennogo upravleniya v sovremennykh usloviyakh razvitiya / S. V. Zapolskiy, A. A. Grishkovets, A. I. Stakhov [i dr.]. — M.: Prometey, 2017. — 394 s.

Данные и доказательства реальной клинической практики: сравнительно-правовое исследование

Аннотация. Развитие технологий, позволяющих собирать и обрабатывать большие массивы данных в медицинских целях, а также развитие цифровых инструментов и рост объема медицинской информации, собираемой как частными, так и государственными медицинскими учреждениями, определяют научный интерес к проблематике, рассматриваемой в настоящей статье. Одним из эффективных инструментов сбора таких данных являются данные реальной клинической практики и доказательства реальной клинической практики, которые позволяют обеспечивать сбор сведений о состоянии здоровья граждан, безопасности и эффективности лекарственных средств и медицинских изделий, а также иных данных о пациенте. Вместе с тем понятийно-категориальный аппарат, необходимый для формирования и реализации регуляторной политики в данной сфере, начал формироваться сравнительно недавно. Анализ российского и зарубежного законодательства и практики его применения позволяет сделать вывод о том, что данный элемент отраслевого правового регулирования находится в начальной стадии формирования и характеризуется использованием несогласованной терминологии и разностью подходов к пониманию источнику и предмету таких данных.

Ключевые слова: данные реальной клинической практики; доказательства реальной клинической практики; персональные данные; специальные категории персональных данных; большие данные; здравоохранение; медицина; лекарственное обеспечение; медицинские технологии; информационные технологии; цифровизация здравоохранения.

Для цитирования: Брежнев А. А. Данные и доказательства реальной клинической практики: сравнительно-правовое исследование // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 3. — С. 44–55. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.044-055.

Data and Evidence of Real Clinical Practice: A Comparative Legal Study

Anton A. Brezhnev, Deputy General Director, TIAR Center; Postgraduate Student,
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation
styndx@ya.ru

Abstract. The development of technologies collecting and processing large amounts of data for medical purposes, as well as the development of digital tools and the growth of medical information collected by both private and public medical institutions, determine the scientific interest in the problems discussed in this paper. One of the effective tools for collecting such data is data from real clinical practice and evidence of real clinical practice, which make it possible to collect information about the individuals' health status, safety and effectiveness of medicines

© Брежнев А. А., 2024

* Брежнев Антон Альбертович, заместитель генерального директора «ТИАР-Центр», аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
Большая Черемушкинская ул., д. 34, г. Москва, Россия, 117218
styndx@ya.ru

and medical devices, as well as other data. At the same time, the conceptual and categorical apparatus necessary for the formation and implementation of regulatory policy in this area started its development relatively recently. An analysis of Russian and foreign legislation and the practice of their application allows us to conclude that this element of sectoral legal regulation is in the initial stage of its formation and is characterized by the use of inconsistent terminology and different approaches to understanding the source and subject matter of such data.

Keywords: real clinical practice data; evidence of real clinical practice; personal data; special categories of personal data; big data; healthcare; medicine; drug provision; medical technologies; information technologies; digitalization of healthcare.

Cite as: Brezhnev AA. Data and Evidence of Real Clinical Practice: A Comparative Legal Study. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(3):44-55. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.044-055

Здравоохранение в настоящее время является областью общественных отношений, которая отличается одним из самых высоких уровней инноваций. От наличия прорывных идей, технологических и методологических инноваций могут зависеть не только качество жизни отдельно взятого человека, но и здоровье общества в целом. Активная работа ведется в области научных открытий, внедрения современных медицинских технологий, новых средств диагностики, создания лекарственных средств и иных продуктов. Новые технологии и продукты не только значительно чаще создаются, чем в других областях, но и значительно быстрее массово внедряются. Это позволяет выявлять заболевания на различных стадиях, в том числе на самых ранних, и предлагать оперативные и персонализированные варианты лечения. Становится возможным применение расширенного арсенала лечения различных заболеваний за счет новых методов терапии и применения лекарственных средств. Вместе с тем регуляторная политика, правовое регулирование здравоохранения и лекарственного обеспечения, и в целом соответствующие отрасли законодательства не всегда успевают за стремительным развитием медицины и фармакологии. В результате формируется дисбаланс между развитием новых технологий и методов лечения, совершенствования общепринятых протоколов лечения, улучшения персонализированной медицины и действующим механизмом реализации регуляторных и исполнительно-распорядительных функций в данной сфере.

При этом в Стратегии развития здравоохранения Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента РФ от 06.06.2019 № 254¹ (далее — Стратегия развития здравоохранения), подчеркивается, что российское здравоохранение отстает в технологическом отношении от здравоохранения западных государств (п. 19); сохраняются проблемы с обеспечением граждан лекарственными препаратами (п. 21). В качестве основной причины негативных тенденций в лекарственном обеспечении населения признается ограниченность финансовых ресурсов государства. Приоритетными задачами развития здравоохранения в Российской Федерации указываются в том числе:

- 1) создание условий для повышения доступности и качества медицинской помощи;
- 2) разработка, внедрение и применение новых медицинских технологий и лекарственных средств;
- 3) совершенствование системы контроля в сфере охраны здоровья граждан, включая государственный контроль (надзор) в сфере обращения лекарственных средств, государственный контроль за обращением медицинских изделий.

Однако о необходимости совершенствования общих подходов к формированию и реализации регуляторной политики в области здравоохранения в Стратегии развития здравоохранения ничего не говорится. Совершенствование законодательства упоминается только в контексте охраны здоровья работников, занятых на работах с вредными и/или опасными условиями

¹ СЗ РФ. 2019. № 23. Ст. 2927.

труда или осуществляющих определенные виды профессиональной деятельности. Вместе с тем без совершенствования механизмов регуляторной политики, правового регулирования и законодательства в области здравоохранения и лекарственного обеспечения населения достижение целей, решение задач и реализация приоритетных направлений, определенных в Стратегии развития здравоохранения, представляются крайне затруднительными.

Между тем совершенствование данных механизмов обусловлено необходимостью соблюдения и реализации соответствующих законодательных норм. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 41 Конституции РФ² право на охрану здоровья и медицинскую помощь гарантируется каждому гражданину. В Российской Федерации разрабатываются и реализуются государственные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения. Одним из направлений осуществления данного конституционного права граждан является лекарственное обеспечение. Кроме того, в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³ гражданам гарантируется социальная защищенность в случае утраты здоровья, доступная и качественная медицинская помощь, приоритет профилактики в сфере охраны здоровья.

Не вызывает сомнений, что полноценное лекарственное обеспечение непосредственным образом влияет на качество жизни человека. Однако в настоящее время в Российской Федерации лекарственное обеспечение является сферой, которая испытывает серьезные трудности. Данная ситуация обусловлена рядом внешних и внутренних факторов. К числу первых относится критическая зависимость отечественного здравоохранения от импорта лекарственных средств. Негативные последствия реализа-

ции данного фактора значительно усилились в результате санкционного давления со стороны недружественных государств. Внутренние факторы обусловлены системными проблемами отечественного здравоохранения и несовершенством организационно-правовых механизмов лекарственного обеспечения.

Указанные факторы складывались в течение достаточно длительного периода времени. Так, еще в Стратегии лекарственного обеспечения населения Российской Федерации, утвержденной приказом Минздрава России от 13.02.2013 № 66 «Об утверждении Стратегии лекарственного обеспечения населения Российской Федерации на период до 2025 года и плана ее реализации»⁴ (далее — Стратегия лекарственного обеспечения) во исполнение Указа Президента РФ от 07.05.2012 № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения»⁵, подчеркивалось доминирование импортных препаратов для медицинского применения, составляющих 75 % рынка в денежном выражении. При этом основную часть ассортимента выпускаемой продукции отечественных производителей составляют воспроизведенные препараты, что препятствует инвестициям в перспективные исследования и разработки. На данные цели выделяется не более 1–2 % прибыли. В результате удовлетворение потребностей отечественного здравоохранения в инновационном высокоэффективном лекарственном обеспечении осуществляется не лекарственными препаратами, разработанными внутри страны, а преимущественно препаратами зарубежных производителей.

Среди ключевых проблем, определяемых Стратегией лекарственного обеспечения, следует выделить:

- 1) нерациональное и неэффективное использование лекарственных препаратов как при амбулаторном, так и стационарном лечении; его несоответствие общепринятым мировым стандартам диагностики и лечения;

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.01.2023).

³ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

⁴ Здравоохранение. 2013. № 4, апрель.

⁵ СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2335.

2) низкий уровень использования информационно-технологического обеспечения рациональной фармакотерапии;

3) недостаточное использование результатов фундаментальных и прикладных исследований в области фармакологии в практическом здравоохранении.

По мнению разработчиков данной Стратегии, одной из задач по преодолению названных проблем является повышение безопасности, эффективности и качества отечественных лекарственных препаратов. Как следует из исследований отечественных и зарубежных авторов⁶, решению данной задачи должно способствовать использование данных реальной клинической практики (далее — данные РКП/RWD) и доказательств реальной клинической практики (далее — доказательства РКП/RWE). Так, данные и доказательства РКП позволяют оценить безопасность, эффективность и рациональность использования лекарственных средств, а также определить результативность назначенного пациенту лечения.

В настоящее время средством оценки эффективности и безопасности лекарственного препарата являются клинические исследования (КИ), которые проводятся в строго регламентированных условиях, не позволяющих выйти за рамки узко сформулированных задач КИ и получить более широкую интерпретацию исследований. Данные и доказательства РКП могут широко использоваться в рамках научной, медицинской и управленческой деятельности. Так, допустимыми направлениями их использования выступают: анализ назначенного пациенту лечения с целью внесения в него корректировок; проведение исследований с целью установления клинической и экономической эффективности применения пациентом лекарственных средств. Реализация последнего направления может

стать одним из критериев принятия решения о включении лекарственного средства в стандарты лечения и ограничительные перечни. При этом, в отличие от КИ, использование данных и доказательств РКП имеет более высокий уровень персонификации результатов.

Таким образом, учет и анализ данных и доказательств РКП медицинскими организациями, научными и экспертными учреждениями, а также органами государственной власти позволят не только находить индивидуальный подход к лечению, но и совершенствовать в целом подходы к лекарственному обеспечению и повышать эффективность и безопасность лекарственных средств. Собранные данные могут быть использованы, помимо прочего, в целях:

1) улучшения оказания медицинской помощи (корректировка клинических рекомендаций и иных документов, направленных на оказание медицинской помощи населению) и корректировки назначенного пациенту лечения;

2) совершенствования системы лекарственного обеспечения;

3) измерения эффективности применения лекарственного препарата или медицинского изделия;

4) анализа безопасности применения лекарственного препарата или медицинского изделия;

5) определения степени следования пациентом назначенному лечению и оценки его эффективности;

6) анализа затрат на лечение;

7) корректировки государственной системы лекарственного обеспечения.

Формирование больших данных из различных источников позволит оценить состояние здоровья населения и проанализировать эффективность и безопасность лекарственных средств или медицинских изделий.

⁶ См., например: Powell A. A., Power L., Westrop S., McOwat K., Campbell H., Simmons R., et al. Real-world data shows increased reactogenicity in adults after heterologous compared to homologous prime-boost COVID-19 vaccination, March — June 2021, England // *Eurosurveillance*. 2021;26(28):2100634 ; Liu F., Panagiotakos D. Real-world data: a brief review of the methods, applications, challenges and opportunities // *BMC Med Res Methodol* 22, 287 (2022). URL: <https://doi.org/10.1186/s12874-022-01768-6> ; Перхов В. И. Стандарты высокотехнологичной медицинской помощи и реальная клиническая практика // *Здравоохранение Российской Федерации*. 2009. № 3. С. 31–42.

Однако, несмотря на потенциал рассматриваемого инструмента на уровне оказания конкретных медицинских услуг, проведения научных исследований и обеспечения здоровья населения, правовая основа ее применения остается несформированной. Более того, сами дефиниции «данные РКП» и «доказательства РКП» являются юридически неопределенными, что препятствует реализации указанного потенциала. Вместе с тем актуальность данной темы вызывает интерес к ней представителей органов власти, академического, экспертного и отраслевого сообщества. Так, в экспертном сообществе высказывается мнение, что при комплексной оценке лекарственных препаратов и принятии решений о возможности включения их в клинические рекомендации, протоколы лечения, стандарты медицинской помощи и ограничительные перечни лекарственных препаратов важную роль могут играть именно данные РКП, так как исследования РКП зачастую являются единственным источником информации о лекарственном препарате. В связи с этим подчеркивается необходимость включения таких исследований в совокупность доказательств, которые учитываются при оценке лекарственных препаратов и принятии решений об их применении⁷. Другие эксперты отмечают, что благодаря использованию данных РКП ожидается повсеместное распространение персонализированной медицины, поскольку такие данные, например, позволяют более точно определить индивидуальную терапию, которая действительно улучшает течение тяжелых хронических заболеваний, а не будет только соответствовать конечным точкам КИ⁸.

В 2020 г. заместитель Председателя Правительства РФ Т. А. Голикова обратила внимание

на необходимость учета сравнительных пост-регистрационных клинических исследований, которые проводят сами медицинские организации, однако результаты которых пока не учитываются ни в рамках фармаконадзора, ни в целях дальнейшего применения лекарственных препаратов⁹. В свою очередь, Министр здравоохранения Российской Федерации М. А. Мурашко, подчеркивая значение данных РКП, отметил, что система мониторинга позволяет понять, какой регион сколько и каких лекарств потребил, а сравнение этих цифр с количеством пациентов в регионе показывает важную информацию. При этом переход от обычных КИ, наблюдательных, пострегистрационных к новым технологиям обеспечения безопасности и эффективности лекарственных препаратов и медицинских изделий без формирования большого объема цифровых следов, в том числе их обработки, просто невозможен. По сути, формируется новое качество досье по лекарственному препарату, поскольку пациент предоставляет данные о своем состоянии, а также становится возможным получение данных из истории его болезни и медицинских лабораторий. А затем мобильные девайсы всё это дополняют¹⁰.

По мнению некоторых исследователей, своевременным может считаться вопрос об установлении соответствия результатов КИ реальной медицинской практике. Сейчас получение подробной информации по эффективности и безопасности лекарственных препаратов и медицинских изделий происходит на основе данных РКП, то есть данных, полученных вне традиционных рандомизированных клинических исследований (РКИ). Основным же источником таких данных до последнего времени были исключительно наблюдательные

⁷ См.: Исследования реальной клинической практики / А. С. Колбин, Д. Ю. Белоусов, С. К. Зырянов [и др.]. М. : ОКИ, 2020. С. 14.

⁸ См.: Самсонов М. Ю., Погребной Н. О., Вольская Е. А. Новые технологии в области анализа данных реального мира (RWD): вопросы и перспективы. М. : Ремедиум, 2020. С. 4.

⁹ См.: Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/news/38970/> (дата обращения: 18.01.2023).

¹⁰ См.: Бионика Медиа // URL: <https://pharmvestnik.ru/content/news/Murashko-soobshil-o-vajnosti-mobilnyh-devaisov-v-provedenii-klinicheskikh-issledovaniy.html> (дата обращения: 18.01.2023).

и прагматические исследования¹¹. Несмотря на то что предрегистрационные рандомизированные контролируемые исследования (РКИ) демонстрируют убедительные доказательства эффекта лекарственного препарата, по мнению других ученых, их результаты невозможно воспроизвести в условиях реальной клинической практики¹².

В рамках рассмотрения данной тематики необходимо указать на применение в России и за рубежом различной терминологии, относящейся к данным РКИ и доказательствам РКИ: «данные рутинной клинической практики», «типичная клиническая практика (реального мира)», «данные реального мира», *real-world data*, *RWD*, *real-world experience*, *RWE*, «реальная клиническая практика», «доказательность реального мира», «реальная медицинская практика», «пострегистрационные клинические исследования», «пострегистрационное исследование безопасности», «неинтервенционные исследования» и др.

При этом сам термин «реальная клиническая практика» находит свое отражение во множестве клинических рекомендаций, утвержденных Минздравом России («Клинические рекомендации “Расеянный склероз”», утвержденные в 2021 г., «Клинические рекомендации “Неалкогольная жировая болезнь печени у взрослых”», утвержденные в 2021 г., «Клинические рекомендации “Сахарный диабет 1 типа у детей”», утвержденные в 2021 г. и др.¹³). В официальных документах, не являющихся нормативными правовыми актами, но устанавливающих нормативные требования, также можно обнаружить

упоминание РКИ. Например, в ГОСТе по оценке медицинских технологий предусматривается: «...при анализе регистров пациентов следует обращать внимание на то, что регистры могут решать одну или несколько задач, в том числе таких как оценка применения медтехнологий в реальной практике или оценка качества медпомощи в результате сравнения реальной практики ведения больных, стандарта оказания медицинской помощи или клинических рекомендаций (протоколов лечения)...»¹⁴. В этом же документе, в п. 3, обращает на себя внимание и следующая формулировка, относящаяся к рассматриваемой теме: «...эффективность медицинской технологии — эффекты от применения медицинской технологии, полученные в условиях типичной клинической практики (реального мира)...».

Но наибольший интерес представляет ГОСТ, посвященный системам искусственного интеллекта в клинической медицине. В нем непосредственное закрепление получило само определение данных РКИ: «...данные реальной клинической практики, *RWD* (*real-world data*, *RWD*) — это информация о состоянии здоровья пациентов и/или об оказании медицинской помощи, полученные из различных источников вне рамок предрегистрационных клинических исследований...»¹⁵.

В контексте пандемии COVID-19 рассматриваемый термин стал употребляться еще чаще и получил закрепление в различных версиях временных методических рекомендаций, утвержденных Минздравом России. В данных рекомендациях, направленных на профилактику,

¹¹ См.: Самсонов М. Ю., Погребной Н. О., Вольская Е. А. Указ. соч. С. 4.

¹² См.: Гольдина Т. А., Колбин А. С., Белоусов Д. Ю., Боровская В. Г. Обзор исследований реальной клинической практики // *Качественная клиническая практика*. 2021. № 1. С. 56–63.

¹³ См.: Рубрикатор клинических рекомендаций // URL: <https://cr.minzdrav.gov.ru/> (дата обращения: 18.01.2023).

¹⁴ ГОСТ Р 56044-2014. Оценка медицинских технологий. Общие положения (дата введения: 01.06.2015). П. 7.4.6 // Официальный сайт Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии. URL: <https://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=187449> (дата обращения: 18.01.2023).

¹⁵ ГОСТ Р 59921.3-2021. Системы искусственного интеллекта в клинической медицине (дата введения: 01.03.2022). Часть 3. Управление изменениями в системах искусственного интеллекта с непрерывным обучением. П. 3.2 // URL: <https://protect.gost.ru/document1.aspx?control=31&baseC=6&page=0&month=1&year=2015&search=59921.3-2021&id=242571> (дата обращения: 18.01.2023).

диагностику и лечение новой коронавирусной инфекции¹⁶, термин употреблялся в следующем виде: «...в реальной клинической практике ингибиторы ИЛ-6 и ИЛ-1 применяются для лечения критических форм COVID-19...». Повышенный интерес к данным РКП, вызванный пандемией, дал возможность ученым расширить свои знания в области изучения инфекции, получить новые данные для исследования и сделать более точные и обоснованные выводы. Так, в результате анализа данных за 2021 г. на основе сведений о количестве лиц, вакцинированных в Санкт-Петербурге, а также заболевших после вакцинации, учеными сделан вывод об эффективности вакцинации от COVID-19: риск развития новой коронавирусной инфекции среди пациентов, которые прошли полный курс, то есть двойную вакцинацию, в 6–7 раз ниже (95 % ДИ: 6,34–7,24, $p < 0,0001$) по сравнению с группой пациентов, не прошедших такой курс¹⁷.

В практике отдельных иностранных государств дефиниции «данные РКП» и «доказательства РКП» имеют законодательное закрепление. Обращаясь к международному опыту следует отметить, что в США термин *real-world evidence*/RWE находит закрепление в Законе США о методах лечения XXI в. — к таким доказательствам относятся доказательства, касающиеся

использования лекарственного препарата, или потенциальной пользы или риска от использования лекарственного препарата, полученные из источников, отличных от рандомизированных клинических исследований¹⁸.

Помимо этого, Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (Food and drug administration, FDA) еще в 2018 г. в документе «Основы для RWE программы FDA» (Framework for FDA's Real-World Evidence Program) предложила следующую трактовку рассматриваемого термина. «Данные РКП» — это данные о состоянии здоровья пациента и/или об оказании медицинской помощи, регулярно собираемые из различных источников¹⁹ (при этом на сайте есть добавление — вне рамок предрегистрационных клинических исследований²⁰). Термин «доказательства, полученные на основе анализа данных реальной клинической практики» определяется как клинические данные об использовании и потенциальной пользе или рисках медицинского продукта, полученные на основе анализа данных РКП.

В Европейском Союзе, как и в Российской Федерации, рассматриваемые в настоящей статье дефиниции не нашли законодательного закрепления. Однако действует ряд норматив-

¹⁶ Временные методические рекомендации профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Версия 9 (26.10.2020) // URL: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/052/550/original/MP_COVID-19_%28v9%29.pdf?1603788097 (дата обращения: 18.01.2023); Временные методические рекомендации профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Версия 8.1 (01.10.2020) // URL: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/052/219/original/Временные_MP_COVID-19_%28v.8.1%29.pdf?1601561462 (дата обращения: 18.01.2023); Временные методические рекомендации профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Версия 8 (03.09.2020) // URL: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/051/777/original/030902020_COVID-19_v8.pdf (дата обращения: 18.01.2023).

¹⁷ См.: Курылев А. А., Журавков А. А., Колбин А. С. Анализ эффективности вакцинации от COVID-19 на основании данных реальной клинической практики в Санкт-Петербурге // *Качественная клиническая практика*. 2021. № 4. С. 80–84.

¹⁸ См.: Закон США о методах лечения XXI века = 21st Century Cures Act, Public Law 114–255. Dec. 13, 2016 // URL: <https://www.congress.gov/114/plaws/publ255/PLAW-114publ255.pdf> (дата обращения: 18.01.2023).

¹⁹ Официальный сайт Управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США. Основы для RWE программы FDA, 2018 // URL: <https://www.fda.gov/media/120060/download> (дата обращения: 18.01.2023).

²⁰ См.: Официальный сайт Управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США. Основы для RWE программы FDA, 2018.

ных документов, в которых они используются, а соответствующие им правовые явления оказывают влияние на медицину и фармацевтическую деятельность. Так, в соответствии с Проектом сетевой стратегии европейского медицинского агентства до 2020 г. (Medicines Agencies Network Strategy to 2020, Consultation draft) данные РКП следует рассматривать для более широкого использования, а также повышать прозрачность данных, поскольку это может повлиять на принятие регуляторных решений. Данные РКП позволят выявлять и анализировать в реальных условиях проблемы безопасности лекарственных препаратов, что позволит регулирующим органам принимать регуляторные решения на более ранних стадиях²¹.

В 2020 г. Европейское агентство по лекарственным средствам (European Medicines Agency, ЕМА) опубликовало Стратегическое видение науки о регулировании до 2025 г. (EMA Regulatory Science to 2025. Strategic reflection)²² — документ, направленный на создание стимулирующие инноваций в области медицины человека и ветеринарии. Из него следует, что ЕМА признает фундаментальную важность клинических исследований для определения оценки риска-пользы от медицинского продукта, при этом утверждает, что использование данных РКП может принести пользу при получении дополнительных доказательств на протяжении всего жизненного цикла медицинского продукта, что позволит устранить некоторые ограничения при проведении клинических исследований (п. 3.3.4).

В 2022 г. Европейская сеть центров по фармакоэпидемиологии и фармаконадзору (The

European Network of Centres for Pharmacoepidemiology and Pharmacovigilance, ENCePP) выпустила обновленную версию Руководства по методологическим стандартам в фармакоэпидемиологии (Guide on Methodological Standards in Pharmacoepidemiology)²³. В нее была включена новая глава 15.6 «Доказательства реальной клинической практики и фармакоэпидемиология» (Real-world evidence and pharmacoepidemiology), в рамках которой дается определение RWD и RWE, представлены данные об использовании доказательств, полученных на основе данных РКП при оценке лекарственных препаратов, приводится сравнение таких доказательств и клинических исследований, а также проводится сравнение такого рода доказательств и фармакоэпидемиологии.

Обращаясь к опыту Евразийского экономического союза, следует отметить, что в 2022 г. на его территории исследуемые дефиниции были нормативно закреплены Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 17.03.2022 № 36 через внесение изменений в Правила регистрации и экспертизы лекарственных средств для медицинского применения, утвержденные Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 № 78²⁴, согласно которым:

1) «данные РКП» — это данные, относящиеся к состоянию здоровья пациента и (или) к процессу оказания медицинской помощи, полученные из различных источников;

2) «доказательства, полученные на основе данных РКП» — это клинические доказательства в отношении применения и потенциальной пользы или риска применения лекарственного

²¹ См.: Проект сетевой стратегии европейского медицинского агентства до 2020 г. (Medicines Agencies Network Strategy to 2020) // URL: https://www.ema.europa.eu/en/documents/other/european-union-medicines-agencies-network-strategy-2020-working-together-improve-health_en.pdf (дата обращения: 18.01.2023).

²² См.: Стратегическое видение науки о регулировании до 2025 года (EMA Regulatory Science to 2025. Strategic reflection) // URL: https://www.ema.europa.eu/en/documents/regulatory-procedural-guideline/ema-regulatory-science-2025-strategic-reflection_en.pdf (дата обращения: 18.01.2023).

²³ Руководства по методологическим стандартам в фармакоэпидемиологии. Версия 10 (Guide on Methodological Standards in Pharmacoepidemiology, Revision 10) // URL: https://www.encepp.eu/standards_and_guidances/documents/01.ENCePPMethodsGuideRev.10_Final.pdf (дата обращения: 18.01.2023).

²⁴ URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01511969/cncd_21112016_78 (дата обращения: 18.01.2023).

препарата, полученные на основе сбора и анализа данных РКП.

В настоящее время в целях реализации п. 4.10.1 Стратегических направлений евразийской экономической интеграции до 2025 года, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12²⁵, и п. 2.11 Перечня мер по повышению устойчивости экономик государств — членов ЕАЭС, включая обеспечение макроэкономической стабильности, утвержденного Распоряжением Совета Евразийской экономической комиссии от 17.03.2022 № 12²⁶, разработан проект Концепции развития подходов к сбору, анализу и использованию данных РКП в государствах — членах ЕАЭС.

Учитывая отсутствие в российской правовой системе нормативного закрепления рассматриваемых в статье дефиниций, необходимо также остановиться на взаимосвязи данных РКП и доказательств РКП с персональными данными. Данный аспект важен в том числе в связи с быстрым развитием информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта. Как было отмечено выше, данные РКП и доказательства РКП содержат в себе в том числе информацию о пациенте, что позволяет сделать вывод о том, что такие данные являются персональными. В свою очередь, согласно Федеральному закону от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»²⁷ под такими данными понимается любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных).

При этом в соответствии со ст. 10 Федерального закона № 152-ФЗ данные о состоянии здоровья относятся к специальной категории персональных данных, и их обработка не допускается, за исключением следующих случаев:

1) когда субъект персональных данных дал согласие в письменной форме на обработку своих персональных данных;

2) когда обработка персональных данных необходима для защиты жизни, здоровья или иных жизненно важных интересов субъекта персональных данных либо жизни, здоровья или иных жизненно важных интересов других лиц и получение согласия субъекта персональных данных невозможно;

3) когда обработка персональных данных осуществляется в медико-профилактических целях, в целях установления медицинского диагноза, оказания медицинских и медико-социальных услуг при условии, что обработка персональных данных осуществляется лицом, профессионально занимающимся медицинской деятельностью и обязанным в соответствии с законодательством Российской Федерации сохранять врачебную тайну.

Кроме того, обработка персональных данных, касающихся состояния здоровья, полученных в результате обезличивания персональных данных, допускается в целях повышения эффективности государственного или муниципального управления, а также в иных целях, предусмотренных Федеральным законом от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных” и Федеральным законом от 31.07.2020 № 258-ФЗ “Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации”», в порядке и на условиях, которые предусмотрены указанными федеральными законами. Это стало возможным благодаря вступлению в 2021 г. в силу Федерального закона от 02.07.2021 № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об экспериментальных

²⁵ URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/scd_12012021_12 (дата обращения: 18.01.2023).

²⁶ URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01431501/err_18032022_12 (дата обращения: 18.01.2023).

²⁷ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»²⁸, согласно которому в рамках экспериментального правового режима (далее — ЭПР) применение отдельных норм законодательства определяется не законодательным актом, а программой данного режима. То есть действие отдельных требований, установленных законодательными актами общего регулирования, может быть изменено или исключено в отношении участников ЭПР согласно программе ЭПР, утверждаемой в соответствии с Федеральным законом от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». Одним из семи рассмотренных участников программы ЭПР стал проект компании «Дата матрикс», которая занимается исследованиями рутинной клинической практики (RWE) на основе обезличенных данных из электронных медицинских карт.

Указанным Федеральным законом № 258-ФЗ внесены изменения в Федеральный закон «О персональных данных», предусматривающие возможность обработки персональных данных, полученных в результате обезличивания персональных данных, в целях, порядке и на условиях, которые предусмотрены Федеральным законом № 258-ФЗ. Кроме того, внесены изменения в федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», позволяющие устанавливать специальное регулирование в области законодательства в сфере охраны здоровья (программой ЭПР), которое может отличаться (в том числе изменять или исключать) от регулирования, предусмотренного положениями Федерального закона № 323-ФЗ.

В отношении участников ЭПР могут быть также изменены или исключены, например, требования в рамках клинической апробации медицинской помощи с применением медицинских изделий, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта, а особенности медицинской помощи, оказываемой с применением телемедицинских технологий, могут быть изменены или исключены в отноше-

нии медицинских организаций частной системы здравоохранения — участников ЭПР в части необходимости очного приема (консультации), постановки диагноза, дистанционного наблюдения, коррекции ранее назначенного лечения, а также применения иных средств идентификации пациентов, а не только единой системы идентификации и аутентификации.

Таким образом, данные РКП и доказательства РКП относятся к специальной категории персональных данных, а их обработка регулируется специальными нормами и возможна посредством их обезличивания. При этом актуальной представляется проблематика обеспечения безопасности таких данных, учитывая крайне быстрое развитие информационных технологий. Внимание этому вопросу было уделено в Стратегии развития здравоохранения, из которой следует, что в условиях быстро развивающихся информационно-коммуникационных технологий, искусственного интеллекта ощущается отставание в развитии технологий, обеспечивающих защиту персональных данных пациентов.

Мировой опыт свидетельствует о повышении внимания к данным РКП и доказательствам РКП и демонстрирует попытки нормативного закрепления указанных терминов. Уже сейчас имеются необходимые технические и организационно-технические возможности сбора данных РКП, разрабатываются подходы к их практическому применению для повышения качества оказания медицинской помощи и корректировки назначенного пациенту лечения, оценки безопасности и эффективности лекарственных средств и совершенствования государственных подходов в области лекарственного обеспечения.

Учитывая международный опыт, автор предлагает рассмотреть возможность законодательного закрепления в российских нормативных правовых актах дефиниций «данные РКП» и «доказательства РКП».

Автором предлагается изложение данных терминов в следующей редакции:

— «данные РКП» — сведения о состоянии здоровья пациента и (или) о ходе оказания па-

²⁸ СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5159.

циенту медицинской помощи и (или) о результатах оказания пациенту медицинской помощи, полученные из достоверных источников;

— «доказательства данных РКП» — сведения о пользе, рисках, безопасности, эффективности применения лекарственного препарата, специализированного продукта лечебного питания, медицинского изделия, а также безопасности, эффективности и рациональности оказания пациенту медицинской помощи, полученные на основе сбора, анализа и интерпретации данных РКП.

Кроме того, в целях гармонизации нормативного правового регулирования и минимизации возникновения правовых коллизий при нормативном закреплении указанного понятия-категориального аппарата необходимо разработать механизмы и правила, устанавливающие особенности государственного регулирования в части обработки, использования и учета больших данных, в том числе данных РКП и доказательств РКП, при оказании медицинской помощи, исследовании лекарственных препаратов и лекарственном обеспечении.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гольдина Т. А., Колбин А. С., Белоусов Д. Ю., Боровская В. Г. Обзор исследований реальной клинической практики // Качественная клиническая практика. — 2021. — № 1. — С. 56–63.
2. Исследования реальной клинической практики / А. С. Колбин, Д. Ю. Белоусов, С. К. Зырянов [и др.]. — М. : ОКИ, 2020. — 208 с.
3. Курьлев А. А., Журавков А. А., Колбин А. С. Анализ эффективности вакцинации от COVID-19 на основании данных реальной клинической практики в Санкт-Петербурге // Качественная клиническая практика. — 2021. — № 4. — С. 80–84.
4. Перхов В. И. Стандарты высокотехнологичной медицинской помощи и реальная клиническая практика // Здравоохранение Российской Федерации. — 2009. — № 3. — С. 31–42.
5. Самсонов М. Ю., Погребной Н. О., Вольская Е. А. Новые технологии в области анализа данных реального мира (RWD): вопросы и перспективы. — М. : Ремедиум, 2020. — 188 с.
6. Liu F., Panagiotakos D. Real-world data: a brief review of the methods, applications, challenges and opportunities // BMC Med Res Methodol. — 22, 287 (2022). — URL: <https://doi.org/10.1186/s12874-022-01768-6>.
7. Powell A. A., Power L., Westrop S., McOwat K., Campbell H., Simmons R., et al. Real-world data shows increased reactogenicity in adults after heterologous compared to homologous prime-boost COVID-19 vaccination, March — June 2021, England // Eurosurveillance. 2021;26(28):2100634.

Материал поступил в редакцию 14 июня 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Goldina T. A., Kolbin A. S., Belousov D. Yu., Borovskaya V. G. Obzor issledovaniy realnoy klinicheskoy praktiki // Kachestvennaya klinicheskaya praktika. — 2021. — № 1. — S. 56–63.
2. Issledovaniya realnoy klinicheskoy praktiki / A. S. Kolbin, D. Yu. Belousov, S. K. Zyryanov [i dr.]. — M.: OKI, 2020. — 208 s.
3. Kurylev A. A., Zhuravkov A. A., Kolbin A. S. Analiz effektivnosti vaksinatсии ot COVID-19 na osnovanii dannykh realnoy klinicheskoy praktiki v Sankt-Peterburge // Kachestvennaya klinicheskaya praktika. — 2021. — № 4. — S. 80–84.

4. Perkhov V. I. Standarty vysokotekhnologichnoy meditsinskoj pomoshchi i realnaya klinicheskaya praktika // Zdravookhranenie Rossiyskoy Federatsii. — 2009. — № 3. — S. 31–42.
5. Samsonov M. Yu., Pogrebnoy N. O., Volskaya E. A. Novye tekhnologii v oblasti analiza dannykh realnogo mira (RWD): voprosy i perspektivy. — M.: Remedium, 2020. — 188 s.
6. Liu F., Panagiotakos D. Real-world data: a brief review of the methods, applications, challenges and opportunities // BMC Med Res Methodol. — 22, 287 (2022). — URL: <https://doi.org/10.1186/s12874-022-01768-6>.
7. Powell A. A., Power L., Westrop S., McOwat K., Campbell H., Simmons R., et al. Real-world data shows increased reactogenicity in adults after heterologous compared to homologous prime-boost COVID-19 vaccination, March — June 2021, England // Eurosurveillance. 2021;26(28):2100634.

Сущность денежного суррогата

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовой природы денежного суррогата. Доказывается, что денежный суррогат является нелегальным финансовым инструментом и не может выполнять функции законного платежного средства. Законодательная норма о запрете выпуска денежных суррогатов не допускает двоечтения. Ни государство, ни какой-либо другой субъект не вправе выпускать их. Проблема неплатежей в экономике не может решаться незаконным способом — путем выпуска денежных суррогатов, которые причиняют значительный ущерб осуществлению денежно-кредитной политики страны. Электронные денежные средства не выступают в качестве суррогата, поскольку являются законным платежным средством. Криптовалюте присущи признаки суррогата; тот факт, что она используется в гражданско-правовых договорах, не меняет ее суррогатной природы. Цифровой рубль — это не суррогат (субститут, заменитель) денег, а полновесная российская валюта, имеющая обязательно-правовую природу (в основном публично-правовую), являющаяся носителем российской денежной единицы, выпускаемая и контролируемая государством в лице Банка России, выполняющая все функции денег и с экономической, и с социальной, и с юридической точек зрения.

Ключевые слова: суррогат; денежный суррогат; заменитель денег; субститут; деньги наличные и безналичные; законное платежное средство; электронные денежные средства (электронные деньги); цифровая валюта; «криптовалюта»; «частные деньги»; виртуальная валюта; технология блокчейн; финансовый инструмент; цифровые права; цифровое имущество.

Для цитирования: Турбанов А. В. Сущность денежного суррогата // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 3. — С. 56–72. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.056-072.

The Essence of a Cash Surrogate

Alexander V. Turbanov, Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department «Regulation of Financial Institutions,» Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation
tavffb@rambler.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of the legal nature of a cash surrogate. It is proved that a cash surrogate is an illegal financial instrument and it cannot perform the functions of a legal means of payment. The legislative norm prohibiting the issuance of cash surrogates is unambiguous. Neither the State nor any other entity has the right to issue them. The problem of non-payments in the economy cannot be solved in an illegal way, i.e., by issuing

© Турбанов А. В., 2024

* Турбанов Александр Владимирович, доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой «Регулирование деятельности финансовых институтов» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
просп. Вернадского, д. 82, г. Москва, Россия, 119571
tavffb@rambler.ru

cash surrogates, which cause significant damage to the implementation of the country's monetary policy. Electronic money does not act as a surrogate, since it is a legal means of payment. Cryptocurrency has the characteristics of a surrogate; the fact that it is used in civil law contracts does not change its surrogate nature. The digital ruble is not a surrogate (substitute) for money, but a full-fledged Russian currency of a binding nature (mainly under public law), being the carrier of the Russian monetary unit issued and controlled by the State through the Bank of Russia, performing all the functions of money in economic, social and legal contexts.

Keywords: surrogate; cash surrogate; money substitute; substitute; cash and non-cash money; legal means of payment; electronic money (electronic money); digital currency; «cryptocurrency»; «private money»; virtual currency; blockchain technology; financial instrument; digital rights; digital property.

Cite as: Turbanov AV. The Essence of a Cash Surrogate. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(3):56-72. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.056-072

«Просо — суррогат хлеба», — отвечал ученый правитель...
что, может статься, удовлетворило бы и нашего правоведа...
Но, однако, случилось так, что сказано ему «суррогат».

Н. С. Лесков. *Соборяне*

Денежные суррогаты, исходя из научной литературы и складывающейся практики, считаются достаточно широко распространенным явлением в экономике. Вместе с тем их правовая природа является предметом дискуссий, а активная цифровизация всех сторон общественной жизни привнесла свои вопросы в эту сферу. Одними из самых обсуждаемых тем стали статус так называемой «криптовалюты»¹ и не является ли цифровой рубль² суррогатом (заменителем, субститутом) денег.

Денежное обращение в России имеет прочную правовую основу. Статья 75 Конституции Российской Федерации предусматривает, что денежной единицей в России является рубль. Денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации. Введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются.

Статья 27 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О Центральном

банке Российской Федерации (Банке России)» (далее — Закон о Банке России) фиксирует, что официальной денежной единицей (валютой) Российской Федерации является рубль, и устанавливает, что введение на территории Российской Федерации других денежных единиц и выпуск денежных суррогатов запрещаются.

Указанные формулировки являются лаконичными, точными и не допускающими какого-либо двоечтения, включая четкий запрет на выпуск денежных суррогатов.

Что же тогда является основой для дискуссий, для утверждений, что нормальная экономика не может обойтись без денежных суррогатов³, для предложений легализовать их и определить режим использования?⁴

Обращает на себя внимание неоднозначная лексикология термина «суррогат».

Авторитетный русский лексикограф, этнограф и писатель В. И. Даль указывал два значения этого слова: 1) вещество, заменяющее, по нуж-

¹ Здесь и далее данный термин будет использоваться в кавычках.

² Доклад для общественных консультаций «Цифровой рубль». М. : Банк России, 2020. Октябрь 2020. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 09.10.2023); Концепция цифрового рубля. М. : Банк России, 2021. Апрель. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 09.10.2023).

³ Предеин Е. В. «Денежные суррогаты» в экономике России : дис. ... канд. экон. наук. М., 2004.

⁴ Дельцова Т. А. Многообразие денежных суррогатов в природе или в чем заключается свобода выбора? // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 3. С. 246.

де, другое; 2) подстава⁵. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона использует здесь явный негативный акцент: «Суррогатом принято называть фальсификации или подделки пищевых веществ, которые лишь до известной степени могут заменить соответствующие пищевые вещества»⁶. Современный словарь определяет суррогат (от лат. *surrogatus* — поставленный вместо другого) как продукт, предмет, лишь по некоторому сходству являющийся заменой натурального⁷.

Интернет-словарь «Википедия» «ничтоже сумняшеся» дает определение денежного суррогата: денежный суррогат — заменитель законного платежного средства, выполняющий одну или две отдельные функции денег⁸. Из этого определения вытекает, что речь идет о явлении, которое якобы является совершенно легальным. Но правовая логика говорит о другом. Законное платежное средство создается государством⁹. Это средство платежа, эмитированное в определенной денежной единице и официально введенное в обращение от имени государства, принимаемое по нарицательной стоимости¹⁰. При любой замене чем-либо оно теряет статус законного платежного средства.

Кроме того, если речь идет о функциях денег, надо ответить на вопрос, что такое деньги? И это не риторический вопрос.

Определение денег, данное авторами популярного американского учебника «Экономикс», гласит: «Деньги — это то, что деньги

делают. Всё, что выполняет функции денег, и есть деньги»¹¹. Получается, что деньгами может быть всё что угодно, а денежных суррогатов как явления быть не может, потому что ему нет места.

Совсем другие правоотношения складываются, когда, пользуясь экономическими свойствами денег, «государство придает им юридическое свойство — служить законным платежным средством»¹². С этим свойством корреспондируется другая правовая норма, запрещающая выпуск денежных суррогатов на территории Российской Федерации. Можно вести дискуссии о степени жесткости данной нормы, но факт остается фактом — денежные суррогаты в России запрещены. Их существование, согласно действующему законодательству, изначально является нелегальным.

Такая ситуация существовала не всегда. Коммерческая энциклопедия конца XIX — начала XX в. определяла: «Бумажные денежные знаки в виде банкнот, кредитных билетов, ассигнаций, купонов и пр. являются суррогатом металлических денег»¹³.

Объяснялось это тем, что, пока выпускаемые государством бумажные денежные знаки не имели принудительного курса и обменивались на «звонкую монету», они были полноценными деньгами. Как только они потеряли эти свойства, они стали суррогатами.

Полагаем, что введенное экономистами деление денег на полноценные и неполно-

⁵ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1999. Т. 4. С. 363.

⁶ URL: <https://gufo.me/dict/brockhaus/%D0%A1%D1%83%D1%80%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D1%82?ysclid=ll8877wm20471967357> (дата обращения: 09.10.2023).

⁷ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2008. С. 959.

⁸ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 09.10.2023).

⁹ *Лунц Л. А.* Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М. : Статут, 1999. С. 28.

¹⁰ См.: *Кучеров И. И.* Законное платежное средство как категория финансового права // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 46–47.

¹¹ *Экономикс: принципы, проблемы и политика* : учебник : пер. с англ. / К. Р. Макконнелл, С. Л. Брю, Ш. М. Флинн. 21-е изд. М. : Инфра-М, 2019. С. 868.

¹² *Шершеневич Г. Ф.* Учебник торгового права. Издание девятое (второе посмертное). М. : Московское научное издательство, 1919. С. 176.

¹³ *Ротшильд М.* Коммерческая энциклопедия: настольная книга по всем отраслям коммерческих знаний / под ред. С. С. Григорьева : в 4 т. СПб. : Издание В. Э. Форселлеса, 1900. Т. 3. С. 91.

ценные¹⁴ является некорректным, тем более оно никак не относится к современным деньгам. В любом случае они «должны иметь свою реальную основу, которая обеспечивается состоянием экономики и гарантируется государством»¹⁵.

Автор известного труда, посвященного денежным суррогатам в российской экономике, А. С. Генкин утверждает, что в зависимости от специфики организации денежных отношений, характера их участников денежные суррогаты можно систематизировать следующим образом:

- государственные денежные суррогаты;
- коммерческие денежные суррогаты;
- прочие (расписки, талоны, товарные документы и т.п.).

Например, к государственным денежным суррогатам он относит денежные документы, выпускаемые (или выпускавшиеся) органами государственной власти как федеральными, так и местными (казначейские налоговые освобождения, казначейские векселя, векселя местных органов власти, коммерческие векселя, авалированные органами власти).

Системообразующим фактором такой классификации А. С. Генкин считает неденежную форму расчетов. Понятно, что критерием деления денежных суррогатов можно считать форму собственности (при этом третья группа не охватывается указанным критерием и заслуживает отдельной оценки). Основную причину появления денежных суррогатов он видит в необходимости расплачиваться долговыми обязательствами при возможности предприятий-монополистов взвинчивать цены и при явном недостатке или полном отсутствии денег у потребителей их продукции. Основным ответственным «за все безобразия в денежной политике» он считает

Банк России, который «должен отвечать за качество всей денежной массы, всех денежных отношений»¹⁶.

Прежде всего следует сказать, что не Банк России запускает в оборот денежные суррогаты (и даже не он осуществляет переучет корпоративных векселей). Именно благодаря Банку России удается обеспечивать стабильность рубля в жестких условиях экономических санкций¹⁷.

Если денежные суррогаты используются предприятиями «при полном отсутствии денег» для приобретения необходимой продукции, то вопросы возникают к этим предприятиям. Как они планируют свою производственную деятельность и свою ликвидность, создавая состояние полного отсутствия денег? Значит, им просто не место на рынке, и никакие доводы не смогут убедить в обратном. Они должны быть удалены и при необходимости признаны банкротами.

Что касается третьей группы денежных суррогатов, указанных в рассматриваемой классификации («прочие: расписки, талоны, товарные документы и т.п.»), то ее изучение делает ясным, что она попала сюда просто по ошибке.

Талоны на топливо, подарочные карты, проездные билеты на предъявителя, почтовые знаки, магазинные чеки и т.п.¹⁸ являются документами, приобретенными на платной основе, за счет реальных денег. Другими словами, они являются документами, подтверждающими произведенную оплату, и поэтому не могут считаться денежными суррогатами.

Вводимые рядом организаций бонусы, мили, баллы и т.д. представляют собой права требования (которые также возникают на платной основе) на получение определенных услуг в будущем в соответствии с правилами их выпуска. Они

¹⁴ См., например: Финансы, деньги, кредит, банки : учеб. пособие / кол. авторов ; под ред. Е. Ф. Сысоевой. М. : Кнорус, 2021. С. 258–260.

¹⁵ Пороховский А. А. Деньги: функции и роль в XXI веке // USA — Canada Journal. 2017. № 12. С. 112.

¹⁶ Генкин А. С. Денежные суррогаты в российской экономике. М. : Альпина, 2000. С. 19–20.

¹⁷ См., например: Чем меньше рубль, тем больше денег. 07.09.2023 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6199743?ysclid=lmbnc2qfgk167118485> (дата обращения: 09.10.2023).

¹⁸ Крылов О. М. Денежный суррогат как правовая категория // Административное и муниципальное право. 2019. № 6. С. 25, 46.

носят премиальный, в том числе дисконтный, характер и суррогатами не могут считаться¹⁹.

Возникают вопросы и к первой группе денежных суррогатов. Вся она также состоит из документов, за которыми стоит реальная оплата либо задолженность бюджета. Так, сумма казначейского налогового освобождения определялась исходя из задолженности федерального бюджета перед соответствующими организациями, образовавшейся в ходе его исполнения в 1996 г. Всё это носило разовый характер, действительно вызывалось временными трудностями с федеральным бюджетом и уже с 1 мая 1996 г. Правительством России было предписано «прекратить использование любых неденежных форм осуществления налоговых и других платежей предприятий и организаций — налогоплательщиков в федеральный бюджет (включая товарный кредит и налоговые освобождения), а также неденежных форм погашения задолженности по ним»²⁰. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2023 г.) не предусматривает неденежную форму уплаты налогов.

В целом можно сказать, что у государства нет необходимости выпускать документы, которые бы заменяли деньги при денежных расчетах.

В сфере коммерческой деятельности, на первый взгляд, вроде бы должна складываться иная ситуация. Ее участники вправе избрать на

добровольной основе любую форму расчетов, в том числе неденежную.

Так, Г. З. Мансуров считает, что сфера действия ч. 2 ст. 27 Закона о Банке России в части запрета выпуска денежных суррогатов должна быть ограничена публично-правовыми отношениями. И соответственно, стороны своим соглашением могут предусмотреть использование денежных суррогатов в сфере гражданско-правовых отношений²¹.

Однако ни Закон о Банке России, ни тем более Конституция РФ (ст. 75) не увязывают границы запрета на выпуск денежных суррогатов (иных денег) с какой-либо сферой правоотношений. Это означает, что денежная эмиссия относится к исключительной компетенции государства, выпуск денежных суррогатов как таковых запрещен для кого бы то ни было, включая само государство.

В принципе можно согласиться с А. С. Генкиным, определяющим денежные суррогаты как «такие денежные знаки, которые не предусмотрены законодательством и вводятся отдельными предприятиями или иными организациями, а также гражданами самовольно»²².

Другое дело, когда финансовые документы выполняют некоторые функции денег вследствие совершения с ними разрешенных действующим законодательством операций (например, ценные бумаги, прежде всего вексель). Здесь исключается рассмотрение их в качестве денежных суррогатов²³, поскольку они выступают, по

¹⁹ См., например: письмо Минфина России от 29.07.2011 № 03-11-09/49.

²⁰ Постановление Правительства РФ от 01.04.1996 № 481 «Об упорядочении расчетов по осуществлению налоговых и других платежей предприятий и организаций — налогоплательщиков в федеральный бюджет, включая погашение задолженности по ним».

²¹ Мансуров Г. З. К проблеме пределов применения денежных суррогатов // Банковское право. 2004. № 4. С. 19–22.

²² Генкин А. С. Указ. соч. С. 13.

Нарекания вызывает только определение «денежные». Скорее всего, правильнее вести речь о заместителях денежных знаков либо о финансовых знаках.

Д. А. Печегин: российское законодательство критериев денежного суррогата не раскрывает, это позволяет исследователям говорить о том, что любые единицы, не признанные либо не имеющие статуса законного платежного средства, относятся к денежным суррогатам, а их существование нарушает действующее законодательство Российской Федерации (Печегин Д. А. Денежные суррогаты: зазеркалье современного регулирования // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 1 (14). С. 204–207).

²³ См., например: Крылов О. М. Указ. соч. С. 34; Кучеров И. И. Денежные суррогаты и иные квазиденежные платежные средства // Финансовое право. 2012. № 2. С. 2–5; Саженов А. В. Криптовалюты и денежные

выражению И. И. Кучерова, как «санкционированные государством платежные средства»²⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что рассматриваемая классификация денежных суррогатов утратила свою актуальность²⁵. Это касается и идеи решения денежными суррогатами проблемы неплатежей.

Е. В. Предеин пишет о двойственной природе денежных суррогатов, которая проявляется в сдерживании экономического роста на уровне макроэкономики и позволяет выжить хозяйствующим субъектам в трудных финансово-экономических условиях на уровне микроэкономики²⁶. Двойственную природу категории «денежный суррогат» отмечает и Т. А. Купцова, рассматривая его в качестве особого инструмента, который сочетает в себе черты как легитимного платежного средства, так и незаконного предмета — заменителя традиционных форм денег²⁷. А. В. Саженов, в свою очередь, видит решение проблемы в возможности разделения денежных суррогатов на запрещенные и легальные (полезные для оборота)²⁸.

Необходимо подчеркнуть, что неплатежи в экономике возникают как в результате ее низкой монетизации, жесткой денежно-кредитной политики, так и в результате целого ряда других причин. Использование в этой ситуации денежных суррогатов разрушительно действует на эмиссионную деятельность государства,

качество денежной массы и наполняемость бюджета. Очевидно, что если такая ситуация возникает, то решать ее следует законными средствами.

Новые вопросы возникают с появлением таких финансовых инструментов, как электронные денежные средства, «криптовалюта», цифровая валюта, цифровой рубль.

В этом нет ничего необычного и неожиданного. Как справедливо отмечают авторитетные современные ученые, тотальная информатизация и цифровизация предполагают трансформацию всей системы экономической жизни, включая отношения собственности, занятия предпринимательской деятельностью, механизм частного и государственного управления, которые будут основаны на цифровых системах. Будут затронуты и социальная, культурная сферы, что неминуемо приведет к изменению всего общества, включая частную жизнь²⁹.

Так, развитие современных технологий привело к появлению электронных денежных средств. Федеральный закон от 27.07.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»³⁰ дает им следующее определение: это «денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банков-

суррогаты: аспекты соприкосновения и разъединения понятий // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 2018. № 1. С. 57–60.

²⁴ Кучеров И. И. Денежные суррогаты и иные квазиденежные платежные средства. С. 4.

²⁵ Нельзя не заметить, что такой вид суррогатов, как поддельные (фальсифицированные) деньги, в данной монографии не упомянут. Возможно, потому, что их изготовление является явно уголовно наказуемым деянием.

²⁶ Предеин Е. В. «Денежные суррогаты» в экономике России : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2004. С. 9.

²⁷ Купцова Т. А. Функционирование денежных суррогатов в форме криптовалюты в системе современных экономических отношений : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Калининград, 2020. С. 10.

²⁸ Саженов А. В. Указ. соч. С. 57–60.

²⁹ Грачева Е. Ю., Ситник А. А., Папаскуа Г. Т. Правовое регулирование применения финансовых технологий в условиях цифровизации российской экономики : монография / под ред. Е. Ю. Грачевой, А. А. Ситника. М. : Проспект, 2023. С. 9.

См. также: Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий : монография. М. : Норма, 2023.

³⁰ СЗ РФ. 2011. № 11. Ст. 3872.

ского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа» (п. 18 ст. 3).

Законодатель прямо не определяет, являются ли электронные денежные средства обязательным платежным средством. Естественно, это вызвало дискуссию среди ученых относительно их правовой природы.

Например, С. В. Овсейко видит в них с экономической точки зрения все признаки истинных денег, хотя и с достаточно серьезными оговорками. Однако с юридической точки зрения, по его мнению, они не могут быть признаны деньгами ввиду отсутствия статуса законного платежного средства³¹.

Противоположной точки зрения придерживается М. А. Коростылев. Электронные деньги, пишет он, по своей правовой природе являются правами требования особого рода, эмитируемыми в сумме предоставленных клиентом денежных средств оператором электронных денежных средств для исполнения денежных обязательств клиента перед иными лицами и учитываемыми в электронной форме без открытия банковского счета. Особенность данного права требования *sui generis* заключается в том, что оно, подобно безналичным деньгам, абстрактно, безусловно и бессрочно. Электронные деньги, наряду с наличными и безналичными деньгами, являются одной из форм денег³².

М. В. Шевчук полагает, что возможность рассматривать электронные деньги в качестве законного платежного средства появится только после признания их таковыми на законодательном уровне. Тот факт, что они учитываются не на банковских счетах, окончательно не определяет их правовую сущность и не является решающим фактором. Как законное средство платежа их можно расценивать только в рам-

ках определенной платежной системы между участниками, которые в таком виртуальном пространстве выступают добровольно на договорной основе³³.

В Европейском Союзе действует Директива № 2009/110/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об учреждении и деятельности организаций, эмитирующих электронные деньги, о пруденциальном надзоре за их деятельностью, а также об изменении Директив 2005/60/ЕС и 2006/48/ЕС и об отмене Директивы 2000/46/ЕС» (принята в г. Страсбурге 16.09.2009). С одной стороны, она однозначно именует электронные денежные средства деньгами и дает им в п. 2 ст. 2 следующее определение: электронные деньги означают денежную стоимость, хранимую в электронной, в том числе магнитной, форме в качестве заявки эмитенту, которая выдается по получении денежных средств для проведения платежных операций, как это определено в п. 5 ст. 4 Директивы 2007/64/ЕС, и принимается физическим или юридическим лицом, отличным от эмитента электронных денег.

Этому предшествуют разумные общие положения, что такое определение должно быть технически нейтральным и достаточно широким, чтобы не препятствовать внедрению технологической инновации и чтобы можно было охватывать не только все продукты электронных денег, которые доступны на сегодняшний день на рынке, но также и те, которые могут быть разработаны в будущем. Указанный финансовый инструмент должен быть средством платежа общего назначения. Можно предположить, что речь идет об обязательном платежном средстве (a general purpose instrument). Наряду с этим, электронные деньги ввиду их особого характера называются электронным суррогатом монет и банкнот, который используется для осуществления платежей, как правило, в ограниченном объеме, а не в качестве средства сбережения (an electronic surrogate for coins and banknotes).

³¹ Овсейко С. Юридическая природа электронных денег // Юрист. 2007. № 9. С. 30–37.

³² Коростылев М. А. Правовой режим электронных денег в гражданском законодательстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 9.

³³ Шевчук М. В. Правовая природа электронных денежных средств // Юрист. 2012. № 12. С. 30–34.

Конечно, такое расхождение объясняется отчасти различной интерпретацией некоторых терминов. Но суть заключается в том, что российское законодательство, как было показано выше, не допускает выпуск денежных суррогатов.

Электронные денежные средства (электронные деньги) не выступают в качестве суррогата какой-либо формы денег. Они сами являются легальными деньгами, введенными законом. Как обоснованно отмечает Л. Г. Ефимова, электронные денежные средства (электронные деньги) с точки зрения правовой природы практически ничем не отличаются от безналичных денежных средств (безналичных денег), за исключением вида договора, который является правовым основанием для возникновения соответствующих прав (требований) у клиента к банку³⁴. Есть все основания считать их разновидностью такой формы, как безналичные деньги, и носителем законной денежной единицы — рубля. Другими словами, здесь важно именно то обстоятельство, что они являются носителем денежной единицы, способной выступать законным платежным средством³⁵ и в полной мере выполнять его предназначение.

Некоторые исследователи считают необходимым отметить денежные суррогаты на базе электронных платежных систем в интернет-торговле и сфере оплаты услуг³⁶. Это, например, WebMoney Transfer, Яндекс.Деньги, QIWI. Представляется, что тут не учитывается тот факт, что в ведение этих сервисов попадают электронные деньги, которые суррогатами не являются.

Следующим вызовом, порожденным цифровыми технологиями, стало изобретение «криптовалют». Они появились благодаря технологии блокчейн — цепочке электронных (цифровых)

блоков, создающих распределенную децентрализованную базу данных.

Блокчейн — это революционный прорыв в технологии, которую американские ученые П. Винья и М. Кейси назвали гениальной простотой³⁷. Блокчейн (англ. blockchain, block — блок, chain — цепь) — это база данных, состоящая из «цепочки блоков» в сети автономных компьютеров, формирующих распределенную систему доверия без участия банков или каких-либо других финансовых посредников, включая финансовых регуляторов. Важнейшая функция ведения учетных регистров передается самой сети.

База данных в блокчейне формируется и контролируется самими участниками сети, в ней невозможно фальсифицировать данные из-за хронологической записи и публичного подтверждения всеми участниками каждой транзакции. Особенностью технологии блокчейн является использование алгоритмов криптографии и математического вычисления, что практически исключает влияние человеческого фактора при принятии решений.

Применение цифровых технологий в праве состоит в постепенном переводе действий граждан и юридических лиц в алгоритмы создания, хранения и обновления информации, содержащейся в распределенном реестре³⁸.

Сама технология блокчейн, безусловно, заслуживает высокой оценки независимо от того, как относиться к идее «криптовалюты».

Вопрос о том, считать ли «криптовалюты» деньгами, является дискуссионным и в России, и за рубежом.

Так, К. Скиннер, известный британский эксперт в области финансовых технологий, считает, что «криптовалюты» не являются деньгами. Деньги — это законное платежное средство, га-

³⁴ Ефимова Л. Г. Денежные обязательства и финансовые сделки : учебник для магистратуры. М. : Проспект, 2023. С. 31.

³⁵ См. подробнее: Коростелёв М. А. Указ. соч. С. 12.

³⁶ Дельцова Т. А. Указ. соч. С. 245.

³⁷ Винья П., Кейси М. Эпоха криптовалют. Как биткоин и блокчейн меняют мировой экономический порядок. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. С. 16.

³⁸ Андреев В. К. Об экосистеме и правовых проблемах цифровой экономики // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2022. № 1. С. 15–19.

рантированное государством. Все остальное — товар, имеющий определенную ценность³⁹. А известный российский правовед Л. Г. Ефимова полагает: «Криптовалюты являются деньгами потому, что они выполняют денежные функции, и прежде всего функцию средства платежа». Криптовалюта, по ее мнению, представляет собой частные деньги⁴⁰.

Л. А. Лунц, ведя дискуссию с Г. Кнаппом по поводу государственной (номиналистической) теории денег в связи с тем, что тот не учитывал такой фактор, как общественное мнение, писал, что «частные деньги» не могут считаться деньгами в юридическом смысле⁴¹, и в своей известной монографии неоднократно ссылался на роль государства и законодательства⁴².

Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴³ (далее — Закон о ЦФА) не пошел навстречу сторонникам денежной природы криптовалюты, но и не разрешил проблему до конца. С одной стороны, он ввел понятие цифровой валюты (под которой, по существу, понимается «криптовалюта»), признавая ею совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа (ст. 1). С другой стороны, он установил, что она не вправе приниматься в качестве встречного предоставления за пере-

даваемые товары, выполняемые работы, оказываемые услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг).

Суровую отповедь «криптоэнтузиастам» дает В. Н. Усоский. Они «на генном уровне, — пишет он, — исключают государство из своей модели экономики. Они считают, что экспоненциальный рост новых цифровых технологий “уберет” государство из структуры их новой экономики, построенной исключительно на прямых сетевых связях между производителями и потребителями, которые уничтожат как посредников, так и государство. Однако у этой механистической техногенной утопии нет никаких перспектив для своей реализации»⁴⁴.

Даже Ф. А. Хайек, ратуя за выпуск частных денег, вынужден признать, что без какого-либо участия государства «им редко удавалось просуществовать в течение длительного времени»⁴⁵. Национальные регуляторы в большинстве своем вполне обоснованно связывают использование «криптовалют» с наличием многочисленных рисков финансовой безопасности и склоняются к тому, чтобы позиционировать их исключительно как денежные суррогаты⁴⁶.

Будет уместным сослаться на мнение научно-исследовательского центра Конгресса США о том, «что первоначально представленные в качестве платежных инструментов криптовалюты в основном используются как форма инвестирования»⁴⁷. Указанная мысль подчеркивается и в целом ряде других источников⁴⁸.

³⁹ ValueWeb. Как финтех-компании используют блокчейн и мобильные технологии для создания интернета ценностей : пер. с англ. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. С. 82.

⁴⁰ Ефимова Л. Г. Денежные обязательства и финансовые сделки. С. 37, 38.

⁴¹ Лунц Л. А. Указ. соч. С. 294.

⁴² Лунц Л. А. Указ. соч. С. 46, 49, 61, 65, 66, 94, 157, 171, 179, 189.

⁴³ СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

⁴⁴ Усоский В. Н. Квазиденежные суррогаты в экономике Беларуси и криптовалюта // Банковский вестник. 2019. № 8 (673). С. 24.

⁴⁵ Хайек Ф. А. Частные деньги : пер. с англ. М. : Институт национальной экономики, 1996. Гл. 5 : Мистика «законного платежного средства».

⁴⁶ Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования : науч.-практ. пособие / под ред. И. И. Кучерова, С. А. Синицына. М. : Норма : ИЗИСП, 2022. С. 67–109.

⁴⁷ Перевод автора с оригинала: *Tierno P. Introduction to Cryptocurrency*. Congressional Research Service. May 23, 2023. P. 2. URL: <https://crsreports.congress.gov> (дата обращения: 09.10.2023).

Деньги в своих различных формах, согласно российскому законодательству (ст. 128 ГК РФ), относятся к объектам гражданских прав, что является необходимым условием для их выпуска государством и организации обращения. Каждая из форм имеет свой правовой режим, в котором проявляются ее особенности. При этом наличные деньги продолжают относиться к вещам, хотя это слабо коррелирует с их основным предназначением как законного средства платежа и вытекающим из этого наличием обязательственных отношений. Применительно к «криптовалюте» пока нет общепризнанной терминологии.

Российское законодательство не содержит понятия «криптовалюта». М. А. Егорова и Л. Г. Ефимова понимают под криптовалютами разновидность цифровых денег, которая является результатом функционирования соответствующей компьютерной программы (цифровой код). Криптовалюты создаются с помощью соответствующего протокола, функционирующего децентрализованно с использованием технологии блокчейн. «Криптовалюта» — разновидность цифровой валюты, существующая в цифровом (электронном) виде и являющаяся нематериальной⁴⁹. Обращает на себя внимание значительное количество не юридических, а технических и технологических моментов.

В. К. Андреев, безусловно, прав, когда утверждает, что оценить правовую природу цифровой валюты необходимо не на технологии блокчейн, которая является технологической составляющей, а на анализе норм Закона о ЦФА и ГК РФ⁵⁰.

В коллективной монографии, посвященной «криптовалюте», дается подробная характеристика данному финансовому инструменту, что представляет огромный научный интерес⁵¹. «Криптовалюта» квалифицируется как иное имущество⁵². Даны ее основные признаки и особенности, в том числе справедливо отмечается, что в существующей правовой действительности невозможно отнести «криптовалюту» к средству платежа. Выпуск «криптовалют» следует связывать исключительно с частной инициативой.

Вместе с тем в монографии достаточно положений, которые вызывают серьезные сомнения и даже возражения. Прежде всего, вызывает возражение сам термин «криптовалюта». С этим термином в Россию пришла легковесность использования понятия валюты. Российское законодательство отождествляет понятия «деньги» и «валюта». «Криптовалюта» не является ни деньгами, ни, соответственно, валютой. На указанный факт обращает внимание и А. А. Ситник⁵³. Поэтому данный термин следует употреблять либо в кавычках, либо добавляя слова «так на-

⁴⁸ См., например: Трансформация денег: будущее валюты в цифровом мире : доклад Международного валютного фонда. 2018. Июнь // Финансы и развитие : ежеквартальный журнал МВФ. 2018. Июнь. Вып. 55. № 2. С. 15, 18, 20, 27. URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2018/06/pdf/fd0618r.pdf> (дата обращения: 09.10.2023).

⁴⁹ Егорова М. А., Ефимова Л. Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // Lex russica. 2019. № 7 (152). С. 131.

⁵⁰ Андреев В. К. О правовом аспекте цифровой валюты // Право и экономика. 2020. № 10. С. 5–9.

⁵¹ Криптовалюта как средство платежа: частноправовой и налоговый аспекты : монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2023.

⁵² См., например: Лолаева А. С., Макиев С. А., Бутаева Э. С. Правовая природа криптовалюты // Юридические исследования. 2021. № 12. С. 20–32 ; Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 136–153 ; Староверова О. В. Правовое регулирование цифровых финансовых активов и цифровой валюты // Цивилист. 2022. № 3. С. 6–15.

Существует и другая позиция: криптовалюта более близка по своей правовой природе не к иному имуществу, а к вещам. См.: Абрамова Е. Н. К вопросу о соотношении электронных денег и криптовалюты // Конкурентное право. 2019. № 3. С. 8–22.

⁵³ См., например: Ситник А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 103–112.

зываемая». То же касается и термина «цифровая валюта», который, к сожалению, использовал наш законодатель.

В работе М. А. Егоровой и Л. Г. Ефимовой дается квалификация цифровых валют по способу регулирования, предусматривающая деление на цифровые валюты центральных (национальных) банков и виртуальную валюту. Регулируемая цифровая валюта представляет собой цифровую валюту, регулируемую центральным (национальным) банком соответствующего государства. Под виртуальной валютой, как правило, понимаются нерегулируемые центральным (национальным) банком цифровые деньги, которые находятся в сфере контроля только своего разработчика, организации-учредителя или определенного сетевого протокола и принимаются к оплате в виртуальном мире⁵⁴. Представляется очевидным, что о цифровой валюте идет речь только в части регулируемой, а нерегулируемая (виртуальная) валютой не является.

Сказанное не означает, что «криптовалюта» выпадает из гражданского оборота. А. Ю. Толкачев и М. Б. Жужжалов справедливо утверждают, что криптовалюте не нужно быть деньгами «по своей природе»⁵⁵. Как и любые другие объекты имущества, ее можно будет покупать, продавать и обменивать, т.е. использовать в конкретных гражданско-правовых отношениях. Л. Г. Ефимова, рассматривая криптовалюту в качестве разновидности цифровых прав, полагает, что это совершенно новый объект гражданского права и предлагает назвать его цифровым имуществом⁵⁶. Такое наименование соответствует по существу названному предмету (явлению) и находится в русле современных тенденций. Вместе с тем имеет смысл внедрять его при устоявшейся терминологии.

Важным будет отличать «криптовалюту» от электронных денежных средств (электронных денег). Прежде всего, у электронных денег имеется центральный эмитент, у «криптовалют» таковой отсутствует. Кроме того, «криптовалюты» выпускаются и хранятся децентрализованно, а информация об электронных деньгах и операциях с ними может быть централизована⁵⁷.

И наконец, электронные деньги (электронные денежные средства) — законное платежное средство, а «криптовалюты» имеют признаки суррогатов денег. Это заменители официальных форм денег, они не обладают абсолютной ликвидностью, поскольку имеют ограниченное обращение, не могут обеспечивать сохранение покупательной способности и могут использоваться только по договоренности сторон.

Вместе с тем ряд специалистов считают, что криптовалюта не может быть денежным суррогатом, поскольку важным критерием при отнесении того или иного явления к суррогатам является факт отсутствия легализации этого конкретного объекта в гражданском обороте⁵⁸. По мнению А. И. Савельева, криптовалюта не может быть признана денежным суррогатом по прямо противоположной причине: в связи с ее использованием в конкретных гражданско-правовых договорах⁵⁹. На самом деле с учетом указанных выше признаков денежного суррогата ни то, ни другое обстоятельство не является критерием и не определяет, является ли конкретный объект (явление) суррогатом.

По состоянию на август 2023 г. количество криптовалют превышало 9 000, хотя в первые месяцы 2022 г. цифровых «монет» было гораздо больше. По другим оценкам, существует около 20 000 криптовалют, но большинство из них

⁵⁴ Егорова М. А., Ефимова Л. Г. Указ. соч. С. 131.

⁵⁵ Толкачев А. Ю., Жужжалов М. Б. Криптовалюта как имущество — анализ текущего правового статуса // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 9. См. также: Абрамова Е. Н. Указ. соч. С. 8–22.

⁵⁶ Ефимова Л. Г. Криптовалюты как объект гражданского права // Хозяйство и право. 2019. № 4. С. 6–8.

⁵⁷ Егорова М. А., Ефимова Л. Г. Указ. соч. С. 135 ; Абрамова Е. Н. Указ. соч. С. 8–22.

⁵⁸ Лолаева А. С., Макиев С. А., Бутаева Э. С. Указ. соч. С. 20–32.

⁵⁹ Савельев А. И. Указ. соч. С. 136–153.

либо неактивны, либо прекратили свое существование⁶⁰.

Интересный и достаточно обоснованный вывод делает в результате исследования А. А. Лагутенков, ссылаясь прежде всего на исключительную затратность процесса: в самом ближайшем будущем экономическая целесообразность «добычи» криптовалют сведется к нулю⁶¹.

Начиная с опубликования Банком России Доклада для общественных консультаций «Цифровой рубль» (2020 г.) и Концепции цифрового рубля (2021 г.) вопрос о правовой природе этого нового финансового инструмента стал одним из самых дискуссионных в науке.

Разброс мнений (вплоть до взаимоисключающих) с учетом различных нюансов достаточно широк:

— цифровой рубль — индивидуально-определенная вещь и новая форма денег наряду с наличными и безналичными (Т. В. Дерюгина⁶²);

— цифровой рубль не является вещью, материальным объектом, он может быть отнесен к безналичным деньгам (Т. М. Медведева, Л. А. Новоселова, М. А. Новоселов⁶³);

— использование технологии блокчейн не меняет правовую природу платежей цифровыми рублями; цифровой рубль должен быть урегулирован в рамках концепции безналичных денег (В. Низов)⁶⁴;

— цифровой рубль не может считаться обязательственными правами (требованиями),

поскольку в большинстве случаев отсутствует обязанное лицо. Он представляют собой новый объект гражданских прав — нематериальное (цифровое) имущество (Л. Г. Ефимова)⁶⁵;

— отнесение цифрового рубля к цифровой форме национальной валюты с гражданско-правовой точки зрения ошибочно, поскольку валютой выступают находящиеся в обращении на территории Российской Федерации денежные купюры и монеты Банка России (Л. Ю. Василевская)⁶⁶;

— цифровой рубль — это не замена денег и не денежный суррогат. Это, по большому счету, всего лишь третья форма жизни денежных средств (Н. Новичков)⁶⁷;

— на сегодняшний день цифровой рубль определяется как цифровая форма национальной валюты, которая одновременно является и средством обращения, и средством платежа, и мерой стоимости, и средством сбережения. Представляется необходимым признать цифровой рубль наряду с наличными и безналичными денежными средствами, имущественными правами и отнести их к категории цифровых прав (И. Г. Морозова)⁶⁸;

— цифровой рубль будет существовать не в виде вещи, подобно наличной форме денег, а представлять собой обязательство Банка России, следовательно, на него будет распространяться обязательственно-правовой режим (В. В. Шумилова)⁶⁹.

Исключительно последовательным является Е. А. Суханов, говоря об «анонсированной Цен-

⁶⁰ См.: URL: <https://topic.ru/statistics/finance/financial-instruments/kolichestvo-kriptoalyut-po-godam/?ysclid=lmnfd4b5y4183742870> (дата обращения: 09.10.2023).

⁶¹ Лагутенков А. Криптовалюты. Правила применения // Наука и жизнь. 2018. № 2. С. 22–26.

⁶² Дерюгина Т. В. Цифровая валюта и цифровой рубль: к вопросу о правовой новации // Цивилист. 2022. № 1. С. 8–11.

⁶³ Медведева Т. М., Новоселова Л. А., Новоселов М. А. Правовые риски введения цифрового рубля // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 41. С. 180.

⁶⁴ Низов В. День дурака без цифрового рубля // URL: https://zakon.ru/blog/2023/4/2/den_duraka_bez_cifrovogo_rublya?ysclid=lniw64z7zk288471975 (дата обращения: 09.10.2023).

⁶⁵ Ефимова Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. 2022. № 4. С. 6–15.

⁶⁶ Василевская Л. Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // Lex russica. 2023. Т. 76. № 1. С. 10.

⁶⁷ Новичков Н. Как цифровой рубль изменит жизнь россиян // URL: <https://www.mk.ru/economics/2023/02/06/kak-cifrovoy-rubl-izmenit-zhizn-rossiyan.html?ysclid=lnha6c1pn946832700> (дата обращения: 09.10.2023).

⁶⁸ Морозова И. Г. Правовой режим цифрового рубля // Юрист. 2023. № 9. С. 9.

⁶⁹ Шумилова В. В. Цифровой рубль Банка России как новая форма национальной валюты // Legal Concept. 2022. Vol. 21. No. 2. P. 159.

тральным банком попытке введения в Российской Федерации нового, “третьего вида денег” — “цифрового рубля” (несмотря на отсутствие даже “второго” их вида, под которым имеются в виду “безналичные денежные средства”, в действительности являющиеся не особыми “деньгами”, а способом расчетов без использования наличных денег, или правами требования клиентов к банкам и иным кредитным организациям)»⁷⁰.

Банк России говорит о третьей форме национальной валюты, наряду с наличными и безналичными, — о цифровой форме национальной валюты. Речь, конечно, идет не о третьей форме, так как существует только две формы денег⁷¹, что и подтвердил российский законодатель и дополнил ст. 128 ГК РФ об объектах гражданских прав, указав после слов «безналичные денежные средства» новый объект — «в том числе цифровые рубли», т.к. они являются разновидностью последних.

Таким образом, с появлением цифрового рубля возникнет не суррогат (субститут, заменитель) денег, а полноценная российская валюта, имеющая обязательственно-правовую природу (в основном публично-правовую), являющаяся носителем российской денежной единицы, выпускаемая и контролируемая государством в лице Центрального банка Российской Федерации, выполняющая все функции денег и с экономической, и с социальной, и с юридической (в том числе гражданско-правовой) точек зрения.

Естественно, это потребует серьезной перестройки законодательства, в первую очередь внесения изменений в Закон о ЦФА, чтобы он позволил считать цифровой рубль цифровой национальной валютой, а то, что не является валютой, не называл таким термином и не вносил путаницу в терминологию и правоприменительную практику.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абрамова Е. Н.* К вопросу о соотношении электронных денег и криптовалюты // Конкурентное право. — 2019. — № 3. — С. 8–22.
2. *Амелин Р. В., Чаннов С. Е.* Эволюция права под воздействием цифровых технологий : монография. — М. : Норма, 2023. — 280 с.
3. *Андреев В. К.* О правовом аспекте цифровой валюты // Право и экономика. — 2020. — № 10. — С. 5–9.
4. *Андреев В. К.* Об экосистеме и правовых проблемах цифровой экономики // Журнал предпринимательского и корпоративного права. — 2022. — № 1. — С. 15–19.
5. *Василевская Л. Ю.* Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 1.
6. *Винья П., Кейси М.* Эпоха криптовалют. Как биткоин и блокчейн меняют мировой экономический порядок. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. — С. 16. — 432 с.
7. *Генкин А. С.* Денежные суррогаты в российской экономике. — М. : Альпина, 2000. — 463 с.
8. *Грачева Е. Ю., Ситник А. А., Папаскуа Г. Т.* Правовое регулирование применения финансовых технологий в условиях цифровизации российской экономики : монография / под ред. Е. Ю. Грачевой, А. А. Ситника. — М. : Проспект, 2023. — 240 с.
9. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — М. : Рус. яз., 1999. — Т. 4. — 688 с.
10. *Дельцова Т. А.* Многообразие денежных суррогатов в природе или в чем заключается свобода выбора? // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. — 2017. — № 3. — С. 241–251.

⁷⁰ *Суханов Е. А.* О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. Т. 21. С. 23.

⁷¹ См. подробнее: *Турбанов А. В.* Цифровой рубль как новая форма денег // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 5 (138). С. 73–90.

11. Дерюгина Т. В. Цифровая валюта и цифровой рубль: к вопросу о правовой новации // *Цивилист*. — 2022. — № 1. — С. 8–11.
12. Егорова М. А., Ефимова Л. Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // *Lex russica*. — 2019. — № 7 (152). — С. 130–140.
13. Ефимова Л. Г. Денежные обязательства и финансовые сделки : учебник для магистратуры. — М. : Проспект, 2023. — 672 с.
14. Ефимова Л. Г. Криптовалюты как объект гражданского права // *Хозяйство и право*. — 2019. — № 4. — С. 17–25.
15. Ефимова Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // *Цивилист*. — 2022. — № 4. — С. 6–15.
16. Коростелёв М. А. Правовой режим электронных денег в гражданском законодательстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2015. — 35 с.
17. Криптовалюта как средство платежа: частноправовой и налоговый аспекты : монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. М. А. Егоровой. — М. : Проспект, 2023. — 352 с.
18. Крылов О. М. Денежный суррогат как правовая категория // *Административное и муниципальное право*. — 2019. — № 6. — С. 41–49.
19. Купцова Т. А. Функционирование денежных суррогатов в форме криптовалюты в системе современных экономических отношений : автореф. дис. ... канд. экон. наук. — Калининград, 2020. — 22 с.
20. Кучеров И. И. Денежные суррогаты и иные квазиденежные платежные средства // *Финансовое право*. — 2012. — № 2. — С. 2–5.
21. Кучеров И. И. Законное платежное средство как категория финансового права // *Журнал российского права*. — 2014. — № 8. — С. 38–47.
22. Лагутенков А. Криптовалюты. Правила применения // *Наука и жизнь*. — 2018. — № 2. — С. 22–26.
23. Лолаева А. С., Макиев С. А., Бутаева Э. С. Правовая природа криптовалюты // *Юридические исследования*. — 2021. — № 12. — С. 20–32.
24. Луниц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. — М. : Статут, 1999. — 352 с.
25. Мансуров Г. З. К проблеме пределов применения денежных суррогатов // *Банковское право*. — 2004. — № 4. — С. 19–22.
26. Медведева Т. М., Новоселова Л. А., Новоселов М. А. Правовые риски введения цифрового рубля // *Вестник Томского государственного университета. Право*. — 2021. — № 41. — С. 171–184.
27. Морозова И. Г. Правовой режим цифрового рубля // *Юрист*. — 2023. — № 9. — С. 6–10.
28. Низов В. День дурака без цифрового рубля // URL: https://zakon.ru/blog/2023/4/2/den_duraka_bez_cifrovogo_rublya?ysclid=lniw64z7zk288471975 (дата обращения: 09.10.2023).
29. Новичков Н. Как цифровой рубль изменит жизнь россиян // URL: <https://www.mk.ru/economics/2023/02/06/kak-cifrovoy-rubl-izmenit-zhizn-rossiyan.html?ysclid=lnha6c1pn946832700> (дата обращения: 09.10.2023).
30. Овсейко С. Юридическая природа электронных денег // *Юрист*. — 2007. — № 9. — С. 30–37.
31. Печегин Д. А. Денежные суррогаты: зазеркалье современного регулирования // *Российский журнал правовых исследований*. — 2018. — № 1 (14). — С. 204–207.
32. Пороховский А. А. Деньги: функции и роль в XXI веке // *USA — Canada Journal*. — 2017. — № 12. — С. 108–114.
33. Предеин Е. В. «Денежные суррогаты» в экономике России : дис. ... канд. экон. наук. — М., 2004. — 25 с.
34. Ротшильд М. Коммерческая энциклопедия: настольная книга по всем отраслям коммерческих знаний / под ред. С. С. Григорьева : в 4 т. Т. 3. — СПб. : Издание В. Э. Форселлеса. Репринт. 1900. — 468 с.
35. Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // *Закон*. — 2017. — № 8. — С. 136–153.
36. Саженов А. В. Криптовалюты и денежные суррогаты: аспекты соприкосновения и разъединения понятий // *Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес»*. — 2018. — № 1. — С. 57–60.

37. Ситник А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 11. — С. 103–112.
38. Староверова О. В. Правовое регулирование цифровых финансовых активов и цифровой валюты // Цивилист. — 2022. — № 3. — С. 6–15.
39. Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. — 2021. — № 6. — Т. 21. — С. 7–29.
40. Толкачев А. Ю., Жужжалов М. Б. Криптовалюта как имущество — анализ текущего правового статуса // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2018. — № 9. — С. 91–135.
41. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М., 2008. — 1175 с.
42. Турбанов А. В. Цифровой рубль как новая форма денег // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 5 (138). — С. 73–90.
43. Усоский В. Н. Квазиденежные суррогаты в экономике Беларуси и криптовалюта // Банковский вестник. — 2019. — № 8 (673). — С. 23–35.
44. Финансы, деньги, кредит, банки : учеб. пособие / колл. авт. ; под ред. Е. Ф. Сысоевой. — М. : Кнорус, 2021. — 554 с.
45. Хайек Ф. А. Частные деньги : пер. с англ. — М. : Институт национальной экономики, 1996.
46. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования : науч.-практ. пособие / под ред. И. И. Кучерова, С. А. Сеницына. — М. : Норма : ИЗИСП, 2022. — 376 с.
47. Шевчук М. В. Правовая природа электронных денежных средств // Юрист. — 2012. — № 12. — С. 30–34.
48. Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права. Издание девятое (второе посмертное). — М. : Московское научное издательство, 1919. — 373 с.
49. Шумилова В. В. Цифровой рубль Банка России как новая форма национальной валюты // Legal Concept. 2022. — Vol. 21. — No. 2. — P. 156–160.
50. Экономикс: принципы, проблемы и политика : учебник : пер. с англ. / К. Р. Макконнелл, С. Л. Брю, Ш. М. Флинн. — 21-е изд. — М. : Инфра-М, 2019. — 1152 с.
51. Tierno P. Introduction to Cryptocurrency. Congressional Research Service. May 23, 2023. — URL: <https://crsreports.congress.gov> (дата обращения: 09.10.2023).
52. ValueWeb. Как финтех-компании используют блокчейн и мобильные технологии для создания интернета ценностей : пер. с англ. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. — 416 с.

Материал поступил в редакцию 16 октября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abramova E. N. K voprosu o sootnoshenii elektronnykh deneg i kriptovalyuty // Konkurentnoe pravo. — 2019. — № 3. — S. 8–22.
2. Amelin R. V., Channov S. E. Evolyutsiya prava pod vozdeystviem tsifrovyykh tekhnologiy: monografiya. — M.: Norma, 2023. — 280 s.
3. Andreev V. K. O pravovom aspekte tsifrovoy valyuty // Pravo i ekonomika. — 2020. — № 10. — S. 5–9.
4. Andreev V. K. Ob ekosisteme i pravovykh problemakh tsifrovoy ekonomiki // Zhurnal predprinimatelskogo i korporativnogo prava. — 2022. — № 1. — S. 15–19.
5. Vasilevskaya L. Yu. Tsifrovoy rubl: vzglyad tsivilista na problemu // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 1.
6. Vinya P., Keysi M. Epokha kriptovalyut. Kak bitkoin i blokcheyn menyayut mirovoy ekonomicheskoy poriyadok. — M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2018. — S. 16. — 432 s.
7. Genkin A. S. Denezhnye surrogaty v rossiyskoy ekonomike. — M.: Alpina, 2000. — 463 s.

8. Gracheva E. Yu., Sitnik A. A., Papaskua G. T. Pravovoe regulirovanie primeneniya finansovykh tekhnologiy v usloviyakh tsifrovizatsii rossiyskoy ekonomiki: monografiya / pod red. E. Yu. Grachevoy, A. A. Sitnika. — M.: Prospekt, 2023. — 240 s.
9. Dal V. Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. — M.: Rus. yaz., 1999. — T. 4. — 688 s.
10. Deltsova T. A. Mnogoobrazie denezhnykh surrogatov v prirode ili v chem zaklyuchaetsya svoboda vybora? // Vestnik PNIU. Sotsialno-ekonomicheskie nauki. — 2017. — № 3. — S. 241–251.
11. Deryugina T. V. Tsifrovaya valyuta i tsifrovoy rubl: k voprosu o pravovoy novatsii // Tsivilist. — 2022. — № 1. — S. 8–11.
12. Egorova M. A., Efimova L. G. Ponyatie kriptovalyut v kontekste sovershenstvovaniya rossiyskogo zakonodatelstva // Lex russica. — 2019. — № 7 (152). — S. 130–140.
13. Efimova L. G. Denezhnye obyazatelstva i finansovye sdelki: uchebnik dlya magistratury. — M.: Prospekt, 2023. — 672 s.
14. Efimova L. G. Kriptovalyuty kak obekt grazhdanskogo prava // Khozyaystvo i pravo. — 2019. — № 4. — S. 17–25.
15. Efimova L. G. O pravovoy prirode beznalichnykh deneg, tsifrovoy valyuty i tsifrovogo rublya // Tsivilist. — 2022. — № 4. — S. 6–15.
16. Korostelev M. A. Pravovoy rezhim elektronnykh deneg v grazhdanskom zakonodatelstve: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2015. — 35 s.
17. Kriptovalyuta kak sredstvo platezha: chastnopravovoy i nalogovyy aspekt: monografiya / pod obshch. red. d-ra jurid. nauk, prof. M. A. Egorovoy. — M.: Prospekt, 2023. — 352 s.
18. Krylov O. M. Denezhnyy surrogat kak pravovaya kategoriya // Administrativnoe i munitsipalnoe pravo. — 2019. — № 6. — S. 41–49.
19. Kuptsova T. A. Funktsionirovanie denezhnykh surrogatov v forme kriptovalyuty v sisteme sovremennykh ekonomicheskikh otnosheniy: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. — Kaliningrad, 2020. — 22 s.
20. Kucherov I. I. Denezhnye surrogaty i inye kvazidenezhnye platezhnye sredstva // Finansovoe pravo. — 2012. — № 2. — S. 2–5.
21. Kucherov I. I. Zakonnoe platezhnoe sredstvo kak kategoriya finansovogo prava // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2014. — № 8. — S. 38–47.
22. Lagutenkov A. Kriptovalyuty. Pravila primeneniya // Nauka i zhizn. — 2018. — № 2. — S. 22–26.
23. Lolaeva A. S., Makiev S. A., Butaeva E. S. Pravovaya priroda kriptovalyuty // Yuridicheskie issledovaniya. — 2021. — № 12. — S. 20–32.
24. Lunts L. A. Dengi i denezhnye obyazatelstva v grazhdanskom prave. — M.: Statut, 1999. — 352 s.
25. Mansurov G. Z. K probleme predelov primeneniya denezhnykh surrogatov // Bankovskoe pravo. — 2004. — № 4. — S. 19–22.
26. Medvedeva T. M., Novoselova L. A., Novoselov M. A. Pravovye riski vvedeniya tsifrovogo rublya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. — 2021. — № 41. — S. 171–184.
27. Morozova I. G. Pravovoy rezhim tsifrovogo rublya // Yurist. — 2023. — № 9. — S. 6–10.
28. Nizov V. Den duraka bez tsifrovogo rublya // URL: https://zakon.ru/blog/2023/4/2/den_duraka_bez_cifrovogo_rublya?ysclid=lniw64z7zk288471975 (data obrashcheniya: 09.10.2023).
29. Novichkov N. Kak tsifrovoy rubl izmenit zhizn rossiyan // URL: <https://www.mk.ru/economics/2023/02/06/kak-cifrovoy-rubl-izmenit-zhizn-rossiyan.html?ysclid=lnha6c1pn946832700> (data obrshcheniya: 09.10.2023).
30. Ovseyko S. Yuridicheskaya priroda elektronnykh deneg // Yurist. — 2007. — № 9. — S. 30–37.
31. Pechegin D. A. Denezhnye surrogaty: zazerkale sovremennogo regulirovaniya // Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy. — 2018. — № 1 (14). — S. 204–207.
32. Porokhovskiy A. A. Dengi: funktsii i rol v XXI veke // USA — Canada Journal. — 2017. — № 12. — S. 108–114.
33. Predein E. V. «Denezhnye surrogaty» v ekonomike Rossii: dis. ... kand. ekon. nauk. — M., 2004. — 25 s.
34. Rotshild M. Kommercheskaya entsiklopediya: nastolnaya kniga po vsem otraslyam kommercheskikh znaniy / pod red. S. S. Grigoreva: v 4 t. T. 3. — SPb.: Izdanie V. E. Forsellesa. Reprint. 1900. — 468 s.

35. Savelev A. I. Kriptovalyuty v sisteme obektov grazhdanskikh prav // *Zakon*. — 2017. — № 8. — S. 136–153.
36. Sazhenov A. V. Kriptovalyuty i denezhnye surrogaty: aspekty soprikosnoveniya i razedineniya ponyatiy // *Predprinimatelskoe pravo. Prilozhenie «Pravo i biznes»*. — 2018. — № 1. — S. 57–60.
37. Sitnik A. A. Tsifrovye valyuty: problemy pravovogo regulirovaniya // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. — 2020. — № 11. — S. 103–112.
38. Staroverova O. V. Pravovoe regulirovanie tsifrovyykh finansovykh aktivov i tsifrovoy valyuty // *Tsivilist*. — 2022. — № 3. — S. 6–15.
39. Sukhanov E. A. O grazhdansko-pravovoy prirode «tsifrovogo imushchestva» // *Vestnik grazhdanskogo prava*. — 2021. — № 6. — T. 21. — S. 7–29.
40. Tolkachev A. Yu., Zhuzhzhakov M. B. Kriptovalyuta kak imushchestvo — analiz tekushchego pravovogo statusa // *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. — 2018. — № 9. — S. 91–135.
41. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka s vklucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov / otv. red. N. Yu. Shvedova*. — M., 2008. — 1175 s.
42. Turbanov A. V. Tsifrovoy rubl kak novaya forma deneg // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. — 2022. — T. 17. — № 5 (138). — S. 73–90.
43. Usoskiy V. N. Kvazidenezhnye surrogaty v ekonomike Belarusi i kriptovalyuta // *Bankovskiy vestnik*. — 2019. — № 8 (673). — S. 23–35.
44. *Finansy, dengi, kredit, banki: ucheb. posobie / koll. avt.; pod red. E. F. Sysoevoy*. — M.: Knorus, 2021. — 554 s.
45. *Khayek F. A. Chastnye dengi: per. s angl.* — M.: Institut natsionalnoy ekonomiki, 1996.
46. *Tsifrovaya ekonomika: aktualnye napravleniya pravovogo regulirovaniya: nauch.-prakt. posobie / pod red. I. I. Kucherova, S. A. Sinitsyna*. — M.: Norma: IZiSP, 2022. — 376 s.
47. Shevchuk M. V. Pravovaya priroda elektronnykh denezhnykh sredstv // *Yurist*. — 2012. — № 12. — S. 30–34.
48. *Shershenevich G. F. Uchebnik torgovogo prava. Izdanie devyatoe (vtoroe posmertnoe)*. — M.: Moskovskoe nauchnoe izdatelstvo, 1919. — 373 s.
49. Shumilova V. V. Tsifrovoy rubl Banka Rossii kak novaya forma natsionalnoy valyuty // *Legal Concept*. 2022. — Vol. 21. — No. 2. — P. 156–160.
50. *Ekonomiks: printsipy, problemy i politika: uchebnik: per. s angl. / K. R. Makkonnell, S. L. Bryu, Sh. M. Flinn*. — 21-e izd. — M.: Infra-M, 2019. — 1152 s.
51. Tierno P. Introduction to Cryptocurrency. Congressional Research Service. May 23, 2023. — URL: <https://crsreports.congress.gov> (data obrashcheniya: 09.10.2023).
52. *ValueWeb. Kak fintekh-kompanii ispolzuyut blokcheyn i mobilnye tekhnologii dlya sozdaniya interneta tsennostey: per. s angl.* — M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2018. — 416 s.

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.073-080

Е. С. Ларионова*

Развитие финансово-правового механизма функционирования платежных систем в новых экономических условиях

Аннотация. В статье предлагаются перспективные направления совершенствования финансово-правового механизма функционирования платежных систем, обеспечивающие достижение целей развития финансового рынка, предусмотренных Стратегией развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 г., а также целей обеспечения национальной безопасности, определенных Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, в условиях недружественных действий иностранных государств. Платежные системы — один из ключевых элементов платежной инфраструктуры, необходимый для поддержания бесперебойного движения денежных средств в целях исполнения гражданско-правовых и публичных обязательств. Поскольку в настоящее время недружественные действия иностранных государств непосредственно направлены на функционирование платежных систем в России, представляется важным предусмотреть финансово-правовые механизмы, смягчающие или устраняющие соответствующие негативные последствия. Так, автор предлагает установить требования об обязательном применении национальных систем передачи финансовой информации при функционировании платежных систем, а также обосновывает целесообразность создания специального регулирования завершения расчетов при одностороннем прекращении участия в платежной системе. Кроме того, предлагаются финансово-правовые механизмы, учитывающие продолжающуюся цифровизацию платежной сферы и необходимые в связи с этим для поддержания бесперебойной работы платежных систем. В частности, в статье обосновывается вывод о целесообразности унификации правил присвоения МСС-кодов, определяющих вид деятельности получателя средств, для обеспечения корректности их использования при совершении карточных переводов. В конечном счете предлагаемые в статье правовые механизмы направлены на совершенствование законодательства о платежных системах и документов платежных систем.

Ключевые слова: платежные системы; надлежащее функционирование; Банк России; бесперебойность; национальная платежная система; финансово-правовой механизм; финансовый суверенитет; национальная безопасность; цифровизация; платежный рынок.

Для цитирования: Ларионова Е. С. Развитие финансово-правового механизма функционирования платежных систем в новых экономических условиях // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 3. — С. 73–80. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.073-080.

© Ларионова Е. С., 2024

* Ларионова Елизавета Сергеевна, аспирант Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус), г. Москва, Россия, 119991
betsalina@yandex.ru

Development of the Financial Law Mechanism for the Functioning of Payment Systems in New Economic Conditions

Elizaveta S. Larionova, Postgraduate Student, Higher School of Public Audit (Faculty),
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
betsalina@yandex.ru

Abstract. The paper suggests promising directions for improving the financial law mechanism of functioning for payment systems, ensuring achievement of the goals of financial market development provided for by the Strategy for the Development of the Financial Market of the Russian Federation until 2030 and the goals of ensuring national security defined by the National Security Strategy of the Russian Federation in the face of unfriendly actions of foreign states. Payment systems are one of the key elements of the payment infrastructure necessary to maintain uninterrupted cash flow in order to fulfill individual civil and public obligations. Since currently unfriendly actions of foreign states are directly aimed at the functioning of payment systems in Russia, it seems important to provide financial law mechanisms that mitigate or eliminate the corresponding negative consequences. Thus, the author proposes to establish requirements for the mandatory use of national financial information transmission systems in the operation of payment systems, and justifies the expediency of creating a special regulation for settlements in case of unilateral termination of participation in the payment system. In addition, the paper proposes financial law mechanisms that take into account the ongoing digitalization of the payment sector and are necessary in this regard to maintain the smooth operation of payment systems. In particular, the paper substantiates the conclusion that it is advisable to unify the rules for assigning MCCs that determine the type of activity of the recipient of funds in order to ensure the correctness of their use when making card transfers. Ultimately, the legal mechanisms proposed in the paper are aimed at improving legislation on payment systems and documents of payment systems.

Keywords: payment systems; proper functioning; Bank of Russia; continuity; national payment system; financial and legal mechanism; financial sovereignty; national security; digitalization; payment market.

Cite as: Larionova ES. Development of the Financial Law Mechanism for the Functioning of Payment Systems in New Economic Conditions. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(3):73-80. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.073-080

Стратегия развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года¹ в качестве ключевой задачи развития национальной платежной инфраструктуры определяет своевременное создание правового регулирования для безопасного внедрения инноваций и единых стандартов применения цифровых технологий в платежной сфере (подразд. 6 разд. III). Стратегия национальной безопасности Российской Федерации² предусматривает в качестве одной из задач экономической безопасности необходимость укрепления финансовой системы

и финансового суверенитета нашей страны, что обеспечивается, в частности, за счет развития национальной платежной инфраструктуры (пп. 17 п. 67). Одним из ключевых элементов национальной платежной инфраструктуры являются платежные системы, регулирование функционирования которых предусмотрено Федеральным законом от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее — Закон о НПС)³. В соответствии с п. 2 ст. 3 Закона о НПС платежные системы работают для осуществления перевода денежных средств. Следовательно, качество

¹ Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 № 4355-р «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. III). Ст. 476.

² Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.07.2021).

³ СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

функционирования платежных систем влияет на стабильность денежного обращения в государстве, а значит, и всей его финансовой системы.

Имеющийся к настоящему моменту опыт функционирования платежных систем в России показывает, что они, как и другие ключевые элементы финансовой системы государства, подвержены негативному воздействию санкций иностранных государств. В 2014 г. ответом на санкционные меры стало создание национальной платежной системы «Мир» (см. гл. 4.1 Закона о НПС). Кроме того, были ужесточены требования к функционированию международных платежных систем в России для того, чтобы повысить правовые гарантии завершения переводов денежных средств по распоряжениям граждан, составленным с использованием платежных карт. Так, были установлены требования об обязательном взаимодействии операторов таких платежных систем (речь идет о международных платежных системах «Виза», «Мастеркард», «Америкэн Экспресс», «Джей Си Би» и «ЮнионПэй»⁴) с операционным и платежным клиринговым центром — Национальной системой платежных карт (НСПК), а также Банком России в целях получения услуг платежной инфраструктуры (ч. 2 ст. 30.1, ч. 4 ст. 30.6 Закона о НПС). Также были предусмотрены требования, запрещающие операторам услуг платежной инфраструктуры в одностороннем порядке приостанавливать оказание таких услуг участникам платежной системы (ч. 13 ст. 16 Закона о НПС), а операторам платежных систем приостанавливать участие в платежной системе в одностороннем порядке из-за приостановления участия в иностранной платежной системе (п. 6 ч. 4 ст. 20 Закона о НПС).

Указанные изменения законодательства имели своей целью обеспечить максимальную независимость российского платежного рынка от

решений иностранных государств и компаний. Вместе с тем практика реализации рассмотренных положений Закона о НПС показала необходимость их уточнения, поскольку имели место факты нарушения установленных требований или действия в обход них. Например, правилами платежной системы «Виза» предусмотрены оценочные требования к участию в указанной платежной системе: участники должны «не совершать действия (бездействия), которые, по мнению Оператора платежной системы, могут нанести ущерб Торговым знакам, принадлежащим Visa» (пп. 2.1.1.1 Правил платежной системы «Виза» по осуществлению операций на территории Российской Федерации⁵). Указанное положение правил платежной системы «Виза» с очевидностью является несправедливым, поскольку допускает произвольное определение оператором платежной системы содержания соответствующих действий (бездействия).

В свою очередь Закон о НПС не содержит положений, непосредственно запрещающих использование оценочных требований для определения критериев участия в платежной системе. В результате оператор платежной системы «Виза» в 2022 г. в одностороннем порядке приостановил участие ряда российских банков, попавших под санкции, поскольку их участие наносило репутационный ущерб всей платежной системе⁶, а итоговой реакцией, которую смог реализовать Банк России, стало исключение оператора из соответствующего Реестра.

Представляется, что финансово-правовой механизм функционирования платежных систем в этом случае должен быть более совершенным и поддерживать осуществление операций в платежной системе, несмотря на санкционное давление⁷. Для того чтобы установить, как именно следует дополнить финансово-право-

⁴ Наименования платежных систем приведены в соответствии с Реестром операторов платежных систем, размещенным на официальном сайте Банка России (URL: <https://cbr.ru/registries/nps/rops/> (дата обращения: 15.10.2023)).

⁵ URL: <https://www.visa.com.ru/visa-everywhere/about-visa/legislation.html> (дата обращения: 15.10.2023).

⁶ Visa остановила участие «санкционных» банков в своей системе // URL: <https://brobank.ru/visa-i-sankcionnie-banki/> (дата обращения: 15.10.2023).

⁷ *Артемов Н. М., Ситник А. А.* Противодействие антироссийским санкциям в платежной и валютной сферах // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 6. С. 48–62.

вой механизм функционирования платежных систем, целесообразно определить его понятие и содержание.

В науке финансового права финансово-правовой механизм определяется как совокупность правовых средств, необходимых для управления финансовой деятельностью государства⁸. Основными правовыми средствами, составляющими финансово-правовой механизм, являются нормативные правовые и правоприменительные акты⁹. Целью финансово-правового механизма являются обеспечение финансового суверенитета страны и своевременная адаптация финансового законодательства к меняющимся условиям совершения финансовых операций¹⁰. Особенностью финансово-правового механизма функционирования платежных систем является то, что к числу его правовых средств также относятся документы оператора платежной системы, лежащие в основе ее работы: правила платежной системы и иные организационные договоры (например, о проведении расчетов в рамках платежной системы, об оказании услуг платежной инфраструктуры и др.)¹¹. Таким образом, для комплексного совершенствования финансово-правового механизма функционирования платежных систем в изменениях нуждаются и документы операторов платежных систем.

Основными нормативными правовыми актами, обеспечивающими функционирование платежных систем, являются:

1) **Конституция РФ**, а именно ст. 8, п. «ж» ст. 71, а также ст. 74 и 75. Указанные положения определяют конституционные основы финан-

совой системы России, в том числе денежного обращения. Конституция РФ гарантирует свободу перемещения финансовых средств, что применительно к работе платежных систем означает недопустимость ее нарушения, например, посредством ограничения переводов денежных средств участников платежной системы, приостановления оказания услуг платежной инфраструктуры. Устойчивость рубля обеспечивается в том числе за счет бесперебойной и надежной работы платежных систем в России, что определяет полномочия Банка России по регулированию платежных систем в соответствии с интересами национальной безопасности¹²;

2) **Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»**¹³, в частности положения гл. XII.1. Название указанной главы предопределяет основную цель Банка России в сфере регулирования платежных систем — обеспечение их стабильного развития. Следовательно, регулирование, реализуемое Банком России, должно поддерживать работу платежных систем за счет правовых средств предупреждения нарушений и оперативного устранения последствий нарушений, если они имели место;

3) **Закон о НПС**. Данный Федеральный закон определяет основные требования к работе платежных систем, а также меры ответственности в случае их нарушения. Поскольку Закон о НПС устанавливает организационные основы расчетов в Российской Федерации, именно его положения могут быть дополнены публично-правовыми требованиями, определяющими

⁸ Борисенко Е. А. Финансовая надежность кредитных организаций: правовой механизм обеспечения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.

⁹ Горбунова О. Н. Проблемы совершенствования основных финансово-правовых институтов в условиях перехода России к рынку : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996.

¹⁰ Кобзарь-Фролова М. Н. Развитие финансово-правового механизма бюджетной, налоговой, таможенной политики Российской Федерации // Финансовое право. 2016. № 4. С. 11–13.

¹¹ Ефимова Л. Г. Договор о выдаче и использовании банковской карты и договор эквайринга в системе договоров об организации безналичных расчетов : монография. М. : Проспект, 2017.

¹² Брыкин К. И. Финансовая стабильность и влияние санкций на российскую финансовую систему: финансово-правовые аспекты // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2023. № 1 (68). С. 69–73.

¹³ СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

механизмы поддержания работы ПС в условиях санкций в интересах национальной безопасности¹⁴;

4) **иные федеральные законы, предусматривающие специальные полномочия Банка России** по регулированию деятельности платежных систем или их участников (кредитных организаций). Примером такого закона в настоящее время является Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ¹⁵, статья 20 которого наделяет органы управления Банка России правом принимать оперативные решения, влияющие на деятельность поднадзорных Банку России организаций, для поддержания их нормальной работы в условиях санкций. Соответствующие оперативные решения оформляются либо решениями Совета директоров Банка России, либо ненадзорными предписаниями, адресованными всем кредитным организациям. Такие оперативные решения имеют срочный характер, направлены на отмену, приостановление или корректировку действующего регулирования в интересах национальной безопасности в рамках проводимой Банком России контрсанкционной политики.

Существенным элементом финансово-правового механизма функционирования платежных систем являются нормативные акты Банка России, принятые в соответствии с Законом о НПС. Ключевым среди них является положение Банка России № 607-П¹⁶, определяющее требования к поддержанию бесперебойности функционирования платежных систем и управлению рисками, возникающими в связи с внешними и внутренними негативными событиями.

Документы оператора платежной системы необходимы для реализации в деятельности конкретной платежной системы требований

вышеуказанных актов законодательства. Так, например, согласно требованиям ст. 20 и 28 Закона о НПС в правилах платежных систем должны содержаться положения о взаимодействии субъектов и участников платежной системы в нестандартных и чрезвычайных ситуациях, а также быть описаны способы управления рисками, в частности, для завершения расчетов, что критически важно для поддержания стабильности движения денежных средств между экономическими субъектами.

Совершенствование финансово-правового механизма функционирования платежных систем должно предусматривать создание правовых средств, направленных на поддержание работы платежных систем в условиях санкций. При этом регулирование платежных систем должно учитывать цифровизацию финансовых рынков, т.е. быть строгим и обеспечивающим интересы национальной финансовой безопасности и одновременно гибким для своевременной адаптации к новым технологиям и цифровым инновациям в целях поддержания конкуренции в платежной сфере. С учетом указанных направлений, влияющих на работу платежных систем, предлагаются следующие способы совершенствования финансово-правового механизма их функционирования:

1) необходимо предусмотреть правовые условия использования независимых способов передачи платежной информации внутри платежной системы. В отношении операторов платежных систем должно быть установлено требование об использовании национальных систем передачи такой информации (например, Системы передачи финансовых сообщений Банка России (СПФС)) внутри платежной системы. Для реализации рассматриваемого пред-

¹⁴ Лаутс Е. Б. Источники банковского права // Лекции по предпринимательскому праву. Новое в правовом регулировании бизнеса : сборник / отв. ред. Е. П. Губин, Е. Б. Лаутс. М. : Юрист, 2013.

¹⁵ Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 08.03.2022).

¹⁶ Положение Банка России от 03.10.2017 № 607-П «О требованиях к порядку обеспечения бесперебойности функционирования платежной системы, показателям бесперебойности функционирования платежной системы и методикам анализа рисков в платежной системе, включая профили рисков» // Вестник Банка России. 2018. № 2 (1956).

ложения необходимо дополнить Закон о НПС (в частности, ст. 16 и 20) новыми обязанностями оператора платежной системы по обеспечению использования участниками платежной системы российских систем передачи платежной информации;

2) необходимо предусмотреть правовые средства, направленные на поддержание функционирования платежной системы в случае, если в отношении ее участников вводятся санкции, влекущие за собой приостановление их участия в платежной системе. Должен быть определен порядок завершения расчетов в ситуации, когда обязательства исключенного участника допущены к платежному клирингу. В этом случае исключенный участник не может предоставить денежные средства для завершения расчетов внутри платежной системы, поскольку его участие в платежной системе приостановлено. Следовательно, необходимо предусмотреть резервный способ предоставления денежных средств. В этом случае может быть использован механизм завершения расчетов в деньгах центрального банка¹⁷, предполагающий кредитование Банком России оператора платежной системы в размере суммы обязательств исключенного участника. Для реализации данного предложения необходимо внести изменения в Закон о Банке России (ст. 46 и 48), допускающие возможность кредитования оператора платежной системы на указанные цели вне зависимости от наличия у него статуса кредитной организации;

3) необходимо уточнить правовой подход к формированию правоотношений между субъектами и участниками платежной системы. В настоящее время отношения внутри платежной системы основываются на положениях организационных договоров, заключаемых операторами услуг платежной инфраструктуры с участниками платежной системы в силу требований Закона о НПС. Учитывая предпринимательский харак-

тер взаимоотношений, возникающих между субъектами и участниками платежных систем, к исполнению указанных организационных договоров применяются требования гражданского законодательства Российской Федерации. Основным недостатком договорной конструкции оказания услуг платежной инфраструктуры является лежащая в ее основе добровольность вступления в правоотношения и исполнения соответствующих прав и обязанностей. Вместе с тем в условиях цифровизации платежной сферы услуги платежной инфраструктуры становятся неотъемлемым элементом оказания услуг по переводу денежных средств, поскольку без операционных и расчетных услуг, а также услуг платежного клиринга прием денежных средств плательщика и их надлежащее доведение до получателя средств невозможны¹⁸. Следовательно, услуги платежной инфраструктуры должны оказываться всем участникам платежной системы по факту их присоединения к правилам платежной системы без необходимости заключения отдельного договора между участником и оператором услуг платежной инфраструктуры. В этом случае положения правил платежной системы об услугах платежной инфраструктуры будут иметь элементы договора в пользу третьего лица, в силу которого операторы услуг платежной инфраструктуры обязуются перед оператором платежной системы оказывать свои услуги, необходимые для получения услуг по переводу денежных средств, каждому, кто получит статус участника платежной системы;

4) необходимо создать в структуре оператора платежной системы специальное подразделение, уполномоченное на проверку деятельности участников платежной системы и ее операторов услуг платежной инфраструктуры на предмет выполнения ими требований законодательства о платежных системах. Наличие внутренней комплаенс-службы в структуре оператора платежной системы необходимо для того,

¹⁷ Ларионов А. В., Ларионова Е. С. Завершение расчетов в деньгах центрального банка как инструмент обеспечения бесперебойности функционирования платежной системы // Банковское дело. 2021. № 11. С. 55–61.

¹⁸ Хоменко Е. Г. О «виртуализации» платежных услуг в национальной платежной системе России // Банковское право. 2020. № 6. С. 37–43.

чтобы руководство платежной системы располагало информацией о том, имеются ли риски утраты каким-либо оператором услуг платежной инфраструктуры или участником платежной системы своего специального статуса. Оперативное получение такой информации из надежного источника критически важно для сохранения функционирования платежной системы и снижения рисков неисполнения своих обязательств перед клиентами. Работа внутренней комплаенс-службы позволит обеспечить непрерывность работы платежной системы, что важно для цифровой экономики, предполагающей непрерывность денежных потоков;

5) необходимо обеспечить наличие правовых инструментов предварительной проверки назначения перевода, а также правового статуса получателя средств. В настоящее время в карточных платежных системах в указанных целях используются МСС-коды, которые присваиваются получателям средств, имеющим возможность принимать оплату с использованием платежных карт. Вместе с тем унифицированных российских правил присвоения МСС-кодов в настоящее время не принято. В таких обстоятельствах операторы платежных систем не ограничены в установлении критериев для присвоения МСС-кодов, что влечет за собой отсутствие унификации и некорректное использование кода, не соответствующего основной и дополнительной деятельности получателя средств. Банк России уже проводит работу по усилению внимания кредитных организаций к корректности при-

своения МСС-кодов¹⁹. Представляется, что аналогичные разъяснения должны быть доведены до операторов платежных систем для создания комплексного механизма надлежащей идентификации платежа и получателя средств, что позволит предупредить инициирование переводов, совершение которых запрещено законодательством Российской Федерации.

Дополнение финансово-правового механизма функционирования платежных систем указанными правовыми способами поддержания работы платежных систем в условиях санкций позволит повысить независимость платежных систем от действий иностранных государств, что соответствует интересам национальной безопасности в аспекте поддержания суверенитета российской платежной инфраструктуры. В свою очередь, предлагаемые правовые способы учета цифровизации платежной сферы при регулировании деятельности платежных систем необходимы для прогнозирования рисков, которые влечет за собой внедрение новых платежных технологий и механизмов, способствующих ускорению совершения финансовых операций. В конечном счете финансово-правовой механизм функционирования платежных систем должен располагать правовыми средствами, применение которых позволит оперативно скорректировать работу платежных систем в целях сохранения непрерывности и эффективности их функционирования в меняющихся условиях совершения переводов денежных средств.

¹⁹ См.: Методические рекомендации Банка России от 12.10.2023 № 13-МР «В отношении деятельности кредитных организаций и платежных агрегаторов по осуществлению расчетов с организациями торговли (услуг) по операциям, совершенным с использованием электронных средств платежа» // Официальный сайт Банка России. URL: <https://cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/6417> (дата обращения: 15.10.2023).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Артемов Н. М., Ситник А. А.* Противодействие антироссийским санкциям в платежной и валютной сферах // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 6. — С. 48–62.
2. *Борисенко Е. А.* Финансовая надежность кредитных организаций: правовой механизм обеспечения : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2022. — 177 с.
3. *Брыкин К. И.* Финансовая стабильность и влияние санкций на российскую финансовую систему: финансово-правовые аспекты // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. — 2023. — № 1 (68). — С. 69–73.
4. *Горбунова О. Н.* Проблемы совершенствования основных финансово-правовых институтов в условиях перехода России к рынку : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1996. — 30 с.
5. *Ефимова Л. Г.* Договор о выдаче и использовании банковской карты и договор эквайринга в системе договоров об организации безналичных расчетов : монография. — М. : Проспект, 2017. — 232 с.
6. *Кобзарь-Фролова М. Н.* Развитие финансово-правового механизма бюджетной, налоговой, таможенной политики Российской Федерации // Финансовое право. — 2016. — № 4. — С. 11–13.
7. *Ларионов А. В., Ларионова Е. С.* Завершение расчетов в деньгах центрального банка как инструмент обеспечения бесперебойности функционирования платежной системы // Банковское дело. — 2021. — № 11. — С. 55–61.
8. *Лаутс Е. Б.* Источники банковского права // Лекции по предпринимательскому праву. Новое в правовом регулировании бизнеса : сборник / отв. ред. Е. П. Губин, Е. Б. Лаутс. — М. : Юрист, 2013.
9. *Хоменко Е. Г.* О «виртуализации» платежных услуг в национальной платежной системе России // Банковское право. — 2020. — № 6. — С. 37–43.

Материал поступил в редакцию 15 октября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Artemov N. M., Sitnik A. A. Protivodeystvie antirossiyskim sanktsiyam v platezhnoy i valyutnoy sferakh // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2022. — T. 17. — № 6. — S. 48–62.
2. Borisenko E. A. Finansovaya nadezhnost kreditnykh organizatsiy: pravovoy mekhanizm obespecheniya: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2022. — 177 s.
3. Brykin K. I. Finansovaya stabilnost i vliyaniye sanktsiy na rossiyskuyu finansovuyu sistemu: finansovo-pravovyye aspekty // Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata. — 2023. — № 1 (68). — S. 69–73.
4. Gorbunova O. N. Problemy sovershenstvovaniya osnovnykh finansovo-pravovykh institutov v usloviyakh perekhoda Rossii k rynku: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 1996. — 30 s.
5. Efimova L. G. Dogovor o vydache i ispolzovanii bankovskoy karty i dogovor ekvayringa v sisteme dogovorov ob organizatsii beznalichnykh raschetov: monografiya. — M.: Prospekt, 2017. — 232 s.
6. Kobzar-Frolova M. N. Razvitie finansovo-pravovogo mekhanizma byudzhethnoy, nalogovoy, tamozhennoy politiki Rossiyskoy Federatsii // Finansovoe pravo. — 2016. — № 4. — S. 11–13.
7. Larionov A. V., Larionova E. S. Zavershenie raschetov v dengakh tsentralnogo banka kak instrument obespecheniya bespereboynosti funktsionirovaniya platezhnoy sistemy // Bankovskoe delo. — 2021. — № 11. — S. 55–61.
8. Lauts E. B. Istochniki bankovskogo prava // Lektsii po predprinimatelskomu pravu. Novoe v pravovom regulirovanii biznesa: sbornik / отв. red. E. P. Gubin, E. B. Lauts. — M.: Yurist, 2013.
9. Khomenko E. G. O «virtualizatsii» platezhnykh uslug v natsionalnoy platezhnoy sisteme Rossii // Bankovskoe pravo. — 2020. — № 6. — S. 37–43.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.081-088

П. В. Сергеев*

Информационные детерминанты насилия против личности и превентивная функция права

Аннотация. В статье анализируются проблемы правового регулирования оборота информации, оправдывающей насилие против личности. Обосновываются актуальность проблемы и необходимость ее разрешения в приоритетном порядке. Особое внимание уделяется используемому законодателем понятийному аппарату и вопросам ответственности. Отмечается неоправданное разнообразие терминов, содержащихся в релевантных нормативных правовых актах («призывы», «пропаганда», «обоснование», «оправдание», «побуждение»), а также отсутствие единообразного понимания насилия в правоприменительной практике. Критически анализируется социоцентризм подхода законодателя к ответственности за пропаганду насилия, вследствие чего безопасность личности представляется правоприменителю менее значимой в сравнении с безопасностью социальной группы. Сопоставляется отечественное и зарубежное регулирование рассматриваемой сферы общественных отношений. Делается вывод о необходимости системного подхода к решению проблемы, межотраслевого совершенствования российского законодательства. Итогом такого совершенствования должно стать признание пропаганды насилия против личности не менее опасной, чем пропаганда политически, идеологически и религиозно мотивированного насилия.

Ключевые слова: безопасность личности; информация; насилие; обоснование; оправдание; ответственность; побуждение; призывы; пропаганда; противоречия.

Для цитирования: Сергеев П. В. Информационные детерминанты насилия против личности и превентивная функция права // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 3. — С. 81–88. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.081-088.

© Сергеев П. В., 2024

* Сергеев Петр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, доцент кафедры гражданского права и процесса Смоленского филиала Международного юридического института
Пржевальского ул., д. 4, г. Смоленск, Россия, 214000
lawpvs@yandex.ru

Informational Determinants of Violence Against Person and the Preventive Function of Law

Petr V. Sergeev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Smolensk State University; Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Smolensk Branch of the International Law Institute, Smolensk, Russian Federation
lawpvs@yandex.ru

Abstract. The paper analyzes the problems of legal regulation of the circulation of information justifying violence against person. The urgency of the problem and the need to resolve it as a matter of priority are substantiated. Special attention is paid to the conceptual apparatus used by the legislator and issues of responsibility. There is an unjustified variety of terms contained in relevant normative legal acts («appeals», «propaganda», «justification», «advocating», «incitement»), as well as the lack of a uniform understanding of violence in law enforcement practice. The author critically analyzes the sociocentrism of the legislator's approach to responsibility for the propaganda of violence, as a result of which the security of the individual seems to the law enforcement officer to be less significant in comparison with the security of a social group. The author compares domestic and foreign regulation of the considered sphere of public relations. The conclusion is made about the need for a systematic approach to solve the problem, inter-sectoral improvement of Russian legislation. Such improvement should result in recognition of the propaganda of violence against person as no less dangerous than the propaganda of politically, ideologically and religiously motivated violence.

Keywords: personal security; information; violence; justification; advocating; responsibility; motivation; appeals; propaganda; contradictions.

Cite as: Sergeev PV. Informational Determinants of Violence Against Person and the Preventive Function of Law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(3):81-88. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.081-088

Н е требует дополнительного обоснования утверждение, что насилие сопровождается человечеством на протяжении всей его истории¹. Очевидно также, что именно право тысячелетиями удерживает общество от скатывания в состояние *bellum omnium contra omnes*², обеспечивая его поступательное развитие.

Вместе с тем именно насилие до сих пор является одной из основных причин смертности в мире среди людей в возрасте от 15 до 44 лет³. Актуальна данная проблема и для России. Согласно официальной статистике, количество убийств и покушений на убийство в России

в 2022 г. превысило аналогичный показатель прошлого года, а совокупное количество особо тяжких преступлений, которые охватывают наиболее опасные посягательства против жизни, здоровья, половой неприкосновенности личности, неуклонно растет уже с 2019 г.⁴ Закономерными последствиями этого являются демографическое старение населения, затраты на оперативно-розыскную деятельность, медицинскую и психологическую помощь пострадавшим. Перманентная угроза насилия является также причиной пессимизма, стресса и сниже-

¹ См., например: *Игнатов А. Н.* Насилие как фундаментальный тренд цивилизационного развития человечества. Часть 3 : Постиндустриальный период // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 4 (ч. 2). С. 73–80 ; *Красиков В. И.* Насилие в истории и современном обществе: социальные, политические и правовые метаморфозы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 2 (57). С. 58–62.

² Лат.: «война всех против всех».

³ *Котова Н. К.* Проблема насилия в современном обществе // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. № 1 (59). С. 241–247.

⁴ Показатели преступности России // Портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 14.07.2023).

ния творческой активности и работоспособности человека⁵.

Приведенные данные показывают, что реализацию превентивной функции права в сфере насилия против личности сложно признать эффективной. Причины этого видятся не столько в проблеме обеспечения неотвратимости наказания, сколько в отсутствии со стороны законодателя системного подхода к нейтрализации самих детерминант насилия.

Если З. Фрейд объяснял жестокость самой природой человека⁶, что ограничивало предотвращение насилия лишь угрозой ответственности и неоднозначными перспективами медицинской генетики, то уже Э. Фромм рассматривал проблему комплексно, утверждая, что причина насилия кроется не только в биологических, но и в культурных, ценностных факторах, которыми насыщена социальная среда⁷. Известный эксперимент с куклой «Бобо», проведенный в 1961 г. в целях подтверждения теории социального научения, наглядно продемонстрировал, что даже пассивное наблюдение за жестокостью формирует у наблюдателя модель поведения, предполагающую применение насилия⁸.

Особую актуальность проблема социальных возбудителей насилия приобретает в информационную эру, когда перечень источников ценностных ориентиров постоянно расширяется. Не могут не вызывать беспокойство распространяемые в художественных произведениях, играх, социальных сетях паттерны насилия как эффективного, а зачастую и единственного, спо-

соба разрешения социальных противоречий или удовлетворения личных потребностей.

Еще в 1999 г. Европейский Суд по правам человека, безусловно признающий свободу слова как одну из высших ценностей, указал тем не менее, что средства массовой информации не должны становиться средством пропаганды насилия (§ 63 постановления от 08.07.1999 по делу «Шюрек (Sürek) и Ездемир (Özdemir) против Турции»). Это утверждение нашло свое отражение в законодательстве многих государств, в том числе и в российском.

Согласно ст. 4 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-I «О средствах массовой информации» не допускается использование средств массовой информации для распространения материалов, пропагандирующих насилие и жестокость⁹. В соответствии с п. 2 ч. 4 ст. 5 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» реклама не должна призывать к насилию и жестокости¹⁰. Часть 1 ст. 10.6 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» обязывает владельцев активно посещаемых сайтов и (или) страниц сайта в сети «Интернет» не допускать их использование в целях распространения материалов, пропагандирующих насилие и жестокость¹¹. Сходное требование установлено для организаторов просветительской деятельности в п. 9 Правил осуществления просветительской деятельности¹². Подпункт 3 п. 2 ст. 5 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

⁵ Бильданова В. Р., Бисерова Г. К., Шагивалеева Г. Р. Психология стресса и методы его профилактики : учеб. пособие. Елабуга : Издательство ЕИ КФУ, 2015. С. 22.

⁶ Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М. : Ренессанс, 1992. С. 158.

⁷ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М. : АСТ, 1998. С. 119–122.

⁸ См. подробнее: Цветков В. Л. Профилактика асоциального поведения малолетних // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2005. № 1 (23). С. 56–58.

⁹ Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-I «О средствах массовой информации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.

¹⁰ Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

¹¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

¹² Правила осуществления просветительской деятельности, утвержденные постановлением Правительства РФ от 01.07.2022 № 1195 // СЗ РФ. 2022. № 28. Ст. 5112.

относит к информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей, информацию, обосновывающую или оправдывающую допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающую осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным¹³. Однако практическое применение обозначенных норм сопряжено с рядом трудностей.

Во-первых, само понятие «насилие» в законодательстве не раскрыто. Можно соглашаться или нет с утверждением, что всякое определение в праве опасно (лат.: *omnis definitio in jure civili periculosa est*), но следует признать, что отсутствие легальной дефиниции должно компенсироваться единообразным пониманием в правоприменительной практике, чего в настоящее время не наблюдается¹⁴. Расходятся в подходах к определению понятия «насилие» и ученые. По мнению Г. Н. Киреева, «насилие существует там, тогда и постольку, где, когда и поскольку имеет место присвоение, подавление, подчинение воли субъекта, господство над ней»¹⁵. Другие авторы полагают, что насилие представляет собой «действия, направленные на принуждение других лиц к совершению определенных действий путем физического или психического воздействия»¹⁶.

Не оспаривая приведенные определения, нельзя не отметить, что для целей законодательного ограничения насилия они являются излишне широкими (удаление ребенку молочного зуба вопреки его желаниям также является принуждением и подавлением воли). Более подходящей в контексте рассматриваемой темы представляется дефиниция Н. В. Иванцовой, которая определяет насилие как «умышленное противоправное физическое и (или) психиче-

ское воздействие на личность другого человека, совершенное вопреки или против его воли и причинившее ему существенный вред либо ставящее его в опасность причинения такого вреда»¹⁷. Именно такие критерии, как реальное либо потенциальное причинение человеку существенного вреда и нарушение его права на личную неприкосновенность, делают рассматриваемое деяние общественно опасным.

Во-вторых, ограничивая распространение информации, связанной с насилием, законодатель использует самые разные термины («призывы», «пропаганда», «обоснование», «оправдание», «побуждение»), что свидетельствует о различном содержательном наполнении ограничений. Если конкретный нормативный правовой акт говорит о призывах, но не упоминает оправдание, можно предположить, что оправдание насилия этим актом не ограничено. Однако телеологическое толкование подсказывает, что во всех анализируемых нормах законодатель исходит из необходимости ограничить распространение информации, формирующей представление о допустимости насилия, и неважно, как именно это представление формируется — путем «обоснования», «оправдания», «призывов» или «побуждения». В связи с этим эффективнее было бы остановиться на одном родовом понятии, в качестве которого оптимальным представляется «пропаганда».

В судебной практике под пропагандой понимается деятельность по распространению информации, направленной на формирование в сознании установок и (или) стереотипов поведения либо имеющей целью побудить или побуждающая лиц, которым она адресована, к совершению каких-либо действий или к воз-

¹³ Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

¹⁴ См., например: постановление Президиума суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 14.03.2014 № 44У-13/2014 ; апелляционное постановление Верховного суда Республики Мордовия от 21.10.2020 № 22-1410/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Киреев Г. Н. Сущность насилия. М. : Прометей, 1990. С. 103.

¹⁶ Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новоселова. М. : Норма, 2000. С. 386.

¹⁷ Иванцова Н. В. Насилие против личности в уголовном законодательстве (проблемы теории) / под ред. О. Ф. Шишова. Чебоксары : Чувашия, 2003. С. 112–120.

держанию от их совершения¹⁸. Соответственно, пропаганду насилия можно определить как распространение информации, направленной на формирование представлений о насилии в качестве приемлемого и (или) предпочтительного способа разрешения социальных противоречий или удовлетворения потребностей, а равно имеющей целью побуждение к насилию.

Еще одной причиной недостаточной эффективности существующих ограничений является просматриваемая в правовом регулировании «вторичность» проблем пропаганды насилия. Так, статья 29 Конституции РФ запрещает пропаганду социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти и вражды, но полностью обходит стороной вопрос пропаганды насилия.

Кодексом РФ об административных правонарушениях предусмотрена ответственность за пропаганду наркотических средств и психотропных веществ (ст. 6.13), педофилии (ст. 6.21.1), нацистской и экстремистской символики (ст. 20.3), нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола (ст. 6.21) и даже за пропаганду закиси азота (ст. 6.13.1), однако специальные нормы об ответственности за пропаганду насилия в нем отсутствуют. Исследователи отмечают, что средства массовой информации всё равно могут быть привлечены к ответственности (например, по ст. 13.21 КоАП РФ), но контролирующие органы чаще ограничиваются предупреждениями¹⁹.

Такое отношение контролирующих органов вполне объяснимо. Отсутствие в КоАП РФ пропаганды насилия в качестве самостоятельного состава правонарушения свидетельствует о том, что законодатель считает ее менее опасной для

общества, чем пропаганду «веселящего газа» или нетрадиционных сексуальных отношений.

Не лучше ситуация обстоит и с УК РФ, которым запрещены пропаганда терроризма (ст. 205.2, 205.4), деятельности ряда некоммерческих организаций (ч. 3 ст. 239), диверсий (ст. 281.3), нацистской или экстремистской символики (ст. 282.4), возбуждение ненависти либо вражды по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии или социальной группе (ст. 282), но нет ни одного упоминания пропаганды неполитизированного насилия, ненависти или вражды, направленной не на социальную группу, а на отдельного человека. Найти этому оправдание крайне сложно, поскольку еще в июне 2002 г. на совместном заседании коллегии МВД и прокуратуры РФ по проблемам борьбы с серийными убийствами и другими тяжкими преступлениями против личности одним из основных криминогенных факторов была названа именно пропаганда жестокости и насилия²⁰.

Если обратиться к зарубежному опыту, то, например, в ФРГ за распространение материалов, выражающих прославление или умаление опасности актов насилия, предусмотрена уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до одного года или денежного штрафа (ст. 131 Уголовного уложения ФРГ)²¹. Подобное положение присутствует и в законодательстве Швейцарии: в соответствии со ст. 135 Уголовного кодекса Швейцарии тюремным заключением или штрафом наказываются производство, хранение и демонстрация материалов, изображающих насилие над людьми или животными²².

Думается, что ужесточение наказаний само по себе не решит проблему насилия. Можно

¹⁸ См., например: определение Верховного Суда РФ от 15.08.2012 № 1-АПГ12-11 ; постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 14.05.2021 № 16-618/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Захарова Н. А., Коржов В. Ю., Кайль А. Н. Комментарий к Закону РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс». 2018.

²⁰ Клочкова А. В. Пропаганда насилия и жестокости в средствах массовой информации (криминологический аспект) // Культура: управление, экономика, право. 2006. № 4. С. 2–7.

²¹ Головненков П. В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия — Strafrechtsgesetzbuch (StGB). Potsdam : Universitätsverlag Potsdam, 2021.

²² Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред., предисл. и пер. с нем. канд. юрид. наук А. В. Серебренниковой. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002.

даже сказать, что жестокость пенитенциарной системы, напротив, реабилитирует насилие в глазах общества по принципу: «цель оправдывает средства» (как писал Чезаре Беккариа, «тот же самый дух зверства, который водил рукой законодателя, управляя рукой и отцеубийцы, и разбойника»²³). Однако отсутствие уголовной ответственности за целенаправленное формирование представлений о приемлемости насилия как такового в условиях криминализации пропаганды отдельных его видов выглядит не только диссонирующим с приматом прав и свобод отдельной личности над интересами социальной группы, но и крайне непоследовательным.

Вместо того чтобы занять четкую позицию и либо установить в УК РФ запрет на пропаганду насилия вообще (как в ФРГ или Швейцарии), либо отказаться от криминализации пропаганды каких-либо его видов (как, например, в США²⁴), сосредоточившись на административном регулировании оборота информации, законодатель предпочел промежуточный вариант, который не способен привести к желаемому результату. Те же идеи терроризма, экстремизма и массовых беспорядков произрастают как раз из представлений о насилии как о допустимом способе разрешения противоречий. И нет разницы, о каких противоречиях идет речь — политических, идеологических, религиозных или межличностных; сама идея насилия несет в себе деструктивный потенциал, распространяющийся, подобно раковым клеткам, на все сферы общественной

жизни. Неслучайно в Обзоре Глобальной контр-террористической стратегии ООН (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 01.07.2016 № 70/291) особо указывалось на необходимость противодействия оправданию насилия (п. 54)²⁵.

Устранение обозначенных недостатков в правовом регулировании оборота информации, пропагандирующей насилие, не терпит отлагательства. Как отмечают ученые, при современном уровне развития техники и технологии проблема насилия представляет реальную угрозу не только для отдельных социальных групп, но и для всего человечества²⁶. Чтобы нивелировать эту угрозу, необходимо признать вслед за Э. Дюркгеймом, что основным способом конструктивного урегулирования социальных конфликтов является создание новой нравственности, основанной на разуме, а не силе²⁷. Формирование представлений о насилии как о неприемлемом способе разрешения противоречий должно стать доминирующей в общественном сознании идеей парадигмы развития современной цивилизации, и именно право должно служить ее основным проводником. Для этого требуются системность и межотраслевой подход, предполагающие не только унификацию терминологии и внесение изменений в КоАП РФ и УК РФ, но и дополнение запретом пропаганды насилия и жестокости ст. 29 Конституции РФ. Пропаганда насилия против личности должна быть признана не менее общественно опасной, чем пропаганда политически, идеологически и религиозно мотивированного насилия.

²³ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. С. 308–309.

²⁴ Сысоев А. М. «Преступления ненависти» в законодательстве США: характеристика и тенденции // Пенитенциарная наука. 2009. № 5. С. 70–73.

²⁵ Приводится по определению Конституционного Суда РФ от 21.09.2017 № 1797-О (СПС «Консультант-Плюс»).

²⁶ См.: Лысак И. В. Человек — разрушитель: деструктивная деятельность человека как социокультурный феномен. Таганрог : Изд-во ТРТУ, 1999. С. 3 ; Лоренц К. Преодоление зла // Знание — сила. 1990. № 9. С. 31.

²⁷ См.: Соколов С. В. Социальная конфликтология : учеб. пособие для вузов. М. : Юнити-Дана, 2001. С. 16–17.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. — М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. — 182 с.
2. Бильданова В. Р., Бисерова Г. К., Шагивалеева Г. Р. Психология стресса и методы его профилактики : учеб. пособие. — Елабуга : Издательство ЕИ КФУ, 2015. — 142 с.
3. Головненков П. В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия — Strafgesetzbuch (StGB). — Potsdam : Universitätsverlag Potsdam, 2021. — 489 S.
4. Захарова Н. А., Коржов В. Ю., Кайль А. Н. Комментарий к Закону РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс». — 2018.
5. Иванцова Н. В. Насилие против личности в уголовном законодательстве (проблемы теории) / под ред. О. Ф. Шишова. — Чебоксары : Чувашия, 2003. — 119 с.
6. Игнатов А. Н. Насилие как фундаментальный тренд цивилизационного развития человечества. Часть 3: постиндустриальный период // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2021. — № 4 (ч. 2). — С. 73–80.
7. Киреев Г. Н. Сущность насилия. — М. : Прометей, 1990. — 110 с.
8. Ключкова А. В. Пропаганда насилия и жестокости в средствах массовой информации (криминологический аспект) // Культура: управление, экономика, право. — 2006. — № 4. — С. 2–7.
9. Котова Н. К. Проблема насилия в современном обществе // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. — 2020. — № 1 (59). — С. 241–247.
10. Красиков В. И. Насилие в истории и современном обществе: социальные, политические и правовые метаморфозы // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2015. — № 2 (57). — С. 58–62.
11. Лоренц К. Преодоление зла // Знание — сила. — 1990. — № 9. — С. 58–67.
12. Лысак И. В. Человек — разрушитель: деструктивная деятельность человека как социокультурный феномен. — Таганрог : Изд-во ТРТУ, 1999. — 55 с.
13. Соколов С. В. Социальная конфликтология : учеб. пособие для вузов. — М. : Юнити-Дана, 2001. — 327 с.
14. Сысоев А. М. «Преступления ненависти» в законодательстве США: характеристика и тенденции // Пенитенциарная наука. — 2009. — № 5. — С. 70–73.
15. Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред., предисл. и пер. с нем. канд. юрид. наук. А. В. Серебренниковой. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. — 350 с.
16. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новоселова. — М. : Норма, 2000. — 1008 с.
17. Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. — М. : Ренессанс, 1992. — 289 с.
18. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М. : АСТ, 1998. — 670 с.
19. Цветков В. Л. Профилактика асоциального поведения малолетних // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2005. — № 1 (23). — С. 56–58.

Материал поступил в редакцию 27 июля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bekkaria Ch. O prestupleniyakh i nakazaniyakh. — M.: Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1939. — 182 s.
2. Bildanova V. R., Biserova G. K., Shagivaleeva G. R. Psikhologiya stressa i metody ego profilaktiki: ucheb. posobie. — Elabuga: Izdatelstvo EI KFU, 2015. — 142 s.
3. Golovnenkov P. V. Ugolovnoe ulozhenie Federativnoy Respubliki Germaniya — Strafgesetzbuch (StGB). — Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2021. — 489 S.
4. Zakharova N. A., Korzhov V. Yu., Kayl A. N. Kommentariy k Zakonu RF ot 27 dekabrya 1991 g. № 2124-1 «O sredstvakh massovoy informatsii» (postateynyy) // SPS «KonsultantPlyus». — 2018.

5. Ivantsova N. V. Nasilie protiv lichnosti v ugolovnom zakonodatelstve (problemy teorii) / pod red. O. F. Shishova. — Cheboksary: Chuvashiya, 2003. — 119 s.
6. Ignatov A. N. Nasilie kak fundamentalnyy trend tsivilizatsionnogo razvitiya chelovechestva. Chast 3: postindustrialnyy period // Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. — 2021. — № 4 (ch. 2). — S. 73–80.
7. Kireev G. N. Sushchnost nasiliya. — M.: Prometey, 1990. — 110 s.
8. Klochkova A. V. Propaganda nasiliya i zhestokosti v sredstvakh massovoy informatsii (kriminologicheskiy aspekt) // Kultura: upravlenie, ekonomika, pravo. — 2006. — № 4. — S. 2–7.
9. Kotova N. K. Problema nasiliya v sovremennom obshchestve // Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoy informatsii Respubliki Kazakhstan. — 2020. — № 1 (59). — S. 241–247.
10. Krasikov V. I. Nasilie v istorii i sovremennom obshchestve: sotsialnye, politicheskie i pravovye metamorfozy // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. — 2015. — № 2 (57). — S. 58–62.
11. Lorents K. Preodolenie zla // Znanie — sila. — 1990. — № 9. — S. 58–67.
12. Lysak I. V. Chelovek — razrushitel: destruktivnaya deyatelnost cheloveka kak sotsiokulturnyy fenomen. — Taganrog: Izd-vo TRTU, 1999. — 55 s.
13. Sokolov S. V. Sotsialnaya konfliktologiya: ucheb. posobie dlya vuzov. — M.: Yuniti-Dana, 2001. — 327 s.
14. Sysoev A. M. «Prestupleniya nenavisti» v zakonodatelstve SShA: kharakteristika i tendentsii // Penitentsiarnaya nauka. — 2009. — № 5. — S. 70–73.
15. Ugolovnyy kodeks Shveytsarii / nauch. red., predisl. i per. s nem. kand. yurid. nauk. A. V. Serebrennikovoy. — SPb.: Yuridicheskiy tsentr-Press, 2002. — 350 s.
16. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast: uchebnik dlya vuzov / pod red. I. Ya. Kozachenko, Z. A. Neznamovoy, G. P. Novoselova. — M.: Norma, 2000. — 1008 s.
17. Freyd Z. Psikhooanaliz. Religiya. Kultura. — M.: Renessans, 1992. — 289 s.
18. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti. — M.: AST, 1998. — 670 s.
19. Tsvetkov V. L. Profilaktika asotsialnogo povedeniya maloletnikh // Psikhopedagogika v pravookhranitelnykh organakh. — 2005. — № 1 (23). — S. 56–58.

Фиксация и оборот исключительных прав на объекты авторского права с помощью смарт-контрактов: миф или реальность?

Аннотация. Применение новых технологий, включая блокчейн и NFT, может стать инструментом для обеспечения защиты прав и законных интересов правообладателей и стимулирования инноваций в различных сферах. В работе рассматриваются две правовые проблемы, связанные с депонированием и оборотом результатов интеллектуальной деятельности, в том числе объектов авторского права. Первая проблема заключается в возможности использования технологии блокчейн для депонирования таких объектов. В статье представлен обзор основных методов фиксации факта существования объекта авторского права, включая варианты без депонирования и с депонированием. Автор делает вывод о том, что депонирование объекта авторского права, в том числе с использованием блокчейна, не является его использованием в смысле гражданского законодательства. Вторая проблема заключается в обороте прав на депонированные объекты. Автор предлагает оптимальный путь для правообладателя — депонирование результата интеллектуальной деятельности с последующей передачей NFT правообладателю. Данное решение позволит приравнять передачу NFT к передаче исключительного права на произведение.

Ключевые слова: исключительное право; NFT; блокчейн; депонирование; договор об отчуждении исключительного права; лицензионный договор; реальный договор; консенсуальный договор; объект авторского права; воспроизведение; хранение.

Для цитирования: Чурилов А. Ю. Фиксация и оборот исключительных прав на объекты авторского права с помощью смарт-контрактов: миф или реальность? // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 3. — С. 89–99. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.089-099.

© Чурилов А. Ю., 2024

* Чурилов Алексей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, Научно-образовательный центр «Интеллектуальная собственность и интеллектуальные права» ЮИ НИ ТГУ
Московский тракт, д. 8, г. Томск, Россия, 634050
Lefikantor@yandex.ru

Fixation and Turnover of Exclusive Rights to Copyrighted Works Using Smart Contracts: A Myth or Reality?

Aleksey Yu. Churilov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law, «Intellectual Property and Intellectual Rights» Scientific and Educational Center, Law Institute of the National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
Lefikantor@yandex.ru

Abstract. The use of new technologies, including blockchain and NFT, can become a tool to ensure protection of rights and legitimate interests of copyright holders and stimulate innovation in various fields. The paper considers two legal problems related to the deposit and turnover of the results of intellectual activities, including copyrighted works. The first problem is the possibility of using blockchain technology to deposit such works. The paper provides an overview of main methods of fixing the fact of existence of a copyrighted work, including options without depositing and with depositing. The author concludes that depositing an object of copyright, including blockchain, does not mean its use in the sense of civil law. The second problem is the turnover of rights to deposited objects. The author suggests the best way for the copyright holder, i.e., depositing the result of intellectual activity with subsequent transfer of the NFT to the copyright holder. This solution will make it possible to equate the transfer of NFT with the transfer of the exclusive right to the work.

Keywords: exclusive right; NFT; blockchain; deposit; agreement on alienation of exclusive right; license agreement; real agreement; consensual agreement; object of copyright; reproduction; storage.

Cite as: Churilov AYu. Fixation and Turnover of Exclusive Rights to Copyrighted Works Using Smart Contracts: A Myth or Reality? *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(3):89-99. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.089-099

Вопрос фиксации факта существования результата интеллектуальной деятельности (далее также — РИД) в настоящее время, с учетом поступательного развития цифровизации, стоит довольно остро. И если применительно к объектам промышленной собственности (изобретениям, промышленным образцам, полезным моделям) проблема фиксации решается процедурой государственной регистрации и выдачей патента, то в отношении объектов авторского права, права на которые возникают независимо от каких-либо формальностей, вопрос остается открытым. Одним из способов решения этой проблемы представляется использование механизма депонирования (хранения) объектов авторского права для фиксации как факта их существования, так и сведений о правообладателе. Перспективным направлением в этой сфере является использование технологии блокчейн¹.

Технология блокчейн — это одна из наиболее инновационных технологий последних лет, которая перевернула традиционное представление о том, как информация может храниться и передаваться в цифровой среде. Суть технологии заключается в том, что она представляет собой распределенную базу данных, в которой информация хранится в цепочке блоков, причем каждый блок содержит не только собственную информацию, но и хэш предыдущего блока. Это создает связь между блоками и делает цепочку неизменяемой, что обеспечивает высокий уровень безопасности и прозрачности передачи и хранения информации в рамках отдельной блокчейн-сети. При этом каждый узел имеет копию всей базы данных, что обеспечивает высокую степень защиты от взлома и внешних атак, а также потери информации.

Блокчейн представляет собой пример масштабируемой технологии², которая имеет прак-

¹ Гончаров А. И., Иншакова А. О., Матыцин Д. Е. Имплементация цифровых технологий в правовое регулирование оборота результатов интеллектуальной деятельности и совершенствование защиты прав их авторов // Юрист. 2022. № 2. С. 15–28. DOI: 10.18572/1812-3929-2022-2-15-28.

тически неограниченный потенциал для использования во многих сферах экономики. Однако помимо преимуществ, которые освещены в научной и технической литературе достаточно широко, у технологии блокчейн есть свои недостатки и проблемы, которые зачастую упускаются из виду при попытках имплементации этой технологии в различные сферы экономики. Одной из главных проблем является высокая стоимость проведения операций (транзакций в сети). Для подтверждения транзакций узлам сети (или нодам) необходимо решать определенные математические задачи, что требует больших вычислительных мощностей. В системах, использующих технологию блокчейн, возможны ошибки и недоработки, которые могут привести к серьезным последствиям. Например, в 2016 г. произошла крупнейшая в истории кража биткоинов, когда неизвестные злоумышленники использовали уязвимости в системе биржи Bitfinex для похищения 119 тыс. биткоинов. Несмотря на то что произошел взлом не самой системы блокчейн, а связанной с ней «внешней» системы, описанный случай свидетельствует о том, что система может быть уязвимой если не напрямую, то опосредованно — через связанные системы, без которых, как правило, невозможно взаимодействие системы с пользователем. Эти риски и проблемы технологии необходимо учитывать при реализации любых проектов с использованием этой технологии.

Активно развивающимся направлением использования технологии блокчейн в настоящее время является создание невзаимозаменяемых

токенов (далее — NFT, NFT-токен), посредством которых, по утверждению исследователей и разработчиков этой технологии, можно осуществлять передачу различных, в частности цифровых, благ. Считается, что использование NFT позволяет привязать конкретный объект права к цифровому «образу» и тем самым вести учет прав на них, в том числе осуществлять посредством передачи такого токена передачу прав на определенное благо, например недвижимость³.

Ведущей платформой размещения NFT является Ethereum, в рамках которой разработан технологический стандарт EIP-721, посредством которого создаются соответствующие токены ERC-721. Важно понимать, что NFT является элементом смарт-контракта, представляющим собой уникальный номер формата uint256 внутри кода смарт-контракта. Именно эта особенность программного кода NFT создает эффект идентифицируемости каждого объекта, в отношении которого этот смарт-контракт был создан. Таким образом, NFT представляет собой такой элемент смарт-контракта, благодаря которому он приобретает признак невзаимозаменяемости — свойство идентифицируемости, позволяющее на технологическом и правовом уровне отличать один токен от другого, что и позволяет опосредовать переход прав на объект от одного лица к другому⁴. Если проводить аналогию с вещами⁵, то токен, не обладающий уникальным номером, является вещью родового, а обладающий — индивидуально определенной, которая была выделена среди родовых посредством присвоения особого идентификатора⁶.

² Под масштабируемостью понимается свойство системы увеличивать эффективность и рабочую нагрузку при добавлении ресурсов. См.: Bondi A. B. Characteristics of scalability and their impact on performance // In Proceedings of the 2nd international workshop on Software and performance. Association for Computing Machinery, NY, USA. 2000. P. 195–203. DOI: 10.1145/350391.350432.

³ Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ : монография. М. : 4 Принт, 2020.

⁴ Чурилов А. Ю. Правовое регулирование оборота невзаимозаменяемых токенов: проблемы и перспективы // Хозяйство и право. 2022. № 1. С. 64–75.

⁵ Следует подчеркнуть, что вряд ли можно в действительности рассматривать криптовалюту и токены в качестве вещей, хотя в литературе встречается и противоположное мнение. См.: Скловский К. И., Костко В. С. О понятии вещи. Деньги. Недвижимость // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 7. С. 115–143.

⁶ Более подробно см.: Хаскельберг Б. Л., Ровный В. В. Индивидуальное и родовое в гражданском праве. 2-е изд. М. : Статут, 2004.

Фиксация существования результата интеллектуальной деятельности с использованием системы блокчейн может осуществляться двумя способами: с депонированием объекта и без такового. Каждый из этих способов заслуживает отдельного внимания, поскольку имеет как преимущества, так и недостатки, а также связанные с ними правовые риски.

Процесс фиксации существования РИД **без депонирования** представляет собой выдачу определенного «сертификата», который может представлять собой, например, уже упомянутый NFT-токен, создаваемый в системе блокчейн. Удобство этого способа проявляется в том, что фиксация существования РИД в блокчейне гарантирует неизменность этого свидетельства (информации, содержащейся в нем) и подтверждение того, что информация о лице, которое предоставило информацию для фиксации прав на РИД, не будет изменена неправомерными действиями третьих лиц. Поскольку информацию изменить невозможно, это позволит создать определенную презумпцию достоверности информации, содержащейся в этом сертификате (с учетом того, что реестры блокчейн не относятся к государственным).

У такого способа фиксации есть и недостатки. В частности, поскольку депонирования результата интеллектуальной деятельности не происходит, убедиться в том, что депонент является правообладателем конкретного произведения, в отношении которого выдан сертификат, практически невозможно. Решить эту проблему можно, если по аналогии с процедурой регистрации программ для ЭВМ (которую совершенно справедливо считают необходимым переименовать в «депонирование»⁷) предлагать автору предоставить реферат с описанием произведения, который позволил бы идентифицировать этот РИД в случае спора. Безусловно, это решение довольно спорно с точки зрения реализации

прав автора, поскольку такой способ фиксации повышает риск спора о тождестве объекта, в отношении которого был выдан сертификат, подтверждающий факт депонирования, и РИД, в отношении которого ведется спор.

Фиксация **с депонированием**, в свою очередь, позволит избежать недостатков, присущих процессу фиксации без депонирования. Вместе с тем следует отметить те правовые проблемы, которые могут возникнуть при таком способе фиксации факта создания РИД и прав на него. В фиксации с депонированием можно выделить два основных пути: депонирование будет осуществляться традиционным способом на устройства хранения стороны (речь идет о традиционных системах хранения информации — базах данных SQL) либо с использованием технологии блокчейн, т.е. хранение депонированного РИД будет осуществляться в связке с соответствующим сертификатом (NFT) в самой системе блокчейн.

Упомянутые ранее особенности технологии блокчейн в целом и смарт-контрактов в частности потенциально делают их крайне перспективными с точки зрения фиксации прав на результаты интеллектуальной деятельности, а также их оборота. Возможность использования этой технологии для фиксации прав на РИД неоднократно описывалась в литературе⁸. Существуют реальные примеры реализации такой технологии в отдельных сферах авторского права и смежных прав. Однако вопрос правового регулирования и применения до сих пор не проработан в достаточной мере, что может привести к негативным правовым последствиям использования блокчейна и смарт-контрактов при депонировании РИД. Более того, необходимо учитывать особенности этих технологий, в том числе при определении юридических рисков реализации депонирования объектов авторского права в сети блокчейн. Следует ого-

⁷ Новоселова Л. А. Государственная регистрация программ для ЭВМ: модель будущего авторского права? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 1. С. 62–71.

⁸ См.: Фролов П. П. Депонирование как ключ к решению проблемы авторства музыкальных произведений // Право и бизнес. 2021. № 4. С. 52–55; Благополучная К. В. О новой системе верификации цифровых файлов WIPO Proof // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2020. № 7. С. 37–44.

вориться, что фиксация не носит правопорождающего (правоустанавливающего) характера, поскольку права на объекты авторских прав возникают в силу факта их создания и не требуют соблюдения каких-либо формальностей — отечественный законодатель воспринял положения Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений, закрепив соответствующие положения в ст. 1259 ГК РФ. Как справедливо отмечает Верховный Суд РФ, факт депонирования подтверждает лишь существование таких объектов авторского права на момент депонирования, но сам по себе не подтверждает права авторства на эти объекты. Депонирование произведения является добровольной, не предусмотренной законом процедурой, с которой закон не связывает наступление каких-либо последствий. Депонирование лишь подтверждает существование в определенный момент экземпляра определенного произведения⁹. Депонирование может осуществляться как автором, являющимся правообладателем, так и правообладателем, не являющимся автором. В дальнейшем в работе будет использоваться термин «правообладатель» применительно ко всем субъектам депонирования.

Одной из ключевых правовых проблем, связанных с депонированием объектов авторского права, является проблема потенциального

нарушения исключительного права на депонируемый объект. В соответствии со ст. 1270 ГК РФ использованием произведения независимо от того, совершаются ли соответствующие действия в целях извлечения прибыли или без такой цели, считается, в частности, воспроизведение произведения, т.е. создание одного или нескольких экземпляров произведения. Возникает резонный вопрос: не будет ли депонирование являться формой воспроизведения объекта авторского права? Судебная практика и доктринальные воззрения по этому вопросу на протяжении нескольких лет разительно изменились. Как еще в 2016 г. указал Верховный Суд РФ, хранение охраняемого произведения в цифровой форме в электронном средстве является воспроизведением в смысле ст. 9 Бернской конвенции¹⁰. Эта позиция как поддерживалась¹¹, так и совершенно справедливо критиковалась в литературе¹². В итоге Верховный Суд РФ изменил свое мнение на диаметрально противоположное, указав, что само по себе хранение материального носителя, в котором выражен объект авторского права, без цели введения его в гражданский оборот не является самостоятельным способом использования произведения, в связи с чем такое хранение не требует специального согласия правообладателя¹³.

⁹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.09.2020 № 305-ЭС20-8198 по делу № А40-46622/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.06.2016 № 308-ЭС14-1400 по делу № А20-2391/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Савельев А. И. Хранение или воспроизведение? К вопросу о бремени доказывания по спорам о защите исключительного права на компьютерную программу. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 08.06.2016 № 308-ЭС14-1400 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 8. С. 20–24.

¹² Гаврилов Э. О содержании исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации // Хозяйство и право. 2017. № 6. С. 3–12; Калятин В. О. Хранение произведения в цифровой форме как способ его использования // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 1. С. 70–81.

¹³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

Следует отметить, что и в настоящее время существует позиция, рассматривающая хранение произведения в памяти устройства в качестве использования. См., например: Еременко В. И. О постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10: авторское право и смежные права // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 8. С. 5–22.

При этом в данном случае категорию «материальный носитель» следует толковать шире, нежели как «вещь»: цифровая форма тоже является своего рода материальным носителем. Как отмечается в литературе, существуют различные материальные формы воплощения РИД, в том числе цифровая¹⁴, т.е. речь идет о цифровой форме бытия материального носителя¹⁵. В этой связи более корректным было бы говорить не о хранении «материального носителя», а о хранении «формы объективизации» результата интеллектуальной деятельности, который может быть объективирован как в форме предмета материального мира (вещи), так и в цифровой форме. По мнению исследователей, объективная форма, как правило, совпадает с понятием материальной формы, однако понятие объективной формы более широкое, чем понятие материальной формы¹⁶. Более того, следует понимать, что, даже хранясь в памяти компьютера, строго говоря, файл всё же находится на определенном материальном носителе (техническом материальном устройстве¹⁷) — жестком диске соответствующего компьютера (или в его оперативной памяти). В этой связи вряд ли можно безоговорочно согласиться с тем, что, к примеру, одним из признаков мультимедийного продукта является «оторванность от материального носителя»¹⁸. В судебной практике также встречалось упоминание материального носителя применительно к цифровой форме существования объекта авторского права, в частности программы для ЭВМ¹⁹. Следовательно, простое хранение в памяти компьютера без каких-либо дополнительных действий с депонированным объектом не будет представлять

собой использование объекта авторского права по смыслу ст. 1270 ГК РФ и не будет требовать согласия правообладателя (к примеру, при последующем переходе исключительного права на депонируемый РИД). Более того, поскольку депонирование представляет собой услугу, оказываемую автору, факт заключения договора с депонентом можно рассматривать как согласие правообладателя на осуществление хранения объекта авторского права.

Если депонирование в традиционной SQL-базе данных с последующей выдачей «свидетельства» (в том числе в виде NFT) после разрешения вопроса об использовании объекта авторского права посредством его воспроизведения не представляет дополнительных сложностей, то депонирование в системе блокчейн требует дополнительного изучения. В частности, одной из особенностей блокчейн-систем является открытость и публичность всей информации, которая в нем находится, и, следовательно, депонирование объекта может являться актом доведения до всеобщего сведения, что, в отсутствие согласия, будет нарушением исключительного права правообладателя. Эту проблему можно решить путем создания на базе организации не публичного, а частного блокчейна, доступ к которому будет лишь у уполномоченных лиц — определенных приказом организации работников и правообладателя, а также, при наличии соглашения между правообладателем и контрагентом, у последнего.

При депонировании в системе блокчейн необходимо учитывать, что традиционные механизмы работы proof-of-work, который используется в системах блокчейн первого поколения

¹⁴ Щербак Н. В. Digital art в условиях электронной коммерции // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2022. № 7. С. 43–61.

¹⁵ Кирсанова Е. Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике : монография. М. : Юстицинформ, 2022.

¹⁶ Щербак Н. В. Указ. соч. С. 43–61.

¹⁷ Лисиенкова Л. Н., Комарова Л. Ю. Обзор современных устройств хранения данных // Известия Тульского государственного университета. Серия «Технические науки». 2020. № 7. С. 259–265.

¹⁸ Рахматулина Р. Ш. Цифровая форма объектов авторского права // Право и цифровая экономика. 2019. № 1. С. 35–38.

¹⁹ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.05.2022 № 17АП-2977/2017-ГК по делу № А60-46975/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

(биткоин и иные криптовалюты), крайне энергозатратны по сравнению с другими системами хранения информации и совершения транзакций²⁰. Вместе с тем в настоящее время появились более эффективные и менее энергозатратные принципы работы с системой блокчейн, в частности используемый системой Ethereum механизм подтверждения транзакций позволил снизить энергопотребление на 99,84 % по сравнению с механизмом, который используется, к примеру, в системе биткоина²¹. Таким образом, наиболее эффективным в настоящее время будет использование новейших модификаций системы блокчейн для целей депонирования объектов авторского права.

Кроме того, преимуществом использования блокчейн-реестров для депонирования РИД является появление возможности организации оборота прав на соответствующий объект. Оборот прав будет осуществляться следующим образом: при депонировании РИД правообладатель вправе создать смарт-контракт с присоединенным к нему элементом NFT. Такая связка позволит в любой момент идентифицировать соответствующий объект, который связан со смарт-контрактом. Кроме того, в программный код смарт-контракта можно включить условия, позволяющие посредством его передачи третьему лицу осуществлять и передачу исключительного права на соответствующий объект авторского права. Вместе с тем техническая природа смарт-контракта требует дополнительных пояснений, касающихся правовых особенностей оборота прав на РИД.

В соответствии со ст. 1234 ГК РФ по договору об отчуждении исключительного права одна сторона (правообладатель) передает или обязуется передать принадлежащее ей исключи-

тельное право на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации в полном объеме другой стороне (приобретателю). Несмотря на делящуюся дискуссию о возможности существования реального договора об отчуждении исключительного права²² (да и вообще о необходимости этого деления применительно к договорам, опосредующим оборот исключительных прав²³), автор работы присоединяется к точке зрения, в соответствии с которой договор об отчуждении исключительного права может быть как реальным, так и консенсуальным. Особенностью оборота исключительных прав с использованием смарт-контракта является то, что права по нему должны переходить при передаче NFT от продавца к покупателю. В этой связи, поскольку моменты перехода права и передачи NFT совпадают, можно также говорить о возможности заключения договора об отчуждении исключительного права как по модели реального договора, который будет заключен с момента передачи NFT, так и по консенсуальной модели, при этом такой договор может быть заключен в традиционной «аналоговой» форме и передача токена NFT, который удостоверяет исключительное право, будет приравниваться к передаче исключительных прав. При такой конструкции, когда NFT удостоверяет исключительное право на РИД наподобие ценной бумаги, оборот прав на РИД становится гораздо более прозрачным и приобретает сходство с оборотом вещей, когда передача NFT приравнивается, по существу, к передаче исключительного права (права собственности на вещь) по договору об отчуждении исключительного права (договора купли-продажи)²⁴, или же с оборотом прав на бездокументарные ценные бумаги, с учетом того что оборот

²⁰ URL: <https://digiconomist.net/bitcoin-energy-consumption> (дата обращения: 24.06.2023).

²¹ URL: <https://digiconomist.net/ethereum-energy-consumption> (дата обращения: 24.06.2023).

²² Гаврилов Э. Консенсуальные и реальные договоры в части четвертой ГК РФ // *Хозяйство и право*. 2019. № 2. С. 57–63.

²³ Подробнее об этом см.: Белоусов В. Н. Договор об отчуждении исключительного права как самостоятельный институт гражданского права // *Гражданское право*. 2020. № 1. С. 20–23.

²⁴ Более подробно о значении передачи вещи для перехода права собственности см.: Хаскельберг Б. Л. Основания и способы приобретения права собственности // *Цивилистические исследования*. Ежегодник гражданского права. 2006. Вып. 2. С. 335–377.

NFT отражается в соответствующем реестре. При этом, в отличие от оборота вещей, преимуществом использования смарт-контрактов является публичность сведений об обладателе NFT, что позволит гораздо быстрее и с меньшими затратами осуществлять поиск правообладателя.

Вторым вопросом, требующим отдельного обсуждения, является вопрос о форме договора, заключаемого по конструкции смарт-контракта²⁵. В соответствии со ст. 1234 ГК РФ договор об отчуждении исключительного права заключается в письменной форме, при этом несоблюдение письменной формы влечет недействительность договора. С точки зрения действующего законодательства, в частности ст. 434 ГК РФ, договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа (в том числе электронного), подписанного сторонами, или обмена письмами, телеграммами, электронными документами либо иными данными в соответствии с правилами абзаца второго п. 1 ст. 160 ГК РФ, т.е. при соблюдении требований идентификации сторон при использовании технических средств и возможности воспроизведения сделки на материальном носителе. И если «условия» смарт-контракта в виде кода можно довольно легко перевести в материальный (печатный) вид, то с идентификацией сторон потенциально могут возникнуть проблемы,

поскольку классические блокчейн-технологии, по общепризнанному мнению, являются если не анонимными, то псевдоанонимными. Как отмечают исследователи, элементом смарт-контракта как программного кода является цифровая подпись, которая подтверждает волю участников сделки, запускает действие алгоритма смарт-контракта при заключении договора²⁶. Такую подпись можно рассматривать как элемент идентификации сторон в том случае, если для ее применения будет использована площадка организации, требующая регистрации и предоставления совокупности данных участников, благодаря которым они могут быть идентифицированы²⁷. При этом невозможно согласиться с мнением о том, что «такой контракт считается подписанным с момента выражения согласия, а не с момента заключения»²⁸, поскольку, как справедливо отмечается в литературе, учитывая ожидания сторон, в большинстве случаев договор должен считаться заключенным именно в момент его подписания сторонами²⁹.

Поводя итог, следует заключить, что, несмотря на определенные правовые и технические сложности, реализация фиксации и оборота исключительных прав на объекты авторского права с применением технологии блокчейн возможна. При этом при реализации такого проекта необходимо учитывать, помимо указанных

²⁵ Дискуссия о природе смарт-контракта в настоящее время далека от завершения. В данной работе смарт-контракт рассматривается как договорная конструкция. Эта точка зрения довольно популярна среди современных исследователей. См.: *Гринь О. С., Гринь Е. С., Соловьев А. В.* Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // *Lex russica*. 2019. № 8. С. 51–62; *Ахмедов А. Я.* К вопросу о признаках смарт-контракта как договорной конструкции // *Право и цифровая экономика*. 2020. № 2. С. 22–25.

Обзор иных точек зрения см.: *Белов В. А.* Смарт-контракт: понятие, правовое регулирование, правоприменительная практика, потребительские отношения // *Право и экономика*. 2021. № 9. С. 35–41.

²⁶ *Санникова Л. В., Харитонова Ю. С.* Указ. соч.

²⁷ Набор этих данных, а также вопросы соответствия их обработки требованиям законодательства о персональных данных являются предметом самостоятельного исследования, поэтому в рамках этой работы рассмотрены не будут.

²⁸ *Юзефович Ж. Ю., Хазова В. Е.* Цифровые права как объекты гражданских прав // *Гражданское право*. 2022. № 5. С. 15–18.

²⁹ Комментарий к постановлению Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» / *Е. Д. Автонова, П. А. Астапенко, Д. В. Борейшо [и др.]* // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2019. № 9. С. 68–118.

проблем, те затраты, которые необходимо будет понести организации. К ним можно отнести, в частности, затраты на разработку или приобретение программного и аппаратного обеспечения для депонирования с использованием технологии блокчейн; необходимость оплаты транзакционных сборов за размещение данных

в сети блокчейн (этот вопрос представляет отдельный интерес в том случае, если реализовывать такое депонирование будет юридическое лицо, не являющееся собственником своего имущества), а также необходимость разработки юридической документации для депонирования объектов авторского права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ахмедов А. Я.* К вопросу о признаках смарт-контракта как договорной конструкции // *Право и цифровая экономика.* — 2020. — № 2. — С. 22–25.
2. *Белов В. А.* Смарт-контракт: понятие, правовое регулирование, правоприменительная практика, потребительские отношения // *Право и экономика.* — 2021. — № 9. — С. 35–41.
3. *Белоусов В. Н.* Договор об отчуждении исключительного права как самостоятельный институт гражданского права // *Гражданское право.* — 2020. — № 1. — С. 20–23.
4. *Благополучная К. В.* О новой системе верификации цифровых файлов WIPO PROOF // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права.* — 2020. — № 7. — С. 37–44.
5. *Гаврилов Э.* Консенсуальные и реальные договоры в части четвертой ГК РФ // *Хозяйство и право.* — 2019. — № 2. — С. 57–63.
6. *Гаврилов Э.* О содержании исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации // *Хозяйство и право.* — 2017. — № 6. — С. 3–12.
7. *Гончаров А. И., Иншакова А. О., Матыцин Д. Е.* Имплементация цифровых технологий в правовое регулирование оборота результатов интеллектуальной деятельности и совершенствование защиты прав их авторов // *Юрист.* — 2022. — № 2. — С. 15–28. — DOI: 10.18572/1812-3929-2022-2-15-28.
8. *Гринь О. С., Гринь Е. С., Соловьев А. В.* Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // *Lex russica.* — 2019. — № 8. — С. 51–62.
9. *Еременко В. И.* О постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10: авторское право и смежные права // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права.* — 2019. — № 8. — С. 5–22.
10. *Калятин В. О.* Хранение произведения в цифровой форме как способ его использования // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* — 2017. — № 1. — С. 70–81.
11. *Кирсанова Е. Е.* Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике : монография. — М. : Юстицинформ, 2022. — 228 с.
12. Комментарий к постановлению Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» / *Е. Д. Автонова, П. А. Астапенко, Д. В. Борейшо [и др.]* // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* — 2019. — № 9. — С. 68–118.
13. *Лисиенкова Л. Н., Комарова Л. Ю.* Обзор современных устройств хранения данных // *Известия Тульского государственного университета. Серия «Технические науки».* — 2020. — № 7. — С. 259–265.
14. *Новоселова Л. А.* Государственная регистрация программ для ЭВМ: модель будущего авторского права? // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* — 2021. — № 1. — С. 62–71.
15. *Рахматулина Р. Ш.* Цифровая форма объектов авторского права // *Право и цифровая экономика.* — 2019. — № 1. — С. 35–38.
16. *Савельев А. И.* Хранение или воспроизведение? К вопросу о бремени доказывания по спорам о защите исключительного права на компьютерную программу. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 08.06.2016 № 308-ЭС14-1400 // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* — 2016. — № 8. — С. 20–24.

17. Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ : монография. — М. : 4 Принт, 2020. — 304 с.
18. Скловский К. И., Костко В. С. О понятии вещи. Деньги. Недвижимость // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2018. — № 7. — С. 115–143.
19. Фролов П. П. Депонирование как ключ к решению проблемы авторства музыкальных произведений // Право и бизнес. — 2021. — № 4. — С. 52–55.
20. Хаскельберг Б. Л. Основания и способы приобретения права собственности // Цивилистические исследования. Ежегодник гражданского права. — 2006. — Вып. 2. — С. 335–377.
21. Хаскельберг Б. Л., Ровный В. В. Индивидуальное и родовое в гражданском праве. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2004. — 236 с.
22. Чурилов А. Ю. К проблеме понятия и правовой природы смарт-контракта // Юрист. — 2020. — № 7. — С. 25–30. — DOI: 10.18572/1812-3929-2020-7-25-30.
23. Чурилов А. Ю. Правовое регулирование оборота невзаимозаменяемых токенов: проблемы и перспективы // Хозяйство и право. — 2022. — № 1. — С. 64–75.
24. Чурилов А. Ю. Правовое регулирование применения технологии блокчейн : монография. — М. : Юстицинформ, 2021. — 152 с.
25. Щербак Н. В. Digital art в условиях электронной коммерции // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2022. — № 7. — С. 43–61.
26. Юзефович Ж. Ю., Хазова В. Е. Цифровые права как объекты гражданских прав // Гражданское право. — 2022. — № 5. — С. 15–18.
27. Bondi A. B. Characteristics of scalability and their impact on performance. In Proceedings of the 2nd international workshop on Software and performance. Association for Computing Machinery, NY, USA. 2000. — P. 195–203. — DOI: 10.1145/350391.350432.

Материал поступил в редакцию 28 июня 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Akhmedov A. Ya. K voprosu o priznakakh smart-kontrakta kak dogovornoy konstruksii // Pravo i tsifrovaya ekonomika. — 2020. — № 2. — S. 22–25.
2. Belov V. A. Smart-kontrakt: ponyatie, pravovoe regulirovanie, pravoprimenitel'naya praktika, potrebitelskie otnosheniya // Pravo i ekonomika. — 2021. — № 9. — S. 35–41.
3. Belousov V. N. Dogovor ob otchuzhdenii isklyuchitel'nogo prava kak samostoyatel'nyy institut grazhdanskogo prava // Grazhdanskoe pravo. — 2020. — № 1. — S. 20–23.
4. Blagopoluchnaya K. V. O novoy sisteme verifikatsii tsifrovyykh faylov WIPO PROOF // Intellektual'naya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. — 2020. — № 7. — S. 37–44.
5. Gavrillov E. Konsensualnye i realnye dogovory v chasti chetvertoy GK RF // Khozyaystvo i pravo. — 2019. — № 2. — S. 57–63.
6. Gavrillov E. O soderzhanii isklyuchitel'nykh prav na rezultaty intellektual'noy deyatel'nosti i sredstva individualizatsii // Khozyaystvo i pravo. — 2017. — № 6. — S. 3–12.
7. Goncharov A. I., Inshakova A. O., Matytsin D. E. Implementatsiya tsifrovyykh tekhnologiy v pravovoe regulirovanie oborota rezultatov intellektual'noy deyatel'nosti i sovershenstvovanie zashchity prav ikh avtorov // Yurist. — 2022. — № 2. — S. 15–28. — DOI: 10.18572/1812-3929-2022-2-15-28.
8. Grin O. S., Grin E. S., Solovov A. V. Pravovaya konstruksiya smart-kontrakta: yuridicheskaya priroda i sfera primeneniya // Lex russica. — 2019. — № 8. — S. 51–62.
9. Eremenko V. I. O postanovlenii Plenuma Verkhov'nogo Suda RF № 10: avtorskoe pravo i smezhnye prava // Intellektual'naya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. — 2019. — № 8. — S. 5–22.

10. Kalyatin V. O. Khranenie proizvedeniya v tsifrovoy forme kak sposob ego ispolzovaniya // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2017. — № 1. — S. 70–81.
11. Kirsanova E. E. Pravovoe regulirovanie oborota prav na rezultaty intellektualnoy deyatel'nosti v tsifrovoy ekonomike: monografiya. — M.: Yustitsinform, 2022. — 228 s.
12. Kommentariy k postanovleniyu Plenuma VS RF ot 25.12.2018 № 49 «O nekotorykh voprosakh primeneniya obshchikh polozheniy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii o zaklyuchenii i tolkovanii dogovora» / E. D. Avtonova, P. A. Astapenko, D. V. Boreysho [i dr.] // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2019. — № 9. — S. 68–118.
13. Lisienkova L. N., Komarova L. Yu. Obzor sovremennykh ustroystv khraneniya dannykh // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Tekhnicheskie nauki». — 2020. — № 7. — S. 259–265.
14. Novoselova L. A. Gosudarstvennaya registratsiya programm dlya EVM: model budushchego avtorskogo prava? // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2021. — № 1. — S. 62–71.
15. Rakhmatulina R. Sh. Tsifrovaya forma obektov avtorskogo prava // Pravo i tsifrovaya ekonomika. — 2019. — № 1. — S. 35–38.
16. Savelev A. I. Khranenie ili vosproizvedenie? K voprosu o bremeni dokazyvaniya po sporam o zashchite isklyuchitel'nogo prava na kompyuternuyu programm. Kommentariy k opredeleniyu Sudebnoy kollegii po ekonomicheskim sporam VS RF ot 08.06.2016 № 308-ES14-1400 // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2016. — № 8. — S. 20–24.
17. Sannikova L. V., Kharitonova Yu. S. Tsifrovye aktivy: pravovoy analiz: monografiya. — M.: 4 Print, 2020. — 304 s.
18. Sklovskiy K. I., Kostko V. S. O ponyatii veshchi. Dengi. Nedvizhimost // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2018. — № 7. — S. 115–143.
19. Frolov P. P. Deponirovanie kak klyuch k resheniyu problemy avtorstva muzykalnykh proizvedeniy // Pravo i biznes. — 2021. — № 4. — S. 52–55.
20. Khaskelberg B. L. Osnovaniya i sposoby priobreteniya prava sobstvennosti // Tsivilisticheskie issledovaniya. Ezhegodnik grazhdanskogo prava. — 2006. — Vyp. 2. — S. 335–377.
21. Khaskelberg B. L., Rovnyy V. V. Individualnoe i rodovoe v grazhdanskom prave. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Statut, 2004. — 236 s.
22. Churilov A. Yu. K probleme ponyatiya i pravovoy prirody smart-kontrakta // Yurist. — 2020. — № 7. — S. 25–30. — DOI: 10.18572/1812-3929-2020-7-25-30.
23. Churilov A. Yu. Pravovoe regulirovanie oborota nevzaimozamenyaemykh tokenov: problemy i perspektivy // Khozyaystvo i pravo. — 2022. — № 1. — S. 64–75.
24. Churilov A. Yu. Pravovoe regulirovanie primeneniya tekhnologii blokcheyn: monografiya. — M.: Yustitsinform, 2021. — 152 s.
25. Shcherbak N. V. Digital art v usloviyakh elektronnoy kommertsii // Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. — 2022. — № 7. — S. 43–61.
26. Yuzefovich Zh. Yu., Khazova V. E. Tsifrovye prava kak obekty grazhdanskikh prav // Grazhdanskoe pravo. — 2022. — № 5. — S. 15–18.
27. Bondi A. B. Characteristics of scalability and their impact on performance. In Proceedings of the 2nd international workshop on Software and performance. Association for Computing Machinery, NY, USA. 2000. — P. 195–203. — DOI: 10.1145/350391.350432.

Особенности наследования нотариальных депозитов

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы наследования движимого имущества (в том числе наличных денежных сумм и документарных ценных бумаг), а также безналичных денежных средств и бездокументарных ценных бумаг, внесенных в депозит нотариуса наследодателем в пользу третьих лиц или внесенных третьими лицами в пользу наследодателя. По мнению автора, наследование депозитов нотариуса как наследственное правопреемство имеет свои особенности. Несмотря на то что в советское время нотариальные учреждения имели специальные счета по депозитным суммам, а в 1993 г. Основами законодательства Российской Федерации о нотариате был определен порядок принятия в депозит денежных средств и ценных бумаг, вплоть до 2017 г., когда глава 45 ГК РФ была дополнена нормами о публичном депозитном счете, специально предназначенном для хранения депозитов нотариусов, такое нотариальное действие было мало востребовано. В настоящее время востребованности таких действий препятствуют определенные проблемы, которые автор поднимает в статье.

Ключевые слова: депозит; депозит нотариуса; нотариальный депозит; наследование; исполнение обязательств; охрана наследственного имущества; денежные средств; ценные бумаги; публичный депозитный счет; наследование средств публичного депозитного счета; наследственное правопреемство; распоряжение нотариуса банку; депозитные средства как объект наследования; регламентация выдачи депозитных средств; момент выдачи из депозита.

Для цитирования: Новопашина У. С. Особенности наследования нотариальных депозитов // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 3. — С. 100–108. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.100-108.

Features of Inheriting Notary Deposits

Ulyana S. Novopashina, Lecturer, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University; Deputy Director, «Path to the Law» Center for Notarial Law; Notary of Moscow, Moscow, Russian Federation
Sokolova2010e@yandex.ru

Abstract. The paper deals with topical issues of inheritance of movable property (including cash and documentary securities), non-cash funds and non-documentary securities deposited with a notary by the testator in favor of third parties or deposited by third parties in favor of the testator. According to the author, the inheritance of notary deposits as a hereditary succession has its own characteristics. Despite the fact that in Soviet times, notary institutions had special accounts for deposited funds, and in 1993 The Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries defined the procedure for accepting funds and securities for depositing until 2017,

© Новопашина У. С., 2024

* Новопашина Ульяна Семеновна, преподаватель Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, заместитель директора НОЦ «Центр нотариального права “Путь к закону”», нотариус г. Москвы
Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус), г. Москва, Россия, 119991
Sokolova2010e@yandex.ru

when Chapter 45 of the Civil Code of the Russian Federation was supplemented with norms on a public deposit account specifically designed for storing deposits of notaries, such notarial action was little in demand. Currently, the demand for such actions is hindered by certain problems that the author raises in the paper.

Keywords: deposit; notary's deposit; notary deposit; inheritance; fulfillment of obligations; protection of inherited property; cash; securities; public deposit account; inheritance of funds from a public deposit account; hereditary succession; notary's order to the bank; deposit funds as an object of inheritance; regulation of the issuance of deposit funds; the moment of issue from the deposit.

Cite as: Novopashina U.S. Features of Inheriting Notary Deposits. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(3):100-108. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.100-108

Наследование депозитов нотариуса как наследственное правопреемство имеет свои особенности.

Но прежде всего определимся с тем, что понимается под «депозитом».

Данное понятие происходит от латинских слов *deponere* («класть, отдавать на хранение») и *depositum* («отданная на хранение»; имеется в виду «отданная на хранение» вещь. — У. Н.). Недаром использование депозита в качестве способа исполнения обязательств известно еще римскому праву. Должник мог передать деньги (предварительно их упаковав и опечатав) на хранение в храм, претору или в иное публичное учреждение в случае просрочки кредитора¹.

В толковых словарях русского языка и в энциклопедической литературе под **депозитом** понимается определенная сумма денег или ценных бумаг, вносимая на хранение в кредитное учреждение с правом получения на известных условиях²; некая вещь, отданная на хранение, материальная ценность (обычно деньги или ценные бумаги), поступающая в государственное учреждение и подлежащая по наступлении определенных условий возврату внесшему ее лицу или по его указанию передаче какому-либо другому лицу³.

В научной литературе и в нормативных правовых актах **термин «депозит нотариуса»** (или

«**нотариальный депозит**») отдельно, как правило, не используется, а употребляется лишь в выражениях «внесение в депозит нотариуса» или «передача в депозит»⁴.

Нотариальный депозит обычно ассоциируется с денежными средствами, внесенными одним лицом на имя другого лица для передачи их нотариусом этому лицу, а в случае смерти этого лица — его правопреемникам. Как правило, на момент открытия депозита сами денежные средства уже размещены в банке или будут размещены в банке нотариусом на специально предназначенном для таких целей счете. При этом сам нотариус будет лишь хранителем депозита, субъектом права, который только принимает и выдает принятое на хранение имущество с учетом специфики нотариального и наследственного права.

Действующий в настоящее время порядок принятия в депозит денежных средств и ценных бумаг был определен Основами законодательства Российской Федерации о нотариате, от 11.02.1993 № 4462-1⁵, но достаточно лаконично: нотариус *принимает от должника* в депозит денежные средства и ценные бумаги для передачи их кредитору, о поступлении денежных средств и ценных бумаг нотариус *извещает кредитора* и по его требованию *выдает ему* причитающиеся денежные средства и ценные бумаги.

¹ Дождев Д. В. Римское частное право : учебник / под ред. В. С. Нерсесянца. М., 1996. С. 455.

² Толковый словарь русского языка Ушакова. 2012 // URL: <https://slovar.cc/rus/ushakov/394229.html> (дата обращения: 10.10.2023).

³ Большая советская энциклопедия (БСЭ). 2012 // URL: <https://gufo.me/dict/bse/Депозит?ysclid=lnk7eуcхm938876053> (дата обращения: 10.10.2023).

⁴ Шойхет М. Р. Наследование денежных знаков Российской Федерации из драгоценных металлов // Нотариус. 2018. № 6. С. 41–42.

⁵ Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

Так, *общие вопросы* приема в депозит нотариуса и выдачи из депозита регулируются основными положениями, установленными статьями 87, 88, 88.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате.

Например, в силу ст. 87 в случаях, предусмотренных гражданским законодательством Российской Федерации, нотариус принимает в депозит (на депонирование) денежные суммы и ценные бумаги для передачи их кредитору. В соответствии со ст. 88.1 стороны обязательства могут обратиться к нотариусу с совместным заявлением о принятии от должника на депонирование движимых вещей, безналичных денежных средств или бездокументарных ценных бумаг, а нотариус принимает их для передачи кредитору в силу действующего законодательства либо передает кредитору в порядке, в сроки и на условиях, которые установлены *сделкой*, заключенной сторонами.

Поскольку законодатель не регламентировал *детально* вопросы приема и хранения депозитных средств, нотариусы принимали и хранили денежные средства любым возможным способом: наличными в собственном сейфе в помещении *нотариальной* конторы, в специально арендованном сейфе в банковских и иных кредитных учреждениях или в банковской ячейке. Нередко для этих целей нотариусы открывали банковские счета с особыми (дополнительными) режимами размещения и хранения средств, условно называя их депозитными нотариальными счетами (беспроцентными депозитами в силу законодательства).

Долгое время такое нотариальное действие, как принятие денежных средств и ценных бумаг на депонирование, было мало востребовано, несмотря на то что оно не является новым для российского правопорядка⁶. Ситуация стала меняться после вступления в силу Федерального закона от 26.07.2017 № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷, в соответствии с которым глава 45 ГК РФ была дополнена нормами о договоре публичного депозитного счета, который является разновидностью договора банковского счета, но специально предназначен для целей депонирования денежных средств в случаях, предусмотренных законом, в том числе для хранения депозитов нотариусов⁸.

В силу ст. 860.11 ГК РФ по договору публичного депозитного счета банк обязуется принимать и зачислять в пользу бенефициара денежные средства, поступающие от должника или иного указанного в законе лица (депонента), на счет, открытый владельцу счета, в контексте рассматриваемых в статье вопросов — нотариусу, который в соответствии с законом принимает денежные средства в депозит для передачи иным лицам, в том числе правопреемникам/наследникам⁹.

Денежные средства могут быть внесены в депозит нотариуса только в случаях, строго регламентированных законодательством.

Так, в соответствии со ст. 327 ГК РФ, внесение денежных средств и ценных бумаг в депозит

⁶ Например, в советское время нотариальные учреждения имели специальные счета по депозитным суммам. На депозитные счета нотариальной конторы вносились деньги или ценные бумаги при невозможности вручить их самому кредитору, причем нотариальная контора всегда принимала их в депозит, не проверяя основания взноса. См.: Лесницкая Л. Ф., Виноградова Р. И., Гольская Д. Х. Нотариат в СССР : учебник / под ред. Л. Ф. Лесницкой. М. : Юридическая литература, 1985.

⁷ СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4761.

⁸ Начиная с 1 июня 2018 г. поступающие в депозит нотариусов денежные средства размещаются на банковских счетах, открытых во исполнение договора *публичного депозитного* счета.

⁹ Как правильно отмечает И. В. Первалова, несмотря на то что в научной литературе (см., например: Расказова Н. Ю., Федорова О. А. Принятие денежных сумм в депозит нотариуса // Нотариальный вестник. 2018. № 8. С. 46) «депонирование» и «внесение денежных средств в депозит» предлагается использовать как синонимы, данные действия отличаются друг от друга (см.: Первалова И. В. Особенности совершения депонирования нотариусом имущества // Нотариальный вестник. 2021. № 3. С. 5–19). Вместе

нотариуса возможно в случаях: отсутствия кредитора или лица, уполномоченного им принять исполнение, в месте, где обязательство должно быть исполнено; недееспособности кредитора и отсутствия у него представителя; очевидного отсутствия определенности по поводу того, кто является кредитором по обязательству, в частности в связи со спором по этому поводу между кредитором и другими лицами; уклонения кредитора от принятия исполнения или иной просрочки с его стороны.

Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (ст. 87, 88, 88.1) содержат дополнительные основания, по которым возможно внесение денежных средств и ценных бумаг в депозит нотариуса. К таким основаниям относятся: наличие условия о расчетах через депозит нотариуса в соглашении между кредитором и должником; некоторые случаи банкротства для удовлетворения требований кредиторов; ситуации выкупа ценных бумаг у владельцев, не зарегистрированных в реестре акционеров общества; расторжение договора участия в долевом строительстве при отказе участника долевого строительства от исполнения договора и необращении к застройщику за получением денежных средств; возложение исполнения обязательств должником на третье лицо при отказе кредитора от принятия исполнения, предложенного за должника третьим лицом; случаи, если должник не возлагал исполнение обязательства на третье лицо, но должником допущена просрочка исполнения денежного обязательства или такое третье лицо

подвергается опасности утратить свое право на имущество должника вследствие обращения взыскания на это имущество¹⁰.

Безусловно, сам процесс передачи денежных средств через нотариуса не является одномоментным. С момента принятия нотариусом денежных средств на депозит и до наступления срока (иного основания) их выдачи с депозита может пройти достаточно большое количество времени. В связи с этим возможна ситуация, когда лица, которое имело право на депозитные средства, на момент их выдачи может не оказаться в живых. То есть денежные средства, внесенные в депозит нотариуса тем или иным способом, могут стать объектом наследования в любой момент.

Стоит отметить, что в научной литературе вопрос публичного депозитного счета поднимался не раз¹¹, но вопросы наследования внесенных средств еще не изучены, так как практика только формируется¹².

В частности, теоретического осмысления требуют вопросы наследования уже внесенных в депозит средств, если лицо, на имя которого внесен депозит, не успело их получить в связи со смертью (объявлением умершим). Законодательством такое наследование отдельно не регламентировано, и в связи с этим возникает ряд вопросов, в том числе об оформлении/выдаче депозитных средств другим лицам в силу наступления факта смерти лица, на имя которого внесен депозит.

Рассмотрим некоторые из указанных вопросов.

с тем в контексте задач указанной работы рассмотрение путей возникновения в депозите нотариуса денежных средств не представляет для нас интереса, так как интерес связан исключительно с самими денежными средствами (наличными деньгами или безналичными денежными средствами), которые являются объектами наследования.

¹⁰ Новопашина У. С. О возможностях использования депозита нотариуса // Нотариус. 2018. № 3. С. 11.

¹¹ См., например: Ефимова Л. Г. Договоры банковского вклада и банковского счета : монография. М. : Проспект, 2018 ; Катвицкая М. Ю. Новое в законодательстве: договор публичного депозитного счета // Право и экономика. 2019. № 3. С. 66–69 ; Борисов А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (постатейный). Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2020 ; Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г., Ефимова Л. Г. Частное банковское право : учебник. М. : Проспект, 2020 ; Рассказова Н. Ю., Федорова О. А. Указ. соч. С. 39.

¹² Новопашина У. С. Указ. соч. С. 11 ; Углицких Д. В. Некоторые аспекты наследования денежных сумм, учтенных на депозитном счете нотариуса // Нотариус. 2020. № 6. С. 11 ; Перевалова И. В. Указ. соч. С. 5.

Вначале хотелось бы обратить внимание на то, что если принятие депозита является нотариальным действием¹³, то выдача таким действием не является.

Законодательством о нотариате, в том числе Основами законодательства Российской Федерации о нотариате, **процесс выдачи нотариусами депозитных средств четко не регламентирован.**

Сама выдача непосредственно осуществляется по распоряжению нотариуса банку о выдаче (перечислении). Для инициации этого распоряжения необходимо предварительное обращение заявителя к нотариусу, причем не только личное (или через представителя, действующего по доверенности), но и непосредственно путем направления заявления о выдаче депозитных средств наличными (о перечислении их в безналичной форме на счет, указанный в заявлении)¹⁴ почтой. В данном случае возникает вопрос о проверке факта нахождения заявителя в живых на момент выдачи депозитных средств этому лицу. Ведь на момент получения нотариусом заявления о выдаче (перечислении) депозитных средств заявитель может умереть (и стать, соответственно, наследодателем). В результате этого выдача (перечисление) должна быть приостановлена до выяснения состава правопреемников — субъектов наследования. Кроме того, к моменту получения нотариусом заявления о выдаче (перечислении) депозитных средств заявитель может утратить дееспособность (быть признан в судебном порядке недееспособным или его дееспособность может быть ограничена). В таком случае приостановление выдачи (перечисления) необходимо до установления опекунов или попечителей данного лица.

Исходя из вышеуказанного, можно констатировать необходимость регламентации данного процесса, который должен включать в себя как минимум оперативную проверку сведений об отсутствии факта смерти заявителя на момент выдачи депозита. Но если данный факт можно установить по базам данных органов ЗАГС, но

факт утраты дееспособности проверить, в том числе оперативно, не представляется возможным.

Далее возникает проблема определения **понятия самого момента «выдачи из депозита»**. Какой это момент? Регистрация нотариусом заявления о выдаче (перечислении) депозитных средств? Или оформление распоряжения нотариуса банку о выдаче (перечислении) депозитных средств? Или передача банку такого распоряжения? Или же непосредственно выдача (перечисление) банком депозитных средств лицу, указанному в распоряжении? Но, применительно к последнему случаю, в какой момент банк будет считаться исполнившим распоряжение? С даты перечисления депозитных средств на счет, указанный в распоряжении, или с даты зачисления средств на этот счет?

Все эти вопросы остаются без регулирования и в контексте оформления наследственных прав делают порой невозможной выдачу депозитов.

Предполагается, что если уже перечисленный депозит (*распоряжение было передано нотариусом в банк и банком не только принято к исполнению, но и исполнено*) поступил на счет самого заявителя после его смерти, то проблема, по сути, нивелируется. Ведь заявитель к этому моменту стал наследодателем, и не полученные им депозитные средства будут включены в наследственную массу. Соответственно, нотариус в рамках оформления наследственного дела выдаст наследникам (правопреемникам) не документ о правах на депозитные суммы, а свидетельство о праве на наследство.

Но если нотариус, получивший заявление о выдаче (перечислении) депозитных сумм, в процессе подготовки соответствующего распоряжения банку выявит факт смерти заявителя, то такое обращение не может быть исполнено. Как было указано выше, наследникам заявителя в рамках открытого после его смерти наследственного дела необходимо обратиться к нотариусу с отдельным заявлением о выдаче сумм из депозита.

¹³ П. 12 ч. 1 ст. 35 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате.

¹⁴ Как правило, такие заявления поступают с засвидетельствованной подлинностью подписи лица, но законодательство допускает обращение в простой письменной форме.

Кроме вышеуказанной проблемы, хотелось бы обратить внимание на **вопросы определения депозитных средств как объекта наследования, которые возникают в результате выкупа акций**, осуществленного в порядке ст. 84.8 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»¹⁵. Этот вопрос уже не раз поднимался юристами — вопрос об изменении объекта, принадлежащего наследодателю на момент смерти, вопрос трансформации объекта в денежные средства, внесенные в депозит нотариуса в случаях выкупа акций¹⁶.

Речь идет о праве нотариуса без решения суда выдать свидетельство о праве на наследство на денежные средства, размещенные в депозите нотариуса, в случае если наследодателю при жизни принадлежали акции, трансформированные после его смерти в денежные средства в результате выкупа акций, осуществленного в порядке ст. 84.8 Закона об акционерных обществах.

Известно, что в соответствии с указанной статьей лицо, которое стало владельцем более 95 % общего количества акций публичного общества, вправе выкупить у акционеров — владельцев акций открытого общества, а также у владельцев эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в такие акции открытого общества, указанные ценные бумаги. При этом требование о выкупе ценных бумаг направляется владельцам выкупаемых ценных бумаг через публичное общество¹⁷; денежные средства в этом случае перечисляются в депозит нотариуса; оплата выкупаемых ценных бумаг осуществляется только деньгами.

Как показала практика, требования направляются и выкуп производится без установления факта нахождения владельца в живых.

Нотариус, принимая в депозит такие средства, не только не проверяет основания взноса,

но и не может и не должен проверять даже факт нахождения в живых лиц, в отношении которых такие перечисления производятся.

Возникает вопрос: если такие действия по выкупу акций произведены после смерти владельца, то что тогда будет объектом наследования?

По общему правилу, безусловно, наследуются акции как имущество, право на которое имел наследодатель — акционер на момент смерти.

Но так как выкуп акций, их трансформация в деньги и перечисление этих денег в депозит нотариуса произведены после смерти акционера (после открытия наследства), то в наследственной массе акций уже нет.

С одной стороны, следует согласиться с мнениями юристов, что возникает абсурдная ситуация, и действительно кажется, что «получать свидетельство о праве на наследство на них (акции. — У. Н.) бессмысленно по той причине, что на сегодняшний день таких ценных бумаг юридически и фактически не существует»¹⁸, но нельзя забывать, что свидетельство о праве на наследство является правоподтверждающим документом. В указанном случае оно будет подтверждать только то, что на день открытия наследства наследодателю принадлежали акции. И именно это право на акции дает наследникам (правопреемникам) основание для обращения за внесенными в депозит денежными средствами, перечисленными за выкуп акций.

Для выдачи свидетельства о праве на наследство на денежные средства, находящиеся в депозите нотариуса, оснований также не имеется. Ведь на момент открытия наследства такого имущества не существовало.

Рассмотренные нами вопросы выдачи денежных средств, перечисленных в депозит

¹⁵ СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

¹⁶ Настольная книга нотариуса : в 4 т. / под ред. И. Г. Медведева. М., 2015. Т. 3 : Семейное и наследственное право в нотариальной практике.

¹⁷ Владелец ценных бумаг, который не соглашается с ценой выкупаемых ценных бумаг, может обратиться в арбитражный суд с иском о возмещении убытков, причиненных в связи с ненадлежащим определением цены выкупаемых ценных бумаг, в течение шести месяцев со дня, когда такой владелец узнал о списании с его лицевого счета (счета депо) выкупаемых ценных бумаг.

¹⁸ Настольная книга нотариуса. Т. 3.

нотариуса за выкуп акций, совершенный на основании Закона об акционерных обществах, без должной проверки правоспособности акционера-продавца на момент сделки, не нашли ответа и в разъяснениях Верховного Суда РФ.

Как вариант решения можно предложить, чтобы в случае отсутствия спора между наследниками и иными заинтересованными правопреемниками наследственного имущества принималось обращение наследников и иных правопреемников со свидетельством о праве на наследство на акции *как подтверждением прав на преемство внесенных в депозит денежных средств* за выдачей таких денежных средств. Однако представляется, что в целях бесспорного решения вопроса о выдаче таких внесенных депозитов без обращения в суд данный вопрос необходимо законодательно урегулировать.

Кроме того, следует отметить еще одну проблему, которая также требует законодательного урегулирования. Это **проблема отсутствия у нотариуса информационных ресурсов**, в том числе в части доступа к имеющимся государственным информационным источникам, которые позволили бы нотариусу оперативно получать информацию, например о недееспособности кредитора и т.п. Кроме того, **отсутствие базы данных о наличии нотариальных депозитов в пользу конкретных лиц** вынуждает наследников самостоятельно искать депозитные счета, что нередко приводит к невостребованности депозитных средств.

Существующая обязанность нотариуса известить кредитора о поступлении денежных средств и ценных бумаг и по его требованию выдать ему причитающиеся денежные средства и ценные бумаги не может решить эту проблему, так как в соответствии со ст. 327 ГК РФ в случае «недееспособности кредитора» извещение формально направляется по адресу такого недееспособного кредитора, а при «очевидном отсутствии определенности по поводу того, кто является кредитором по обязательству», такое извещение вообще отправлять, по сути, бывает некому.

Представляется целесообразным разработать систему, которая по запросам нотариусов, ведущих наследственные дела, по запросам судов, оформляющих наследственные дела в судебном порядке, могла бы информировать наследников **о наличии в депозитах нотариусов неполученных денежных сумм и ценных бумаг**, в том числе давать информацию для оформления прав на такие средства «при недееспособности кредитора» лицам, представляющим их интересы, и информацию для лиц, которые определяют свои права на такие депозитные суммы в судебном порядке в случаях внесения депозитных сумм по таким основаниям, как «очевидное отсутствие определенности по поводу того, кто является кредитором по обязательству».

Что касается денежных сумм, депонированных по сделкам, представляется, что необходима система, которая позволит перечислять (выдавать, возвращать) депозиты, открытые на имя физических лиц и «зависшие» в результате смерти этих лиц, до истечения шестимесячного срока.

К сожалению, правового регулирования этого вопроса только в части заключаемой сделки недостаточно. Ведь практика по таким вопросам еще не сложилась. По нашему мнению, имеющийся риск «зависания» средств в случае смерти лиц, на имя которых открыт депозит, будет тормозить развитие этого института. На практике данные вопросы уже возникают, но решение споров, возникающих в отношении депозитных средств, в настоящее время возможно только в судебном порядке¹⁹.

И в завершение хотелось бы обратить внимание на вопросы, связанные с **принятием в депозит денежных сумм для передачи наследникам в контексте охраны наследственного имущества**.

Обращаясь к положениям ст. 66 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, отметим, что входящее в состав наследства и не требующее управления имуществом (*деньги, валютные ценности, драгоценные металлы и*

¹⁹ Углицкий Д. В. Некоторые аспекты наследования денежных сумм, учтенных на депозитном счете нотариуса // Нотариус. 2020. № 6. С. 13.

камни, изделия из них и не требующие управления ценные бумаги, иное такое имущество) в предусмотренных федеральным законом случаях вносятся в депозит нотариуса или передается банку на хранение по договору либо передается нотариусом по договору на хранение кому-либо из наследников, а при невозможности передать его наследникам — другому лицу по усмотрению нотариуса.

Данное правовое регулирование носит общий характер и требует нормативной детальной регламентации как процесса принятия в

депозит, так и процесса хранения и выдачи с депозита не требующего управления имуществом. В настоящее время такие процессы законодательством не урегулированы.

В то же время в целом можно констатировать, что институт нотариального депозита выполняет и будет в дальнейшем выполнять важную социальную и экономическую функцию в обеспечении надлежащего гражданского оборота, в том числе в случаях наследственного правопреемства. А востребованность этого правового института со временем будет только возрастать.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Борисов А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (постатейный). — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М. : Юстицинформ, 2020. — 716 с.
2. Дождев Д. В. Римское частное право : учебник / под ред. В. С. Нерсесянца. — М., 1996. — 704 с.
3. Ефимова Л. Г. Договоры банковского вклада и банковского счета (монография). — М. : Проспект, 2018. — 432 с.
4. Катвицкая М. Ю. Новое в законодательстве: договор публичного депозитного счета // Право и экономика. — 2019. — № 3. — С. 66–69.
5. Лесницкая Л. Ф., Виноградова Р. И., Гольская Д. Х. Нотариат в СССР : учебник / под ред. Л. Ф. Лесницкой. — М. : Юридическая литература, 1985. — 160 с.
6. Настольная книга нотариуса : в 4 т. / под ред. И. Г. Медведева. Т. 3 : Семейное и наследственное право в нотариальной практике. — М. : Статут, 2015. — 345 с.
7. Новопашина У. С. О возможностях использования депозита нотариуса // Нотариус. — 2018. — № 3. — С. 9–16.
8. Перевалова И. В. Особенности совершения депонирования нотариусом имущества // Нотариальный вестник. — 2021. — № 3. — С. 5–19.
9. Рассказова Н. Ю., Федорова О. А. Принятие денежных сумм в депозит нотариуса // Нотариальный вестник. — 2018. — № 8. — С. 39–60.
10. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г., Ефимова Л. Г. Частное банковское право : учебник. — М. : Проспект, 2020. — 776 с.
11. Углицкий Д. В. Некоторые аспекты наследования денежных сумм, учтенных на депозитном счете нотариуса // Нотариус. — 2020. — № 6. — С. 11–14.
12. Шойхет М. Р. Наследование денежных знаков Российской Федерации из драгоценных металлов // Нотариус. — 2018. — № 6. — С. 41–43.

Материал поступил в редакцию 10 октября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Borisov A. N. Kommentariy k Federalnomu zakonu ot 2 oktyabrya 2007 g. № 229-FZ «Ob ispolnitelnom proizvodstve» (postateynny). — Izd. 2-e, pererab. i dop. — M.: Yustitsinform, 2020. — 716 s.
2. Dozhdev D. V. Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik / pod red. V. S. Nersesyantsa. — M., 1996. — 704 s.
3. Efimova L. G. Dogovory bankovskogo vklada i bankovskogo scheta (monografiya). — M.: Prospekt, 2018. — 432 s.
4. Katvitskaya M. Yu. Novoe v zakonodatelstve: dogovor publichnogo depozitnogo scheta // Pravo i ekonomika. — 2019. — № 3. — S. 66–69.
5. Lesnitskaya L. F., Vinogradova R. I., Golskaya D. Kh. Notariat v SSSR: uchebnik / pod red. L. F. Lesnitskoy. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1985. — 160 s.
6. Nastolnaya kniga notariusa: v 4 t. / pod red. I. G. Medvedeva. T. 3: Semeynoe i nasledstvennoe pravo v notarialnoy praktike. — M.: Statut, 2015. — 345 s.
7. Novopashina U. S. O vozmozhnostyakh ispolzovaniya depozita notariusa // Notarius. — 2018. — № 3. — S. 9–16.
8. Perevalova I. V. Osobennosti soversheniya deponirovaniya notariusom imushchestva // Notarialnyy vestnik. — 2021. — № 3. — S. 5–19.
9. Rasskazova N. Yu., Fedorova O. A. Prinyatie denezhnykh summ v depozit notariusa // Notarialnyy vestnik. — 2018. — № 8. — S. 39–60.
10. Rozhdestvenskaya T. E., Guznov A. G., Efimova L. G. Chastnoe bankovskoe pravo: uchebnik. — M.: Prospekt, 2020. — 776 s.
11. Uglitskiy D. V. Nekotorye aspekty nasledovaniya denezhnykh summ, uchtennykh na depozitnom schete notariusa // Notarius. — 2020. — № 6. — S. 11–14.
12. Shoykhet M. R. Nasledovanie denezhnykh znakov Rossiyskoy Federatsii iz dragotsennykh metallov // Notarius. — 2018. — № 6. — S. 41–43.

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.109-119

В. Ю. Кулакова*

Единство и дифференциация процессуальной формы

Аннотация. В статье рассматриваются научно-теоретические вопросы процессуальной формы, анализируются взгляды ученых на суть и черты данной правовой категории, ее значение; обосновывается позиция о существовании двух сторон процессуальной формы — внешней и внутренней. Внешняя форма стабильна и неизменна, внутренняя форма пластична и адаптивна, может подвергаться изменениям под влиянием различных обстоятельств. С учетом этого формулируются признаки внешней процессуальной формы, а также делается вывод о том, что гибкость и пластичность внутренней процессуальной формы позволяет адаптировать ее под нужды различных сфер жизни общества, которые зачастую разительно отличаются друг от друга и нуждаются в особых механизмах защиты. В результате дифференциации процессуальной формы будет обеспечиваться эффективность процессуальной деятельности и будут достигаться цели судопроизводства. С учетом этого обосновывается необходимость проведения комплексного масштабного исследования вопроса о создании специализированного вида семейного судопроизводства и соответствующей ему специализированной процессуальной формы.

Ключевые слова: гражданская процессуальная форма; процессуальная деятельность; процедура рассмотрения дел; гражданское судопроизводство; черты гражданской процессуальной формы; внешняя и внутренняя процессуальная форма; гибкость и пластичность процессуальной формы; дифференциация и специализация процессуальной формы.

Для цитирования: Кулакова В. Ю. Единство и дифференциация процессуальной формы // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 3. — С. 109–119. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.109-119.

© Кулакова В. Ю., 2024

* Кулакова Виктория Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства, доцент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
vkulakova2008@yandex.ru

Unity and Differentiation of Procedural Form

Victoriya Yu. Kulakova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor,
Department of Civil and Administrative Court Proceedings, Associate Professor,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
vkulakova2008@yandex.ru

Abstract. The paper discusses scientific and theoretical issues of the procedural form, analyzes the views of scientists on the essence and features of this legal category, its significance. The position on the existence of two sides of the procedural form — external and internal — is substantiated. The external form is stable and unchanging, the internal form is flexible and adaptive, and can be subject to change under the influence of various circumstances. Considering this, the author crystallizes the external procedural form features and concludes that the flexibility and adaptability of the internal procedural form allows it to be adjusted to the needs of various spheres of society, which are often strikingly different from each other and require special protection mechanisms. As a result of differentiation of the procedural form, the efficiency of procedural activities will be ensured and the goals of legal proceedings will be achieved. Taking this into account, the need to conduct a comprehensive large-scale study of the issue of creating a specialized type of family legal proceedings and the corresponding specialized procedural form is substantiated.

Keywords: civil procedural form; procedural activity; procedure for reviewing cases; civil proceedings; features of the civil procedural form; external and internal procedural form; flexibility and plasticity of the procedural form; differentiation and specialization of procedural form.

Cite as: Kulakova VYu. Unity and Differentiation of Procedural Form. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(3):109-119. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.109-119

Правовая наука в целом и наука гражданского процессуального права в частности часто оперируют термином «форма», который наполняется различным содержанием в зависимости от того, в каком контексте он используется. О форме говорят как об источнике закрепления процессуальных норм, как о форме гражданских процессуальных правоотношений, о порядке защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов, о порядке осуществления процессуальных действий. В каждом из этих проявлений форма наполняется своей особой характеристикой. Изучением данных вопросов занимались различные представители науки — как общей теории права, так и уголовно-процессуального и гражданского процессуального пра-

ва. Вопросы теории процессуальной формы поднимались в трудах М. С. Шакарян¹. В силу своей сложности и многогранности данная тематика не утратила актуальности и в настоящее время.

Гражданская процессуальная форма как одно из неотъемлемых проявлений формы в сфере отправления правосудия постоянно привлекала внимание ученых, что привело к большому разнообразию в определении данного правового явления. В некоторых случаях процессуальную форму сводили к совокупности процессуальных норм, закрепляющих правила отправления правосудия и совершения отдельных процессуальных действий². Со временем большинство ученых сошлись во мнении, что процессуальную форму следует определять как порядок

¹ См., в частности: Шакарян М. С., Сергун А. К. К вопросу о теории так называемой «юридической процессуальной формы» // Шакарян М. С. Избранные труды. СПб. : Издательский дом Р. Асланова «Юридический центр», 2014. С. 39–71.

² Чечина Н. А. Норма права и судебное решение // Избранные труды по гражданскому процессу. СПб. : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. С. 202 ; Попова Ю. А. Теория процессуальных (судопроизводственных) форм реализации судебной властью функций правосудия (ретроспективный анализ) // Вестник гражданского процесса. 2012. № 2. С. 26–27.

совершения процессуальной деятельности³. В таком значении эта категория используется в контексте решения вопроса о различных формах защиты нарушенных прав или охраняемых законом интересов. И в этом смысле судебная процессуальная форма противопоставляется иной форме, характерной для деятельности несудебных юрисдикционных органов. Таким образом, форма, отвечающая на вопрос «как?», есть у каждой деятельности. В этом проявляется философское сочетание категорий формы и содержания. Именно благодаря существованию множественности процедур и форм появляется необходимость выявления их специфических признаков, позволяющих отграничить одну форму от другой. С этой позиции процессуальная форма, характерная для судебной деятельности, обладает специфическими чертами, которые позволяют рассматривать судебную форму защиты в качестве максимально гарантирующей надлежащую защиту нарушенных прав и охраняемых законом интересов.

В процессуальной литературе выделяют различные признаки процессуальной формы. В частности, Н. А. Чечина полагала, что процессуальной форме свойственны следующие черты: 1) совокупность правил строго установлена процессуальным законом; 2) правила устанавливают порядок деятельности всех субъектов, участвующих в отправлении правосудия; 3) в пределах установленных правил и в соответствии с ними развиваются процессуальные отношения⁴.

Достаточно детальная характеристика процессуальной формы была дана П. П. Гуреевым. С его точки зрения, она обладает следующими чертами:

1) основным субъектом, осуществляющим деятельность по рассмотрению и разрешению

дела, является суд, который избран в установленном законом порядке и не имеет какой-либо заинтересованности;

2) деятельность осуществляется открыто, за исключением случаев, предусмотренных законом, когда допускается проведение закрытого судебного заседания;

3) порядок деятельности, а также форма основных процессуальных актов определены гражданским процессуальным законодательством;

4) в рассмотрении дела участвуют заинтересованные лица;

5) заинтересованные лица пользуются широкими процессуальными правами;

6) решение суда должно быть обоснованным;

7) решение выносится судом именем государства⁵.

Совершенно иные признаки были предложены В. М. Горшеневым: 1) многократная повторяемость юридических действий, благодаря которой вырабатывается модель отправления правосудия; 2) отвлечение от индивидуальных характеристик каждого конкретного дела, то есть обобщенный характер; 3) стабильность модели⁶.

Е. Г. Лукьянова выделяет четыре признака процессуальной формы, к которым относит: соответствие принципам процессуального права, нормативную закрепленность, установленную последовательность действий и направленность на достижение определенных целей⁷.

Интересную позицию занимают Л. Д. Чулюкин, В. В. Гурьянова и Э. Е. Исаев. Согласно их пониманию, процессуальная форма отражает внутренний аспект содержания юридического процесса⁸, который должен соответствовать следующим требованиям: предусмотренность

³ Подробнее анализ точек зрения по данному вопросу см.: *Егорова О. В.* Сущность гражданской процессуальной формы : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 12–25.

⁴ *Чечина Н. А.* Указ. соч. С. 122–126.

⁵ Курс советского гражданского процессуального права : в 2 т. / отв. ред. А. А. Мельников. Т. 1. М., 1981. С. 54–55.

⁶ Теория юридического процесса / под ред. В. М. Горшенева. Харьков, 1985. С. 74.

⁷ *Лукьянова Е. Г.* Теория процессуального права. М. : Норма, 2003. С. 202.

⁸ *Чулюкин Л. Д., Гурьянова В. В., Исаев Э. Е.* Проблемы процессуальной формы // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 2. С. 89.

или незапрещенность процессуальным законом определенного действия или решения; определенная процессуальным законом последовательность совершения процессуальных действий или вынесения процессуальных решений; надлежащий субъект (суд, лица, участвующие в деле, иные участники процесса); время совершения процессуального действия или принятия решения; место совершения действия или принятия решения; письменная фиксация процессуальных действий или решений⁹.

Как видно из приведенных выше позиций, авторы по-разному характеризуют процессуальную форму. Если проанализировать выделенные признаки, можно сделать вывод, что в некоторых случаях имеет место смешение черт деятельности и ее процессуальной формы. А некоторые авторы (например, П. П. Гуреев) дают характеристику не форме, а деятельности, которая облекается в процессуальную форму.

Чтобы четко определиться с характеристикой процессуальной формы, нельзя игнорировать сочетание и взаимосвязь таких категорий, как форма и содержание. Являясь базовыми философскими категориями, они проявляются в различных сферах, в том числе и в праве, а потому представляется возможным учитывать достижения научно-философской мысли в рассматриваемом нами вопросе. «В их целостности определяющей стороной принято считать содержание, однако форма представляет собой его внутреннюю организацию, без чего его существование невозможно. Содержание отличается подвижностью, динамичностью и в своем развитии начинает конфликтовать со старой формой, представляющей собой систему устойчивых связей предмета. Требование новой, адекватной содержанию формы приводит к ее созданию и установлению на некоторое время равновесия между ними»¹⁰. Данный тезис позволяет сформулировать важные для нашего исследования выводы.

Во-первых, форма представляет собой структурную упорядоченность содержания. Она определяет взаимосвязи между входящими в ее внутреннее наполнение элементами, порядок их соотношения друг с другом. И процессуальная форма в этом не исключение. С учетом этого процессуальная форма не является собственно процессуальной деятельностью, но характеризует ее внутреннюю сторону, структуру. Принимая во внимание то, что процесс, судопроизводство — это совокупность процессуальных действий различных субъектов процессуальных отношений, назначение процессуальной формы будет заключаться в приведении данных действий в логически обоснованную, взаимосвязанную, структурированную систему. Такая форма представляет собой систему условий, правил применения отдельных элементов системы, а также соотношения и взаимосвязи их друг с другом, позволяющие воплощать потенциал содержания в реальность. Иными словами, форма — это абстрактная конструкция, которая несет в себе организующую и оформляющую силу, когда структурности и заданной определенности придается особое значение.

Во-вторых, обозначая процессуальную форму в качестве характеристики процессуальной деятельности, мы используем ее для решения внешних запросов — для разграничения судопроизводства и иных правозащитных процедур. В данном случае следует согласиться с теми учеными, которые утверждают, что процессуальная форма является *сущностным признаком* деятельности суда, позволяющим отличить ее от иных форм государственной деятельности¹¹. И в таком понимании процессуальная форма выступает характеристикой внешней стороны процессуальной деятельности.

Опираясь на изложенное выше, можно сделать вывод, что процессуальная форма является многогранным явлением. Она обладает разными чертами в зависимости от того, с какой

⁹ Чулюкин Л. Д., Гурьянова В. В., Исаев Э. Е. Указ. соч. С. 92.

¹⁰ Карцева Г. А. Категории «содержание» и «форма» от Античности до Канта // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategorii-soderzhanie-i-forma-ot-antichnosti-do-kanta> (дата обращения: 03.12.2023).

¹¹ Курс советского гражданского процессуального права. С. 55; Гражданское процессуальное право : учебник / С. А. Алехина, В. В. Блажеев [и др.] ; под ред. М. С. Шакарян. М. : ТК Велби, Проспект, 2004. С. 30.

стороны мы подходим к ее характеристике. Анализируя процессуальную форму с внешней стороны, можно выделить следующие признаки, которые отличают ее от несудебной процедурной формы:

1) наличие системы гарантий, установленных Конституцией РФ и процессуальным законодательством (принципы процессуального права, конституционное закрепление гарантий судебной защиты нарушенных прав)¹²;

2) единственный орган — суд, принципы организации и деятельности которого подробно определены законом;

3) нормативная закреплённость процессуальной формы;

4) императивная, исчерпывающая последовательность действий, соблюдение которой обязательно, если иное не установлено законом.

Как справедливо замечает Н. А. Рассахатская, «основное назначение процессуальной формы — придать процессу единство независимо от различных производств и характера действий»¹³. Внешняя характеристика процессуальной формы неизменна, стабильна, универсальна и характерна для судебной защиты, осуществляемой в форме отправления правосудия в целом. К такому же выводу приходит и Т. В. Сахнова, отмечая, что «судебная защита неотделима от правосудия, ибо осуществляется в форме правосудия. Судебная защита осуществляется органом государственной власти — судом; это деятельность по применению в особой процессуальной форме норм материального и процессуального права к спорному матери-

альному правоотношению. Подчеркнем процессуальный характер этой деятельности: она происходит перед лицом суда и в суде и тем самым подчинена требованиям публичного порядка, алгоритму гражданской процессуальной формы»¹⁴. Такая характеристика в равной мере применима как к гражданскому процессу, так и к уголовному судопроизводству. Опираясь на это, ряд ученых высказали идею интеграции процессуальных отраслей права в единую суперотрасль — «судебное процессуальное право»¹⁵. Однако такое предложение представляется не вполне обоснованным. Аналогичным образом можно оценить и рассуждения о возможности интеграции и формирования единого судебного процесса с универсальной судебной процессуальной формой¹⁶.

Е. В. Михайлова, проанализировав положения Конституции РФ и процессуальное законодательство, приходит к выводу, что уголовное, гражданское, административное судопроизводство, в силу единства целей и задач отправления правосудия, имеют одинаковую правовую природу, однако процессуальная форма, в которой осуществляется та или иная процессуальная деятельность, обусловлена особенностями материального правоотношения, из которого возник правовой конфликт¹⁷.

По мнению Ю. А. Поповой, «если принять как обобщающее понятие “судебная процессуальная форма”, то всё равно по предмету регулирования следует говорить о гражданской, уголовной, административной судебной процессуальной форме»¹⁸. Как видно из приведенных

¹² Шакарян М. С., Сергун А. К. Указ. соч. С. 70.

¹³ Рассахатская Н. А. Гражданская процессуальная форма : учеб. пособие. Саратов : СГАП, 1998. С. 11.

¹⁴ Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. Теоретические начала и основные институты. М. : Волтерс Клувер, 2008. С. 17.

¹⁵ Рязановский В. А. Единство процесса : учеб. пособие. М. : Городец, 2005. С. 28–29 ; Строгович М. С. Судебное право: предмет, система, наука // Советское государство и право. 1979. № 12. С. 58–65 ; Полянский Н. Н., Строгович М. С., Савицкий В. М., Мельников А. А. Проблемы судебного права. М., 1983. С. 31.

¹⁶ Полянский Н. Н., Строгович М. С., Савицкий В. М., Мельников А. А. Указ. соч. С. 31 ; Решетникова И. В., Ярков В. В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. Екатеринбург. М. : Норма, 1999. С. 8.

¹⁷ Михайлова Е. В. О единой правовой природе гражданского, уголовного и административных судопроизводств // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/1 (122). С. 204–206.

¹⁸ Попова Ю. А. Указ. соч. С. 36.

позиций, авторы полагают необходимым учитывать внутреннюю специфику процессуальной формы, характер и особенности которой, как и любой иной формы, определяются тем содержанием, которое облечено в эту форму¹⁹.

В данном случае необходимо уточнить, что условно термин «судебная процессуальная форма» может быть использован для обозначения внешней стороны процессуальной формы, противопоставляемой процедурной форме иных юрисдикционных органов, без допущения внутренней интеграции уголовной, гражданской, арбитражной процессуальной формы и формы административного судопроизводства в единое образование. Каждая из перечисленных форм обладает своей внутренней спецификой и не может быть объединена с другими.

В 2014 г. реформирование процессуального законодательства пошло по пути унификации гражданского процесса. Была инициирована разработка единого процессуального кодекса, в рамках которого предполагалось объединить процедурные правила трех видов судопроизводства — гражданского, арбитражного и административного судопроизводства — и устранить дублирующие правила и различия в нормативном регулировании одинаковой по своей сути и содержанию деятельности. Однако в процессе реализации поставленных перед ними задач разработчики столкнулись с существенными препятствиями. Многие ученые признали данную затею бессмысленной и трудноразрешимой. А. Т. Боннер охарактеризовал процесс унификации следующей метафорой: «Вряд ли сто́ит впрягать в одну телегу “коня и трепетную лань”. Эта телега просто-напросто может поехать не в ту сторону либо вообще не

поехать»²⁰. Тем самым ученый хотел подчеркнуть, что, несмотря на единую цивилистическую природу, гражданско-правовые и коммерческие споры отличаются друг от друга, и это обуславливает наличие многочисленных особенностей процессуальной деятельности и процессуальной формы. Проведенное коллективом кафедры гражданского и административного судопроизводства МГЮА научное исследование вопросов реформирования гражданского процесса показало, что арбитражный и гражданский процессы содержат правила, которые не нуждаются в унификации, «в том числе такие, которые обеспечивают специализацию процессов. Они по объективным причинам не могут быть единообразно урегулированы, что осложняет создание общих правил»²¹.

Стабильность процессуальной формы не означает ее константность и жесткость. Внутренняя сторона процессуальной формы более пластична и гибка и допускает различные модификации в зависимости от специфики конкретной ситуации. С этой точки зрения можно говорить об адаптивности внутренней процессуальной формы. Наличие такого свойства признается и другими учеными. Так, Е. А. Царегородцева отмечает, что процессуальное законодательство содержит нормы с относительно определенным характером, которые оставляют разрешение вопроса на усмотрение судьи. Соответственно этому процессуальная форма предполагает возможность выбора в конкретной ситуации оптимального пути²².

А. А. Алексеев указывает, что для гражданской процессуальной формы характерна гибкость, которая проявляется в существовании широкого спектра дискреционных полномочий

¹⁹ Чечина Н. А. Указ. соч. С. 122.

²⁰ Боннер А. Т. Вы хоть понимаете, что вы натворили? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 3. С. 33.

²¹ Унификация гражданского процессуального законодательства: анализ, оценка, перспективы : монография / под ред. М. В. Самсоновой. М. : Норма : Инфра-М, 2021. С. 148.

²² Царегородцева Е. А. Способы оптимизации гражданского судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 13.

²³ Алексеев А. А. Принцип гибкости гражданской процессуальной формы в российском гражданском процессе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2014. Т. 14. № 4. С. 69–70.

суда, предусматривающих возможность действовать по своему усмотрению в зависимости от конкретных обстоятельств²³.

В целом следует признать, что гибкость, адаптивность, пластичность внутренней процессуальной формы позволяют повысить эффективность процессуальной деятельности и обеспечить достижение целей судопроизводства. Однако обязательным условием при этом должно быть сохранение правового характера процессуальной формы в виде установления законодательных допущений/разрешений отступить от строгого следования законодательным предписаниям.

Одним из проявлений адаптивности процессуальной формы следует признать наличие специального порядка, отражающего специфику применения отдельных процессуальных институтов (надлежащей стороны, соучастия, предмета доказывания и т.п.) при рассмотрении отдельных категорий гражданских дел. Особые «корректирующие» проявления общей гражданской процессуальной формы диктуются особенностями процессуальной деятельности в определенной сфере и устанавливаются специальными гражданскими процессуальными нормами. Такая «коррекция», как правило, не создает самостоятельного вида процессуальной формы, не дает оснований для ее дифференциации путем расширения за счет появления наравне с гражданским и арбитражным процессами также других специализированных процессов²⁴.

Е. А. Царегородцева в рамках исследования вопросов оптимизации гражданского судопроизводства делает вывод о том, что «тенденцией развития процессуального законодательства стало стремление упростить и ускорить рассмотрение дел путем дифференциации процессуальной формы»²⁵. В качестве примера такой дифференциации автор приводит упрощенное, приказное и заочное производство. Однако

правомерность такого утверждения следует поставить под сомнение. Если рассматривать дифференциацию как динамичный процесс расчленения, разделения целого на части и создание на основе этого автономных, отличных друг от друга элементов²⁶, можно сделать вывод, что упрощение и ускорение не создают самостоятельной процессуальной формы. Изъятие из процессуальной формы определенных правил и структурных взаимосвязей, за счет которых достигается цель упрощения, не меняет в целом процессуальную форму, которая сохраняет свое внутреннее тождество.

Возвращаясь к приведенным выше научно-философским взглядам о соотношении формы и содержания, следует обратить внимание на то, что содержание отличается мобильностью и динамичностью, может испытывать на себе влияние различных факторов и требовать изменения более стабильной по своей сути формы. В этом отношении гражданская процессуальная форма также может подвергнуться модификации. Примером тому может служить арбитражная процессуальная форма, которая обеспечивает особую процессуальную деятельность специализированных арбитражных судов по рассмотрению и разрешению коммерческих споров. В этом смысле следует согласиться с Н. А. Громошиной, которая отмечает, что арбитражный процесс (и в том числе, как мы полагаем, и арбитражная процессуальная форма) «имеет право на своеобразие в корреляции со своеобразными целями (задачами), закрепленными в АПК РФ, и каждый из цивилистических процессов может быть уникальным в части действия специальных процессуальных норм, которые определяют особенности рассмотрения дел, отнесенных только к компетенции судов одной подсистемы»²⁷. Аналогичные доводы можно привести и в отношении процессуальной формы административного судопроизводства.

²⁴ Громошина Н. А. Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве : монография. М. : Проспект, 2010. С. 87.

²⁵ Царегородцева Е. А. Указ. соч. С. 12.

²⁶ Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев [и др.]. М. : Советская энциклопедия, 1983. С. 170.

²⁷ Громошина Н. А. Указ. соч. С. 87.

Важно отметить, что процессуальная форма непосредственно не связана с материально-правовыми отношениями и действиями, осуществляемыми в рамках этих отношений. Безусловно, процессуальная деятельность направлена на обеспечение осуществления субъективных материальных прав и обязанностей. Однако такая взаимосвязь должна выступать предметом другого направления научных изысканий. Здесь же заметим для целей данного исследования, что деятельность по защите нарушенных прав не может рассматриваться в отрыве от той сферы, на которую она направлена. Особенности материально-правовых отношений и защищаемых прав и интересов диктуют определенные правила процедуры и в конечном итоге влияют на процессуальную форму.

Через призму указанных соображений представляется необходимым взглянуть на рассмотрение судами споров, возникающих из семейных правоотношений. На данный момент производство по таким делам осуществляется по общим правилам гражданского судопроизводства в рамках гражданской процессуальной формы. Однако научные исследования данных вопросов выявляют проблемы, которые обуславливают постановку вопроса о создании самостоятельного судопроизводства по рассмотрению семейных споров и облачении его в специальную процессуальную

форму. Особенности семейно-правовых отношений и семейных споров настолько существенны и сущностно отличны от обычных гражданско-правовых споров²⁸, под рассмотрение которых заточена гражданская процессуальная форма, что не позволяют ограничиться в их рассмотрении и разрешении лишь некоторым особым преломлением отдельных процессуальных институтов, а требуют создания полноценной автономной структурированной системы особого порядка судебной деятельности, сопряженной с дополнительными гарантиями защиты нарушенных семейных прав. Пока предложения о реформировании процедуры рассмотрения семейных споров ограничиваются фрагментарными изменениями (специализацией судей, внедрением в судопроизводство обязательной процедуры медиации, обязательным участием психолога в действиях по всем делам, связанным с защитой семейных прав)²⁹. Однако такие точечные изменения не могут обеспечить надлежащий эффективный порядок отправления правосудия по семейным спорам. Доказательством тому служит низкий процент исполнимости судебных решений, вынесенных, например, по спорам о детях (об отобрании и передаче детей, об определении места жительства ребенка, об определении порядка общения с ребенком)³⁰. В данном случае следует согласиться с Г. А. Жилиным, который заявил, что

²⁸ Подробнее об этом см.: Кулакова В. Ю. Семейная медиация как способ урегулирования семейно-правовых конфликтов и ее интегрирование в систему гражданской юрисдикции // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2022. № 9. С. 39–41.

²⁹ Подробнее см.: Дмитриева А. Проблемы правоприменительной практики при рассмотрении семейных споров: нарушение интересов родителей и детей // URL: <https://www.garant.ru/article/1237346/> (дата обращения: 04.12.2023); Кулакова В. Ю. Указ. соч. С. 42–43; Мосиенко Т. А., Колундаева В. А. Актуальные проблемы и содержание судебной и юридической практики, связанных с рассмотрением дел по воспитанию детей // *Пробелы в российском законодательстве*. 2018. № 7. С. 41–43; Серединин А. Е. Теория и практика правовых методов разрешения семейных споров : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2011. С. 23; Яфизова Э. Н. Частноправовая защита семейных прав : науч.-практ. пособие / отв. ред. А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2021. С. 76–78.

³⁰ В частности, согласно справке «О практике исполнения судебных решений по спорам, связанным с воспитанием детей, за период с 2019 года по 2021 год», утвержденной на заседании Президиума Пермского краевого суда 8 апреля 2022 г., по информации Управления ФССП России по Пермскому краю, на принудительном исполнении в территориальных отделах УФССП России по Пермскому краю за период с 2019 г. по 2021 г. находилось 896 исполнительных документов, по которым окончено 317 исполнительных производств, что составляет 35,4 %. При этом в связи с фактическим исполнением требований исполнительного документа окончено за три года лишь 249 исполнительных производств из 896. Таким

«с учетом приоритетной конституционной цели правосудия (ст. 2, 17, 18, 46 Конституции РФ)» в целях обеспечения более эффективной судебной защиты прав, свобод и охраняемых законом интересов могут быть допустимы любые изменения процессуальной формы³¹.

В связи с изложенным представляется необходимым проведение комплексного масштабного исследования вопроса о создании специализированного вида семейного судопроизводства и соответствующей ему специализированной процессуальной формы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев А. А.* Принцип гибкости гражданской процессуальной формы в российском гражданском процессе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». — 2014. — Т. 14. — № 4. — С. 69–70.
2. *Боннер А. Т.* Вы хоть понимаете, что вы натворили? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2017. — № 3. — С. 26–33.
3. *Гражданское процессуальное право : учебник / С. А. Алехина, В. В. Блажеев [и др.] ; под ред. М. С. Шакарян.* — М. : ТК Велби, Проспект, 2004. — 584 с.
4. *Громошина Н. А.* Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве : монография. — М. : Проспект, 2010. — 264 с.
5. *Дмитриева А.* Проблемы правоприменительной практики при рассмотрении семейных споров: нарушение интересов родителей и детей // URL: <https://www.garant.ru/article/1237346/> (дата обращения: 04.12.2023).
6. *Жилин Г. А.* Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2000. — 72 с.
7. *Егорова О. В.* Сущность гражданской процессуальной формы : дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2001. — 187 с.
8. *Карцева Г. А.* Категории «содержание» и «форма» от Античности до Канта // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategorii-soderzhanie-i-forma-ot-antichnosti-do-kanta> (дата обращения: 03.12.2023).
9. *Кулакова В. Ю.* Семейная медиация как способ урегулирования семейно-правовых конфликтов и ее интегрирование в систему гражданской юрисдикции // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2022. — № 9. — С. 39–44.
10. *Курс советского гражданского процессуального права : в 2 т. / отв. ред. А. А. Мельников.* Т. 1. — М., 1981. — 463 с.
11. *Лукьянова Е. Г.* Теория процессуального права. — М. : Норма, 2003. — 233 с.
12. *Михайлова Е. В.* О единой правовой природе гражданского, уголовного и административных судопроизводств // Вестник Самарского государственного университета. — 2014. — № 11/1 (122). — С. 203–208.
13. *Мосиенко Т. А., Колундаева В. А.* Актуальные проблемы и содержание судебной и юридической практики, связанных с рассмотрением дел по воспитанию детей // Пробелы в российском законодательстве. — 2018. — № 7. — С. 41–43.
14. *Полянский Н. Н., Строгович М. С., Савицкий В. М., Мельников А. А.* Проблемы судебного права. — М. : Наука, 1983. — 223 с.

образом, реальное принудительное исполнение судебных решений по делам данной категории за период с 2019 г. по 2021 г. составляет 27,8 % (СПС «КонсультантПлюс»).

³¹ *Жилин Г. А.* Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 10.

15. *Попова Ю. А.* Теория процессуальных (судопроизводственных) форм реализации судебной властью функций правосудия (ретроспективный анализ) // Вестник гражданского процесса. — 2012. — № 2. — С. 10–40.
16. *Рассахатская Н. А.* Гражданская процессуальная форма : учеб. пособие. — Саратов : СГАП, 1998. — 88 с.
17. *Решетникова И. В., Ярков В. В.* Гражданское право и гражданский процесс в современной России. — Екатеринбург ; М. : Норма, 1999. — 312 с.
18. *Рязановский В. А.* Единство процесса : учеб. пособие. — М. : Городец, 2005. — 80 с.
19. *Сахнова Т. В.* Курс гражданского процесса. Теоретические начала и основные институты. — М. : Волтерс Клувер, 2008. — 784 с.
20. *Серединин А. Е.* Теория и практика правовых методов разрешения семейных споров : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 2011. — 26 с.
21. *Строгович М. С.* Судебное право: предмет, система, наука // Советское государство и право. — 1979. — № 12. — С. 58–65.
22. Теория юридического процесса / под ред. В. М. Горшенева. — Харьков, 1985. — 192 с.
23. Унификация цивилистического процессуального законодательства: анализ, оценка, перспективы : монография / под ред. М. В. Самсоновой. — М. : Норма : Инфра-М, 2021. — 328 с.
24. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев [и др.] — М. : Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.
25. *Царегородцева Е. А.* Способы оптимизации гражданского судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2006. — 22 с.
26. *Чечина Н. А.* Избранные труды по гражданскому процессу. — СПб. : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. — 656 с.
27. *Чулюкин Л. Д., Гурьянова В. В., Исаев Э. Е.* Проблемы процессуальной формы // Вестник экономики, права и социологии. — 2022. — № 2. — С. 87–92.
28. *Шакарян М. С., Сергун А. К.* К вопросу о теории так называемой «юридической процессуальной формы» // Шакарян М. С. Избранные труды. — СПб. : Издательский дом Р. Асланова «Юридический центр», 2014. — С. 39–71.
29. *Яфизова Э. Н.* Частноправовая защита семейных прав : науч.-практ. пособие / отв. ред. А. Н. Левушкин. — М. : Проспект, 2021. — 160 с.

Материал поступил в редакцию 1 ноября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev A. A. Printsip gibkosti grazhdanskoj protsessualnoy formy v rossiyskom grazhdanskom protsesse // Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». — 2014. — T. 14. — № 4. — S. 69–70.
2. Bonner A. T. Vy khot ponimaete, chto vy natvorili? // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2017. — № 3. — S. 26–33.
3. Grazhdanskoe protsessualnoe pravo: uchebnik / S. A. Alekhina, V. V. Blazheev [i dr.]; pod red. M. S. Shakaryan. — M.: TK Velbi, Prospekt, 2004. — 584 s.
4. Gromoshina N. A. Differentsiatsiya, unifikatsiya i uproschenie v grazhdanskom sudoproizvodstve: monografiya. — M.: Prospekt, 2010. — 264 s.
5. Dmitrieva A. Problemy pravoprimeritelnoy praktiki pri rassmotrenii semeynykh sporov: narushenie interesov roditeley i detey // URL: <https://www.garant.ru/article/1237346/> (data obrashcheniya: 04.12.2023).
6. Zhilin G. A. Tseli grazhdanskogo sudoproizvodstva i ikh realizatsiya v sude pervoy instantsii: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. — M., 2000. — 72 s.

7. Egorova O. V. Sushchnost grazhdanskoj protsessualnoj formy: dis. ... kand. jurid. nauk. — SPb., 2001. — 187 s.
8. Kartseva G. A. Kategorii «soderzhanie» i «forma» ot Antichnosti do Kanta // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategorii-soderzhanie-i-forma-ot-antichnosti-do-kanta> (data obrashcheniya: 03.12.2023).
9. Kulakova V. Yu. Semeynaya mediatsiya kak sposob uregulirovaniya semeyno-pravovykh konfliktov i ee integrirovaniye v sistemu grazhdanskoj yurisdiktsii // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2022. — № 9. — S. 39–44.
10. Kurs sovetskogo grazhdanskogo protsessualnogo prava: v 2 t. / otv. red. A. A. Melnikov. T. 1. — M., 1981. — 463 s.
11. Lukyanova E. G. Teoriya protsessualnogo prava. — M.: Norma, 2003. — 233 s.
12. Mikhaylova E. V. O edinoj pravovoy prirode grazhdanskogo, ugolovnogo i administrativnykh sudoproizvodstv // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2014. — № 11/1 (122). — S. 203–208.
13. Mosienko T. A., Kolundaeva V. A. Aktualnye problemy i sodержanie sudebnoy i yuridicheskoy praktiki, svyazannykh s rassmotreniem del po vospitaniyu detey // Probely v rossiyskom zakonodatelstve. — 2018. — № 7. — S. 41–43.
14. Polyanskiy N. N., Strogovich M. S., Savitskiy V. M., Melnikov A. A. Problemy sudebnogo prava. — M.: Nauka, 1983. — 223 s.
15. Popova Yu. A. Teoriya protsessualnykh (sudoproizvodstvennykh) form realizatsii sudebnoy vlastyu funktsiy pravosudiya (retrospektivnyy analiz) // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2012. — № 2. — S. 10–40.
16. Rassakhatskaya N. A. Grazhdanskaya protsessualnaya forma: ucheb. posobie. — Saratov: SGAP, 1998. — 88 s.
17. Reshetnikova I. V., Yarkov V. V. Grazhdanskoe pravo i grazhdanskiy protsess v sovremennoy Rossii. — Ekaterinburg; M.: Norma, 1999. — 312 s.
18. Ryazanovskiy V. A. Edinstvo protsessa: ucheb. posobie. — M.: Gorodets, 2005. — 80 s.
19. Sakhnova T. V. Kurs grazhdanskogo protsessa. Teoreticheskie nachala i osnovnye instituty. — M.: Volters Kluver, 2008. — 784 s.
20. Sereginin A. E. Teoriya i praktika pravovykh metodov razresheniya semeynykh sporov: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. — SPb., 2011. — 26 s.
21. Strogovich M. S. Sudebnoe pravo: predmet, sistema, nauka // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1979. — № 12. — S. 58–65.
22. Teoriya yuridicheskogo protsessa / pod red. V. M. Gorsheneva. — Kharkov, 1985. — 192 s.
23. Unifikatsiya tsivilisticheskogo protsessualnogo zakonodatelstva: analiz, otsenka, perspektivy: monografiya / pod red. M. V. Samsonovoy. — M.: Norma: Infra-M, 2021. — 328 s.
24. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar / gl. red. L. F. Il'ichev [i dr.] — M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1983. — 840 s.
25. Tsaregorodtseva E. A. Sposoby optimizatsii grazhdanskogo sudoproizvodstva: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — Ekaterinburg, 2006. — 22 s.
26. Chechina N. A. Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu. — SPb.: Izdatelskiy dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2004. — 656 s.
27. Chulyukin L. D., Guryanova V. V., Isaev E. E. Problemy protsessualnoj formy // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. — 2022. — № 2. — S. 87–92.
28. Shakaryan M. S., Sergun A. K. K voprosu o teorii tak nazyvayemoy «yuridicheskoy protsessualnoj formy» // Shakaryan M. S. Izbrannye trudy. — SPb.: Izdatelskiy dom R. Aslanova «Yuridicheskiy tsentr», 2014. — S. 39–71.
29. Yafizova E. N. Chastnopravovaya zashchita semeynykh prav: nauch.-prakt. posobie / otv. red. A. N. Levushkin. — M.: Prospekt, 2021. — 160 s.

Споры, возникающие из договоров о целевом обучении

Аннотация. Комплексный и разноуровневый характер правового регулирования обуславливает сложности правоприменения при разрешении дел по спорам, возникающим из договоров о целевом обучении. Помимо отраслевой квалификации договорной конструкции, существует ряд взаимосвязанных с нею проблем — определение срока исковой давности, подсудности спора, правовой квалификации и применения мер ответственности (в частности, штрафа, выплачиваемого образовательной организацией). Автор поддерживает точку зрения о сходстве договора о целевом обучении с ученическим договором, но вместе с тем указывает на то, что новая модель ответственности по договору о целевом обучении, с одной стороны, является предпосылкой дифференциации обозначенных договоров, а с другой — свидетельствует о проявлении не свойственного ни гражданскому, ни трудовому праву публично-правового начала, выражающегося в установлении ответственности за нарушение договорного обязательства перед третьим лицом — образовательной организацией. Автор указывает также на неопределенность правовой квалификации срока выплаты штрафа в связи с неисполнением обязательства по трудоустройству и предлагает считать его предпосылкой права на иск в материально-правовом смысле.

Ключевые слова: целевое обучение; целевой прием; договор о целевом обучении; ученический договор; ответственность по договору о целевом обучении; неисполнение обязательств; ответственность за неисполнение обязательств; договорная ответственность; штраф; образовательные правоотношения.

Для цитирования: Литвинова Т. А. Споры, возникающие из договоров о целевом обучении // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 3. — С. 120–127. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.120-127.

Disputes Arising out of Targeted Training Agreements

Tatyana A. Litvinova, Postgraduate Student, Teaching Assistant, Department of Civil and Administrative Court Proceedings, Legal Counsel, Legal Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
lit.tat.anat@yandex.ru

Abstract. The complex and multi-level nature of legal regulation determines the complexity of law enforcement in resolving cases on disputes arising from targeted training agreements. In addition to the industry attribution of the contractual structure, there are a number of interconnected problems therewith, namely determination of the limitation period, jurisdiction of the dispute, legal assessment and application of liability measures (in particular, a fine paid to the educational organization). The author supports the point of view that targeted training agreements

© Литвинова Т. А., 2024

* Литвинова Татьяна Анатольевна, аспирант, ассистент кафедры гражданского и административного судопроизводства, юрисконсульт юридического отдела Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
lit.tat.anat@yandex.ru

are similar with apprenticeship agreements. At the same time, the author points out that the new model of responsibility under the targeted training agreements is, on the one hand, a prerequisite for the differentiation of these contracts, but on the other, demonstrates some features of a public law nature that are unusual for both civil and labor law. These are expressed in establishing responsibility for violation of a contractual obligation to a third party, namely an educational organization. The author also highlights the uncertainty of the legal assessment of the deadline for paying a fine in connection with failure to fulfill an employment obligation and proposes to consider it a prerequisite for the right to claim in the substantive sense.

Keywords: targeted training; targeted admission; agreement on targeted training; apprenticeship agreement; liability under the contract for targeted training; failure to fulfill obligations; liability for failure to fulfill obligations; contractual liability; fine; educational legal relations.

Cite as: Litvinova TA. Disputes Arising out of Targeted Training Agreements. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(3):120-127. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.120-127

Определение правовой природы и отраслевой принадлежности договора о целевом обучении. Дискуссия о природе договора о целевом обучении во многом обусловлена противоречивой судебной практикой, где по-разному разрешается вопрос о характере порождаемых им обязательств:

— договор о целевом обучении рассматривается как ученический договор и относится к сфере регулирования трудового права, хотя основание избранной судом правовой квалификации не приводится (преобладает в судебной практике¹, в том числе Верховного Суда РФ²);

— договор о целевом обучении является видом гражданско-правового договора, и к отношениям по такому договору во всем, что не урегулировано договором и специальными нормативными правовыми актами, применяются нормы гражданского законодательства;

— договор о целевом обучении содержит обязательства различной правовой природы, одни из которых направлены на возникнове-

ние в будущем трудовых отношений, а другие регулируют образовательные отношения (такой подход предлагается в литературе³ и видится компромиссным).

Несмотря на наличие относительно сложившихся теоретических концепций, судами делаются попытки привести собственное осмысление рассматриваемой договорной конструкции.

Так, при рассмотрении судом дела по иску, предъявленному заказчиком по договору о целевом обучении, во-первых, договор был квалифицирован как ученический, во-вторых, со ссылкой на то, что штраф является одним из способов обеспечения исполнения гражданско-правовых обязательств и правила его взимания урегулированы главой 23 ГК РФ, условие договора, устанавливавшее штраф, было признано ничтожным⁴.

От определения отраслевой принадлежности договора о целевом обучении зависит решение вопроса о сроке исковой давности. При квалификации договора как гражданско-правового

¹ Решение Питкярантского городского суда Республики Карелия от 15.01.2020 по делу № 2-14/2020 ; апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Мордовия от 09.06.2020 по делу № 33-786/2020 ; апелляционное определение Брянского областного суда от 07.06.2022 по делу № 33-1150/2022 ; определение первого кассационного суда общей юрисдикции от 28.11.2022 по делу № 88-30443/2022 // ГАС «Правосудие».

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 02.03.2020 № 70-КГ19-3 ; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28.06.2021 № 16-КГ21-11-К4 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Степанова Е. А. О применении норм трудового законодательства к отношениям о целевом обучении // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 1. С. 33–35.

⁴ Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 28.10.2019 по делу № 33-14974/2019 // ГАС «Правосудие».

подлежит применению общий трехлетний срок исковой давности (п. 1 ст. 196 ГК РФ); по спорам же о возмещении работником ущерба, причиненного работодателю, применяется годичный срок обращения в суд (ч. 4 ст. 392 ТК РФ).

В литературе указывается на комплексность законодательства об образовании, обращается внимание на то, что оно охватывает обширный спектр правоотношений, которые направлены не только на организацию образовательного процесса и оказание образовательных услуг, но и на удовлетворение потребности работодателя в кадрах с определенным уровнем образования (квалификацией), с одной стороны, и в удовлетворении потребностей гражданина в гарантированном трудоустройстве к конкретному работодателю в соответствии с полученной квалификацией — с другой⁵. Основываясь в том числе на том, что идея согласования интересов сторон с неравным правовым положением, реализованная в Положении о целевом обучении (п. 17), утвержденном постановлением Правительства РФ от 13.10.2020 № 1681 «О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования»⁶, присуща праву трудовому (ст. 9 ТК РФ), а не гражданскому, делается вывод о необходимости единообразной квалификации договора о целевом обучении по нормам трудового права⁷.

Относя договор о целевом обучении к сфере регулирования трудового права, авторы высказываются о том, что, несмотря на сходство, рассматриваемый договор ученическим не является. В то же время несколько противоречивым приведенному тезису выглядит предложение

унифицировать нормы ТК РФ об ответственности работодателя по ученическому договору за неисполнение обязанности по трудоустройству с нормами, регламентирующими этот вопрос применительно к договору о целевом обучении. Сложно не согласиться с тем, что это способствует выравниванию баланса интересов сторон ученического договора, однако, унифицируя нормы об ученическом договоре с нормами о договоре о целевом обучении, вряд ли удастся создать условия для их корректного разграничения правоприменителем, который всё еще далек от единообразного подхода⁸.

Весьма спорной видится точка зрения, согласно которой договор о целевом обучении находится на пересечении гражданского и административного права⁹, поскольку никакие договорные отношения с физическими лицами в предмет регулирования административного права не входят.

Особенности ответственности за неисполнение обязательств по договору о целевом обучении. До введения в Закон об образовании¹⁰ статьи 71.1 и издания постановления Правительства от 21.03.2019 № 302 «О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования и признании утратившим силу постановления Правительства РФ от 27 ноября 2013 г. № 1076»¹¹ законодательство о целевом обучении не содержало такой меры ответственности, как штраф, исчисляемый исходя из затрат на обучение и уплачиваемый в пользу образовательной организации. Предусмотрено было лишь взыскание фактически понесенных затрат

⁵ Степанова Е. А. Указ. соч.

⁶ СЗ РФ. 2020. № 43. Ст. 6783.

⁷ Степанова Е. А. Указ. соч.

⁸ Апелляционное определение Курганского областного суда от 27.09.2018 по делу № 33-3056/2018 ; решение Балашихинского городского суда Московской области от 14.12.2021 по делу № 2-8829/2021 ; апелляционное определение Московского городского суда от 30.11.2022 по делу № 33-47626/2022 // ГАС «Правосудие».

⁹ Баицкий К. С. Отраслевая принадлежность договора о целевом обучении: вопросы теории и судебной практики // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 4 (118). С. 91.

¹⁰ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53. Ст. 7598.

¹¹ СЗ РФ. 2019. № 13. Ст. 1415.

на обучение и расходов бюджета, связанных с предоставлением гражданину мер социальной поддержки (что в ряде случаев было не вполне обоснованно), а также штрафа в двукратном размере относительно указанных расходов.

Ранее существовавшая модель предполагала взыскание затрат в пользу заказчика целевого обучения. В случае если заказчиком выступал орган власти (или государственное учреждение), взыскание осуществлялось им в рамках предоставленных бюджетным законодательством полномочий в целях возвращения взыскиваемых средств в бюджет, за счет которого осуществлялось финансирование целевого обучения.

Действующая модель ответственности, концептуально отличаясь от ранее существовавшей, включает следующую систему мер и субъектов ответственности:

- компенсация гражданину в случае неисполнения заказчиком целевого обучения предусмотренных договором о целевом обучении обязательств по трудоустройству гражданина;
- возмещение заказчику расходов, связанных с предоставлением мер поддержки (отменен штраф, исчисляемый в двукратном размере относительно расходов на предоставление соответствующих мер поддержки);
- штраф за неисполнение обязательств по трудоустройству как заказчиком, так и гражданином, уплачиваемый в пользу образовательной организации.

Обращаясь к теоретическим основам юридической ответственности, необходимо заметить, что меры ответственности за нарушение обязательства имеют частноправовую природу (что

обусловлено частноправовой природой обязательственных правоотношений) и применяются к обязанной стороне в интересах управомоченной. Поэтому многими учеными при исследовании природы гражданско-правовой ответственности основное внимание уделяется ее компенсационно-восстановительной функции.

Существует точка зрения и о полифункциональной природе гражданско-правовой ответственности, поскольку она направлена не только на компенсацию причиненного вреда, но и на возложение справедливого наказания в целях предупреждения новых правонарушений¹². Отмечается, что в гражданско-правовой ответственности реализуется вся триада частной справедливости в сфере ответственности: корректирующая, дистрибутивная и ретрибутивная¹³. Констатируется и усиление иных, кроме компенсационно-восстановительной, функций гражданско-правовой ответственности как проявление тенденции социализации гражданского права, которое позволяет гарантировать не только частные интересы потерпевшего, но и интересы неопределенного круга лиц или даже всего общества в целом¹⁴.

Возможно, рассматриваемая нами ситуация иллюстрирует перенос функции применения публично-правовых по своей сути санкций в сферу частного права, который в концепции экономического анализа права рассматривается как экономический стимул привлечения правонарушителя к ответственности и как способ оптимизации нагрузки на публичные органы¹⁵.

Концепция трудо-правовой ответственности, несмотря на договорный характер трудовых правоотношений, строится несколько иначе,

¹² Богданов Д. Е., Богданова С. Г. Проблема полифункциональности гражданско-правовой ответственности: сравнительно-правовой аспект // *Гражданское право*. 2018. № 6. С. 32–35.

¹³ Богданов Д. Е. Эволюция гражданско-правовой ответственности с позиции справедливости: сравнительно-правовой аспект : монография. М. : Проспект, 2016. С. 99–108, 211–232.

¹⁴ О социализации гражданского права см.: Богданов С. В. Влияние научных взглядов Леона Дюги на развитие гражданского права // *Журнал российского права*. 2008. № 6. С. 32–38.

¹⁵ Краснова С. А. Сверхкомпенсационная защита в российском гражданском праве: формы и пределы // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2020. № 1. С. 68–110; Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М. : Статут, 2016. С. 320; Гаджиев Г. А. Принципы справедливости и доверия к суду как фундаментальные принципы частного права // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2017. № 4. С. 65–85.

чем гражданско-правовая ответственность за нарушение договорных обязательств. Так, основанием трудо-правовой ответственности работника (в том числе материальной) является лишь дисциплинарное правонарушение (нарушение трудовых обязанностей)¹⁶, состав которого может определяться нарушением не напрямую трудового договора, а какого-либо локального нормативного акта, действующего у работодателя.

Ответственность работодателя по нормам трудового права базируется на более широком перечне оснований, чем могут быть предусмотрены трудовым договором. Так, Е. Ю. Забрамная отмечает, что «основанием юридической ответственности работодателя по трудовому праву могут являться как правонарушение, так и иные виды неправомерного поведения — злоупотребление правом и объективно противоправное деяние»¹⁷.

Общей особенностью как гражданско-правовой, так и трудо-правовой ответственности является встречный характер. Он проявляется в том, что ответственность за нарушение, допущенное одной стороной договора (гражданско-правового или трудового), наступает для нее перед другой стороной. Созданный в рамках правового регулирования целевого обучения механизм ответственности за нарушение обязательства по трудоустройству не вписывается ни в концепцию гражданско-правовой, когда ответственность существует между сторонами обязательства, ни в концепцию трудо-правовой ответственности, где привлечение работника к ответственности до начала трудовых отношений невозможно.

Образовательная организация уполномоченной стороной по обязательствам из договора о

целевом обучении, как правило¹⁸, не является ни для гражданина, ни для заказчика целевого обучения, поскольку никаких обязанностей указанных лиц по отношению к ней не предусмотрено, равно как и соответствующих прав. Все взаимные права и обязанности образовательной организации и обучающихся являются академическими и находятся в плоскости регламентации образовательных правоотношений, а не отношений по договору о целевом обучении.

Штраф, установленный в пользу образовательной организации, является мерой ответственности, а не защиты, поскольку как исполнение, так и неисполнение гражданином или заказчиком целевого обучения своих обязательств по договору о целевом обучении в части трудоустройства не затрагивают права образовательной организации.

В данном случае ответственность деликвента наступает не перед потерпевшим, а перед иным субъектом. Такое решение вопроса об ответственности за нарушение обязательств весьма ярко иллюстрирует наличие дуализма частного и публично-правового начал в правовом регулировании целевого обучения. Установление ответственности (в виде штрафа) в пользу лица, не являющегося уполномоченным по обязательству (образовательной организации), свидетельствует о проявлении публично-правового начала. Идея наделения образовательной организации контрольными над сторонами договора о целевом обучении полномочиями не нова¹⁹.

Штраф, взыскание которого предусмотрено пунктами 53–62 Положения о целевом обучении, определяется размером расходов федерального бюджета, осуществленных на обучение гражданина в организации, осуществляющей образовательную деятельность по

¹⁶ Забрамная Е. Ю. Правовое поведение участников трудового правоотношения и его взаимосвязь с ответственностью по трудовому праву : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 17.

¹⁷ Забрамная Е. Ю. Указ. соч. С. 17–18.

¹⁸ По прежней типовой форме договора о целевом обучении образовательная организация в обязательном порядке включалась в состав сторон по договору; по типовой форме, действующей на текущий момент, включение образовательной организации в число сторон договора вариативно.

¹⁹ О повышении эффективности целевого обучения и целевого приема : материалы селекторного совещания Правительства РФ (Горки, МО, 14 октября 2016 г.) // URL: <http://government.ru/news/24903> (дата обращения: 06.02.2023).

образовательным программам высшего образования за счет средств федерального бюджета. То есть порядок расчета имущественной санкции по-прежнему определяется фактически понесенными затратами, однако называется иначе. Возможно, появление нового наименования меры имущественной ответственности за неисполнение обязательств по договору о целевом обучении находится в прямой взаимосвязи с заменой субъекта, уполномоченного на предъявление требований о применении такой меры ответственности. Так, образовательные организации не наделены бюджетным законодательством полномочиями по взысканию расходов бюджета для возвращения их в бюджет, поэтому потребовалась разработка иной конструкции меры ответственности, которая была названа штрафом.

Безусловно, при такой модели правового регулирования образовательная организация находится в весьма выгодном положении: с одной стороны, штраф служит источником дополнительного финансирования, поскольку не требуется его перечисление в бюджет, притом что обучение гражданина ранее уже было профинансировано за счет бюджетных средств, а средства, полученные от выплаты штрафа, получатель штрафа направляет на финансовое обеспечение своей образовательной деятельности; с другой стороны, образовательная организация имеет право претендовать на получение штрафа с любой из сторон договора о целевом обучении, что повышает вероятность наступления фактических оснований для предъявления требования об его выплате.

Следует обратить внимание на преобладание в механизме ответственности по договорам о целевом обучении карательного элемента над компенсаторно-восстановительным. Поскольку возмещение понесенных (в том числе бюджетом) затрат на обучение не предусмотрено, постольку речь о «восстановлении нарушенного права» заказчика или финансировавшего целевое обучение публичного образования не идет.

Аргументы, приводимые в литературе и судебных актах, в пользу подчинения споров, воз-

никающих из договоров о целевом обучении, нормам трудового права явных возражений не вызывают. Однако препятствием может стать специфический механизм штрафной ответственности по договорам о целевом обучении.

С одной стороны, указанная мера ответственности трудовому праву не присуща. С другой стороны, не вполне понятна природа правовой связи между образовательной организацией и каждой из сторон договора о целевом обучении, в рамках которой реализуется обязанность по уплате штрафа. Поэтому вывод об однозначном подчинении споров из договоров о целевом обучении нормам ТК РФ в качестве генеральных видится не вполне однозначным хотя бы с той точки зрения, что никакие правоотношения с образовательной организацией в предмет регулирования трудового законодательства не входят, а в нормах, посвященных ученическому договору, такая ответственность отсутствует.

Важным для уяснения правовой природы рассматриваемого штрафа видится вопрос о том, является ли его взыскание правом либо обязанностью образовательной организации. Так, исходя из тезиса о публично-правовой природе обязанности по уплате штрафа, расценивать предъявление требования о его выплате иначе, чем обязанность образовательной организации, не представляется возможным. Более того, произвольное решение образовательной организацией вопроса о взыскании или невзыскании штрафа с разных лиц будет свидетельствовать о проявлении неравенства в отношении лиц, занимающих одно и то же по отношению к образовательной организации правовое положение — обучающихся этой образовательной организации.

Отметим, что механизм ответственности за неисполнение обязательств по договорам о целевом обучении в связи с принятием Федерального закона от 14.04.2023 № 124-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»»²⁰ претерпел изменения, которые вступят в силу с 1 мая 2024 г. Так, теперь в соответствии с новой редакцией ч. 6 ст. 71.1 Закона об образовании

²⁰ СЗ РФ. 2023. № 16. Ст. 2761.

штраф в размере расходов бюджета будет подлежать зачислению в бюджет, за счет которого финансировалось целевое обучение.

Несмотря на то что указанный подход представляется более логичным, чем уплата штрафа в пользу образовательной организации, и в этом наблюдается проявление компенсаторной функции юридической ответственности, тем не менее сохраняется ответственность за неисполнение договорного обязательства в пользу третьего лица — публично-правового субъекта. Необходимо констатировать также усиление публичного элемента в механизме ответственности.

Хотя вопрос об отраслевой квалификации договора о целевом обучении и является цен-

тральным, имеют самостоятельное значение и такие вопросы, как исчисление срока исковой давности, наличие либо отсутствие обязательного досудебного порядка разрешения споров, их родовая подсудность и надлежащий судебный порядок их разрешения, состав и правовой статус лиц, участвующих в деле, правовая квалификация отдельных мер ответственности (в частности, штрафа, выплачиваемого образовательной организацией) и определение оснований для их применения. Перечень обозначенных проблем отнюдь не является исчерпывающим, а сами эти проблемы могут стать самостоятельным предметом дальнейших исследований.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Балицкий К. С.* Отраслевая принадлежность договора о целевом обучении: вопросы теории и судебной практики // *Российское право: образование, практика, наука.* — 2020. — № 4 (118). — С. 89–94.
2. *Богданов Д. Е.* Эволюция гражданско-правовой ответственности с позиции справедливости: сравнительно-правовой аспект : монография. — М. : Проспект, 2016. — 304 с.
3. *Богданов Д. Е., Богданова С. Г.* Проблема полифункциональности гражданско-правовой ответственности: сравнительно-правовой аспект // *Гражданское право.* — 2018. — № 6. — С. 32–35.
4. *Богданов С. В.* Влияние научных взглядов Леона Дюги на развитие гражданского права // *Журнал российского права.* — 2008. — № 6. — С. 32–38.
5. *Гаджиев Г. А.* Принципы справедливости и доверия к суду как фундаментальные принципы частного права // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* — 2017. — № 4. — С. 65–85.
6. *Забрамная Е. Ю.* Правовое поведение участников трудового правоотношения и его взаимосвязь с ответственностью по трудовому праву : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2022. — 56 с.
7. *Карпетов А. Г.* Экономический анализ права. — М. : Статут, 2016. — 527 с.
8. *Краснова С. А.* Сверхкомпенсационная защита в российском гражданском праве: формы и пределы // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* — 2020. — № 1. — С. 68–110.
9. *Степанова Е. А.* О применении норм трудового законодательства к отношениям о целевом обучении // *Трудовое право в России и за рубежом.* — 2022. — № 1. — С. 33–35.

Материал поступил в редакцию 20 августа 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Balitskiy K. S. Otraselevaya prinadlezhnost dogovora o tselevom obuchenii: voprosy teorii i sudebnoy praktiki // *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka.* — 2020. — № 4 (118). — S. 89–94.
2. Bogdanov D. E. Evolyutsiya grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti s pozitsii spravedlivosti: sravnitelno-pravovoy aspekt: monografiya. — M.: Prospekt, 2016. — 304 s.
3. Bogdanov D. E., Bogdanova S. G. Problema polifunktsionalnosti grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti: sravnitelno-pravovoy aspekt // *Grazhdanskoe pravo.* — 2018. — № 6. — S. 32–35.

4. Bogdanov S. V. Vliyanie nauchnykh vzglyadov Leona Dyugi na razvitie grazhdanskogo prava // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2008. — № 6. — S. 32–38.
5. Gadzhiev G. A. Printsipy spravedlivosti i doveriya k sudu kak fundamentalnye printsipy chastnogo prava // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2017. — № 4. — S. 65–85.
6. Zabramnaya E. Yu. Pravovoe povedenie uchastnikov trudovogo pravootnosheniya i ego vzaimosvyaz s otvetstvennostyu po trudovomu pravu: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2022. — 56 s.
7. Karapetov A. G. Ekonomicheskij analiz prava. — M.: Statut, 2016. — 527 s.
8. Krasnova S. A. Sverkhkompensatsionnaya zashchita v rossiyskom grazhdanskom prave: formy i predely // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2020. — № 1. — S. 68–110.
9. Stepanova E. A. O primenenii norm trudovogo zakonodatelstva k otnosheniyam o tselevom obuchenii // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. — 2022. — № 1. — S. 33–35.

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.128-134

М. А. Егорова*

Баланс интересов государства и правообладателя в сфере интеллектуальной собственности для целей защиты конкуренции

Аннотация. В статье анализируется баланс интересов государства и правообладателя в сфере интеллектуальной собственности для целей защиты конкуренции. Автор, анализируя различные меры правового обеспечения государством стабильного экономического развития через призму доверия к государству и праву, в сфере интеллектуальной собственности обращает внимание на параллельный импорт, а также на возможность ограничивать защиту прав на объекты права интеллектуальной собственности на уровне договора по образцу некоторых азиатских государств за счет переговорной силы контрагентов, на площадках которых размещается производство. В статье автор анализирует практику, имевшую место до 2022 г., сравнивает ее с текущим состоянием обеспечения прав и законных интересов правообладателей. Подводя итог исследованию, автор полагает, что обеспечить инвестиционную привлекательность и доверие к государству как со стороны общества, которое представляет государство, национального бизнеса, так и со стороны иностранных участников международной торговли может решение, которое позволит последним в полной мере реализовывать свои права на охрану и защиту объектов права интеллектуальной собственности при возобновлении деятельности в стране.

Ключевые слова: правообладатель; интеллектуальная собственность; защита конкуренции; баланс интересов; продукция; антимонопольные запреты; товарные рынки; доверие; доверие к праву; параллельный импорт.

Для цитирования: Егорова М. А. Баланс интересов государства и правообладателя в сфере интеллектуальной собственности для целей защиты конкуренции // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 3. — С. 128–134. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.128-134.

© Егорова М. А., 2024

* Егорова Мария Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), директор Международного научно-образовательного центра сравнительного правоведения, председатель комиссии по международным делам и научному сотрудничеству Московского отделения Ассоциации юристов России, член Генерального совета Ассамблеи народов Евразии, член Российского совета по международным делам (РСМД), эксперт Российской академии наук (РАН), почетный юрист города Москвы Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
egorova-ma-mos@yandex.ru

Balance of Interests of the State and the Copyright Holder in the Field of Intellectual Property for the Purposes of Competition Protection

Maria A. Egorova, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Competition Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Director of the International Scientific and Educational Center for Comparative Law, Chairman of the Commission on International Affairs and Scientific Cooperation, Moscow Branch of the Russian Bar Association, Member of the General Council of the Eurasian Peoples' Assembly, Member of the Russian International Affairs Council (RIAC), Expert of the Russian Academy of Sciences (RAS), Honorary Lawyer of the City of Moscow, Moscow, Russian Federation
egorova-ma-mos@yandex.ru

Abstract. The paper analyzes the balance of interests of the state and the copyright holder in the field of intellectual property for the purposes of competition protection. Having analyzed various measures of legal support by the state aimed at stable economic development through the prism of trust in the state and law, the author draws attention to «parallel imports.» The author also focuses on the possibility of limiting the protection of rights to intellectual property objects at the contract level due to the negotiating power of counterparties on whose sites production is located, which is similar to some Asian states. In the paper, the author analyzes the practice that took place before 2022 and compares it with the current state of ensuring the rights and legitimate interests of copyright holders. Summing up the study, the author believes that investment opportunities and trust for the state from both the society, representing the state, and national business and for foreign participants to international trade may be created through a solution that will allow the latter to fully realize their rights to intellectual property rights protection when resuming activities in the country.

Keywords: copyright holder; intellectual property; protection of competition; balance of interests; products; antitrust bans; commodity markets; confidence; trust in law; parallel import.

Cite as: Egorova MA. Balance of Interests of the State and the Copyright Holder in the Field of Intellectual Property for the Purposes of Competition Protection. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(3):128-134. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.128-134

Нахождение баланса между государственными и частными интересами в правовом регулировании — важная задача любого государства, целью которого является обеспечение достаточно преференциальных условий для развития национального бизнеса и притока иностранных инвестиций, в том числе в форме размещения иностранными вендорами производственных площадок внутри страны, с одной стороны, и обеспечение достаточного уровня социальной, продовольственной и иной защищенности граждан такого государства, с другой.

При этом государству при создании комфортной регуляторной среды для цифрового бизнеса приходится учитывать и то, что само государство становится цифровым, предлагая гражданам и бизнесу государственные и муниципальные услуги в цифровой форме, а значит, в среде

доверия вступает в некую конкуренцию с бизнесом за доверие и голоса граждан.

В области обеспечения прав и законных интересов обладателей прав на объекты интеллектуальной собственности этот вопрос приобретает особую сложность, поскольку использование таких объектов сопряжено с высокомаржинальной деятельностью, которая приносит доход не только бизнесу, но и государственному бюджету, а также снимает с государства часть его задач в области обеспечения занятости населения через размещение правообладателем непосредственно производственных площадок и бюро по проектированию технологического продукта.

В то же время производство компанией высокотехнологичной маржинальной продукции создает угрозу того, что граждане государства как потребители при создании государством

компании значительных преференций рискуют оказаться в ситуации ограниченных возможностей приобретения товара такой компании или товаров, в производстве которых такой товар используется как средство производства.

В таких условиях государству необходимо найти золотую середину между благоприятными условиями для бизнеса и граждан и при этом создать условия для развития конкурирующих как иностранных, так и национальных компаний в том же и смежных секторах экономики.

Отдельного внимания заслуживает вопрос сектора и звена рынка, для развития в котором технологий следует создавать преференциальные условия: государству нужно решить, необходимо ему создавать такие условия для компаний, которые будут производить конечный высокотехнологичный продукт, в котором будут использоваться составляющие и комплектующие, в том числе произведенные за рубежом, или же необходимо поддерживать производителей критически важной и сложной продукции, которая может не являться конечным продуктом, но является основным компонентом (техническим, химическим и т.д.) для конечного продукта, который предназначен для промышленного или широкого потребления среди физических лиц, приобретающих соответствующий товар для личных нужд.

Решение этого вопроса зависит от политического вектора, который избирает государство, в том числе и вектора экономического развития, и, как следствие, влияет на правовую политику государства и на методы защиты и охраны прав интеллектуальной собственности, поскольку производство технически сложной продукции невозможно без разработки объектов права интеллектуальной собственности.

Охрана и защита прав интеллектуальной собственности в правовых реалиях многих стран

представляют собой задачу не только гражданского законодательства, но и законодательства о защите конкуренции как в части предоставления иммунитетов от антимонопольных запретов правообладателям (как это было и в России на всех товарных рынках до принятия «пятого антимонопольного пакета»¹), так и в части защиты таковых от недобросовестных действий их конкурентов.

Государство само, через свои полномочия законодателя и правоприменителя ищет приемлемый для него баланс защиты интересов бизнеса, своих собственных и того общества, которое оно представляет, а также бизнеса, осуществляющего на территории такого государства свою деятельность, — именно этим обусловлен отказ от ряда положений «пятого антимонопольного пакета», которые вызвали критику в профессиональном сообществе².

Нахождение такого баланса, несомненно, является не столько правовым, сколько политическим вопросом государства, ответ на который зависит от уровня экономического развития государства, его желаний привлекать иностранные инвестиции в свою экономику, а также тех мер поддержки собственных производителей, на которые готово пойти государство, в том числе в ущерб интересам иностранных инвесторов. Именно реализация государственной политики по отношению к параллельному импорту является опорой и базисом выбора масштаба исчерпания и объема прав, подлежащих исчерпанию³.

Параллельный импорт и иные методы, которые может использовать государство не напрямую, а при посредничестве государственных компаний, взаимодействуя с которыми иностранные правообладатели планируют расширить производство, и следовательно, будут вынуждены передать права на объекты права

¹ Федеральный закон от 10.07.2023 № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции”» // СЗ РФ. 2023. № 29. Ст. 5319.

² Финансовое право в условиях развития цифровой экономики : монография / К. Т. Анисина, Б. Г. Бадмаев, И. В. Бит-Шабо [и др.] ; под ред. И. А. Цинделиани. М. : Проспект, 2019. С. 229–243.

³ *Городов О. А., Петров А. В., Шмигельская Н. А.* Недобросовестная конкуренция : учебно-практическое пособие / под ред. О. А. Городова. М. : Юстицинформ, 2020. С. 139–144.

интеллектуальной собственности, могут использоваться для удовлетворения не только текущих, но и перспективных потребностей государства.

Так, полученная информация о разработанных за рубежом технологиях может быть использована для создания продукции-аналога, которая может как минимум конкурировать на внутреннем товарном рынке страны, если государство готово принять на себя правовые и политические риски, сопряженные с тем, что оно не предоставит в силу закона или практики его применения защиту иностранным правообладателям. Необходимо понимать, что реальная возможность использования такого механизма зависит от того, насколько высока потребность зарубежных обладателей прав на объекты интеллектуальной собственности в размещении производства в соответствующей стране и, соответственно, какова переговорная власть у организаций, которые такие производственные площадки предоставят и могут получить объекты права интеллектуальной собственности, права правообладателя на которые не будут защищены в силу договора между правообладателем и его партнером, который предоставит производственные мощности для производства товаров, в которых нуждается правообладатель.

Однако описанная выше политика явно скажется на уровне доверия к государству, которое позволит применять подобные практики, как на международной арене, так и внутри страны, поскольку бизнес, развивающий высокотехнологичные производства, не может быть уверен в том, что государство предоставит защиту разработанным им объектам права интеллектуальной собственности.

Представляется, что современным и интересным для рассмотрения в рамках обозначенной проблематики в России является вопрос защиты прав иностранных участников гражданского оборота — правообладателей от недобросовестной конкуренции, проявляющейся во ввозе в страну оригинальных товаров в обход

эксклюзивных дистрибьюторов, уполномоченных правообладателями, и достаточно часто без ведома правообладателя — так называемом параллельном импорте.

Представляется, это более наглядный пример, в том числе по причине того, что находится на стыке гражданского права, защищающего частные интересы участников товарных рынков, и конкурентного, целью которого является защита публичного экономического интереса через призму действий частных хозяйствующих субъектов применительно к их непосредственно операционной экономической деятельности⁴.

В статье 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации⁵ закреплён национальный принцип исчерпания прав интеллектуальной собственности, согласно которому параллельный импорт является незаконным явлением, если параллельный импортер осуществляет ввоз оригинального товара правообладателя в Россию без согласия такого правообладателя для целей перепродажи, даже если такой товар был приобретен параллельным импортером у лица, которому право реализации товаров правообладателя было предоставлено самим правообладателем.

Таким образом, параллельный импорт не являлся допустимым явлением, хотя в практике Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации широко применялся подход, согласно которому действия правообладателя, препятствующие параллельному импорту, признавались актом недобросовестной конкуренции, которая запрещена статьей 14.8 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее — Закон о защите конкуренции)⁶.

Яркими примерами таких дел можно назвать дела в отношении корпораций Daimler AG и KYB Corporation, в рамках которых предметом рассмотрения антимонопольного регулятора и судов были действия указанных правообладателей по созданию независимым компаниям

⁴ Даниловская А. В. Конкуренция как объект уголовно-правовой охраны // Lex russica. 2020. № 2. С. 75–91.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

⁶ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.

препятствий к ввозу в Россию комплектующих к автомобилям самостоятельно, без посредничества российских юридических лиц указанных выше концернов⁷.

Указанное иллюстрирует некоторое расхождение в видении законодателем и правоприменителем законности такого явления, как параллельный импорт, с ярко выраженным более мягким подходом последнего к указанной проблеме.

В 2022 г. с введением в отношении Российской Федерации и российских юридических лиц ограничительных экономических мер подход Федеральной антимонопольной службы владел в российской правовой политике с принятием Министерством промышленности и торговли Российской Федерации перечня товаров, в отношении которых допустим параллельный импорт⁸.

В настоящее время идут дискуссии о том, какой принцип в реализации параллельного импорта разумнее применять: разрешить ввозить те товары, которые не включены в перечень, что сделает режим более гибким и либеральным, приблизит к тому подходу, за который и ранее выступала ФАС России, или же оставить текущее регулирование, разрешая ввозить только поименованные категории товаров.

Согласно приказу Минпромторга России от 21.07.2023 № 2701 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта б статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» в число групп таких товаров включены как товары потребительского спроса, так и товары, используемые как производственное сырье, в том числе:

— соль; сера; земли и камень; штукатурные материалы, известь и цемент;

— топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные;

— экстракты дубильные или красильные; танины и их производные; красители, пигменты и прочие красящие вещества; краски и лаки; шпатлевки и прочие мастики; полиграфическая краска, чернила, тушь (за исключением товаров, зарегистрированных в качестве медицинских изделий);

— продукция фармацевтики;

— фото- и кинотовары;

— алкогольные и безалкогольные напитки и т.д.⁹

Такое изменение баланса частных и публичных интересов, несомненно, обусловлено необходимостью защиты национального товарного рынка, обеспечения производственной и продовольственной безопасности России и непрерывного продолжения деятельности предприятий, которые как относятся, так и не относятся к предприятиям непрерывного производственного цикла.

Подобные меры, безусловно, можно охарактеризовать и как направленные на защиту конкуренции, поскольку они обеспечивают возможность различным российским компаниям и компаниям из дружественных государств конкурировать за спрос в рамках реализации одного бренда потребителям в Российской Федерации.

Такое смещение акцента в регулировании может показаться дисбалансом, но только на первый взгляд.

Представляется, что изменение подхода Правительства РФ к регулированию параллельного импорта связано с резко возросшей потребностью в поддержании стабильности на внутреннем рынке, которая по своей значимости для Правительства РФ перевешивает необходимость

⁷ Сайдашев Р. З. Влияние принципа исчерпания исключительного права на товарный знак на состояние конкуренции на товарных рынках // Российское конкурентное право и экономика. 2021. № 2. С. 36–41.

⁸ Рябчиков Г. Параллельный импорт в России: судебная практика // Юридический справочник руководителя. 2022. № 9. С. 31–36.

⁹ СПС «КонсультантПлюс».

защиты прав на объекты интеллектуальной собственности на территории России.

При этом нельзя не отметить, что такое изменение акцента не является изменением парадигмы развития национального законодательства о защите конкуренции и интеллектуальной собственности, поскольку легализация параллельного импорта произведена не посредством внесения изменений в Гражданский кодекс РФ, а подзаконным актом на уровне не Правительства РФ, а профильного отраслевого министерства — Министерства промышленности и торговли. Указанное свидетельствует о неготовности на данный момент российского законодателя перейти к изменению принципа исчерпания права и, следовательно, к полноценной легализации параллельного импорта, что обусловлено ситуацией, при которой государство, не предоставляющее обычную защиту прав на объекты права интеллектуальной собственности, рискует потерять доверие в глазах как внутреннего бизнеса, так и иностранных компаний из дружественных государств, в результате чего могут возникнуть экономические барьеры для размещения и расширения производства и дистрибуции товаров в России, в том числе производств, которые используют как сырье ввозимую по параллельному импорту продукцию.

В то же время указанный перечень товаров для параллельного импорта сформирован с учетом перечня товаров тех правообладателей, которые прекратили свою деятельность в Российской Федерации под угрозой попадания под санкционные ограничения, поэтому продукция зарубежного правообладателя с высокой долей вероятности может быть исключена из такого перечня при возобновлении зарубежным правообладателем поставок своего товара в Россию или возобновлении его производства на основе зарубежных поставок его компонентов в пределах Российской Федерации.

Таким образом, современные экономические условия диктуют государству необходимость создавать регуляторную среду, основанную на доверии, которое, несомненно, должно строиться на предсказуемости правового регулирования, и создавать при этом механизмы

правовой защиты, потребность в которых имеет соответствующее общество.

Как следствие, в ситуациях политической и экономической нестабильности и кризисов государству приходится искать компромиссы между правовым обеспечением стабильности оборота для акторов, намеренных действовать на рынке государства, и обеспечением состояния защищенности и защиты прав участников товарных рынков из зарубежных стран, которые настроены к соответствующему государству недружественно.

Такой компромисс обусловлен тем, что государству для обеспечения стабильности своего развития необходимо привлечение иностранных инвестиций в экономику страны, для чего, соответственно, разумно создавать инвесторам привлекательный режим, в том числе для охраны и защиты прав на принадлежащие инвесторам объекты прав интеллектуальной собственности с возможными механизмами контроля за иностранными инвестициями через участие в уставном капитале и финансирование не через такое участие компаний из отдельных секторов экономики.

В ситуации, когда привлечение прямых иностранных инвестиций ограничено, государство вынуждено создавать благоприятный правовой режим для компаний, чьим доминирующим оно выступает, ограничивая права иностранных инвесторов, которые покинули рынок государства, или намеренно обеспечивая деятельность первых, а также безопасность, в том числе продовольственную, граждан. При реализации подобных решений, среди которых как легализация параллельного импорта, так и более радикальный отказ в защите прав на объекты права интеллектуальной собственности иностранных вендоров, которые критически необходимы для государства, в том числе его продовольственной и информационной безопасности, государству необходимо предусмотреть для таких иностранных вендоров возможность обеспечить охрану и защиту их права при условии возобновления деятельности на его территории как напрямую, так и при посредничестве третьих лиц, в том числе при условии, если информация о возобновлении такой деятельности не будет публично доступной

для всеобщего сведения, но будет раскрыта профильному государственному регулятору.

Такой подход к правовому разрешению кризисной ситуации, по мнению автора настоящей работы, позволит достичь целей государства по обеспечению собственной безопасности и безопасности представляемого им населения,

т.е. сохранить доверие к себе как к институту со стороны граждан и национальных компаний, а также сохранить поле для легального возвращения на рынки государства иностранных компаний, не утратив в глазах таких зарубежных компаний доверие (максимально сократив урон такому доверию).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Городов О. А., Петров А. В., Шмигельская Н. А.* Недобросовестная конкуренция : учебно-практическое пособие / под ред. О. А. Городова. — М. : Юстицинформ, 2020. — 324 с.
2. *Даниловская А. В.* Конкуренция как объект уголовно-правовой охраны // *Lex russica*. — 2020. — № 2. — С. 75–91.
3. *Рябчиков Г.* Параллельный импорт в России: судебная практика // *Юридический справочник руководителя*. — 2022. — № 9. — С. 31–36.
4. *Сайдашев Р. З.* Влияние принципа исчерпания исключительного права на товарный знак на состояние конкуренции на товарных рынках // *Российское конкурентное право и экономика*. — 2021. — № 2. — С. 36–41.
5. *Финансовое право в условиях развития цифровой экономики : монография / К. Т. Анисина, Б. Г. Бадмаев, И. В. Бит-Шабо [и др.] ; под ред. И. А. Цинделиани*. — М. : Проспект, 2019. — 320 с.

Материал поступил в редакцию 15 сентября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Gorodov O. A., Petrov A. V., Shmigelskaya N. A.* Nedobrosovestnaya konkurentsia: uchebno-prakticheskoe posobie / pod red. O. A. Gorodova. — M.: Yustitsinform, 2020. — 324 s.
2. *Danilovskaya A. V.* Konkurentsia kak obekt ugovovno-pravovoy okhrany // *Lex russica*. — 2020. — № 2. — S. 75–91.
3. *Ryabchikov G.* Parallelnyy import v Rossii: sudebnaya praktika // *Yuridicheskiy spravochnik rukovoditelya*. — 2022. — № 9. — S. 31–36.
4. *Saydashev R. Z.* Vliyanie printsipa ischerpaniya isklyuchitelnogo prava na tovarnyy znak na sostoyanie konkurentsii na tovarnykh rynkakh // *Rossiyskoe konkurentnoe pravo i ekonomika*. — 2021. — № 2. — S. 36–41.
5. *Finansovoe pravo v usloviyakh razvitiya tsifrovoy ekonomiki: monografiya / K. T. Anisina, B. G. Badmaev, I. V. Bit-Shabo [i dr.]; pod red. I. A. Tsindeliani*. — M.: Prospekt, 2019. — 320 s.

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.135-149

С. В. Парамонова*

Особенности правового регулирования отношений в сфере труда при введении военного положения и специальных мер в сфере экономики: проблемы и перспективы гармонизации

Аннотация. Необходимость противодействия внешним угрозам национальной безопасности России предопределила в 2022 г. разработку новых и совершенствование действующих нормативных положений. Оценка и сравнительный анализ имеющихся в сфере труда правовых средств и нововведений подтвердили, что существует объективная потребность в комплексном правовом регулировании трудовых отношений при событиях чрезвычайного характера. При рассмотрении особенностей организации трудовой деятельности в период военного положения и действия специальных мер в сфере экономики выявлены понятийная неопределенность, расхождения в порядке, содержании и пределах воздействия на сферу труда, сложности применения и спорные моменты нововведений, отмечены отсутствие общей концепции и однородности регулирования труда в условиях чрезвычайных обстоятельств. Упорядочить нормативные положения предложено через их ориентирование на то, что противодействие угрозам национальной безопасности является системообразующим основанием дифференциации правового регулирования отношений в сфере труда.

Ключевые слова: национальная безопасность; национальные интересы; трудовые отношения; военное положение; специальные меры в сфере экономики; основания дифференциации в сфере труда; режим трудовой деятельности; труд в условиях чрезвычайных обстоятельств; события чрезвычайного характера; ежегодный отпуск.

Для цитирования: Парамонова С. В. Особенности правового регулирования отношений в сфере труда при введении военного положения и специальных мер в сфере экономики: проблемы и перспективы гармонизации // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 3. — С. 135–149. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.135-149.

© Парамонова С. В., 2024

* Парамонова Светлана Владимировна, старший преподаватель кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137
paramonovasv@mail.ru

Peculiarities of Labor Relations Regulation amid Imposition of Martial Law and Special Economic Measures: Problems and Prospects for Harmonization

Svetlana V. Paramonova, Senior Lecturer, Department of Labor Law, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russian Federation
paramonovasv@mail.ru

Abstract. The need to counter external threats to Russia's national security predetermined the development of new and improvement of existing regulations in 2022. An assessment and comparative analysis of the legal means and innovations available in the field of labor confirmed that there is an objective need for comprehensive legal regulation of labor relations during emergency events. Considering the features of the organization of labor activity amid imposition of martial law and the operation of special economic measures, the author exposes conceptual uncertainty, discrepancies in the order, content and limits of impact on the sphere of labor, difficulties in applying and controversial issues of innovations were revealed, the lack of a general concept and uniformity of labor regulation in the conditions of emergency circumstances. It is proposed to streamline the regulations by focusing on the fact that countering threats to national security is the system-forming basis for the differentiation of the legal regulation of relations in the sphere of labor.

Keywords: national security; national interests; labor relations; martial law; special economic measures; grounds for differentiation in the world of work; working hours; work under emergency circumstances; emergency events; annual leave.

Cite as: Paramonova SV. Peculiarities of Labor Relations Regulation amid Imposition of Martial Law and Special Economic Measures: Problems and Prospects for Harmonization. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(3):135-149. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.135-149

Реальные угрозы национальной безопасности России сегодня требуют сосредоточения особых усилий на обеспечении мер адекватного реагирования. Правовую основу решений, принимаемых в области национальной безопасности, в частности по противодействию внешним угрозам причинения ущерба национальным интересам России, наряду с Конституцией Российской Федерации, образуют Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности»¹ и Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне»². Защита целостности и неприкосновенности территории России, а также использование Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов за пределами ее территории для целей, которые определены в ст. 10 Закона «Об обороне», в том числе посредством проведения контртеррористических и иных операций, производятся в случаях прямой агрессии

или ее угрозы, вооруженных конфликтов, то есть реальных рисков необратимых последствий для безопасности государства и его граждан.

Степень и характер опасности, местонахождение очага опасности, усилия и ресурсы, которые затрачиваются на защиту и преодоление последствий отражения угроз, определяют применение и содержание особых мер, направленных на организацию деятельности и удовлетворение потребностей государства и нужд населения в подобных особых ситуациях. При некоторых условиях требуется проведение мобилизационных мероприятий в соответствии с Федеральным законом от 26.02.1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»³, включая перевод органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций, экономики на работу в условиях военного времени.

¹ СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

² СЗ РФ. 1996. № 23. Ст. 2750.

³ СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1014.

Федеральным конституционным законом от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении»⁴ предусмотрено, что в период действия военного положения на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях может быть временно изменен режим трудовой деятельности. При осуществлении контртеррористических и иных операций за пределами государства до 2022 г. правовые основания влияния на трудовую деятельность на территории России для удовлетворения потребностей в особой организации производства отсутствовали. В том числе по этой причине были приняты два федеральных закона. Федеральным законом от 14.07.2022 № 272-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵ Закон «Об обороне» дополнен статьей 26.1. Федеральным законом от 14.07.2022 № 273-ФЗ⁶ в Трудовой кодекс Российской Федерации внесены корреспондирующие изменения.

После принятия в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей Указом Президента РФ от 19.10.2022 № 756⁷ в новых субъектах введено военное положение. Получается, что на текущий момент оба основания влияния на трудовую деятельность на территории России применимы. В одном случае обстоятельством, которое может потребовать в том числе особой организации производства и, как следствие, корректировки правил трудовой деятельности, является факт введения военного положения, а в другом случае — факт осуществления контртеррористических и иных операций за пределами территории Российской Федерации.

В статье 7 Закона «О военном положении» перечислены меры, применяемые на территории, на которой введено военное положение. Среди них указано привлечение граждан в порядке, установленном Правительством РФ, к выполнению работ для нужд обороны, ликви-

дации последствий военных действий. Запрещаются забастовки и иные способы приостановления или прекращения деятельности организаций. Может быть введен особый режим работы отдельных объектов (транспорта, коммуникации и связи, энергетики, объектов, представляющих повышенную опасность). Меры применяются на основании соответствующего указа Президента РФ. Изменение режима трудовой деятельности относится к иным мерам, перечисленным в ст. 8 данного Закона. Эта мера не требует принятия отдельных решений первым лицом государства и может быть применена как на территории, на которой введено военное положение, так и на территориях, на которых военное положение не введено.

Нормы, касающиеся особенностей правового регулирования труда в период военного положения, присутствуют в ТК РФ. Согласно ст. 4 ТК РФ работа, выполнение которой обусловлено введением военного положения, не является принудительным трудом. В условиях военного положения не требуется согласия работника на привлечение его к сверхурочной работе, к работе в выходные и нерабочие праздничные дни, за исключением отдельных категорий работников (ст. 99 и 113). Ограничена самозащита трудовых прав работников в случае задержки выплаты заработной платы, приостановление работы в данном случае не допускается (ст. 142). Военные действия являются основанием прекращения трудового договора по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон (ст. 83). Являются незаконными и не допускаются забастовки (ст. 413).

Согласно ТК РФ, в принципе не допускаются забастовки в отдельных случаях, когда это влияет или создает угрозу обороне страны и безопасности государства, жизни и здоровью людей, в том числе в организациях (филиалах, представительствах или иных обособленных структурных подразделениях), непосредственно ведающих вопросами обеспечения обороны страны, безопасности государства. При этом

⁴ СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

⁵ СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. III). Ст. 5239.

⁶ СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. III). Ст. 5240.

⁷ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 19.10.2022.

некоторая степень неопределенности в вопросе ограничения права на забастовку на тех территориях, где военное положение не введено, без принятия дополнительных уточняющих решений все-таки сохраняется, равно как и неочевидность пределов действия норм ст. 142 и 83 ТК РФ.

Казалось бы, не требуют принятия отдельных актов нормы ТК РФ о сверхурочной работе и работе в выходные и нерабочие праздничные дни в период введения военного положения. Однако здесь возникает аналогичный вопрос относительно их применения на тех территориях, где военное положение не введено, а также в отношении, например, всех работодателей без исключений. Формулировка «при производстве работ (для выполнения работ), необходимость которых обусловлена введением военного положения» достаточно размыта. С одной стороны, это позволяет снять какие-либо ограничения, но, с другой стороны, очевиден простор для широкого толкования, что может привести к злоупотреблениям. В этой связи также нуждается в обсуждении вопрос содержания понятия «режим трудовой деятельности».

Режим — синоним слова «порядок». Трудовая деятельность — понятие многогранное и сложное. Его содержание зависит от сферы применения и контекста употребления. В самом общем виде под трудовой деятельностью, как правило, понимают осознанную деятельность человека, в процессе которой он воздействует на какие-либо объекты или взаимодействует с ними с целью удовлетворения индивидуальных или общественных потребностей. С учетом этого в Законе РФ от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации»⁸ сформулировано понятие «занятость». К слову, в проекте нового федерального закона «О занятости населения в Российской Федерации» понятие занятости сужено до деятельности, осуществляемой в целях производства

товаров, выполнения работ или оказания услуг и направленной на получение дохода⁹.

Для целей официальной статистики используется следующее понятие трудовой деятельности. В соответствии с утвержденной приказом Росстата от 31.12.2015 № 680 Официальной статистической методологией формирования системы показателей трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы, рекомендованных 19-й Международной конференцией статистиков труда¹⁰, трудовая деятельность означает любую деятельность в целях производства товаров или оказания услуг для использования другими лицами или для собственного использования. В целях измерения на основе предполагаемого назначения продукции и характера сделки, лежащей в основе обмена, выделяется пять взаимоисключающих форм трудовой деятельности: трудовая деятельность для собственных нужд, занятость, неоплачиваемый труд стажеров или лиц, проходящих профессионально-техническую подготовку, трудовая деятельность волонтеров, другие виды, в том числе неоплачиваемые общественные услуги и работа, выполняемая в местах лишения свободы по приговору суда.

Гораздо чаще, конечно, понятие «трудовая деятельность» ассоциируется с трудовыми отношениями. В соответствующем контексте и значении данное понятие используется в нормативных правовых актах, в том числе в ТК РФ. В каком контексте и в каком значении, какого конкретно объема понятие используется в тексте Закона «О военном положении», вопрос спорный. В широком понимании трудовой деятельности, даже находясь в границах сферы наемного труда, можно предположить, что в условиях введения военного положения, в принципе, может быть изменен порядок правового регулирования труда, включая порядок заключения, изменения и прекращения трудового договора.

⁸ СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1915.

⁹ Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/275599-8> (дата обращения: 09.08.2023).

¹⁰ Документ опубликован не был. Доступен в СПС «КонсультантПлюс».

Скорее всего, а с учетом использованных формулировок так оно и есть, законодатель имел в виду порядок выполнения работы в определенные промежутки времени и предоставление времени отдыха. Тогда содержание понятия «режим трудовой деятельности» сужается чуть ли ни до понятия «режим рабочего времени». По смыслу Закона «О военном положении» трудовое законодательство в данной части может быть скорректировано. При наличии отдельных норм в ТК РФ они могут быть дополнены и уточнены применительно к ситуации. По изменению режима трудовой деятельности должен быть принят соответствующий федеральный закон и иной нормативный правовой акт Российской Федерации.

По-видимому, вторым актом должно быть постановление Правительства РФ, в котором будут установлены особенности режима рабочего времени и времени отдыха. Следует отметить, что без промежуточных формальностей определены особенности применения трудового законодательства Российской Федерации, иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области. Постановление Правительства РФ от 31.12.2022 № 2571¹¹ принято не в связи с введением военного положения и в соответствии с Законом «О военном положении», а на основании соответствующих федеральных конституционных законов о новых субъектах, что в принципе согласуется с нормами ст. 5 ТК РФ, но всё же может являться поводом для дискуссии, в том числе в свете положений части шестой этой же статьи.

В научной литературе отмечается, что приостановление действия правовых норм должно относиться к прерогативе органа, который их

принял, либо, если это предусмотрено законом, — вышестоящего органа (существует два механизма приостановления действия правовых норм: аутентичное и субординационное приостановление)¹². Указанный подзаконный акт в стандартные рамки не укладывается. Решая одну из основных задач (поэтапная адаптивная смена порядка правового регулирования), он при сохранении частичной возможности временного действия прежнего национального порядка не только приспособливает применение российских норм, но и временно по некоторым вопросам приостанавливает их действие. Кроме этого, постановление Правительства РФ от 31.12.2022 № 2571 определяет отдельные особенности трудовой деятельности в условиях действия особого правового режима.

К ним, в частности, относятся следующие: возможность приостановления действия трудового договора на период эвакуации, возможность прекращения трудовых отношений в тех случаях, когда не представляется возможности сделать это в установленном порядке, возможность приема на работу при отсутствии документов об образовании и (или) о квалификации, трудовом стаже, если они были утрачены в связи с ведением военных действий, включая подтверждение стажа и квалификации в особом порядке. Организациям, расположенным на территории новых субъектов, предоставлено право принимать решения, сроком действия до 1 января 2025 г., о доведении графиков сменности до работников не позднее чем за три календарных дня до введения их в действие (вместо одного месяца согласно ст. 103 ТК РФ), об уведомлении работника о предстоящих изменениях определенных сторонами условий трудового договора по причинам, связанным с изменением организационных и технологических условий труда, не позднее чем за две недели,

¹¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2022 № 2571 «Об особенностях применения трудового законодательства Российской Федерации, иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» // СЗ РФ. 2023. № 2. Ст. 524.

¹² Кузнецова О. А. Механизмы начала, приостановления, восстановления и прекращения действия во времени правовых норм // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 2 (151). С. 123, 126–127.

если меньший срок не предусмотрен Трудовым кодексом РФ (вместо двух месяцев по общему правилу согласно ст. 74 ТК РФ). В случае прекращения трудового договора в соответствии с п. 7 части первой ст. 77 ТК РФ работнику должна быть выплачена дополнительная компенсация в размере полуторамесячного заработка (вместо выходного пособия в размере двухнедельного среднего заработка согласно ст. 178 ТК РФ).

Через внесение отдельным федеральным законом изменений в ТК РФ решен вопрос установления особенностей правового регулирования трудовых отношений при введении специальных мер в сфере экономики. В новой редакции ст. 252 ТК РФ закреплены особые полномочия Правительства РФ. Кроме необходимости корреляции с нормами Закона «Об обороне», думается, что такие изменения на основании части первой ст. 252 ТК РФ всё равно должны были состояться в силу того, что установление особенностей правового регулирования труда при событиях чрезвычайного характера, как правило, так или иначе связано со снижением уровня гарантий, ограничением прав работников.

Научное сообщество всё чаще обращает внимание, что трудовое законодательство не позволяет оперативно реагировать на обстоятельства, отклоняющиеся от стабильной социально-экономической ситуации. В связи с этим данные нововведения учеными оцениваются как один из способов обеспечения гибкости трудового законодательства¹³. При этом К. Д. Крылов справедливо указывает на то, что правовой основой для совершенствования национального правового регулирования должна стать Рекомендация МОТ № 205 «О занятости и достойном труде в целях обеспечения мира и потенциала противодействия»¹⁴. Рекомендация дает конкретные ориентиры относительно мер, применяемых в кризисных ситуациях, которые возникли по причине конфликтов и бедствий. Предусматри-

вая расширение возможностей правительств, включая региональные и местные органы власти, Рекомендация призывает учитывать характер кризиса и масштабы его последствий, принимать меры сообразно обстоятельствам, придерживаться соблюдения основополагающих принципов и прав в сфере труда, других прав человека и других соответствующих международных трудовых норм, в том числе при организации волонтерской работы.

В отличие от нормативных положений, применяемых в сфере труда при введении военного положения, порядок действий при введении специальных мер в сфере экономики может показаться теперь более определенным. Определенно ясно, кто, как и в каких границах может повлиять на сферу труда. Вместе с тем есть основания полагать, что поводы для размышлений присутствуют. Прежде всего, вызывает определенные вопросы условие, при котором Правительством РФ могут быть приняты соответствующие решения. По факту в правовое поле введено новое понятие «специальные меры в сфере экономики», с которым стоит разобраться, поскольку из-за него, собственно, возникает недопонимание и большая часть сложностей.

В пояснительной записке к законопроекту № 155680-8¹⁵ более чем четко было указано, что целью внесения изменений в Закон «Об обороне» является предоставление Правительству РФ полномочий: 1) принимать решения о введении специальных мер в сфере экономики; 2) при введении специальных мер в сфере экономики устанавливать особенности правового регулирования трудовых отношений. Формулирование предложений и структура текста записки позволяют вполне однозначно понять основную мысль. Из текста ст. 26.1 Закона «Об обороне» (структура текста и формулировки в этой части не изменились в процессе принятия законопроекта) можно сделать вывод, что уста-

¹³ Крылов К. Д. Современная трансформация российского и международного трудового права // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 4. С. 5 ; Чиканова Л. А. Модернизация законодательства о труде: актуальные проблемы // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 75.

¹⁴ Документ доступен в СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Система обеспечения законодательной деятельности // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/155680-8#bh_histras (дата обращения: 09.08.2023).

новление особенностей правового регулирования трудовых отношений, по сути, является одной из специальных мер в сфере экономики.

В Законе «О безопасности» под национальной безопасностью понимается безопасность государства, общественная безопасность, экологическая безопасность, безопасность личности, иные виды безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации. Для обеспечения национальной безопасности, исходя из ее основных принципов, могут применяться политические, организационные, социально-экономические, информационные, правовые и иные меры. Далее в ст. 4 Закона указано, что государственную политику России в области обеспечения безопасности, кроме перечисленных, также образуют военные, специальные и иные меры. Деятельность по обеспечению безопасности включает в себя, среди прочего, применение специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности.

Согласно ст. 8 и 14 рассматриваемого Закона Президент РФ по предложению, которое готовит Совет Безопасности, может принять решение о применении специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности. Порядок действий в данном случае регламентирован Федеральным законом от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах»¹⁶, где закреплено, что специальные экономические меры применяются в случаях возникновения совокупности обстоятельств, требующих безотлагательной реакции на международно-противоправное деяние либо недружественное действие иностранного государства или его органов и должностных лиц, представляющее угрозу интересам и безопасности Российской Федерации и (или) нарушающее права и свободы ее граждан.

В соответствии со ст. 3 Закона «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» к специальным экономическим мерам относятся запрет на совершение действий в отношении иностранного государства и (или) иностранных организаций и граждан, а также лиц без гражданства, постоянно проживающих на

территории иностранного государства, и (или) возложение обязанности совершения указанных действий и иные ограничения. Специальные экономические меры носят временный характер и применяются независимо от других мер, направленных на защиту интересов Российской Федерации, а также на защиту прав и свобод ее граждан.

Из обозначенного следует, что безопасность государства и безопасность его граждан вне зависимости от характера и вида угроз — это элементы общей национальной безопасности. Национальная безопасность обеспечивается разными мерами, перечень которых открытый и неклассифицированный, не увязанный с конкретными видами безопасности. Содержание мер, порядок принятия решений об их применении, порядок их реализации не всегда конкретизированы, за исключением частных случаев, например специальных экономических мер. Специальные меры в сфере экономики, исходя из того, что речь идет про производство, распределение, обмен и потребление товаров и услуг, думается, что охватывают целый комплекс инструментов, которые могут быть применены в материальном производстве и непромышленной области в случае любых угроз национальной безопасности.

При таком понимании специальные экономические меры, как минимум при определенных видах угроз, можно рассматривать как разновидность специальных мер в сфере экономики. Правовые меры в области национальной безопасности могут применяться как самостоятельные способы реагирования на угрозу или способы предотвращения угроз, в составе и наряду с иными мерами, а также могут реализовываться, если того требует применение иных мер. При абстрагировании от отдельных нюансов, выявленных в том числе в законотворческом процессе, с этой точки зрения часть вторая ст. 252 ТК РФ не выглядит противоречивой, в ней выбран один из вариантов применения правовых мер.

Однако уязвимость выбранного варианта кроется в отсутствии однозначного понимания

¹⁶ СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 44.

того, что подразумевается под специальными мерами в сфере экономики, могут ли они быть связаны с особыми правовыми режимами и другими чрезвычайными обстоятельствами и только ли с ними, а также во многоступенчатости на пути к принятию решений в сфере труда. Решение о применении специальных мер в сфере экономики, по идее, должно быть по каким-то правилам отдельно оформлено, пусть даже в документах ограниченного доступа. Только в том случае, если между этими мерами и функционированием сферы труда есть связь, может быть скорректировано правовое регулирование. В дополнение к тому, что новые положения ст. 252 ТК РФ заведомо неоднозначны с точки зрения их применения во взаимосвязи с иными нормами, в частности со ст. 26.1 Закона «Об обороне» (применять нормы независимо друг от друга означает пренебречь их изначальным предназначением), имеет смысл отметить, что они хотя и вынужденно приняты в оперативном порядке, но всё же имеют признаки «заплаточного» решения.

Если посмотреть на ситуацию иначе, в другом масштабе, в том числе принимая во внимание пережитые в период пандемии COVID-19 трудности, то вместо использования в нормативных положениях нового термина и неустоявшегося понятия «специальные меры в сфере экономики», тем более пока привязанного только к осуществлению контртеррористических и иных операций за пределами территории Российской Федерации, в ст. 252 ТК РФ можно прямо сослаться на необходимость противодействия угрозам национальной безопасности, что соотносится с частью третьей ст. 3 ТК РФ. При этом потребуются уточнить отдельные положения ТК РФ, определиться с понятием «чрезвычайные обстоятельства» и отделить от таковых локальные события чрезвычайного характера (производственная авария, несчастный случай на производстве и др., если они не влекут воз-

никновение обстоятельств с соответствующими признаками).

Оценивая массив российского законодательства в соответствующей области, М. В. Филиппова и Е. Б. Хохлов обнаруживают в нем отсутствие легальных взаимосвязей и, несмотря на критику МОТ в отношении положений ТК РФ, о которой упоминают, приходят к выводу, что родовым понятием является «чрезвычайная ситуация»¹⁷. Поскольку данное понятие явилось причиной хаоса, в том числе затрудняет определение лиц, которые должны принять решение о статусе экстраординарных событий, думается, что за основу все-таки нужно взять международные нормы. В Конвенции МОТ № 29 «Относительно принудительного или обязательного труда»¹⁸ под чрезвычайными обстоятельствами понимаются войны или бедствия или угрозы бедствия, как то: пожары, наводнения, голод, землетрясения, сильные эпидемии или эпизоотии, нашествия вредных животных, насекомых или паразитов растений и вообще обстоятельства, ставящие под угрозу или могущие поставить под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия всего или части населения. Наличие чрезвычайных обстоятельств подтверждается введением особых правовых режимов, режимов повышенной готовности и чрезвычайных ситуаций, принятием иных соответствующих решений уполномоченными органами и должностными лицами.

Под национальной безопасностью, согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента России от 02.07.2021 № 400¹⁹, следует понимать состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз. Угроза национальной безопасности — совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам Российской Федерации, то есть

¹⁷ Филиппова М. В., Хохлов Е. Б. О механизме принятия решений в чрезвычайных ситуациях // Ежегодник трудового права : сборник научных статей / Санкт-Петербургский государственный университет. 2021. С. 12–13, 20.

¹⁸ Документ доступен в СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 03.07.2021.

объективно значимым потребностям личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии. С учетом этого для определения направления систематизации и упорядочивания норм, предусматривающих особенности правового регулирования труда при чрезвычайных обстоятельствах, в ст. 252 ТК РФ необходимо указать соответствующие виды угроз.

Федеральным законом от 14.07.2022 № 273-ФЗ внесены изменения не только в ст. 252 ТК РФ, но и в ряд иных его статей, касающихся сверхурочной работы и ее оплаты, работы в выходные и нерабочие праздничные дни, графиков сменности, еженедельного отдыха, порядка предоставления ежегодных оплачиваемых отпусков. Примечательно, что при осуществлении контртеррористических и иных операций за пределами территории Российской Федерации отсылка к порядку принятия особого решения по отпускам, графикам сменности, еженедельному отдыху теперь включена в текст ТК РФ, а при введении, в частности, военного положения этого не предусмотрено. Сомнительно, что подобные оговорки вообще нужны в данном случае, тем более выборочно. Кстати, оказалась нерешенной проблема конкуренции норм, когда действуют два условия: военное положение и осуществление операций за пределами России.

При введении военного положения границы установления особенностей правового регулирования труда, а точнее сказать — только режима трудовой деятельности, определены территорией, на которой введено такое положение, и территорией, на которой такое положение не введено. Последнее явно нуждается в отдельном обосновании и уточнении в конкретной ситуации. При осуществлении контртеррористических и иных операций за пределами территории Российской Федерации предпринята попытка сразу и непосредственно в ТК РФ определить пределы действия особенностей. Особенности правового регулирования труда в этом случае могут устанавливаться только в отдельных орга-

низациях, их структурных подразделениях и на отдельных производственных объектах.

Видится неудачным и тот, и другой подход. В одном случае имеет место крайняя степень изначальной неопределенности и непрогнозируемость окончательных решений, а в другом — привязка к сроку действия специальных мер в сфере экономики, который, в свою очередь, зависит от срока действия вызвавших их причин, а также излишняя конкретизация и детализация, почему-то с глубиной до структурных элементов организации. Представляется, что порядок установления особенностей правового регулирования в сфере труда как правовых мер реагирования на угрозы национальной безопасности должен быть единообразен, понятен при любых чрезвычайных обстоятельствах. Как на этот счет подчеркивается в научных публикациях, работа, несмотря на кризис, должна вестись по заранее определенным специальным технологиям, с четким алгоритмом действий и в заранее очерченных границах²⁰.

Поскольку в обоих анализируемых случаях и в принципе при угрозах национальной безопасности, связанных с обороной страны, безопасностью государства, сохранением жизни и здоровья его граждан, речь идет о ситуациях, отклоняющихся от стандартных (каждая из таких ситуаций уникальна, сопряжена со множеством изменяющихся во времени факторов), правовые основания реагирования на уровне ТК РФ должны предусматривать не сами пределы, а порядок установления пределов действия особенностей правового регулирования отношений в сфере труда, в том числе по времени, по территории, по кругу лиц. На отсутствие акцента на временном характере установления особенностей обратили внимание ученые, к слову, не исключаящие особого порядка применения и других норм, кроме тех, что пока выбраны Правительством РФ²¹. Стоит согласиться, что конкретизация как раз таки допустима и оправдана на уровне подзаконного акта, принимаемого с учетом реальной ситуации.

²⁰ Филиппова М. В., Хохлов Е. Б. Указ. соч. С. 9, 21.

²¹ Чиканова Л. А. Указ. соч. С. 75–76.

В постановлении Правительства РФ от 01.08.2022 № 1365²², которым были утверждены в соответствии со ст. 252 ТК РФ особенности правового регулирования трудовых отношений в отдельных организациях, их структурных подразделениях и на отдельных производственных объектах (далее также — Особенности), применен двухуровневый способ конкретизации. Первый уровень — это выделение организаций оборонно-промышленного комплекса, участвующих в исполнении государственных контрактов по реализации государственного оборонного заказа. Второй уровень — это составление отдельного перечня таких организаций Министерством промышленности и торговли Российской Федерации. Перечень — документ с ограниченным доступом.

Месяцем позже приказом Минпромторга России № 3750 и Минтруда России от 02.09.2022 № 508²³ были утверждены методические рекомендации по применению Особенности. В данных рекомендациях обнаруживается еще один уровень конкретизации сферы действия Особенности. Применение постановления Правительства РФ от 01.08.2022 № 1365 рекомендуется осуществлять на основе локального нормативного акта работодателя (приказа или распоряжения), содержащего перечень работников, на которых распространяется особое регулирование трудовых отношений, дату начала действия, период действия, другие положения, не противоречащие трудовому законодательству, с учетом Особенности.

Аналогичный прием законодатель использовал недавно при уточнении положений гл. 49 ТК РФ. С. Ю. Головиной замечено, что в ст. 312.9 ТК РФ законодателю, допустившему «нормативный конфуз» вследствие отсутствия дефиниции понятия «локальный нормативный акт», следо-

вало дифференцировать положения, связанные с организацией труда работников, на нормативные (составляющие содержание локального нормативного акта) и организационно-распорядительные (предназначенные для издания приказа или распоряжения)²⁴. Думается, в обоих случаях «нормативный конфуз» возник еще и по причине того, что неудачно подобраны словосочетания для выражения мысли о круге работников, на которых распространятся акт. Слово «список» действительно указывает на поименное перечисление, а слово «перечень» применяется в отношении неодушевленных предметов, явлений, сущностей, в отношении людей его использовать некорректно.

В отличие от перевода работников на удаленную работу при чрезвычайных обстоятельствах, приведенного в качестве примера, ни Особенности, ни методические указания по их применению не предусматривают учета мнения представительного органа работников при принятии указанных локальных нормативных актов. В методических указаниях говорится лишь об участии профсоюзов в разъяснительной работе в трудовых коллективах по применению Особенности, что не в полной мере согласуется с Рекомендацией МОТ № 205. Возможно, таких упущений было бы проще избежать, если не допускать делегирования предоставленных «особых нормотворческих полномочий»²⁵ отраслевым ведомствам, если это прямо не оговорено в ТК РФ, что по факту привело к регулированию принципиальных вопросов в оспоримой с точки зрения обязательности применения форме.

Содержательно Особенности и методические рекомендации к ним весьма лаконичны, сведены к тем вопросам, которые перечислены в ст. 252 ТК РФ и по которым внесены уточнения в текст ТК РФ, а также к отдельным указаниям

²² СЗ РФ. 2022. № 32. Ст. 5839.

²³ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Трудовое право: национальное и международное измерение : монография / под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. Т. 1 : Общие проблемы современного трудового права. М. : Норма, 2022. С. 195.

²⁵ Особые нормотворческие полномочия органов исполнительной власти при чрезвычайных ситуациях, введении режима повышенной готовности предлагалось закрепить в ТК РФ еще до новой редакции ст. 252 ТК РФ. См.: Головина С. Ю. Пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) как новый вызов трудовому праву // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 3. С. 5.

относительно социальной поддержки работников. В сравнении с постановлением Правительства РФ от 31.12.2022 № 2571 в Особенности предусмотрена только одна сходная мера — сокращение срока доведения до работников графиков сменности. Среди положительных моментов Особенности следует обозначить попытку привести к одному знаменателю нормы ст. 99 и 113 ТК РФ в части повышенных гарантий для отдельных категорий работников, что имеет смысл учесть в дальнейшем при совершенствовании трудового законодательства.

В Особенности закреплён единый перечень работников, привлечение которых к сверхурочной работе, к работе в выходные и нерабочие праздничные дни допускается только с их письменного согласия и при условии, если это не запрещено им по состоянию здоровья в соответствии с медицинским заключением. Кроме того, в перечень дополнительно включены работники, имеющие детей-инвалидов, и работники, осуществляющие уход за больными членами их семей. Спорно, правда, что уместно требование к наличию медицинского заключения в отношении работников, имеющих особый социальный статус по причинам, не связанным с их состоянием здоровья.

Среди неоднозначных моментов Особенности в части их применения стоит отметить порядок предоставления работникам ежегодных оплачиваемых отпусков. Особенности предусматривают случаи и порядок перенесения ежегодного оплачиваемого отпуска работника без его согласия. Основанием перенесения отпуска является нарушение организацией срока или возникновение риска нарушения срока исполнения государственного контракта. Для того чтобы применить основание, требуется наличие прямой связи между выполняемой работником трудовой функцией и исполнением государственного контракта, что доказать в некоторых случаях непросто. Преодолеть данную проблему, видимо, предполагалось через локальный нормативный акт, где должен быть определен

круг работников, задействованных в исполнении государственных контрактов.

Практически повсеместно по разным причинам работодатели имеют проблемы с «неотгулянными» отпусками. Оборонно-промышленный комплекс не исключение. Обстоятельства, требующие сосредоточить усилия на противодействии угрозам национальной безопасности, усугубляют эти проблемы. Безусловно, всем известно, что оплачиваемые отпуска должны предоставляться работникам ежегодно, должны быть исключены ситуации накопления отпуска и выборочного предоставления отпуска за разные периоды. В каких случаях по общему правилу возможно перенесение отпуска, указано в ст. 124 ТК РФ. Количество переносов отпуска не ограничено, но определены пределы сдвигов: отпуск должен быть использован не позднее 12 месяцев после окончания того рабочего года, за который он предоставляется, запрещается непредоставление ежегодного оплачиваемого отпуска в течение двух лет подряд.

К моменту вступления в силу постановления Правительства РФ от 01.08.2022 № 1365, то есть к 13 августа 2022 г. (а если руководствоваться методическими рекомендациями, то к дате, определенной работодателем), у работника теоретически может быть максимум два неиспользованных отпуска. Отпуск подлежит планированию, поэтому процедура перенесения отпуска, хотя порядок ее реализации и не регламентирован законом, может состояться только в случае, если известны даты отпуска. Особенности могут быть применены, если отпуск работнику предоставляется в период их действия (запланирован в графике отпусков, был ранее перенесен в установленном порядке).

По вопросу правил перенесения отпуска в научной литературе была высказана позиция, что в отличие от международных стандартов национальное правовое регулирование предусматривает лучшие гарантии для работников²⁶. В особых обстоятельствах Правительство РФ пошло на то, чтобы снизить эти гарантии, и вос-

²⁶ Кучина Ю. А. Проблемы имплементации норм конвенций Международной организации труда об отпусках в российское законодательство // Российский юридический журнал. 2014. № 5 (98). С. 65.

пользовалось нормами Конвенции МОТ № 132 «Об оплачиваемых отпусках»²⁷, допускающими отсрочку отпуска на полтора года. В случае с неиспользованными отпусками при применении Особенности следует учитывать, что так или иначе отпуск должен быть использован не позднее 18 месяцев после окончания того рабочего года, за который он предоставляется. Таким образом, отпуск, который к моменту начала действия Особенности не был использован в течение 12 месяцев после окончания того рабочего года, за который он должен был быть предоставлен, может быть перенесен только в пределах полугода.

В силу громоздкости предложения в пп. «д» Особенности, наличия в нем большого количества знаков препинания и союза «либо», имеющего значение взаимоисключения перечисляемых вариантов действий (указывающего на возможность выбора), на практике неоднозначными в толковании могут оказаться нормы о замене отпуска денежной компенсацией. Независимо от того, о каком отпуске идет речь (использованном ранее или текущем), сокращение гарантированной минимальной продолжительности отпуска до 21 дня вместо 28 (скорее всего, в Особенности пропущено слово «календарного» и указание на основной отпуск) и выплата денежной компенсации за оставшуюся часть отпуска, как представляется, допустимы только при определенных условиях.

К данным условиям, применяемым в совокупности, относятся следующие: 1) производится перенесение отпуска по причинам, указанным в Особенности; 2) отпуск переносится в пределах допустимых законодательством 12 месяцев после окончания того рабочего года, за который он предоставляется; 3) имеется взаимное согласие работника и работодателя на замену отпуска денежной компенсацией. Следует обратить внимание, что несмотря на то, что в Особенности не сделано отдельной оговорки, по смыслу ст. 126 ТК РФ в новой редакции сохраняются указанные в ней ограничения на замену отпуска денежной компенсацией, равно как по

смыслу ст. 124 ТК РФ в новой редакции сохраняются запреты на непредоставление ежегодного оплачиваемого отпуска.

Отсутствует однозначное решение в той ситуации, когда особое правовое регулирование не позволяет избежать нарушения права работника на отпуск путем непредоставления его в порядке и сроки, которые предусмотрены трудовым законодательством. Другими словами, к моменту начала действия особых правил все допустимые пределы перенесения отпуска были исчерпаны или даже нарушены настолько, что нет возможности воспользоваться положениями данных правил. В этом случае применение рассматриваемых Особенности ограничено, потому что перенесение отпуска состояться априори уже не может, соответственно, отсутствуют основания для уменьшения минимальной продолжительности отпуска и выплаты денежной компенсации за оставшуюся часть отпуска.

Согласно ст. 12 ТК РФ в отношениях, возникших до введения в действие закона или иного нормативного правового акта, содержащего нормы трудового права, указанный закон или акт применяется к правам и обязанностям, возникшим после введения его в действие. В статье 55 Конституции РФ провозглашено, что в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина. Там же указано, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В соответствии с позицией Конституционного Суда РФ, изложенной в постановлении от 25.10.2018 № 38-П²⁸, право на отпуск не подлежит прекращению, в том числе после истечения допустимого срока его использования. Отсрочка предоставления отпуска является гарантийной мерой, чтобы отпуск не отклады-

²⁷ СЗ РФ. 2011. № 51. Ст. 7451.

²⁸ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 30.10.2018.

вался на неопределенный срок и тем самым не нарушалось право работника на отдых, она не может рассматриваться как установление пределов реализации работником его права. По смыслу Конвенции МОТ № 132 приоритет отдается предоставлению отпуска в натуре, выплата денежной компенсации допускается лишь в случае прекращения трудовых отношений. В статье 9 Конвенции определено, что любая часть ежегодного отпуска сверх установленной минимальной продолжительности (не менее трех рабочих недель за один год работы) может быть отложена на период свыше 18 месяцев после окончания того года, за который предоставляется отпуск, но только при согласии работника.

В истории России есть опыт полной отмены отпусков и замены их денежной компенсацией в военное время²⁹. Сегодня такое не представляется возможным. Для исключения дискриминации и достижения целей, ради которых вводится особое правовое регулирование в новых реалиях, оно должно отдельно предусматривать специальные правила для тех случаев, когда право, в частности на отпуск, не было реализовано, а особый порядок вводит временные ограничения. Необходимо понимать, как работают ограничения, иначе вопрос неиспользованного отпуска, право на который уже наступило, подвисает в воздухе. Единственным выходом, не противоречащим международным стандартам, является легализация расширения пределов переноса отпуска, но без установления минимальной продолжительности отпуска, которая не подлежит перенесению или ограничена в перенесении, велик риск бесосновательного оправдания ранее совершенных правонарушений.

В качестве итога размышлений над поднятыми проблемами следует отметить следующее. Новые реалии, безусловно, требуют перемен, но это не означает, что перемены должны производиться в отрыве от фундаментальных основ и принципов, иногда достаточно переосмысле-

ния. Чрезвычайные обстоятельства, вызванные конфликтами и бедствиями, свидетельствуют об угрозе национальной безопасности. Необходимость противодействия угрозе национальной безопасности влечет потребность в особой организации трудовой деятельности, значит, является основанием дифференциации правового регулирования в сфере труда. Чрезвычайные обстоятельства обуславливают новые правила выполнения работы на основании изменения ее значения, обстановки и условий, при которых работа выполняется, могут повлечь потребность выполнения другой работы, а иногда вынуждают приостанавливать работу в силу невозможности ее выполнения или необходимости исполнения государственных обязанностей, в некоторых случаях с прекращением трудовых отношений. Представляется, что на это и стоит ориентироваться при совершенствовании правового регулирования.

Можно выделить следующие характерные черты специальных норм, применяемых при чрезвычайных обстоятельствах: 1) специальные нормы служат приспособлению общих правил к специфическим условиям, а также предусматривают как изъятия из общих правил, так и дополнения, они преимущественно связаны с ограничениями, но могут предусматривать компенсацию за них; 2) специальные нормы могут предусматривать правила абсолютные (независимые от ситуации, других факторов и статичные) и относительные (учитывающие ситуации, другие факторы и динамичные); 3) специальные нормы имеют временный характер, их существование и (или) применение ограничено периодом действия чрезвычайных обстоятельств и устранения их последствий; 4) специальные нормы могут быть закреплены в документах уровня не ниже подзаконного акта, если последнее предусмотрено законом.

В порядке установления особенностей правового регулирования труда в период военно-

²⁹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1941 «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). Т. 3. С. 37–38. Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/212792-ukaz-prezidiuma-verhovnogo-soveta-sssr-o-rezhime-rabocheho-vremeni-rabochih-i-sluzhaschih-v-voennoe-vremya-26-iyunya-1941-g> (дата обращения: 09.08.2023).

го положения и действия специальных мер в сфере экономики выявлены следующие закономерности, которые справедливо распространить на другие чрезвычайные обстоятельства. Адаптация нормативных положений к новым реалиям происходит за счет ситуационного регулирования. Адаптация сопряжена как с дифференциацией, так и с возникновением новых правил и правовых категорий, преобразованием правовых конструкций, а также порой, например, меняет традиционные механизмы обеспечения действия самих правовых норм. Такой подход не должен стать правилом, но в происходящем имеет смысл найти ценность. Так, в очередной раз подтверждается социальная и экономическая обоснованность конструкции

приостановления трудового договора. При научном обсуждении данной темы в новом свете уже звучат предложения о внесении изменений в ТК РФ с увеличением количества случаев применения³⁰. В механизме приостановления действия правовых норм, получается, должно присутствовать не только аутентичное и субординационное приостановление, но и координационное. При чрезвычайных обстоятельствах такой инструмент, как приостановление действия норм, востребован в сфере труда, но в силу специфики отрасли требует тщательной научной проработки. Полномочия органа исполнительной власти на приостановление действия трудовых норм при чрезвычайных обстоятельствах должны найти свое закрепление в ТК РФ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Головина С. Ю. Пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) как новый вызов трудовому праву // Трудовое право в России и за рубежом. — 2020. — № 3. — С. 3–7.
2. Кичигин С. В. Приостановление действия и приостановление исполнения трудового договора // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 4. — С. 91–98.
3. Кучина Ю. А. Проблемы имплементации норм конвенций Международной организации труда об отпусках в российское законодательство // Российский юридический журнал. — 2014. — № 5 (98). — С. 60–68.
4. Крылов К. Д. Современная трансформация российского и международного трудового права // Трудовое право в России и за рубежом. — 2022. — № 4. — С. 5–6.
5. Кузнецова О. А. Механизмы начала, приостановления, восстановления и прекращения действия во времени правовых норм // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2023. — № 2 (151). — С. 116–128.
6. Мазурова Т. А. Приостановление трудового договора в контексте межотраслевых категорий «договор» и «приостановление» // Трудовое право в России и за рубежом. — 2021. — № 1. — С. 35–37.
7. Трудовое право: национальное и международное измерение : монография / под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. Т. 1 : Общие проблемы современного трудового права. — М. : Норма, 2022. — 608 с.
8. Филиппова М. В., Хохлов Е. Б. О механизме принятия решений в чрезвычайных ситуациях // Ежегодник трудового права : сборник научных статей / Санкт-Петербургский государственный университет. — 2021. — С. 7–23.

³⁰ См., например: Кичигин С. В. Приостановление действия и приостановление исполнения трудового договора // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 4. С. 91–98 ; Мазурова Т. А. Приостановление трудового договора в контексте межотраслевых категорий «договор» и «приостановление» // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 1. С. 35–37 ; Шуралева С. В. Приостановление трудового договора: признаки и классификация // Российский юридический журнал. 2023. № 1 (148). С. 159–171.

9. Чиканова Л. А. Модернизация законодательства о труде: актуальные проблемы // Журнал российского права. — 2022. — № 12. — С. 70–84.
10. Шуралева С. В. Приостановление трудового договора: признаки и классификация // Российский юридический журнал. — 2023. — № 1 (148). — С. 159–171.

Материал поступил в редакцию 10 августа 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Golovina S. Yu. Pandemiya koronavirusnoy infektsii (COVID-19) kak novyy vyzov trudovomu pravu // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. — 2020. — № 3. — S. 3–7.
2. Kichigin S. V. Priostanovlenie deystviya i priostanovlenie ispolneniya trudovogo dogovora // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2020. — Т. 15. — № 4. — S. 91–98.
3. Kuchina Yu. A. Problemy implementatsii norm konventsiy Mezhdunarodnoy organizatsii truda ob otpuskakh v rossiyskoe zakonodatelstvo // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2014. — № 5 (98). — S. 60–68.
4. Krylov K. D. Sovremennaya transformatsiya rossiyskogo i mezhdunarodnogo trudovogo prava // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. — 2022. — № 4. — S. 5–6.
5. Kuznetsova O. A. Mekhanizmy nachala, priostanovleniya, vosstanovleniya i prekrashcheniya deystviya vo vremeni pravovykh norm // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. — 2023. — № 2 (151). — S. 116–128.
6. Mazurova T. A. Priostanovlenie trudovogo dogovora v kontekste mezhotraslevykh kategoriy «dogovor» i «priostanovlenie» // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. — 2021. — № 1. — S. 35–37.
7. Trudovoe pravo: natsionalnoe i mezhdunarodnoe izmerenie: monografiya / pod red. S. Yu. Golovinoy, N. L. Lyutova. T. 1: Obshchie problemy sovremennogo trudovogo prava. — M.: Norma, 2022. — 608 s.
8. Filippova M. V., Khokhlov E. B. O mekhanizme prinyatiya resheniy v chrezvychaynykh situatsiyakh // Ezhegodnik trudovogo prava: sbornik nauchnykh statey / Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet. — 2021. — S. 7–23.
9. Chikanova L. A. Modernizatsiya zakonodatelstva o trude: aktualnye problemy // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2022. — № 12. — S. 70–84.
10. Shuraleva S. V. Priostanovlenie trudovogo dogovora: priznaki i klassifikatsiya // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2023. — № 1 (148). — S. 159–171.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.150-167

А. И. Цыреторов*

Рациональные основы уголовного судопроизводства: взгляд через призму социологических воззрений

Аннотация. В статье на примере уголовного судопроизводства исследуются рациональные основы права. В поиске истоков рационалистической картины права автор в ходе анализа действий субъектов (участников) уголовного судопроизводства в отдельных ситуациях показал соответствие уголовного судопроизводства рационалистической системе М. Вебера, позволяющей рационализировать в правовой плоскости ценности, доминирующие в обществе. Право, являясь социальным институтом, должно, по мнению автора, подчиняться закономерностям общественной жизни, вскрытым другими дисциплинами, в частности социологией. Использование междисциплинарного подхода к изучению институтов уголовного судопроизводства позволит исследовать их в их целостности, открыть их новые грани. Следуя этому положению, автор предпринял попытку проанализировать институт досудебного соглашения о сотрудничестве через призму теории рационального выбора и учения П. Сорокина о преступлениях и подвигах, что позволило наметить путь дальнейшего совершенствования этого института, который соответствовал бы закономерностям развития общества.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; рациональность права; рационализм в праве; разумность правовых норм; рациональность уголовного судопроизводства; правовые ценности; соотношение ценностей и права; рационализация права; социологическая школа права; междисциплинарный подход.

Для цитирования: Цыреторов А. И. Рациональные основы уголовного судопроизводства: взгляд через призму социологических воззрений // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 3. — С. 150–167. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.150-167.

© Цыреторов А. И., 2024

* Цыреторов Алексей Иванович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России
Летчика Пилютова ул., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 198206
alex.tsi@mail.ru

Rational Foundations of Criminal Proceedings: A View through the Prism of Sociological Considerations

Aleksey I. Tsyretorov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Procedure, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation
alex.tsi@mail.ru

Abstract. The paper examines the rational foundations of law typified by criminal proceedings. In search of the origins of the rationalistic picture of law, the author, in the course of analyzing the actions of subjects (participants) of criminal proceedings in certain situations, shows the correspondence of criminal proceedings to the rationalistic system of M. Weber, which allows rationalizing in the legal plane the values dominant in society. Law, being a social institution, in the author's opinion, should be subject to the laws of social life revealed by other disciplines, in particular sociology. Using an interdisciplinary approach to the study of the institutions of criminal justice will allow us to study them in their integrity and discover their new facets. Following this position, the author attempted to analyze the institution of a pre-trial agreement on cooperation through the prism of the theory of rational choice and the teachings of P. Sorokin about crimes and exploits, which made it possible to outline a path for further improvement of this institution, which would correspond to the laws of social development.

Keywords: criminal proceedings; rationality of law; rationalism in law; reasonableness of legal norms; rationality of criminal proceedings; legal values; the relationship between values and law; rationalization of law; sociological school of law; interdisciplinary approach.

Cite as: Tsyretorov AI. Rational Foundations of Criminal Proceedings: A View through the Prism of Sociological Considerations. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(3):150-167. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.150-167

Рациональные основы права: краткий теоретический обзор

Государство, устанавливая систему правил поведения и обеспечивая ее действенными мерами принуждения, преследует цель достижения стабильной организованности общества, способствующей его прогрессу. Как продукт человеческой деятельности, право отражает в себе уровень развития конкретного общества, доминирующие в нем ценности и подходы к их трактовке. Следует согласиться с А. Н. Коневым, который, отмечая антропоцентричность уголовно-процессуальной науки, связывает эволюцию уголовного процесса исключительно с

развитием человека, его личных, в том числе и рациональных, качеств¹.

На протяжении своего существования человечество неоднократно претерпевало изменение системы координат — смену типов рациональности, и хотя случались в нем и откаты к менее прогрессивным, иррациональным практикам, даже с учетом указанных откатов мы считаем очевидным утверждение о том, что основной тенденцией развития государства и права является прогресс, то есть движение в сторону более рациональных практик, или, по выражению Гегеля, переход от природности человека, при которой «неправо еще есть право»², к истинно нравственному состоянию³.

¹ Конев А. Н. Идеологические основы современного уголовного судопроизводства России : монография / под. науч. ред. М. П. Полякова. М. : Проспект, 2021. С. 284.

² Гегель Г. В. Ф. Философия права : пер. с нем. / ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц ; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. М. : Мысль, 1990. С. 114.

³ Гегель Г. В. Ф. Указ. соч.

Сходной оценки права как прогрессирующей системы придерживался М. Вебер. По его мнению, общее развитие права и правового процесса, если поделить его теоретически на ступени развития, ведет от харизматического откровения права из уст правовых пророков к эмпирическому созданию и применению права, характерному для правовой элиты, далее — к октроированию права, которое осуществляют светские империи и теократические власти, и, наконец, к систематическому правоустановлению и профессиональному, основанному на литературном и формально-логическом обучении правосудию, которое практикуется образованными правоведами (профессиональными юристами). Формальные качества права развиваются, по его мнению, от характерной для примитивного правового процесса комбинации формализма, обусловленного магией, с иррациональностью, порожденной откровением, через обходные пути теократической или патримониальной практической и неформальной целерациональности ко всё более профессионально юридической, а следовательно, логической рациональности⁴.

Еще в Древней Греции некоторые ученые видели истоки права в разуме. Так, Аристотель указывал на то, что закон «имеет принудительную силу (*αναγκαστικὴ δύναμις*), поскольку является суждением (*λογος*), основанным так или иначе на рассудительности или уме»⁵. Последователь Аристотеля — Фома Аквинский, признавая относительную самостоятельность естественного бытия и человеческого разума, в своей работе «Сумма теологии» характеризовал закон «как постановление практического разума, исходя-

щее от правителя, управляющего совершенным сообществом»⁶.

Рационализм, утверждавший определяющую роль разума в познании и деятельности людей, стал фундаментом идеологии эпохи Просвещения. Один из наиболее видных деятелей указанного периода Монтескьё характеризовал законы в самом широком значении этого слова как необходимые отношения, вытекающие из природы вещей, уточняя, что они есть «и у божества, и у мира материального, и у существ сверхчеловеческого разума, и у животных, и у человека»⁷. Согласно его картине мира существует «первоначальный разум», а «законы — это отношения, существующие между ним и различными существами, и взаимные отношения этих различных существ»⁸. Собственно гражданские законы Монтескьё рассматривает в качестве частного случая приложения человеческого разума, который «ведет людей к человечности».

Вопросом рациональных истоков права задавались и отечественные мыслители. Философ и видный представитель русского идеализма Владимир Соловьев рассматривал право в качестве непосредственного выражения инстинктивного родового разума; в его интерпретации «разум, как одинаковая граница всех свободных сил или сфера их равенства, есть определяющее начало права, и человек может быть субъектом права лишь в качестве существа свободно-разумного»⁹. Его современник профессор М. Ф. Владимирский-Буданов полагал, что право «первоначально развивается из животных инстинктов, которые превращаются в человеческие учреждения лишь с того времени, когда они проникаются сознанием и разумной волей;

⁴ Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. / сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. Т. 3 : Право. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 209.

⁵ Аристотель. Никомахова этика // URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel.Nikomakhova.pdf> (дата обращения: 15.06.2023).

⁶ Фома Аквинский. Сумма теологии. Т. 6 // URL: https://download.librebook.me/download/formats/36/64/20_7505.pdf (дата обращения: 15.06.2023).

⁷ Монтескьё Ш. О духе законов // URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.O dukhe.pdf> (дата обращения: 15.06.2023).

⁸ Монтескьё Ш. Указ. соч.

⁹ Соловьев В. Право и нравственность: Очерки из прикладной этики. 2-е изд. СПб. : Изд. Я. Канторовича, 1899. С. 15.

лишь с этого момента начинается историческая жизнь общества»¹⁰.

Разумеется, философия рационализма не является безальтернативным подходом к объяснению социальных явлений. Главным оппонентом рационализма явился иррационализм — концепция, ограничивающая возможности разума в познании действительности научными методами и презюмирующая неподвластность действительности закономерностям. Иррационалисты в большинстве своем придают неоправданно большое значение интуиции, откровению или каким-либо мистическим силам. Так, против претензий рационального гуманизма на выражение всеобщей истины разума, возведения последнего в ранг абсолютной ценности в ущерб полноте воли к власти восстает Ницше, используя в качестве методологического инструмента принцип активного нигилизма, выражающийся в деятельном отрицании высших ценностей западной культуры, в неприятии идей, подавляющих полноту жизни в пользу воли к истине¹¹.

Отечественный пример иррационализма: философ русского серебряного века В. Ф. Эрн противопоставлял разуму (*ratio*) Логос (*Λόγος*). Для него Логос — это разум, который имманентно пронизывает живую и конкретную реальность, а *ratio* — это формальный рассудок, оторванный от бесконечной множественной жизни. В этой концепции Эрн возвращается к славянофильской идее антагонизма между западной рассудочностью и восточной целостностью¹². По его мнению, «взнузданная рационализмом мысль совершенно бессильна перед действительностью»¹³; обвиняя рационализм в отрыве от Природы как Сущего, он полагает, что

«иррационально творение мира, иррационально появление органического в неорганическом, появление сознания в органическом, появление самосознания в сознающем, наконец, рождение истинного и единственного Сверхчеловека по природе своей, Иисуса Христа, — в человечестве»¹⁴.

Всё же в современной правовой жизни трудно переоценить значимость рационального подхода: в поиске закона мы не обращаемся к волхвам, гадалкам, пророкам, не ищем божественных знаков, не пытаемся спрогнозировать развитие общества посредством иеромантии (предсказание по внутренностям животных), для доказывания правды при отправлении правосудия не обращаемся к ордалиям, в подтверждение своих намерений не даем клятвы на крови и др. Современная наука права и в целом наука предлагают освоение действительности посредством научного познания, предполагающего установление закономерностей, всех связей и опосредований, в которых оно находится и может находиться¹⁵. Антрополог Р. Жирар в своей работе, посвященной исследованию соотношения насилия и порядка, приходит к выводу, что «повсюду убежденность гонителей тем сильнее, чем менее она рациональна»¹⁶, справедливо замечая, что «между наукой и прекращением охоты на ведьм существует тесная связь»¹⁷. Хотя и научный подход не исключает совершения ошибок.

Логически мы подошли к необходимости дать ответ на вопрос: что можно считать рациональным? На какие критерии мы должны опираться, чтобы уверенно отделить рациональное от нерационального? Ответ на этот важный

¹⁰ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М. : Территория будущего, 2005. С. 479.

¹¹ Кампос А. Д. Критика рационального гуманизма: историко-философский анализ идей Ф. Ницше : дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2010. С. 141.

¹² Эрн В. Ф. Сочинения. М. : Правда, 1991.

¹³ Эрн В. Ф. Указ. соч. С. 110.

¹⁴ Эрн В. Ф. Указ. соч. С. 215.

¹⁵ Зинченко С. А. Юридические факты в механизме правового регулирования. М. : Волтерс Клувер, 2007. С. 67.

¹⁶ Жирар Р. Козел отпущения // URL: <https://www.libfox.ru/369425-rene-zhirar-kozel-otpushcheniya.html> (дата обращения: 01.05.2023).

¹⁷ Жирар Р. Указ. соч.

вопрос дать крайне сложно, поскольку в науке уголовного процесса собственный терминологический аппарат по данному вопросу не сформирован, что понуждает нас обратиться к философии права, логике и социологии.

Гегель писал: «Если я хочу разумного, то я поступаю не как обособленный индивид, а согласно понятию нравственности вообще. Разумное — это дорога, по которой ходит каждый, на которой никто не выделяется»¹⁸. Таким образом, Гегель ставит знак равенства между разумным и нравственным. С этой позицией мы согласиться не можем в силу следующих причин: во-первых, многие вопросы повседневной жизни находятся за рамками нравственности, нравственно нейтральны, но от этого они не становятся нерациональными. Во-вторых, у различных групп общества могут несколько различаться этические требования и моральные нормы, что не делает их нерациональными. Особенно настораживает призыв Гегеля «не выделяться», то есть быть в русле общественных настроений, мыслить как часть общества. История знает множество примеров, когда общество (наиболее активные его прослойки) было генератором радикальных, деструктивных настроений и идей, а государственный аппарат — их проводником. Нельзя не вспомнить об абсурдном согласии большей части немецкого общества с нацистскими идеалами и устремлениями. Так, исследователь психологии масс Г. Лебон хотя и связывал величие народов с уровнем их нравственности и признавал, что цивилизация предполагает существование определенных правил, дисциплину, переход от инстинктивного к рациональному, предвидений будущего, более высокую степень культуры, но считал, что это всё условия, которых толпа, предоставленная сама себе, никогда не могла осуществить¹⁹.

Попытка заложить под рациональностью основание в виде нравственности не проходит проверку не только как не всегда являющееся

универсальным, то есть справедливым ко всем ситуациям, решение, но и в силу того, что некоторые ее формы могут носить противоречивый или негативный ценностный оттенок. С другой стороны, полностью исключать нравственное из рационального будет неоправданным. Более того, право, выступая в качестве нравственного минимума, не может игнорировать доминирующие в обществе ценности, порой носящие иррациональный характер. В качестве примера: уголовное судопроизводство значительного числа государств закрепляет такую форму участия общества в отправлении правосудия, как деятельность суда присяжных. Если отбросить всю патетику, связанную с институтом присяжных, очевидно, что он является иррациональным, поскольку предполагает участие неюрисстов в принятии серьезного правового решения, которое нередко основано на настроениях и предубеждениях. Здесь вспоминается отечественный опыт, когда в дореволюционной России присяжные оправдали террористку Засулич. Аналогией этому подходу будет привлечение к медицинскому консилиуму для решения вопроса о целесообразности оперативного вмешательства, например, инженеров или учителей, то есть непрофессионалов в этой сфере.

В качестве некоего промежуточного вывода мы беремся утверждать, что вплетенность нравственности в различные институты не позволяет квалифицировать тот или иной правовой элемент системы в качестве рационального или не рационального. Хотя торжество рационализма не могло не внушить идею о возможности построения обществ по тем же механическим законам силою изобретающего разума и творящей воли²⁰, механическое отношение к праву в принципе недопустимо, два плюс два в данной сфере не всегда дает четыре, и, как следствие, отделить рациональное от нерационального исключительно логическими методами не представляется возможным.

¹⁸ Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. С. 81.

¹⁹ Лебон Г. Психология масс / переводчики: Э. К. Пименова, А. Фридман. М. : Юрайт, 2023. С. 15.

²⁰ Шершеневич Г. Ф. Избранное : в 6 т. / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. Т. 4. М. : Статут, 2016. С. 100.

Рациональность и ценности: проблема соотношения

В своем неоднозначном труде «Закат Европы» О. Шпенглер интерпретирует рационализм как веру исключительно в результаты критического понимания, то есть в «рассудок»²¹. Рассудок, или здравый смысл, зачастую не предполагает существование какого-то единственно верного рецепта решения, модели поведения. Так, находясь в условиях, опасных для жизни, человек способен как ценой чужой жизни сохранить свою, так и, оставаясь верным своим ценностям, отказаться от рационального эгоизма и принести в жертву себя. Для уяснения системы мотивов человеческой деятельности целесообразно обратиться к парадигме понимающей социологии, а именно к разработкам М. Вебера по вопросу обусловленности социальных действий.

Данное направление ставит во главу угла человеческих поступков личную интерпретацию происходящего на основе имеющегося у человека мировоззрения, а не внешние факторы его существования. М. Вебер полагал, что социальное действие может быть ориентировано: 1) целерационально, то есть посредством расчета на определенное поведение предметов внешнего мира и других людей, которые тем самым используются действующим индивидом в качестве «условий» или «средств» реализации собственных рационально поставленных и взвешенных целей; 2) ценностно-рационально, благодаря сознательной вере в безусловную этическую, эстетическую, религиозную или как угодно еще толкуемую самоценность определенного поведения чисто как такового, независимо от его результата; 3) аффективно, в частности эмоционально, то есть воздействием непосредственных аффектов и эмоциональных состояний; 4) традиционно, то есть силой укоренившейся привычки²².

Приведенные четыре типа социального действия следует рассматривать в качестве исходных, или базовых, поскольку в повседнев-

ности они нередко смешиваются. Целерациональный тип является, простите за тавтологию, абсолютно рациональным подходом, соответствует закономерностям развития общества и предполагает ориентацию на достижение цели посредством адекватных средств. Ценностно-рациональный тип, хотя и не является аффективным по своей природе или проявлением какой-то традиционности, ориентирован на определенные ценности, которые субъективны и порой могут быть охарактеризованы как иррациональные. Уже упомянутый ранее институт присяжных, согласно системе М. В. Вебера, следует классифицировать в целом как ценностно-рациональный институт. Приведем крайне упрощенные примеры типов. Задержанное по подозрению в совершении преступления лицо может:

1) не давать признательных показаний, зная о недостаточности доказательств, свидетельствующих о его причастности к преступлению, для избегания уголовной ответственности или снижения ее вероятности или дать их в искаженном, выгодном для него виде (как попытка минимизировать ее негативные последствия), то есть действовать целерационально;

2) не давать показаний, руководствуясь так называемыми «понятиями» преступного мира, которые носят для него характер ценности, возведенной в абсолют, то есть действовать ценностно-рационально;

3) дать признательные показания и всячески содействовать органам предварительного следствия (как фактор, способный смягчить уголовное наказание), то есть действовать целерационально.

Безусловно, как уже отмечалось выше, в большинстве случаев действия субъектов ориентированы на более чем один способ. Так, лицо, не будучи причастным к совершенному преступлению, может давать свидетельские показания как в целях избегания ответственности по ст. 308 УК РФ, то есть действовать целерацио-

²¹ Шпенглер О. Закат Европы : очерки морфологии мировой истории / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М. : Мысль, 1998. Т. 2 : Всемирно-исторические перспективы. С. 318.

²² Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : пер. с нем. : в 4 т. / сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. Т. 1 : Социология. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 84.

нально, так и повинуюсь своему моральному долгу гражданина, то есть действуя ценностно-рационально, а может руководствоваться обоими мотивами.

Сугубо рациональный (целерациональный) подход к конструированию права крайне важен. Однако полный отказ от учета ценностно-нравственной составляющей права чреват негативными последствиями. Прагматизму «чистого» рационализма созвучна эффективность, являющаяся соотношением затрат и результата (эффекта). Высокая эффективность предполагает оперативное и максимально полное достижение поставленных целей с минимальными издержками. По мнению А. А. Тарасова, эффективность уголовного процесса в конечном счете — это эффективность использования властных полномочий должностных лиц и органов государства для защиты прав и законных интересов людей, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства²³. Подобный подход порой означает необходимость упрощения в ущерб должной правовой процедуре как фактору, усложняющему деятельность правоприменителя. Так, например, функционировавшие в СССР в 30-х гг. «тройки» были в высшей степени прагматичным, но пристрастным и отвергающим какой бы то ни было гуманизм инструментом внесудебной репрессии. Здесь можно вспомнить и действия героя фильма «Место встречи изменить нельзя» Глеба Жеглова, который, руководствуясь максимой «Вор должен сидеть в тюрьме», подкидывает антигерою фильма Косте Кирпичу кошелек для шантажа с целью получения оперативно значимой информации, то есть действует абсолютно целерационально, вразрез с законными требованиями и ценностями. Конечно, можно согласиться с авторами монографии «Следственная деятельность» в том, что «уголовная политика в первую очередь — государственная политика (понятие), а уж потом —

уголовная (ее определение). Следовательно, уголовная репрессия, угроза таковой — всегда не более чем инструмент в руках правящей элиты»²⁴. Это сухая констатация, однако могут ли выраженные в ней смыслы являться для нас идеалом или ориентиром?

Другим примером сугубо целерационального подхода к решению задач уголовной юстиции можно назвать узаконение пыток. Так, авторы упомянутой монографии, отмечая случаи применения пыток к задержанному для раскрытия тяжких преступлений в России, приводят практику применения пыток при допросе задержанных в Израиле, одобренную Высоким судом Израиля как «эффективное средство для получения информации, которая может спасти человеческие жизни»²⁵. И хотя мы не можем согласиться с утверждением авторов о том, что «современным обществом пытки не порицаются, особенно если они приносят быстрый и положительный эффект»²⁶, в пользу этого авторы не приводят результатов каких-либо социологических опросов, и в целом мы не склонны приписывать нашему обществу такие кроваво-жадные настроения. Тем не менее мы, даже теоретически не допуская возможность узаконения пыток, вынуждены признать в качестве факта то, что насилие может способствовать раскрытию преступления и восстановлению справедливости. Однако такой подход является деструктивным, поскольку оправдание или даже мысль о возможности узаконения пыток в прагматических целях идут вразрез с фундаментальными ценностями и идеалами общества и могут иметь серьезные негативные последствия, создать опасность пока еще неизвестных рисков.

Важно сделать оговорку: целерациональный подход не следует противопоставлять общественным ценностям, поскольку нормативные конструкции или действия, осуществляемые на их основе, могут в полной мере вписываться в

²³ Тарасов А. А. Рациональное и иррациональное в дискуссиях о развитии российского уголовного процесса // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 3. С. 106.

²⁴ Следственная деятельность : монография / под ред. д-ра юрид. наук Н. А. Колоколова. М. : Юрлитинформ, 2021. Кн. 1 : Anchetator. С. 66.

²⁵ Следственная деятельность. С. 65.

²⁶ Следственная деятельность. С. 62.

ценностную картину общества или по крайней мере быть нейтральными. Так или иначе, мы полностью согласны с мнением А. А. Новикова о том, что подлинно рациональный, действительно разумный путь человеческого развития — это не только глубоко продуманный и оптимально сбалансированный, но прежде всего нравственный путь, при котором долг, альтруизм, милосердие и прочие архаичные и, строго говоря, нерациональные факторы не вытесняются холодной расчетливостью и безупречной логикой и где истина не довлеет над совестью²⁷. Подобный синтетический подход позволяет встроить в паттерн рациональности имманентное субъективное, то есть, отказавшись от разрушительного безрассудства, учитывать вневременные ценности общества. Можно согласиться с Д. Финнисом в том, что «реальная проблема морали, а также смысла или значения человеческого существования — не в распознании основных аспектов человеческого благосостояния, а в объединении различных аспектов в рациональные и разумные убеждения, планы и действия, которые служат наполнению тех или иных прекрасных форм человеческой жизни»²⁸.

Затронув тему ценностей, нельзя обойти вниманием вопрос их субъективности. Авторами монографии «Факторы формирования государственно-правовой реальности» справедливо замечено, что ценности не могут возникнуть «сами по себе», вне зависимости от практики жизни людей. Это не означает абсолютной субъективности ценностей. Критерий объективности ценностей состоит в том, что сама жизнь (выживание) этого сообщества предполагает осознанное или неосознанное следование этой ценности. Именно привязка ценностей к сообществам, как указывают авторы, выходит за пределы субъективизма, и таким образом ценности являются необходимым элементом

жизни данного сообщества — в этом объективный статус ценностей²⁹. Это позволяет сделать вывод об объективной-субъективной природе ценностей в обществе, которые являются по своей сути детерминантами его существования.

Одной из ярких иллюстраций включенности категории «ценность» в правовую действительность является формулировка, содержащаяся в ч. 2 статьи 67.1 Конституции РФ: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога...». И со всей очевидностью упоминание Бога здесь следует рассматривать не как призыв к иррациональному освоению мира, а как закрепление непреходящей ценности религиозных убеждений народов нашей страны. Вместе с ценностями в приведенном тексте упоминаются идеалы. Закономерно возникает вопрос, о каких идеалах идет речь? Так, на определенном историческом этапе в нашем обществе властвовали в целом скомпрометировавшие себя коммунистические и сопряженные с ними мировоззренческие идеалы. Это является одной из причин того, что в законодательстве и в правоприменительной практике можно встретить ошибочные решения, являющиеся результатом следования сиюминутным конъюнктурным соображениям и увлечений мимолетными идеологическими аргументами и лозунгами. Мы же склонны полагать, что в тексте идет речь об общечеловеческих идеалах: свободе, равенстве, справедливости.

Профессор А. А. Тарасов метко выразился: «...нет сомнений в том, что теория и практика российского уголовного судопроизводства — это вечный полигон для апробации самых разных идей по поводу его существа, истории, этапов развития, но главное — по поводу судьбы российского уголовного процесса в целом и разных его институтов в частности»³⁰. Развивая

²⁷ Новиков А. А. Рациональность в ее истоках и утратах // Исторические типы рациональности. М. : ИФРАН, 1995. С. 28.

²⁸ Финнис Д. Естественное право и естественные права / пер. с англ. В. П. Гайдамака, А. В. Панихиной. М. ; Челябинск : ИРИСЭН, Социум, 2019. С. 53.

²⁹ Факторы формирования государственно-правовой реальности : монография / под ред. А. В. Попова. М. : Проспект, 2021. С. 13.

³⁰ Тарасов А. А. Указ. соч. С. 101.

это положение, можно сказать, что в условиях плюрализма правовых и политических начал, видов бытия нет какого-то одного, единственно верного рецепта построения уголовного судопроизводства. Даже внутри любой современной модели уголовного судопроизводства велик разброс представлений о должном, многообразен опыт реализации отдельных институтов. Между тем очевидно, что уголовное судопроизводство конкретного государства является ответом на социально-экономические вызовы, порой в чем-то ошибочным, но так или иначе выстраданным и, как правило, укладывающимся в принятые модели поведения.

Как справедливо выразился В. Чернухин, «право имеет бесконечную потребность в улучшении понимания того, как и почему люди ведут себя так, а не иначе»³¹, удовлетворение которой мы можем найти в других дисциплинах. В этой связи было бы интересно взглянуть на уголовное судопроизводство сквозь призму различных рационалистических воззрений, теорий и концепций. Разумеется, формат статьи не позволяет сделать это всеобъемлюще. Поэтому считаем целесообразным сделать анализ отдельного уголовно-процессуального института — института досудебного соглашения о сотрудничестве — через призму одного из фундаментальных рационалистических учений — теории рационального выбора и учения о преступлениях и подвигах П. Сорокина — с целью уяснения того, насколько адекватно данный институт в них вписывается. Наше обращение к уголовному судопроизводству, а не к какой-нибудь иной отрасли мы можем объяснить тем, что, как справедливо указывает Л. В. Головкин, «трудно найти отрасль права, больше пронизанную публично-правовым началом, нежели уголовно-процессуальное право»³², и это вкпе с его сопряженностью с ограничением прав и сво-

бод личности логически предполагает большую степень рациональности этой отрасли.

Уголовно-процессуальные формы по меркам теории рационального выбора и учения о преступлениях и подвигах П. А. Сорокина

Теория рационального выбора представляет собой собирательный термин, охватывающий существующие подходы к описанию рационального поведения субъектов, и находит свои истоки в классической политической экономии А. Смита и вышеупомянутой понимающей социологии М. Вебера. В качестве фундамента этих подходов выступает идея разумного и законосообразного устройства мира, а «основная проблема рационального выбора трактуется в наиболее общем виде как определение наилучшего варианта действий по достижению цели при ограниченных ресурсах»³³.

В литературе теория рационального выбора в большинстве случаев рассматривается применительно к институтам частного права, к сфере монопольной деятельности, торговле. Пионером применения указанных концепций к сфере уголовной юстиции можно назвать Гэри Беккера с его работой «Преступление и наказание: экономический подход»³⁴. Один из видных отечественных исследователей теоретических основ принятия решения профессор С. В. Микони отмечает, что «если рассматривать решение как конечную точку некоторого процесса, то оно всеохватно — его можно изучать не только с позиций оптимизации и интеллектуализации, но и с позиций логики, психологии, конфликтологии и других наук»³⁵. Беремся утверждать, что универсальный характер теории рационального выбора позволяет адаптировать те или иные ее элементы и к отдельным институтам уголовного процесса.

³¹ Чернухин В. Право хранить молчание // URL: https://zakon.ru/blog/2022/09/30/pravo_hranit_molchanie (дата обращения: 11.05.2023).

³² Головкин Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография. М. : Городец, 2022. С. 167.

³³ Швери Р., Козлова Л. А. Теория рационального выбора: аналитический обзор // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 43.

³⁴ См.: Pi D. Using Bounded Rationality to Fight Crime (February 10, 2013). URL: <https://ssrn.com/abstract=2214504>.

³⁵ Микони С. В. Теория и практика рационального выбора : монография. М. : Маршрут, 2004. С. 10.

Одной из основополагающих в теории рационального выбора является гипотеза рациональности актора, являющаяся отражением экономической концепции полезности и предполагающая склонность субъекта делать выбор, максимизирующий полезность. С. В. Микони под рациональным выбором понимает аналитический подход к принятию решения, основанный на выявлении и формализации закономерностей в соответствующей предметной области³⁶. В теории принятия решений взаимоисключающие варианты решений называют альтернативами, их совокупность — множеством альтернатив, а процесс выбора лучшей из имеющихся альтернатив — шагом принятия решения³⁷. Признак, применяемый для сравнения альтернатив на текущем шаге с целью выбора лучшей из них, называют критерием оценки³⁸.

В рамках уголовного судопроизводства в ряде ситуаций участник, взвешивая возможные правовые последствия (исходы) своего дальнейшего поведения, стоит перед выбором линии поведения. Взвешивая полезность той или иной альтернативы, участник опирается на качественные и количественные оценки последствий своих действий. В качестве примера: в уголовном судопроизводстве выделяются так называемые поощрительные формы уголовного судопроизводства, под которыми понимается «совокупность процедур, гарантий и условий, предназначенных для реализации уголовно-правовых поощрительных норм, фиксации оснований применения поощрения и разрешения уголовно-правового конфликта при позитивном, одобряемом государством и обществом, поведении лица, привлекаемого к уголовной ответственности»³⁹. В качестве признаков указанных

форм Г. С. Русман называет взаимовыгодность, выражающуюся в полезном сотрудничестве лица, привлекаемого к уголовной ответственности, потерпевшего, общества и государства, удовлетворяющих свой интерес в ускоренном и упрощенном виде с наименьшими временными затратами и расходами на производство по делу, и экономическую целесообразность и рационализацию поощрительных процедур, позволяющих достигнуть эффективного судопроизводства, отличающегося простотой и высокой социально-общественной значимостью взаимовыгодного сотрудничества лица, привлекаемого к уголовной ответственности, общества и государства⁴⁰.

В соответствии с ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ подозреваемый или обвиняемый вправе подать на имя прокурора ходатайство о заключении соглашения. Следует согласиться с мнением Г. С. Русман о том, что «разрешение уголовно-правового конфликта должно происходить на основании взаимовыгодного сотрудничества сторон в условиях эффективных и рациональных форм судопроизводства»⁴¹, и при характеристике данного уголовно-процессуального института напрашивается слово «сделка». Как следует из приказа Генерального прокурора РФ «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам»⁴², ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве должно содержать указание на действия, которые подозреваемый (обвиняемый) обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном пре-

³⁶ Микони С. В. Указ. соч. С. 8.

³⁷ Микони С. В. Указ. соч. С. 14–15.

³⁸ Микони С. В. Указ. соч. С. 15.

³⁹ Русман Г. С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2023. С. 22.

⁴⁰ Русман Г. С. Указ. соч. С. 22–23.

⁴¹ Русман Г. С. Указ. соч. С. 455.

⁴² Приказ Генерального прокурора РФ от 15.03.2010 № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» // Законность. 2010. № 6.

следовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления (добровольно участвовать в следственных действиях, проводимых как по возбужденному в отношении лица уголовному делу, так и по другим уголовным делам, в проведении оперативно-розыскных мероприятий, способствующих выявлению готовящегося, совершаемого или совершенного преступления, а также сообщать о месте нахождения разыскиваемого лица, имуществе, добытом преступным путем, о структуре преступной организации, ее руководителях и др.). То есть для органов правопорядка выгодность данного института выражается в упрощении сбора доказательств, изобличающих обвиняемых.

Для обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, не все аспекты этого соглашения могут быть выгодны. Так, выполнение обязательств, вытекающих из соглашения, может предполагать фактический отказ от свидетельского иммунитета. Как следует из постановления Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко»⁴³, в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве отказ от свидетельского иммунитета означает, что подозреваемый, обвиняемый обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, определенные действия, в том числе сообщить существенные для следствия сведения, изобличающие соучастников преступления и иных лиц, совершивших преступления.

Выгодность соглашения для лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, заключается в невозможности превышения максимального порога санкции — двух

третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания в виде лишения свободы (срок или размер, являющиеся качественными и количественными оценками) — наказания, которое может быть назначено судом, а при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктом «и» части первой ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не может превышать половину максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания. Предполагается, что указанная правовая гарантия является соразмерной и справедливой «наградой» для лица. Закономерно напрашивается вопрос: всегда ли это так?

Законодательство, регулируя множество потенциальных человеческих взаимодействий, может упускать из виду отдельные аспекты, которые могут иметь место в исключительно редких случаях. Лицо, с которым может быть заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, стремится облегчить свой путь, и определяющим в выборе альтернативы для него будет достижение пользы. В отдельных случаях эта польза может заключаться в стремлении избежать мести иных обвиняемых. Как известно, преступления, совершенные организованными группами и преступными сообществами, характеризуются повышенной общественной опасностью, значительным масштабом противоправной деятельности. Сами организованные группы и преступные сообщества нередко увязаны с коррупционными механизмами, порой сращены с отдельными должностными лицами правоохранительных органов, и при расследовании приведенной категории уголовных дел риск для обвиняемого — «потенциального контрагента досудебного соглашения о сотрудничестве» быть убитым самим или утраты близких не выглядят иллюзорным.

Как отмечает О. Н. Тисен, практика показывает, что при наличии реальной угрозы безопасности предусмотренных общими нормами материального права гарантий смягчения наказания недостаточно для стимулирования обвиняемых

⁴³ СЗ РФ. 2016. № 31. Ст. 5088.

к активному взаимодействию со следствием⁴⁴. В этой ситуации отбор, основанный на принципе полезности отбираемой и бесполезности отсеиваемой альтернативы, не будет в пользу досудебного соглашения о сотрудничестве. То есть непосредственные выгоды не смотрятся предпочтительными по отношению к долгосрочным издержкам: ценность жизни несоизмеримо выше перспективы снижения объема негативных последствий привлечения к уголовной ответственности. В этих условиях видится разумным увеличение выгод. Например, представляется возможным нормативное закрепление возможности полного освобождения от уголовной ответственности лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве по образцу США⁴⁵, в случае если в результате такового стало возможным раскрытие тяжких и особо тяжких преступлений, их пресечение и изобличение иных соучастников. При наличии подобной правовой возможности соглашение о сотрудничестве станет более конкурентным и, вероятно, во многих ситуациях более предпочтительным, чем «запирательство», и в конечном счете принесет больше пользы обществу.

Второй системой, заслуживающей, по нашему мнению, «примерки» на институт досудебного соглашения о сотрудничестве, является учение о преступлениях и подвигах П. А. Сорокина. В центре внимания данного социологического учения стоят человеческие поступки, а фундаментом всякой нормы, согласно ему, является социальная польза. В ходе исследования форм общественного поведения и морали, фундаментальных эмпирических обобщений и анализа социологических законов ученому удалось выявить ряд закономерностей в дан-

ной области, применимых и к правовым институтам.

Исходя из «характера психических переживаний» поступков и их полезности, П. А. Сорокин классифицирует⁴⁶ их:

а) на акты⁴⁷ дозволенно-должные, то есть соответствующие представлениям о «должном поведении»;

б) акты рекомендуемые. Такими актами для каждого человека будут акты, не противоречащие его представлениям о дозволенно-должном поведении, но представляющие сверхнормальную роскошь, избыток над необходимым минимумом поведения;

в) акты «запрещенные», или «недозволенные». Такими актами для каждого будут те акты, которые противоречат представлениям о «должном» и нарушают «должную» норму поведения.

«Акты рекомендуемые» ученый называет «подвигом» или «услугой» («услужные акты»), реакцию на них со стороны другого, воспринимающего их как акты рекомендуемые, — «наградой». «Актам запрещенным» ученый присваивает наименование «преступление», реакцию на них, понимаемых другими именно как акты запрещенные, называет наказанием⁴⁸. Далее автор конкретизирует: «...услужными являются те акты (как свои, так и чужие), которые, во-первых, не противоречат нашим “должным” шаблонам, во-вторых, выходят по своей “добродетельности” за пределы “обязанности”, в силу этого они добровольны и никто не может притязать на них, а равно выполняющий их не сознает себя “обязанным” выполнять их»⁴⁹.

В качестве черт «услужного акта» ученый называет:

⁴⁴ Тисен О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Оренбург, 2017. С. 3.

⁴⁵ См. более подробно: Холмогорова Н. Ю. «Сделка с правосудием» в России и США: сравнительно-правовой анализ процессуального законодательства // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26. Вып. 2. С. 87.

⁴⁶ Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М. : Астрель, 2006. С. 122.

⁴⁷ Здесь и далее под актами понимаются действия и бездействия людей (А.Ц.).

⁴⁸ Сорокин П. А. Указ. соч. С. 127.

⁴⁹ Сорокин П. А. Указ. соч. С. 163.

1) его непротиворечие с переживанием «долженствования». Он всегда рассматривается как морально положительный. Это происходит в силу того, что «должные» шаблоны поведения в силу «долженствования» всегда являются нормой и мерой «справедливости», представляя высшие сверхнормальные степени справедливости;

2) его «сверхнормальность», или избыток «добродетельности». Эта черта выражается в том, что притязать на эти акты или вменять их в обязанность нельзя;

3) добровольность⁵⁰.

Отмечая принцип возмездности в качестве общего закона социальной жизни, ученый указывает на наличие градации внешних проявлений услуги и соответственно с этим градации наград, ориентированных на их равноценность (принцип талиона, *Do, ut des*). Автор, анализируя закономерности наград и кар, приходит к выводу о том, что чем бóльшим будет приписываемый индивиду «подвиг», тем бóльшую «награду» он получает со стороны приписывающих. Таково положение дел теперь, таково же оно было в прошлом, пишет П. А. Сорокин, резюмируя: «...бóльшая услуга влечет за собой и бóльшую награду. Такова пропорциональность взаимоотношения услуги и награды, существовавшая на протяжении истории»⁵¹. Говоря об эволюционной тенденции кар и наград, ученый справедливо замечает, что категория «награда» не является статичной: «...сначала услуга влечет награду, состоящую в акте, аналогичном акту услуги. Но затем (по мере развития общества. — *примеч. А.Ц.*) услуга может вызвать наградной акт, эквивалентный самому акту услуги, но конкретно не тождественный с ним»⁵².

Ученым достаточно полно раскрыта закономерность в исследуемой области: «...весьма

многочисленный разряд поступков человеческих, поступков, которые вначале совершались лишь под влиянием наград, в дальнейшем, благодаря многократному повторению их — с одной стороны, и социально полезному их характеру — с другой, стали совершаться без наград, спонтанно и самопроизвольно»⁵³, становясь «внутренне потребным долгом»⁵⁴. Таким образом, детерминантой падения кар и наград является рост социальности или, как выразился П. А. Сорокин, «постепенное нравственное восхождение на новые и новые ступени»⁵⁵. И наоборот, «кривая наград и кары делает подъем» в период общественного кризиса, увеличения конфликтности и антагонизма в обществе, а также «тогда, когда государство находится в периоде “сбирания и усиленного расширения границ”»⁵⁶. Квинтэссенцию учения можно выразить положением (являющимся, по сути, социальной закономерностью) о том, что «преступно-карательные и службно-наградные акты представляют параллелизм как в своем составе, так и в своей общественной роли, что они совместно подчинены одним и тем же общественным условиям, в зависимости от колебаний которых стоит состав и объем преступно-карательных и службно-наградных актов, и что, наконец, оба разряда актов поведения проникнуты одною и тою же основной тенденцией»⁵⁷.

В контексте рассмотренного учения действия лица по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве и вытекающие из него следствия представляются «услугой». Однако в существующем виде нормативная конструкция соглашения не всегда обеспечивает равноценность «награды» «услуге», в отдельных ситуациях не обеспечивается необходимая дифференциация. Несмотря на положительную динамику преступности в России, самое высокое коли-

⁵⁰ Сорокин П. А. Указ. соч. С. 163–164.

⁵¹ Сорокин П. А. Указ. соч. С. 451.

⁵² Сорокин П. А. Указ. соч. С. 207.

⁵³ Сорокин П. А. Указ. соч. С. 446.

⁵⁴ Сорокин П. А. Указ. соч. С. 450.

⁵⁵ Сорокин П. А. Указ. соч.

⁵⁶ Сорокин П. А. Указ. соч. С. 472.

⁵⁷ Сорокин П. А. Указ. соч. С. 508.

чество жертв насильственных преступлений в Европе, согласно данным⁵⁸ Управления ООН по наркотикам и преступности за 2021 г., и «увеличение объема латентных наркопреступлений»⁵⁹, представляющих, по мнению отдельных авторов, «большую угрозу, чем религиозный экстремизм»⁶⁰, «весьма глубокое проникновение явления наркотизации вглубь общества»⁶¹ позволяют охарактеризовать имеющуюся ситуацию как околокризисную, оправдывающую, согласно приведенному учению П. А. Сорокиной, увеличение наград в сфере уголовной юстиции. Дополнительным аргументом в пользу этого является происходящее усиление «кар» в уголовном законодательстве. В последнее время была ужесточена ответственность за воинские преступления и ответственность за создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ), введена ответственность за преступления, связанные с диверсионной деятельностью (ст. 281.1, 281.2 и 281.3 УК РФ), новые составы преступлений в сфере гособоронзаказа (ст. 201.2 «Нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа»), воинские преступления (ст. 352.1 «Добровольная сдача в плен», ст. 356.1 «Мародерство») и др. Одновременно с этим мы были очевидцами

того, как государство в отсутствие надлежащих правовых механизмов пошло на экстраординарную меру: были освобождены от наказания осужденные к реальному лишению свободы, вызвавшиеся участвовать в СВО, в чем мы ничего предосудительного не видим и можем лишь констатировать соответствие этого шага закономерностям, выявленным П. А. Сорокиным. Уже в настоящее время эта мера вошла в правовое пространство⁶². Сказанное свидетельствует в пользу необходимости ранее сделанного предложения о закреплении возможности полного освобождения от уголовной ответственности лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Заключение

В заключение согласимся с мнением французского ученого Ж. Батая о том, что человеческая жизнь, не сводимая к юридическому «существованию», реальная человеческая жизнь на земном шаре, затерянном в небесном пространстве, перетекающая из ночи в день и из края в край, ни в коем случае не может быть ограничена замкнутыми системами, втискивающимися в ее рассудочные концепции⁶³. Тем не менее человечеству присущи стремление к познанию действительности, нередко осуще-

⁵⁸ Victims of intentional homicide // URL: <https://dataunodc.un.org/ru/dp-intentional-homicide-victims> (дата обращения: 01.05.2023).

⁵⁹ См., например: Готчина Л. В. Криминологическая характеристика российской наркопреступности: структура, динамика и прогноз // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 4. С. 767–775.

⁶⁰ Готчина Л. В. Указ. соч. С. 772.

⁶¹ Тепляшин П. В. Состояние наркопреступности в Российской Федерации: основные криминологические показатели и тенденции // Lex russica (Русский закон). 2017. № 10 (131). С. 147–157.

⁶² Федеральным законом от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» (СЗ РФ. 2023. № 26. Ст. 4678) создана возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации, заключающих (заключивших) контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации либо проходящих военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, совершивших преступления небольшой или средней тяжести или имеющих судимость (по ряду составов преступлений применение данного основания освобождения от уголовной ответственности невозможно).

⁶³ Батай Ж. Проклятая доля / пер. с фр. Б. Скуратова, П. Хицкого. М.: Гнозис: Логос, 2003. С. 203.

ствляемое посредством экстраполяции выявленных в какой-либо области закономерностей на смежные, попытки втиснуть окружающую действительность в какие-либо системы с целью ее упорядочения. Так, приведенные примеры, по нашему мнению, наглядно свидетельствуют о том, что уголовное судопроизводство вписывается в рационалистическую систему Вебера, что позволяет открыть новые его грани.

Ж. Батай, предпринявший попытку создать некую сакральную теорию экономики, задавался вопросом: «Может быть, уместно изучать систему человеческого производства и потребления в рамках какой-то более обширной совокупности?»⁶⁴. Мы задаемся таким же вопросом, но применительно к праву в целом и уголовному судопроизводству в частности. Было бы наивным считать право самодовлеющим явлением. Право, являясь социальным институтом, подчинено закономерностям общественной жизни, исследуемым в других дисциплинах. Именно социальные,

экономические и политические условия жизни общества, изучаемые этими отраслями, являются объективной основой права, а не наоборот. В этой связи мы выражаем убежденность в том, что право не должно замыкаться на себе, а исследование тех или иных правовых явлений через призму рационалистических теорий и учений иных социальных наук под тем или иным углом даст убедительное объяснение правовым явлениям, позволит вскрыть недостатки существующих правовых конструкций, спрогнозировать их будущее состояние и наметить пути совершенствования. Так, обращение к положениям теории рационального выбора уместно в ситуациях, сопряженных с принятием одного из нескольких возможных решений. Затронутое учение о преступлениях и подвигах оперирует категориями «награда» и «наказание», имеющими крайне широкую социальную функцию, что, соответственно, позволяет исследовать с его позиций крайне широкий спектр правовых институтов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аристотель*. Никомахова этика // URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel.Nikomakhova.pdf> (дата обращения: 15.06.2023).
2. *Батай Ж.* Проклятая доля / пер. с фр. Б. Скуратова, П. Хицкого. — М. : Гнозис : Логос, 2003. — 208 с.
3. *Бердяев Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества — М. : Правда, 1989. — 607 с.
4. *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. / сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Т. 3 : Право. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 336 с.
5. *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. / сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Т. 1 : Социология. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 445 с.
6. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. — М. : Территория будущего, 2005. — 800 с.
7. *Гегель Г. В. Ф.* Философия права : пер. с нем. / ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсисянц ; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсисянц. — М. : Мысль, 1990. — 524 с.
8. *Головкин Л. В.* Государство и его уголовное судопроизводство : монография. — М. : Городец, 2022. — 464 с.
9. *Готчина Л. В.* Криминологическая характеристика российской наркопреступности: структура, динамика и прогноз // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11. — № 4. — С. 767–775.
10. *Жирар Р.* Козел отпущения // URL: <https://www.libfox.ru/369425-rene-zhirar-kozel-otpushcheniya.html> (дата обращения: 01.05.2023).

⁶⁴ *Батай Ж.* Указ. соч. С. 16.

11. *Зинченко С. А.* Юридические факты в механизме правового регулирования. — М. : Волтерс Клувер, 2007. — 152 с.
12. *Кампос А. Д.* Критика рационального гуманизма: историко-философский анализ идей Ф. Ницше : дис. ... канд. филос. наук. — Саратов, 2010. — 157 с.
13. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лёзова. — 2-е изд. — СПб. : АЛЕФ-Пресс, 2015. — 542 с.
14. *Конев А. Н.* Идеологические основы современного уголовного судопроизводства России : монография / под. науч. ред. М. П. Полякова. — М. : Проспект, 2021. — 416 с.
15. *Лебон Г.* Психология масс / переводчики: Э. К. Пименова, А. Фридман. — М. : Юрайт, 2023. — 264 с.
16. *Микони С. В.* Теория и практика рационального выбора : монография. — М. : Маршрут, 2004. — 463 с.
17. *Монтескьё Ш.* О духе законов // URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.O_dukhe.pdf (дата обращения: 15.06.2023).
18. *Москвитин Г. И., Миндубаева Н. А.* Особенности принятия решений, опирающиеся на нормативную и дескриптивную теории // Экономическая наука в XXI веке: вопросы теории и практики : сборник материалов XV Международной научно-практической конференции (Махачкала, 24 декабря 2017 г.). — Махачкала, 2017. — С. 69–71.
19. *Новиков А. А.* Рациональность в ее истоках и утратах // Исторические типы рациональности. — М. : ИФРАН, 1995 г. — С. 27–48.
20. *Русман Г. С.* Поощрительные формы уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. — Челябинск, 2023. — 564 с.
21. *Синха С. П.* Юриспруденция. Философия права. Краткий курс : пер. с англ. — М. : Издательский центр «Академия», 1996. — 304 с.
22. Следственная деятельность : монография. Кн. 1 : Anchetator / под ред. д-ра юрид. наук Н. А. Колоколова. — М. : Юрлитинформ, 2021. — 232 с.
23. *Случевский В. К.* Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство — судопроизводство. — 4-е изд., доп. и испр. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. — 684 с.
24. *Соловьев В.* Право и нравственность: Очерки из прикладной этики. — 2-е изд. — СПб. : Изд. Я. Канторовича, 1899. — 187 с.
25. *Сорокин П. А.* Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / вступ. ст., сост. и примеч. В. В. Сапова. — М. : Астрель, 2006. — 618 с.
26. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. — М. : Политиздат, 1992. — 543 с.
27. *Тарасов А. А.* Рациональное и иррациональное в дискуссиях о развитии российского уголовного процесса // Журнал российского права. — 2023. — Т. 27. — № 3. — С. 100–112.
28. *Тепляшин П. В.* Состояние наркопреступности в Российской Федерации: основные криминологические показатели и тенденции // Lex russica (Русский закон). — 2017. — № 10 (131). — С. 147–157.
29. *Тисен О. Н.* Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Оренбург, 2017. — 487 с.
30. Факторы формирования государственно-правовой реальности : монография / под ред. А. В. Попова. — М. : Проспект, 2021. — 176 с.
31. *Финнис Д.* Естественное право и естественные права / пер. с англ. В. П. Гайдамака, А. В. Панихиной. — М. ; Челябинск : ИРИСЭН, Социум, 2019. — 554 с.
32. *Фома Аквинский.* Сумма теологии. Т. 6 // URL: https://download.librebook.me/download/formats/36/64/20_7505.pdf (дата обращения: 15.06.2023).
33. *Холмогорова Н. Ю.* «Сделка с правосудием» в России и США: сравнительно-правовой анализ процессуального законодательства // Вестник Удмуртского университета. — 2016. — Т. 26. — Вып. 2. — С. 84–88.

34. Чернухин В. Право хранить молчание // URL: https://zakon.ru/blog/2022/09/30/pravo_hranit_molchanie (дата обращения: 11.05.2023).
35. Швери Р., Козлова Л. А. Теория рационального выбора: аналитический обзор // Социологический журнал. — 1995. — № 2. — С. 43–56.
36. Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения : пер. с нем. : в 2 т. Т. 1 / сост., ред., авт. вступ. ст. А. В. Гулыга. — М. : Мысль, 1987. — 637 с.
37. Шершеневич Г. Ф. Избранное : в 6 т. Т. 4 / вступ. слово, сост. П. В. Крашенинников. — М. : Статут, 2016. — 752 с.
38. Шпенглер О. Закат Европы : очерки морфологии мировой истории / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. Т. 2 : Всемирно-исторические перспективы. — М. : Мысль, 1998. — 606 с.
39. Эрих В. Ф. Сочинения. — М. : Правда, 1991. — 576 с.

Материал поступил в редакцию 14 июля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aristotel. Nikomakhova etika // URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel.Nikomakhova.pdf> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
2. Batay Zh. Proklyataya dolya / per. s fr. B. Skuratova, P. Khitskogo. — M.: Gnozis: Logos, 2003. — 208 s.
3. Berdyaev N. A. Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva — M.: Pravda, 1989. — 607 s.
4. Veber M. Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii: v 4 t. / sost., obshch. red. i predisl. L. G. Ionina; Natsionalnyy issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki». T. 3: Pravo. — M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2016. — 336 s.
5. Veber M. Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii: v 4 t. / sost., obshch. red. i predisl. L. G. Ionina; Natsionalnyy issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki». T. 1: Sotsiologiya. — M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2016. — 445 s.
6. Vladimirovskiy-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava. — M.: Territoriya budushchego, 2005. — 800 s.
7. Gegel G. V. F. Filosofiya prava: per. s nem. / red. i sost. D. A. Kerimov i V. S. Nersesyants; avt. vstup. st. i primech. V. S. Nersesyants. — M.: Mysl, 1990. — 524 s.
8. Golovko L. V. Gosudarstvo i ego ugovnoe sudoproizvodstvo: monografiya. — M.: Gorodets, 2022. — 464 s.
9. Gotchina L. V. Kriminologicheskaya kharakteristika rossiyskoy narkoprestupnosti: struktura, dinamika i prognoz // Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal. — 2017. — T. 11. — № 4. — S. 767–775.
10. Zhirar R. Kozel otpushcheniya // URL: <https://www.libfox.ru/369425-rene-zhirar-kozel-otpushcheniya.html> (data obrashcheniya: 01.05.2023).
11. Zinchenko S. A. Yuridicheskie fakty v mekhanizme pravovogo regulirovaniya. — M.: Volters Kluver, 2007. — 152 s.
12. Kampos A. D. Kritika ratsionalnogo gumanizma: istoriko-filosofskiy analiz idey F. Nitsshe: dis. ... kand. filos. nauk. — Saratov, 2010. — 157 s.
13. Kelzen G. Chistoe uchenie o prave / per. s nem. M. V. Antonova i S. V. Lezova. — 2-e izd. — SPb.: Alef-Press, 2015. — 542 s.
14. Konev A. N. Ideologicheskie osnovy sovremennogo ugovnogo sudoproizvodstva Rossii: monografiya / pod. nauch. red. M. P. Polyakova. — M.: Prospekt, 2021. — 416 s.
15. Lebon G. Psikhologiya mass / perevodchiki: E. K. Pimenova, A. Fridman. — M.: Yurayt, 2023. — 264 s.
16. Mikoni S. V. Teoriya i praktika ratsionalnogo vybora: monografiya. — M.: Marshrut, 2004. — 463 s.
17. Monteske Sh. O dukhe zakonov // URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.O dukhe.pdf> (data obrashcheniya: 15.06.2023).

18. Moskvitin G. I., Mindubaeva N. A. Osobennosti prinyatiya resheniy, opirayushchiesya na normativnuyu i deskriptivnuyu teorii // *Ekonomicheskaya nauka v XXI veke: voprosy teorii i praktiki: sbornik materialov XV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Makhachkala, 24 dekabrya 2017 g.)*. — Makhachkala, 2017. — S. 69–71.
19. Novikov A. A. Ratsionalnost v ee istokakh i utratkakh // *Istoricheskie tipy ratsionalnosti*. — M.: IFRAN, 1995 g. — S. 27–48.
20. Rusman G. S. Pooshchritelnye formy ugolovnoy sudoproizvodstva: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Chelyabinsk, 2023. — 564 s.
21. Sinkha S. P. Yurisprudentsiya. Filosofiya prava. Kratkiy kurs: per. s angl. — M.: Izdatelskiy tsentr «Akademiya», 1996. — 304 s.
22. Sledstvennaya deyatel'nost': monografiya. Kn. 1: Anchetator / pod red. d-ra yurid. nauk N. A. Kolokolova. — M.: Yurlitinform, 2021. — 232 s.
23. Sluchevskiy V. K. Uchebnyy kurs russkogo ugolovnoy protsessy. Sudoustroystvo — sudoproizvodstvo. — 4-e izd., dop. i ispr. — SPb.: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1913. — 684 s.
24. Solovev V. Pravo i npravstvennost: Ocherki iz prikladnoy etiki. — 2-e izd. — SPb.: Izd. Ya. Kantorovicha, 1899. — 187 s.
25. Sorokin P. A. Prestuplenie i kara, podvig i nagrada: sotsiologicheskyy etyud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniya i morali / vstup. st., sost. i primech. V. V. Sapova. — M.: Astrel, 2006. — 618 s.
26. Sorokin P. A. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo: per. s angl. / obshch. red., sost. i predisl. A. Yu. Sogomonov. — M.: Politizdat, 1992. — 543 s.
27. Tarasov A. A. Ratsionalnoe i irratsionalnoe v diskussiyakh o razvitiy rossiysskogo ugolovnoy protsessy // *Zhurnal rossiysskogo prava*. — 2023. — T. 27. — № 3. — S. 100–112.
28. Teplyashin P. V. Sostoyaniye narkoprestupnosti v Rossiyskoy Federatsii: osnovnyye kriminologicheskyye pokazateli i tendentsii // *Lex russica (Russkiy zakon)*. — 2017. — № 10 (131). — S. 147–157.
29. Tisen O. N. Teoreticheskiye i prakticheskiye problemy instituta dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve v rossiysskom ugolovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — Orenburg, 2017. — 487 s.
30. Faktory formirovaniya gosudarstvenno-pravovoy realnosti: monografiya / pod red. A. V. Popova. — M.: Prospekt, 2021. — 176 s.
31. Finnis D. Estestvennoe pravo i estestvennyye prava / per. s angl. V. P. Gaydamaka, A. V. Panikhinoy. — M.; Chelyabinsk: IRISEN, Sotsium, 2019. — 554 s.
32. Foma Akvinskiy. Summa teologii. T. 6 // URL: https://download.librebook.me/download/formats/36/64/20_7505.pdf (data obrashcheniya: 15.06.2023).
33. Kholmogorova N. Yu. «Sdelka s pravosudiyem» v Rossii i SShA: sravnitel'no-pravovoy analiz protsessual'nogo zakonodatel'stva // *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. — 2016. — T. 26. — Vyp. 2. — S. 84–88.
34. Chernukhin V. Pravo khranit molchanie // URL: https://zakon.ru/blog/2022/09/30/pravo_hranit_molchanie (data obrashcheniya: 11.05.2023).
35. Shveri R., Kozlova L. A. Teoriya ratsional'nogo vybora: analiticheskiy obzor // *Sotsiologicheskyy zhurnal*. — 1995. — № 2. — S. 43–56.
36. Shelling F. V. Y. Sochineniya: per. s nem.: v 2 t. T. 1 / sost., red., avt. vstup. st. A. V. Gulyga. — M.: Mysl, 1987. — 637 s.
37. Shershenevich G. F. Izbrannoe: v 6 t. T. 4 / vstup. slovo, sost. P. V. Krasheninnikov. — M.: Statut, 2016. — 752 s.
38. Shpengler O. Zakat Evropy: ocherki morfologii mirovoy istorii / per. s nem., vstup. st. i primech. K. A. Svasyana. T. 2: Vsemirno-istoricheskiye perspektivy. — M.: Mysl, 1998. — 606 s.
39. Ern V. F. Sochineniya. — M.: Pravda, 1991. — 576 s.

Геномные исследования и искусственный интеллект: проблемы правового регулирования на глобальном и региональном уровне

Аннотация. Авторы рассматривают тенденции и особенности развития нормативного регулирования проведения геномных исследований в контексте цифровизации на уровне глобальных и региональных международных организаций, включая интеграционные объединения. Проанализированы действующие в современном международном и интеграционном праве источники правового регулирования применения технологий искусственного интеллекта в сфере геномных исследований, выявлены основные тенденции развития глобальной и региональной регуляторики. Обращено внимание на то, что ключевые международные акты, принятые как на глобальном, так и на региональном уровне и регулирующие те или иные аспекты проведения геномных исследований, представляют собой так называемые акты мягкого права, которые являются рекомендательными и составляют своего рода «предправо». В заключение представлены рекомендации по усовершенствованию релевантного правового регулирования в рамках интеграционных объединений с участием Российской Федерации.

Ключевые слова: геномные исследования; глобальное регулирование; этика; региональное регулирование; интеграционные объединения; искусственный интеллект; цифровизация; большие данные; защита прав участников геномных исследований; цифровые технологии; прозрачность; принципиальные положения.

Для цитирования: Пономарёва Д. В., Некотенева М. В. Геномные исследования и искусственный интеллект: проблемы правового регулирования на глобальном и региональном уровне // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 3. — С. 168–179. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.168-179.

© Пономарёва Д. В., Некотенева М. В., 2024

* Пономарёва Дарья Владимировна, кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедрой практической юриспруденции, старший научный сотрудник Центра права и биоэтики в сфере геномных исследований и применения генетических технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
dvroman@msal.ru

** Некотенева Мария Владимировна, кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедрой интеграционного и европейского права, старший научный сотрудник Центра права и биоэтики в сфере геномных исследований и применения генетических технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
maria7roman@yandex.ru

Genomic Research and Artificial Intelligence: Problems of Legal Regulation at the Global and Regional Levels

Darya V. Ponomareva, Cand. Sci. (Law), Deputy Head of the Department of Practical Law, Senior Researcher, Center for Law and Bioethics in the Field of Genomic Research and Application of Genetic Technologies, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
dvponomareva@msal.ru

Maria V. Nekoteneva, Cand. Sci. (Law), Deputy Head of the Department of Integration and European Law, Senior Researcher, Center for Law and Bioethics in the Field of Genomic Research and Application of Genetic Technologies, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
maria7roman@yandex.ru

Abstract. The authors examine the trends and features of the development of legal regulation of genomic research in the context of digitalization at the level of global and regional international organizations, including integration associations. The current sources of legal regulation of the use of artificial intelligence technologies in the field of genomic research in modern international and integration law are analyzed, and the main trends in the development of global and regional regulation are identified. Attention is given to the fact that key international acts adopted both at the global and regional levels, and regulating certain aspects of genomic research, are so-called acts of soft law, which are advisory and constitute a kind of «pre-law». In conclusion, recommendations are presented for improving the relevant legal regulation within the framework of integration associations with the participation of the Russian Federation.

Keywords: genomic research; global regulation; ethics; regional regulation; integration associations; artificial intelligence; digitalization; big data; protection of the rights of participants in genomic research; digital technologies; transparency; fundamental provisions.

Cite as: Ponomareva DV, Nekoteneva MV. Genomic Research and Artificial Intelligence: Problems of Legal Regulation at the Global and Regional Levels. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(3):168-179. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.168-179

Введение

В настоящее время цифровые технологии становятся неотъемлемой частью жизни человека. Сфера развития генетических технологий и геномных исследований в данном контексте не является исключением. Проникновение цифровизации в область геномных исследований как тенденция присуща различным государствам, ведь цифровые технологии сегодня обеспечивают стремительное развитие персонализированной медицины, способствуют ускоренному принятию управленческих решений. К исполь-

зуемым в рассматриваемой сфере технологиям относят: большие данные (big data), позволяющие проводить предиктивный анализ ДНК; телемедицину и мобильные медицинские технологии (mHealth), столь необходимые для проведения дистанционного мониторинга здоровья; технологии блокчейн (blockchain tech), способствующие обеспечению безопасности, а также достоверности обработки данных; медицинский интернет вещей (Internet of things) и искусственный интеллект (artificial intelligence (AI)), демонстрирующий новые возможности для диагностики и лечения¹.

¹ См.: Зайдуллин Р. Будущее уже наступило: как искусственный интеллект применяется в медицине // URL: <https://vc.ru/future/32237-budushchee-uzhe-nastupilo-kak-iskusstvennyy-intellekt-primenyaetsya-v-medicine> (дата обращения: 15.06.2023).

При этом особое внимание сегодня в контексте развития геномных исследований уделено именно искусственному интеллекту. В 2021 г. исследователи из Гарвардской медицинской школы и Оксфордского университета представили инструмент искусственного интеллекта под названием EVE (Evolutionary model of Variant Effect), использующий сложный тип машинного обучения для обнаружения генетической изменчивости у сотен тысяч видов организмов, что позволит в дальнейшем обеспечить прогнозирование влияния различных вариаций генов на здоровье человека². В 2020 г. Институт автоматизации и процессов управления Российской академии наук представил технологию искусственного интеллекта, которая позволяет диагностировать заболевания и уровень здоровья в целом для разработки индивидуальной программы реабилитации. При этом искусственный интеллект диагностирует физическое здоровье человека не только исходя из его морфологических и психологических особенностей, но также на основании закономерностей онтогенеза человека, формирующих резервные возможности организма³.

Несмотря на очевидную пользу применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в сфере общественного здравоохранения (в том числе в контексте проведения геномных исследований), возникают вполне закономерные вопросы правового и этического характера: как обеспечить защиту персональных данных участников геномных исследований при их обработке? как противодействовать возможным случаям дискриминации по признаку генетического статуса в связи с результатами обработки данных? как установить баланс между обеспе-

чением защиты прав человека, участвующего в геномных исследованиях с применением технологий ИИ, и свободой научных исследований? На эти и другие проблемные вопросы приняты попытки дать ответ как на глобальном уровне, так и на региональном и национальном уровнях⁴.

В статье проанализированы действующие в современном международном и интеграционном праве источники правового регулирования применения технологий искусственного интеллекта в сфере геномных исследований, выявлены основные тенденции развития глобальной и региональной регуляторики. В заключение представлены рекомендации по усовершенствованию релевантного правового регулирования в рамках интеграционных объединений с участием Российской Федерации.

1. Глобальное регулирование

Большое значение для развития применения цифровых технологий в сфере генетических исследований (в особенности если речь идет об обеспечении общественного здравоохранения) имеет принятая Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) Глобальная стратегия развития цифрового здравоохранения на 2020–2025 годы⁵ (далее — Глобальная стратегия), базирующаяся на резолюциях, принятых Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций⁶ и Всемирной ассамблеей здравоохранения⁷.

Цель Глобальной стратегии заключается в укреплении систем здравоохранения путем применения цифровых технологий здравоохранения для потребителей, медицинских

² URL: <https://lenta.ru/articles/2021/11/01/genes/> (дата обращения: 19.06.2023).

³ *Фершт В. М., Латкин А. П., Иванова В. Н.* Современные подходы к использованию искусственного интеллекта в медицине // Территория новых возможностей. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-ispolzovaniyu-iskusstvennogo-intellekta-v-meditsine> (дата обращения: 19.06.2023).

⁴ С учетом обозначенной темы статьи анализ национального законодательства о применении технологий искусственного интеллекта в геномных исследованиях не приводится.

⁵ Global strategy on digital health 2020–2025. WHO, 2019 // URL: <https://www.who.int/docs/default-source/documents/> (дата обращения: 19.06.2023).

⁶ United Nations General Assembly resolutions 73/218 (2019) and 70/125 (2016).

⁷ Resolutions WHA58.28 (2005), WHA66.24 (2013), WHA69.24 (2016) and WHA71.7 (2018).

работников, поставщиков медицинских услуг и промышленности в целях расширения прав и возможностей пациентов и в интересах здравоохранения для всех социальных групп. Глобальная стратегия затрагивает следующие разновидности цифровых технологий: интернет вещей, большие данные, искусственный интеллект, робототехника, машинное обучение.

Стратегическая цель этого документа заключается в поддержке государств в разработке и реализации собственных стратегий в области цифровизации здравоохранения, которые должны отражать национальный контекст, ситуацию, тенденции, политики, ресурсы и ценности.

Особое значение в рамках формулировки основной цели Глобальной стратегии придается необходимости приравнять данные о здоровье человека к конфиденциальным персональным данным, что предполагает выработку высоких стандартов обеспечения безопасности и защиты таких данных от несанкционированного доступа. Для достижения данной цели необходимо разработать эффективное правовое регулирование, направленное на обеспечение защиты неприкосновенности частной жизни, конфиденциальности данных, в том числе способствующее решению вопросов кибербезопасности и создающее условия для безопасного обмена такими данными в целях планирования, практической реализации и преобразования соответствующих услуг. Разрабатываемые процедуры должны отвечать требованиям прозрачности и способствовать эффективному информированию о стратегиях защиты данных. Безусловно, данное положение всецело применимо к генетическим исследованиям, являющимся частью персонализированной медицины.

Развитию генетических технологий, их внедрению в сферу здравоохранения способствует положение Глобальной стратегии о необходимости обеспечить преодоление основных препятствий, с которыми сталкиваются развивающиеся страны в области цифровизации здравоохранения, а именно: отсутствие благоприятных условий, достаточных ресурсов, инфраструктуры;

система образования, не отвечающая вызовам настоящего времени; нехватка кадров, финансовых инвестиций; неустойчивое подключение к Интернету; наличие нерешенных вопросов, касающихся унаследованной инфраструктуры и технологий; сложности в обеспечении гарантий неприкосновенности частной жизни, безопасности, внедрения и использования международных стандартов. Повышению инвестиционной привлекательности, а также гарантий устойчивости, качества, безопасности и защиты разработок в области цифрового здравоохранения будет способствовать принятие соответствующих нормативных правовых актов (пп. 30, 34 Глобальной стратегии).

Еще одним значимым документом, принятым на глобальном уровне и затрагивающим применение цифровых технологий (в частности, технологий искусственного интеллекта) в различных сферах (включая их использование в сфере здравоохранения и научных исследований), являются Рекомендации ЮНЕСКО об этических аспектах искусственного интеллекта 2021 г. (документ подписали 193 государства)⁸. Этот рамочный программный документ, акт «мягкого права», регулирующий сферу ИИ-технологий и потенциальные социальные последствия использования таких технологий, основывается на нравственных принципах, а также на принципе уважения прав человека и основных свобод, доступе к данным, информации и знаниям, нормах международного и национального права, принципе свободы научно-исследовательской и инновационной деятельности. При этом этические ценности и принципы должны отражать задачи и возможности уровня развития технологий искусственного интеллекта.

Под этическим применением искусственного интеллекта в Рекомендациях ЮНЕСКО понимается «систематическое нормативное осмысление этических аспектов ИИ на основе эволюционирующей комплексной системы взаимосвязанных ценностных установок, принципов и процедур, способное ориентировать общества в вопросах ответственного учета известных и

⁸ Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence // URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus (дата обращения: 19.06.2023).

неизвестных последствий применения ИИ-технологий для людей, сообществ, окружающей природной среды и экосистем, а также служить основой для принятия решений, касающихся применения или отказа от применения технологий на основе ИИ». Необходимо отметить, что этические принципы по своему значению и содержанию не приравниваются к нормам права, а выступают в качестве гибкого инструмента для нормативной оценки и методического руководства в вопросах применения технологий на основе ИИ. При этом во главу угла ставится благополучие человека и недопущение нанесения вреда как некий целевой ориентир.

В Рекомендациях ЮНЕСКО отмечается, что развитие искусственных интеллектуальных систем поднимает этические вопросы нового типа, к которым относятся: влияние технологий искусственного интеллекта на процесс принятия решений; взаимодействие между людьми; развитие медицины и образования в контексте цифровизации; обеспечение доступа к информации и неприкосновенности частной жизни; проблема дискриминации. Технологии искусственного интеллекта открывают новые исследовательские возможности и создают основу для принятия управленческих решений в оперативном порядке.

Рекомендации ЮНЕСКО сформулировали критерии, на основании которых должен определяться выбор конкретного метода применения ИИ-системы в той или иной сфере. К таким критериям относятся следующие:

- а) выбранный метод является оптимальным и соразмерным для достижения законных целей;
- б) выбранный метод не противоречит базовым ценностным установкам, сформулированным в Рекомендациях ЮНЕСКО;
- с) выбранный метод подходит для конкретных условий и основывается на подтвержденных результатах научных исследований. Если речь идет об использовании технологий ИИ для принятия жизненно важных решений, то окончательное решение должно оставаться за человеком.

Как и в Глобальной стратегии, в Рекомендациях ЮНЕСКО значительное внимание уделено

вопросам обеспечения неприкосновенности частной жизни и защиты данных. Отмечается, что за разработку рамочных принципов защиты данных и механизмов управления ими должны отвечать национальные или наднациональные институты или органы, защита таких принципов должна обеспечиваться эффективно функционирующей судебной системой на протяжении жизненного цикла технологии ИИ. Указанные принципы и механизмы относятся к сбору, контролю и использованию данных, в том числе к реализации субъектами релевантных правоотношений права требовать удаления персональных данных и т.н. цифровых следов. Тем самым обеспечиваются законная цель и надлежащая правовая основа для обработки персональных данных, их персонализации, де- и ре-персонализации, прозрачность алгоритмов, адекватные меры по защите конфиденциальных данных и эффективный независимый надзор. Оценка последствий применения должна осуществляться и в отношении алгоритмических систем, в том числе социальных и этических аспектов их использования.

В рамках Рекомендаций ЮНЕСКО сформулирована задача для государств-членов — разработать рамочные принципы и обеспечить их применение другими заинтересованными сторонами, в том числе частными компаниями, академическими или научно-исследовательскими учреждениями, а также общественными организациями, путем оказания всем заинтересованным сторонам содействия в разработке инструментов оценки этического воздействия и проверки соблюдения этических норм. Разработка таких принципов и механизмов должна учитывать интересы всех вовлеченных субъектов, при этом ЮНЕСКО может выступать в роли партнера и оказывать государствам-членам содействие в разработке стратегически значимых механизмов, а также в мониторинге и оценке их функционирования.

Помимо указанных документов международно-правовую основу применения цифровых технологий в генетических исследованиях составляют следующие акты: Всеобщая декларация ЮНЕСКО о геноме человека и правах человека 1997 г., Международная декларация ЮНЕСКО

о генетических данных человека 2003 г., Всеобщая декларация ЮНЕСКО о биоэтике и правах человека 2005 г., Резолюция Экономического и Социального Совета ООН (ЭКОСОС) № 2001/39 «Генетическая конфиденциальность и недискриминация», Рекомендованное международное руководство по этическим проблемам в медицинской генетике и медико-генетической службе ВОЗ 1997 г., Руководство по качественной клинической практике ВОЗ и Рекомендации ВОЗ комитетам по этике, проводящим экспертизу биомедицинских исследований. Необходимо отметить, что данные документы (как и ранее представленные Глобальная стратегия и Рекомендации ЮНЕСКО) представляют собой так называемое мягкое право, т.е. носят рекомендательный характер, не содержат юридически обязывающих норм.

Отдельно необходимо упомянуть этические документы международных профессиональных ассоциаций: Международный кодекс медицинской этики Всемирной медицинской ассоциации (ВМА)⁹, Хельсинкскую декларацию ВМА¹⁰, Международные этические руководящие принципы для исследований в области здоровья с участием людей¹¹. Несмотря на то что указанные документы ввиду периода их разработки и принятия не содержат положения, посвященные внедрению цифровизации, роботизации и автоматизации в сферу генетических исследований, они остаются полезными в части обеспечения международных стандартов защиты прав пациентов, исследователей, медицинских работников.

Стоит упомянуть также инициативы по развитию отдельных цифровых технологий (в частности, искусственного интеллекта), исходящие от неправительственных организаций: документ «Главные десять принципов этичного приме-

нения искусственного интеллекта», разработанный Международной сетью профессиональных союзов; Монреальскую декларацию об ответственном развитии искусственного интеллекта; Торонтскую декларацию о защите права на равенство и недискриминацию в системах машинного обучения; инициативы под названиями «Принципы гармоничного использования искусственного интеллекта» (ПГИИ) и «Принципы партнерства в области искусственного интеллекта». Необходимо отметить, что данные документы, как и обозначенные ранее, затрагивали эτικο-правовую проблематику использования систем ИИ в целом безотносительно к какой-то конкретной сфере общественной жизни.

2. Региональное регулирование

В контексте функционирования региональных международных организаций ключевыми документами в области биотехнологий и геномных исследований являются: в рамках Совета Европы — Конвенция Совета Европы о защите прав и достоинства человека в сфере применения биологии и медицины 1997 г. (Конвенция Овьедо), Рекомендации Комитета министров Совета Европы об исследованиях биологических материалов человеческого происхождения 2006 г., в рамках Содружества Независимых Государств — Модельный закон СНГ «О защите прав и достоинства человека в биомедицинских исследованиях в государствах — участниках СНГ» 2005 г., Модельный закон СНГ «О персональных данных» 1999 г., Рекомендации «Об эτικο-правовом регулировании и безопасности генетических медицинских технологий в государствах — участниках СНГ» 2007 г. и другие документы. Вместе с тем в данных докумен-

⁹ Международный кодекс медицинской этики 1949 г. // URL: <http://med-pravo.ru/Ethics/seventh1.htm> (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁰ World Medical Association (2013), Declaration of Helsinki: Ethical Principles for Medical Research Involving Human Subject // URL: <https://jamanetwork.com/journals/jama/fullarticle/1760318> (дата обращения: 15.06.2023).

¹¹ Международные этические руководящие принципы для исследований в области здоровья с участием людей 2016 г. // URL: <https://cioms.ch/wp-content/uploads/2019/01/3027-CIOMS-Ethical-Guidelines-Russian-Layout2019-1.pdf> (дата обращения: 15.06.2023).

тах практически не представлены положения, затрагивающие цифровизацию исследуемой в настоящей статье области.

Отличительной особенностью функционирования региональных международных организаций (интеграционных объединений) в рассматриваемой сфере является создание институциональных структур, ответственных за подготовку нормативно-правовой базы, регламентирующей применение отдельных видов цифровых технологий, в особенности ИИ, применительно к разнообразным сферам общественной жизни. Предполагается, что деятельностью таких институциональных структур будет охватываться в том числе и область генетических исследований. В числе таких структур сто́ит упомянуть:

а) Специальный комитет Совета Европы по искусственному интеллекту;

б) Группу экспертов высокого уровня по искусственному интеллекту (учреждена Европейской комиссией — институтом Европейского Союза, главный документ Группы — «Руководящие принципы создания заслуживающего доверия, этичного искусственного интеллекта»);

в) Рабочую группу Африканского союза по искусственному интеллекту;

г) Рабочую группу Лиги арабских государств по искусственному интеллекту;

д) Группу экспертов ОЭСР по искусственному интеллекту и ее преемницу — Сеть экспертов ОЭСР по искусственному интеллекту (основные документы и механизмы: Рекомендации по искусственному интеллекту и Механизм мониторинга политики в области ИИ).

Так, целью принятия Рекомендаций по искусственному интеллекту ОЭСР 2019 г. является поддержка инноваций и повышение доверия к искусственному интеллекту с учетом гарантий принципа уважения прав человека и демократических ценностей. Рекомендации отражают проблемы, связанные с использованием технологий ИИ в дополнение к существующим стандартам ОЭСР в таких областях, как конфи-

денциальность, управление рисками цифровой безопасности и ответственное управление бизнесом. В Рекомендациях определены пять взаимодополняющих ценностных принципов ответственного управления надежным искусственным интеллектом и содержится призыв поощрять и осуществлять их. К этим принципам относятся:

а) инклюзивный рост, устойчивое развитие и благосостояние;

б) ориентированность на человеческие ценности и справедливость;

в) прозрачность и объяснимость;

г) надежность и безопасность;

д) контролируемость.

Рекомендации ОЭСР в своих принципиальных положениях перекликаются с документами, принятыми в рамках Европейского Союза в области регулирования искусственного интеллекта. Необходимо отметить, что документы, принятые в рамках институциональных структур Союза, затрагивают особенности использования технологий ИИ в целом, безотносительно к сферам применения, хотя они и обозначены в документах.

2 февраля 2020 г. Европейская комиссия опубликовала Белую книгу по искусственному интеллекту¹², демонстрирующую европейский подход к совершенству и доверию в отношении ИИ. Белая книга состоит из двух основных блоков: «экосистема совершенства» и «экосистема доверия». В последнем блоке излагается подход ЕС к разработке нормативно-правовой базы для ИИ. В рамках данного подхода Комиссия различает т.н. высокорисковые приложения ИИ и приложения с низким риском. Под наднациональное регулирование должны подпасть именно высокорисковые приложения ИИ, которые используются в критических секторах экономики Союза (к ним относятся в том числе биотехнологии, применяемые в контексте проведения геномных исследований). Предполагается, что высокорисковые приложения ИИ включают следующие ключевые требования: требования

¹² White Paper on Artificial Intelligence — a European approach to excellence and trust // URL: https://commission.europa.eu/system/files/2020-02/commission-white-paper-artificial-intelligence-feb2020_en.pdf (дата обращения: 19.06.2023).

к обучающим данным, требования к учету, обязанности в области обеспечения информационной безопасности, требования к надежности и точности, человеческий контроль — и особые требования к конкретным приложениям ИИ, например используемым для удаленной биометрической идентификации. Добровольная маркировка будет предусматриваться для приложений ИИ, не относящихся к высокорисковым. Кроме того, предполагается, что способствовать разработке и развитию релевантной нормативно-правовой базы будет Европейская структура управления ИИ в форме механизма сотрудничества национальных компетентных органов¹³.

В 2021 г. Европейской комиссией было разработано и представлено «Предложение о постановлении, определяющем согласованные правила в отношении искусственного интеллекта (Закон об искусственном интеллекте)»¹⁴. Данный проект подвергся резкой критике в ходе публичного обсуждения. Обеспокоенность экспертов вызвали: широкий подход к определению понятия искусственного интеллекта; отсутствие учета непреднамеренных правовых последствий применения технологий ИИ для уязвимых групп населения, к которым в том числе можно отнести и участников геномных исследований. Вместе с тем данный документ отразил положения и подходы, представленные в упомянутой выше Белой книге, в том числе риск-ориентированный подход, основанный на пирамиде критичности, предполагающей, что по мере увеличения риска использования

технологий ИИ будут использоваться более строгие правила сертификации и маркировки. Приложения с неприемлемо высоким риском запрещены, за нарушение данного запрета предполагается установить штраф для компаний-нарушителей в размере вплоть до 6 % от общего оборота компании.

В контексте сферы геномных исследований особое значение приобретает применение специальных отраслевых правил, действующих в отношении той или иной сферы использования ИИ. Предлагаемые правила для ИИ должны учитывать такое отраслевое регулирование (например, речь может идти о Директиве 2006/42/ЕС (англ. Machinery Directive) о безопасности машин и оборудования Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 17.05.2006, принятой с целью замены Директивы 95/16/ЕС¹⁵; Регламенте (ЕС) 2017/745 Европейского парламента и Совета ЕС от 05.04.2017 о медицинских устройствах, вносящем поправки в Директиву 2001/83/ЕС¹⁶, и т.д.). Безусловно, учитывая специфику применения технологий ИИ, важно принимать во внимание положения Регламента Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27.04.2016 о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий регламент о защите персональных данных / General Data Protection Regulation / GDPR)¹⁷. При этом стоит обратить внимание на тот факт, что т.н. Закон Европейского Союза об искусственном интеллекте планируется к при-

¹³ White Paper on Artificial Intelligence — a European approach to excellence and trust.

¹⁴ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain union legislative acts, COM/2021/206 final // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52021PC0206> (дата обращения: 19.06.2023).

¹⁵ Directive 2006/42/EC of the European Parliament and of the Council of 17 May 2006 on machinery, and amending Directive 95/16/EC (recast) (Text with EEA relevance) // OJ L 157. 09.06.2006. P. 24–86.

¹⁶ Regulation (EU) 2017/745 of the European Parliament and of the Council of 5 April 2017 on medical devices, amending Directive 2001/83/EC, Regulation (EC) No. 178/2002 and Regulation (EC) No. 1223/2009 and repealing Council Directives 90/385/EEC and 93/42/EEC // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32017R0745> (дата обращения: 19.06.2023).

¹⁷ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data,

нению в форме регламента, т.е. акта унификации прямого действия, не требующего дальнейшей имплементации на уровне государств-членов и вводящего единые стандарты использования таких технологий. В настоящее время далеко не все государства — члены ЕС готовы к введению таких унифицированных стандартов, поэтому в данной сфере доминируют акты рекомендательного характера («мягкое право»).

Специализированное применение регулирования в сфере ИИ находит свое отражение в инициативе Европейского Союза «1 + миллион геномов», которая направлена на усовершенствование системы профилактики заболеваний, развитие персонализированной медицины, поддержку инновационных методов, предоставление доступа к геномным данным в государствах — членах ЕС. В 2018 г. 25 государств — членов ЕС, а также Великобритания и Норвегия подписали Декларацию о продвижении усилий по созданию европейской инфраструктуры для геномных данных и внедрению общих национальных правил, обеспечивающих доступ к данным¹⁸. Эта инициатива является частью европейской повестки по цифровой трансформации здравоохранения и соответствует целям Европейского пространства данных о здоровье.

Декларация предусматривает объединение фрагментированной инфраструктуры и опыта для достижения общей цели — доступа Договаривающихся Сторон к информации о геномах; применения и максимизации инвестиций, сделанных государствами-членами на национальном уровне и уровне Союза, в частности в области секвенирования, биобанкинга и инфраструктуры данных; большого охвата участников (субъектов), который обеспечит достаточный масштаб для новых исследований. Вовлечение значительного числа участников в геномные исследования и обработка больших данных невозможны без активного применения

цифровых технологий, в том числе приложений искусственного интеллекта.

Развитие правового регулирования применения технологий ИИ, в том числе и применительно к сфере геномных исследований, осуществляется также в рамках БРИКС. Причем речь идет не только и не столько о нормативных актах, принятых на уровне государств-участников, но и о многосторонних международных договорах, устанавливающих сотрудничество в релевантных сферах, таких как искусственный интеллект, интернет вещей, блокчейн-технологии, промышленная робототехника, биотехнологии. Одним из важнейших правовых актов группы БРИКС в этих сферах является Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в сфере науки, технологий и инноваций между правительствами Федеративной Республики Бразилии, Российской Федерации, Республики Индии, Китайской Народной Республики и Южно-Африканской Республики, утвержденный в 2015 г. (далее — Меморандум о взаимопонимании)¹⁹.

В соответствии со ст. 2 Меморандума о взаимопонимании его основными целями являются: формирование стратегической системы для сотрудничества в сфере науки, технологий и инноваций; поиск ответа на общие глобальные и региональные социально-экономические вызовы с использованием совместного опыта и взаимодополняющих возможностей в сфере науки, технологий и инноваций; совместное получение новых знаний и создание инновационных продуктов и услуг с использованием соответствующих механизмов финансирования и инвестиций; содействие в надлежащих случаях партнерским отношениям государств — участников БРИКС с другими стратегическими партнерами развивающегося мира в сфере науки, технологий и инноваций. Среди преимуществ данного документа можно отметить тот факт, что Меморандум формулирует ключевые на-

and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (Text with EEA relevance) // OJ L 119. 04.05.2016. P. 1–88.

¹⁸ URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/eu-countries-will-cooperate-linking-genomic-databases-across-borders> (дата обращения: 19.06.2023).

¹⁹ URL: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/BRICS%20STI%20MoU%20RUSSIAN.pdf> (дата обращения: 19.06.2023).

правления сотрудничества в сфере науки, технологий и инноваций (ст. 3), а также механизмы и формы сотрудничества (ст. 4).

Еще одним важным актом, пусть и рекомендательного характера, является Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г.²⁰ Согласно данному документу, Стратегия способствует повышению экономического роста и конкурентоспособности экономик БРИКС на мировой арене. Одно из направлений сотрудничества БРИКС связано с цифровой инновационной экономикой и развитием человеческого капитала, что предполагает: содействие формированию благоприятных условий для оказания медицинских услуг, включая профилактику инфекционных и неинфекционных хронических заболеваний, а также обеспечение охраны здоровья детей и матерей; укрепление сотрудничества в разработке устойчивых методов тестирования инфекционных заболеваний, комплексное решение вопросов вакцинации и лечения; совершенствование системы профилактики заболеваний и гигиены труда, обеспечивающей право на безопасную, здоровую и достойную рабочую среду на всех уровнях. Обозначенные цели могут быть достигнуты благодаря развитию биотехнологий, в том числе технологий в области генетики и геномики.

Продолжает линию укрепления сотрудничества в сфере развития цифровой экономики, в том числе применительно к области биотехнологий, Декларация Гоа 2016 г.²¹ Данная Декларация, как и Стратегия, посвящена усовершенствованию регулирования в области обеспечения безопасности в контексте развития цифровых технологий. Согласно данному акту государства — члены БРИКС будут сотрудничать в целях развития цифровой экономики и ее ключевых технологий, включая искусственный интеллект, что будет спо-

собствовать преодолению цифрового разрыва между развитыми и развивающимися странами, а также обмену знаниями и опытом применения цифровых технологий в сфере RegTech, FinTech и цифровых продуктов²². В 2019 г. БРИКС принято решение о создании совместного альянса государств-участников для развития технологий на основе ИИ, что позволит обеспечить синергию в развитии ИИ за счет введения единых стандартов членами БРИКС, а также за счет формирования совместных компетентных органов.

Регулирование применения цифровых технологий, в том числе искусственного интеллекта, на уровне БРИКС представлено документами стратегического характера, что напрямую связано с правовой природой организации БРИКС, которая представляет собой межгосударственное объединение с минимальной институциональной структурой. Вместе с тем на уровне БРИКС сформулированы подходы к развитию сотрудничества между странами в сфере цифровой экономики, приняты во внимание различные сферы использования цифровых технологий, включая ИИ: общественное здравоохранение, биотехнологии, медицинская наука (однако дифференциации регулирования не производится, обозначены общие подходы). Для Российской Федерации как для государства — участника БРИКС данный факт должен стать отправной точкой в развитии собственных подходов к регулированию применения технологий ИИ в рассматриваемой области²³.

Выводы

Если кратко обозначить тенденции этико-правового регулирования применения цифровых технологий (в частности, на примере искусственного

²⁰ URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/636aa3edbc0dcc2356ebb6f8d594ccb0/1148133.pdf> (дата обращения: 19.06.2023).

²¹ URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5139> (дата обращения: 19.06.2023).

²² URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5139> (дата обращения: 19.06.2023).

²³ См.: Алиев Т. Т. Правовое регулирование искусственного интеллекта и роботизации: концепции и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-i-robotizatsii-kontseptsii-i-perspektivy> (дата обращения: 19.06.2023).

интеллекта), в том числе в контексте генетических исследований, то стоит назвать следующие:

1. Преобладание на глобальном и региональном уровне актов «мягкого права» (преимущественно в форме программных документов, стратегий) как основных инструментов регулирования рассматриваемой сферы общественных отношений.

2. Программные документы содержат принципиальные положения, касающиеся этических аспектов использования искусственного интеллекта, без учета дифференциации по сферам применения таких технологий (пока речь идет в большей степени об общих положениях).

3. Особыми проблемами, связанными с применением цифровых технологий (в том числе технологий искусственного интеллекта), документы называют дискриминацию (в контексте генетических исследований речь идет о дискриминации по признаку генетического статуса), а также проблему защиты человеческого достоинства в связи с потенциальной автономизацией ИИ (здесь может идти речь о генетическом достоинстве личности).

4. Возрастание роли неправительственных организаций, частного сектора и профессиональных сообществ в разработке регуляторики обозначенной сферы.

Данные тенденции, с одной стороны, свидетельствуют о наличии воли основных акторов международных отношений создать общие подходы к использованию цифровых технологий (в том числе искусственного интеллекта) применительно к различным сферам науки и технологий (и здесь область геномных исследований не является исключением), с другой стороны, речь идет об отсутствии намерения на уровне

международного сообщества (как на глобальном, так и региональном уровне) разработать жесткое, юридически обязывающее государства регулирование в виде международных договоров, а не многочисленных деклараций, стратегий и белых книг. На уровне международного права, видимо, пока отсутствует понимание, как интегрировать в договорное регулирование, по сути, этические нормы о применении цифровых технологий в различных сферах. Вместе с тем на уровне региональных международных организаций, включая интеграционные объединения, заметны более уверенные шаги в этом направлении. В данном контексте Российская Федерация находится в выгодном положении. Будучи государством — участником Евразийского экономического союза, Российская Федерация подчиняет себя действию источников права ЕАЭС, посвященных в том числе развитию биотехнологий (например, Правила регистрации и экспертизы лекарственных средств для медицинского применения²⁴, включающие нормы о высокотехнологичных лекарственных препаратах). Тем не менее регулирование в области геномных исследований (в том числе с учетом аспектов цифровизации) в ЕАЭС в настоящее время практически отсутствует²⁵. На уровне Содружества Независимых Государств основы регулирования биотехнологий нуждаются в пересмотре и актуализации. Для разработки такого регулирования евразийскому (да и российскому) законодателю необходимо принимать во внимание принципиальные положения, отраженные в действующих на глобальном и региональном уровне актах «мягкого права», а также рассмотреть возможность применения экспериментального правового режима²⁶ в данной области.

²⁴ Решение Совета ЕЭК от 03.11.2016 № 78 «О Правилах регистрации и экспертизы лекарственных средств для медицинского применения» // URL: <https://docs.eaeunion.org/> (дата обращения: 19.06.2023).

²⁵ См.: Любимов А. П., Пономарева Д. В., Барабашев А. Г. О национальной стратегии развития искусственного интеллекта // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2019. № 5–6. С. 1–7.

²⁶ Примером для введения такого регулирования служит Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» // СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алиев Т. Т. Правовое регулирование искусственного интеллекта и роботизации: концепции и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2021. — № 41. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-i-robotizatsii-kontseptsii-i-perspektivy> (дата обращения: 19.06.2023).
2. Зайдуллин Р. Будущее уже наступило: как искусственный интеллект применяется в медицине // URL: <https://vc.ru/future/32237-budushchee-uzhe-nastupilo-kak-iskusstvennyy-intellekt-primenyaetsya-v-medicine> (дата обращения: 19.06.2023).
3. Любимов А. П., Пономарева Д. В., Барабашев А. Г. О национальной стратегии развития искусственного интеллекта // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. — 2019. — № 5–6. — С. 1–7.
4. Фершт В. М., Латкин А. П., Иванова В. Н. Современные подходы к использованию искусственного интеллекта в медицине // Территория новых возможностей. — 2020. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-ispolzovaniyu-iskusstvennogo-intellekta-v-meditsine> (дата обращения: 19.06.2023).

Материал поступил в редакцию 28 июня 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aliev T. T. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta i robotizatsii: kontseptsii i perspektivy // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. — 2021. — № 41. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-i-robotizatsii-kontseptsii-i-perspektivy> (data obrashcheniya: 19.06.2023).
2. Zaydullin R. Budushchee uzhe nastupilo: kak iskusstvennyy intellekt primenyaetsya v meditsine // URL: <https://vc.ru/future/32237-budushchee-uzhe-nastupilo-kak-iskusstvennyy-intellekt-primenyaetsya-v-medicine> (data obrashcheniya: 19.06.2023).
3. Lyubimov A. P., Ponomareva D. V., Barabashev A. G. O natsionalnoy strategii razvitiya iskusstvennogo intellekta // Predstavitel'naya vlast — XXI vek: zakonodatel'stvo, komentarii, problemy. — 2019. — № 5–6. — S. 1–7.
4. Fersht V. M., Latkin A. P., Ivanova V. N. Sovremennye podkhody k ispolzovaniyu iskusstvennogo intellekta v meditsine // Territoriya novykh vozmozhnostey. — 2020. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-ispolzovaniyu-iskusstvennogo-intellekta-v-meditsine> (data obrashcheniya: 19.06.2023).

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.180-194

Г. А. Багирян*

Гражданское общество в конституциях зарубежных стран

Аннотация. Необходимость конституционно-правового регулирования основ гражданского общества ввиду разных обстоятельств признается не всеми учеными. Некоторые исследователи аргументируют свою позицию тем, что такое регулирование не получило распространения в конституционных актах стран с развитой демократией. При этом в том или ином виде отдельные аспекты гражданского общества встречаются в конституциях зарубежных стран, отличающихся друг от друга и по способу организации государственной власти, и по форме государственного устройства, и по режиму правления. В статье приводится анализ отдельных положений конституций зарубежных стран из разных регионов мира на предмет формального закрепления термина «гражданское общество», а также наличия конституционно-правового регулирования основ гражданского общества. Анализ конституций зарубежных стран позволил выделить общие закономерности раскрытия на конституционно-правовом уровне некоторых аспектов, которые прослеживались в положениях конституций и касались непосредственно гражданского общества и его отдельных институтов.

Ключевые слова: государство; органы власти; общество; гражданское общество; институты гражданского общества; конституционные основы гражданского общества; конституции зарубежных стран; право на объединение; право на участие в управлении делами государства и общества; общественный контроль.

Для цитирования: Багирян Г. А. Гражданское общество в конституциях зарубежных стран // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 3. — С. 180–194. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.180-194.

Civil Society as in the Constitutions of Foreign Countries

Georgy A. Bagiryanyan, Postgraduate Student, Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
georgebag51@gmail.com

Abstract. Due to various circumstances, not every scientist recognizes the need for constitutional and legal regulation of the foundations of civil society. Some researchers argue their position by the fact that such regulation has not become widespread in the constitutional acts of countries with developed democracies. At the same time, in one form or another, certain aspects of civil society are found in the constitutions of foreign countries, which differ from each other in the way of organizing state power, and in the form of government, and in the regime of government. The paper provides an analysis of individual provisions of the constitutions of foreign countries

© Багирян Г. А., 2024

* Багирян Георгий Арсенович, аспирант кафедры конституционного и муниципального права Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус), г. Москва, Россия, 119991
georgebag51@gmail.com

from different regions of the world regarding the formal consolidation of the term «civil society», as well as the existence of constitutional and legal regulation of the foundations of civil society. An analysis of the constitutions of foreign countries made it possible to identify general patterns of disclosure at the constitutional and legal level of certain aspects that were traced in the provisions of the constitutions and directly related to civil society and its individual institutions.

Keywords: state; authorities; society; civil society; civil society institutions; constitutional foundations of civil society; constitutions of foreign countries; right of association; right to participate in managing the affairs of the state and society; public control.

Cite as: Bagiryana GA. Civil Society as in the Constitutions of Foreign Countries. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(3):180-194. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.180-194

Введение

В научном сообществе активно обсуждается проблема формирования конституционных основ гражданского общества в России. При этом ученые в данном вопросе придерживаются диаметрально противоположных позиций. Те, кто выступает против конституционно-правовой регламентации основ гражданского общества, утверждают, что гражданское общество не является сферой конституционного права, поскольку в качестве субъекта учреждения гражданского общества и его институтов выступают сами люди, а не государство¹. Гражданское общество должно создаваться «снизу» и функционировать на основе принципа самоорганизации².

Сторонники закрепления статуса гражданского общества на конституционно-правовом уровне считают, что вмешательство государства в дела общества вовсе не является конечной целью формирования конституционных основ гражданского общества, напротив, речь идет о стремлении очертить границы такого невмешательства ради обеспечения автономии и

самостоятельности институтов гражданского общества³.

Гражданскому обществу посвящено немало научных трудов как отечественных, так и зарубежных исследователей. В целом гражданское общество можно определить как определенную степень зрелости общества, достигшего высокого уровня демократического, экономического, социального, духовно-нравственного развития, основанного на принципах законности, самоуправления, открытости, равноправия, инициативности и свободы личности и объединяющего активных граждан, стремящихся к самоорганизации в целях выражения и отстаивания своей позиции по актуальным вопросам общественно-политической повестки. Институциональной основой гражданского общества являются общественные объединения (общественные организации, движения и т.д.). Вместе с тем круг институтов гражданского общества не ограничивается лишь строго формализованными объединениями граждан, учрежденными в установленном законом порядке. Сюда следует также относить неформализованные объеди-

¹ Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник для вузов. 6-е изд., изм. и доп. М. : Норма, 2007. С. 156.

² См., например: Бондарь Н. С. Гражданин и публичная власть: Конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении. М., 2004 ; Волков Л. Б. Штрихи к конституционному процессу. Несколько мемуарных страниц // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) : в 6 т. (10 кн.) / под общ. ред. О. Г. Румянцев ; Фонд конституционных реформ. Т. 6. М. : Волтерс Клувер, 2007–2010. С. 726–761.

³ См., например: Авакьян С. А. Конституционное право России : учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2014 ; Румянцев О. Г. Новая Конституция для России: наши подходы // Конституционный вестник. 1990. № 2. С. 14–19 ; Цанн-кай-си Ф. В. Гражданское общество: реальность и понятие // Конституционный вестник. 1990. № 4. С. 12–14.

нения в форме собраний по месту жительства, работы⁴.

Большинство конституций западных стран не содержат отдельных положений о гражданском обществе и тем более не раскрывают его содержание и круг институтов, из чего некоторые исследователи делают вывод о том, что гражданское общество вовсе не нуждается в конституционно-правовом регулировании⁵. Вместе с тем на Западе гражданское общество формировалось на протяжении многих столетий. Для Запада гражданское общество стало «естественным, органичным состоянием для людей»⁶.

В рамках данной работы собрана необходимая информация о конституционно-правовом регулировании гражданского общества и его институтов за рубежом, в частности для подтверждения или опровержения тезиса о том, что в странах Запада⁷ конституционно-правовое регулирование основ гражданского общества сведено к минимуму либо вовсе отсутствует ввиду сложившейся на протяжении многих лет культурной среды, в которой гражданское общество стало естественным состоянием.

Для проведения исследования намеренно были отобраны конституции стран⁸ разных регионов мира (Азия, Америка, Африка, Ближний Восток, Западная и Восточная Европа, СНГ и др.), поскольку обширная география позволяет рас-

смотреть опыт конституционного законодательства стран, отличающихся друг от друга по способу организации государственной власти, форме государственного устройства, политическому режиму, и получить необходимые эмпирические данные для последующего анализа. При этом анализ конституционных положений некоторых государств приводится с учетом социально-экономических, политических, культурных условий, в рамках которых эти положения формировались. В научном сообществе справедливо отмечается, что конституционное право существует в определенной культурной среде, в связи с чем в ходе анализа конституционных положений требуется выход за рамки буквы закона⁹.

Анализ конституционных актов позволил выделить основные направления, в рамках которых гражданское общество и его институты раскрываются в положениях конституций зарубежных стран. Так, в конституциях зарубежных стран гражданское общество во многом раскрывается посредством определения роли государства через призму отношений «государство — общество — личность», провозглашения принципа открытости органов публичной власти, обеспечения участия институтов гражданского общества в управлении делами государства и общества путем осуществления общественного контроля, а также закрепления на конституци-

⁴ См.: *Шевурдяев С. Н.* Перспективные направления развития категории гражданского общества // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 16. С. 2–10.

⁵ Бюллетень совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 49. С. 6–20.

⁶ Стенограмма одиннадцатого заседания Совета Республики Верховного Совета РСФСР от 01.11.1990 // Бюллетень заседания Совета Республики Верховного Совета РСФСР. 1990. № 11.

⁷ Учитывая, что данная категория носит в некоторой степени субъективный характер, под странами Запада автор имеет в виду государства, расположенные в Северной Америке, западной и центральной части Европы, а также Австралию.

⁸ Азербайджан, Ангола, Андорра, Армения, Афганистан, Бахрейн, Беларусь, Бельгия, Болгария, Бразилия, Буркина-Фасо, Гвинея, Германия, Греция, Грузия, Дания, Индия, Иордания, Ирак, Иран, Исландия, Италия, Казахстан, Катар, Кипр, КНДР, Киргизия, Колумбия, Кувейт, Латвия, Литва, Мадагаскар, Мексика, Молдова, Нидерланды, ОАЭ, Оман, Португалия, Саудовская Аравия, Сирия, Суринам, Таджикистан, Тунис, Туркменистан, Турция, Узбекистан, Уругвай, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Швейцария, Швеция, Эквадор, Эстония, ЮАР, Япония.

⁹ *Троицкая А.* Междисциплинарность в сравнительном конституционно-правовом исследовании // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 5 (120). С. 73.

онно-правовом уровне права на объединение. Ниже предлагается анализ указанных направлений. Однако для начала следует обратить внимание на вопрос о формальном закреплении термина «гражданское общество» в текстах конституций.

I. Формальное закрепление термина «гражданское общество»

Изучение конституций зарубежных стран позволяет установить, что менее половины из них формально-юридически закрепляют термин «гражданское общество»¹⁰ (ст. 21 Конституции

Анголы¹¹, ст. 58 Конституции Бразилии¹², ст. 4 Конституции Болгарии¹³, ст. 45 Конституции Ирака¹⁴, ст. 3 Конституции Мексики¹⁵, ст. 139 Конституции Туниса¹⁶, ст. 17 Конституции Туркменистана¹⁷, ст. 47 Конституции Уругвая¹⁸, ст. 157 Конституции Эквадора¹⁹). При этом ни в одной из конституций указанный феномен не раскрывается полностью. Гражданское общество упоминается в преамбулах конституций Азербайджана²⁰, Афганистана²¹, Казахстана²², Киргизии²³, Литвы²⁴. В преамбуле Конституции Молдовы²⁵ отмечается, что она является высшим законом общества и государства. Упоминание термина в преамбулах конституций Азербайджана²⁶, Афганистана²⁷ и Сирии²⁸ связано с на-

¹⁰ Имеется в виду английский эквивалент термина «гражданское общество» — civil society.

¹¹ Конституция Анголы // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Angola_2010?lang=en (дата обращения: 21.06.2023).

¹² Конституция Бразилии // URL: https://www.stf.jus.br/arquivo/cms/legislacaoConstituicao/anexo/brazil_federal_constitution.pdf (дата обращения: 21.06.2023).

¹³ Конституция Болгарии // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Bulgaria_2015.pdf?lang=en (дата обращения: 21.06.2023).

¹⁴ Конституция Ирака // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Iraq_2005 (дата обращения: 21.06.2023).

¹⁵ Конституция Мексики // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Mexico_2015.pdf?lang=en (дата обращения: 21.06.2023).

¹⁶ Конституция Туниса // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Tunisia_2014?lang=en (дата обращения: 22.06.2023).

¹⁷ Конституция Туркменистана // URL: https://constituteproject.org/constitution/Turkmenistan_2016.pdf?lang=en (дата обращения: 22.06.2023).

¹⁸ Конституция Уругвая // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/585227> (дата обращения: 22.06.2023).

¹⁹ Конституция Эквадора // URL: <https://pdba.georgetown.edu/Constitutions/Ecuador/english08.html> (дата обращения: 22.06.2023).

²⁰ Конституция Азербайджана // URL: <https://president.az/en/pages/view/azerbaijan/constitution> (дата обращения: 22.06.2023).

²¹ Конституция Афганистана // URL: <http://www.afghanembassy.com.pl/afg/images/pliki/TheConstitution.pdf> (дата обращения: 22.06.2023).

²² Конституция Казахстана // URL: https://www.akorda.kz/en/official_documents/constitution (дата обращения: 22.06.2023).

²³ Конституция Киргизии // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru> (дата обращения: 24.06.2023).

²⁴ Конституция Литвы // URL: https://ec.europa.eu/migrant-integration/librarydocument/co_nstitution-republic-lithuania_en (дата обращения: 24.06.2023).

²⁵ Конституция Молдовы // URL: https://www.constcourt.md/public/files/file/Actele%20Curtii/acte_en/MDA_Constitution_EN.pdf (дата обращения: 24.06.2023).

²⁶ В преамбуле Конституции Азербайджана в качестве намерения азербайджанского народа указывается достижение создания гражданского общества.

мерением этих государств достичь установления гражданского общества в будущем. Специальные разделы и главы, посвященные основам общественного устройства, взаимоотношению общества и государства, можно обнаружить в конституциях Беларуси²⁹, Бахрейна³⁰, Катара³¹, Кувейта³², Литвы, Саудовской Аравии³³.

В статье 47 Конституции Уругвая гражданское общество упоминается в контексте охраны окружающей среды: «*Водопользователи и гражданское общество должны участвовать на всех этапах планирования, управления и контроля водных ресурсов*» (перевод Г. Б.)³⁴.

В обновленной³⁵ версии Конституции Узбекистана³⁶ появилась глава XIII «Институты гражданского общества», содержащая порядка семи статей, посвященных запрету или ограничению деятельности общественных объединений только на основании решения суда (ст. 70); конституционным основаниям для запрета деятельности общественных объединений (ст. 71); принципу взаимного невмешательства государства

и общества в сферы деятельности друг друга (ст. 72); профсоюзам (ст. 73); партиям (ст. 74) и религиозным организациям (ст. 75). Примерный круг институтов гражданского общества раскрывается в ст. 69 и 70 Конституции Узбекистана, в числе которых общественные объединения и другие негосударственные некоммерческие организации, органы самоуправления граждан, средства массовой информации, профессиональные союзы, политические партии, общества ученых, женские организации, организации ветеранов, молодежи и лиц с инвалидностью, творческие союзы, массовые движения и иные объединения граждан. В Конституции Узбекистана указывается, что «*Кабинет Министров осуществляет меры по поддержке институтов гражданского общества, обеспечивает их участие в разработке и реализации программ социально-экономического развития и социального партнерства*» (ст. 115). Конституция РФ³⁷ в п. «е.1» ст. 114 содержит весьма сходное положение, однако в Российской Федерации участие

²⁷ В преамбуле Конституции Афганистана в качестве одной из целей принятия Конституции указывается «формирование гражданского общества, свободного от притеснений, жестокости, дискриминации, а также насилия и основанного на верховенстве закона, социальной справедливости, защите неприкосновенности [личности] и прав человека, а также достижение свободы нации и основных прав» (перевод Г. Б.).

²⁸ В преамбуле Конституции Сирии в качестве одной из целей ее принятия указывается успешное создание гражданского общества. Конституция Сирии // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Syria_2017D?lang=en (дата обращения: 24.06.2023).

²⁹ Конституция Республики Беларусь // URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 24.06.2023).

³⁰ Конституция Бахрейна // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Bahrain_2017.pdf?lang=en (дата обращения: 24.06.2023).

³¹ Конституция Катара // URL: <https://www.gco.gov.qa/wp-content/uploads/2016/09/GCO-Constitution-English.pdf> (дата обращения: 24.06.2023).

³² Конституция Кувейта // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Kuwait_1992.pdf (дата обращения: 24.06.2023).

³³ Конституция Саудовской Аравии // URL: www.constituteproject.org/constitution/Saudi_Arabia_2005.html?lang=en (дата обращения: 24.06.2023).

³⁴ Оригинал: The users and the civil society, shall participate in all the instances of planning, management and control of hydro resources.

³⁵ В редакции 2023 г.

³⁶ Конституция Узбекистана // URL: <https://constitution.uz/ru/clause/index#section1> (дата обращения: 24.06.2023).

³⁷ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.06.2023).

институтов гражданского общества не ограничивается сферой социально-экономического развития и подразумевает участие в разных направлениях государственной политики.

Статья 16 Конституции Греции в качестве разновидности общественного объединения упоминает спортивные ассоциации: «Государство предоставляет гранты всем видам спортивных ассоциаций и контролирует их, как это предусмотрено законом» (перевод Г. Б.)³⁸.

II. Роль государства в контексте отношений «государство — общество — личность»

Во взаимоотношениях государства с обществом и личностью многими учеными подчеркивается роль государства как слуги общества и личности³⁹. Однако есть и другая позиция, согласно которой государство и общество должны гармонично сосуществовать и сотрудничать друг с другом⁴⁰. Опыт мирового конституционного законодательства показывает, что зарубежные страны во многом видят смысл выполнения государством публичных функций именно в служении обществу: ст. 5 Конституции Киргизии: «Государство и его органы служат всему обществу, а не какой-то его части»; ст. 13 Конституции Сирии: «Государственная служба должна быть ответственностью и

честью, целью которых является достижение общественных интересов и служение народу» (перевод Г. Б.)⁴¹; ст. 4 Конституции Чехии: «Государство, его органы и должностные лица служат всему обществу, а не какой-либо его части» (перевод Г. Б.)⁴²; ст. 127 Конституции Эквадора: «Члены Ассамблеи должны выполнять общественный долг на службе стране; они должны действовать во имя общего благосостояния нации; они должны нести политическую ответственность перед обществом за свои действия или бездействие при исполнении своих обязанностей и назначений; и они должны быть обязаны отчитываться перед своими избирателями» (перевод Г. Б.)⁴³.

Роль государственных служащих заключается в служении государству и обществу, а лица, избранные в органы власти, несут политическую ответственность за выполнение обязанностей перед обществом и избирателями, говорится в ст. 123 и 133 Конституции Колумбии, ст. 12 Конституции Омана, ст. 2 Конституции Узбекистана, ст. 83 Конституции Эквадора. Статья 15 Конституции Японии прямо указывает, что должностные лица органов публичной власти являются слугами всего общества: «Все государственные служащие являются слугами всего общества, а не какой-либо его группы» (перевод Г. Б.)⁴⁴.

Конституция Казахстана в ст. 5 закрепляет недопустимость вмешательства государства в дела

³⁸ Оригинал: The State shall make grants to and shall control all types of athletic associations, as specified by law. Конституция Греции // URL: <https://www.hellenicparliament.gr/UserFiles/f3c70a23-7696-49db-9148-f24dce6a27c8/001-156%20agglisko.pdf> (дата обращения: 24.06.2023).

³⁹ См.: Зорькин В. Д., Мамут Л. С., Кикоть В. А. Новая Конституция: путь к свободе // Конституционный вестник. 1990. № 4. С. 3–7; Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 2005.

⁴⁰ См.: Авакьян С. А. Указ. соч. Т. 1; Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007.

⁴¹ Оригинал: Public service shall be a responsibility and an honor the purpose of which is to achieve public interest and to serve the people.

⁴² Оригинал: The state, its bodies and the officials serve to all society instead of any its part. Конституция Чехии // URL: <https://www.refworld.org/docid/3ae6b5fb8.html> (дата обращения: 25.06.2023).

⁴³ Оригинал: The Assembly persons shall perform a public duty at the service of the country; they shall act for the general welfare of the nation; they shall be held politically liable by society for their deeds or omissions in the performance of their duties and attributions; and they shall be obliged to render accounts to their constituents.

⁴⁴ Оригинал: All public officials are servants of the whole community and not of any group thereof. Конституция Японии // URL: https://japan.kantei.go.jp/constitution_and_government_of_japan/constitution_e.html (дата обращения: 25.06.2023).

общественных организаций и общественных объединений в дела государства. Запрещается также делегирование функций государственных органов общественным объединениям.

III. Открытость органов публичной власти как важнейшее условие для выстраивания эффективного взаимодействия с гражданским обществом

Принцип открытости выделяется учеными в качестве одного из основополагающих принципов в контексте выстраивания взаимодействия между государством в лице органов власти и институтами гражданского общества⁴⁵. Именно открытость создает необходимые предпосылки для эффективного взаимодействия государства и гражданского общества⁴⁶. Указанный принцип упоминается также в наднациональных стандартах гражданского общества, например в практическом руководстве для гражданского общества «Пространство для деятельности гражданского общества и система прав человека ООН», подготовленном Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека: «Действия в публичных интересах требуют от

государственных должностных лиц открытости, ответственности, ясности, транспарентности и подотчетности»⁴⁷.

Принцип открытости последовательно раскрывается в конституционных актах зарубежных стран: в ст. 110 Конституции Нидерландов: «При исполнении своих обязанностей государственные органы должны соблюдать право общественности на доступ к информации в соответствии с правилами, которые будут установлены актом парламента» (перевод Г. Б.)⁴⁸. Обеспечение эффективного взаимодействия с гражданским обществом является отдельным полномочием правительства в Киргизии (ст. 91 Конституции Киргизии). В статье 98 Конституции Турции данный принцип реализуется посредством формы общей дискуссии: «Общие прения — это рассмотрение конкретного вопроса, касающегося общества и деятельности государства, на пленарном заседании Великого национального собрания Турции» (перевод Г. Б.)⁴⁹. Возможность проведения публичных слушаний в Национальном конгрессе с участием гражданского общества закреплена в ст. 58 Конституции Бразилии: «Комитеты обладают полномочиями по вопросам, находящимся в их ведении... проводить публичные

⁴⁵ См., например: Автономов А. С. Межсекторальное взаимодействие: принципы и основы // Межсекторальные взаимодействия (методология, технологии, правовые нормы, механизмы, примеры). Настольная книга. М., 2000. С. 24–25. ; Влазнев В. Н. Гражданское общество как предмет конституционно-правового исследования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002 ; Гриб В. В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.

⁴⁶ Гражданское общество как гарантия политического диалога и противодействия экстремизму: ключевые конституционно-правовые проблемы : монография / рук. авт. кол. и отв. ред. д-р юрид. наук, профессор С. А. Авакьян. М. : Юстицинформ, 2015. С. 517.

⁴⁷ Пространство для деятельности гражданского общества и система прав человека ООН : практическое руководство для гражданского общества / Управление Верховного комиссара ООН по правам человека // URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/CS_space_UNHRSYSTEM_Guide_ru.pdf (дата обращения: 12.07.2023).

⁴⁸ Оригинал: In the exercise of their duties government bodies shall observe the right of public access to information in accordance with rules to be prescribed by Act of Parliament. Конституция Нидерландов // URL: <https://www.government.nl/topics/constitution/documents/reports/2019/02/28/the-constitution-of-the-kingdom-of-the-netherlands> (дата обращения: 24.06.2023).

⁴⁹ Оригинал: A general debate is the consideration of a specific subject relating to the community and the activities of the State at the Plenary of the Grand National Assembly of Turkey. Конституция Турции // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Turkey_2017.pdf?lang=en (дата обращения: 24.06.2023).

встречи с представителями гражданского общества» (перевод Г. Б.)⁵⁰. Открытость органов публичной власти выражается в обеспечении права общественности на доступ к информации о деятельности органов публичной власти и вовлечении общественности в законодательный процесс (ст. 57 и 118 Конституции ЮАР: «Законодательный орган провинции должен способствовать вовлечению общественности в законодательные и другие процессы законодательного органа и его комитетов» (перевод Г. Б.)⁵¹), в реализации механизмов партициптивной демократии, открытого управления на местном уровне с участием граждан и институтов гражданского общества (ст. 139 Конституции Туниса: «Местные органы власти должны внедрить механизмы партициптивной демократии и принципы открытого управления, чтобы обеспечить максимально широкое участие граждан и гражданского общества в подготовке программ развития и планирования землепользования и следить за их реализацией в соответствии с законом» (перевод Г. Б.)⁵²), в закреплении отдельного полномочия парламента по организации изучения и заслушивания любых вопросов, касающихся интересов общества (ст. 66 Конституции Молдовы).

Интерес представляют ст. 266 и 267 Конституции Португалии, закрепляющие принципы работы публичной администрации, среди которых принцип служения общественным интересам. В части выстраивания работы публичной администрации указывается, что она должна выстраиваться так, чтобы избежать бюрократизации,

приблизить службы к населению и обеспечить участие заинтересованных лиц в эффективном управлении, в частности при посредничестве общественных ассоциаций: «Государственное управление должно быть организовано таким образом, чтобы избежать бюрократизации, приблизить департаменты и службы к местному населению и обеспечить участие заинтересованных сторон в его эффективном управлении, особенно через общественные объединения, организации жителей и другие формы демократического представительства» (перевод Г. Б.)⁵³. Таким образом, общественные объединения играют важную посредническую роль в выстраивании коммуникации между гражданами, обществом в целом и государством.

В некоторых конституциях закреплены положения о консультативных советах при органах государственной власти. Так, согласно ст. 207 Конституции в Эквадоре создан Совет по общественному участию и контролю, состоящий из кандидатов, предложенных общественными организациями и гражданами. Совет занимается борьбой с коррупцией, развитием механизмов общественного контроля за органами публичной власти, а также привлечением общества к обсуждению важных социально-политических вопросов. Статья 161 Конституции Армении содержит отсылочную норму об Общественном совете как консультативном органе при правительстве: «Общественный совет является консультативным органом Правительства. Порядок формирования и

⁵⁰ Оригинал: The committees have the power, on account of the matter under their authority: ...to hold public audiences with entities of civil society.

⁵¹ Оригинал: A provincial legislature must facilitate public involvement in the legislative and other processes of the legislature and its committees. Конституция ЮАР // URL: <https://www.gov.za/documents/constitution-republic-south-africa-1996> (дата обращения: 28.06.2023).

⁵² Оригинал: Local authorities shall adopt the mechanisms of participatory democracy and the principles of open governance to ensure the broadest participation of citizens and of civil society in the preparation of development programmes and land use planning, and follow up on their implementation, in conformity with the law.

⁵³ Оригинал: The Public Administration shall be structured in such a way as to avoid bureaucratisation, bring departments and services closer to local people and ensure that interested parties take part in its effective management, particularly via public associations, residents' organisations and other forms of democratic representation. Конституция Португалии // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Portugal_2005.pdf (дата обращения: 28.06.2023).

деятельности Общественного совета устанавливается законом»⁵⁴.

IV. Общественный контроль как инструмент реализации права на участие институтов гражданского общества в управлении делами государства и общества

Право на участие в управлении делами государства заключается в возможности оказания гражданами влияния на работу органов публичной власти⁵⁵. Категория «дела государства» зачастую противопоставляется сфере деятельности гражданского общества, хотя провести границу между двумя указанными сферами порой непросто. Так или иначе, «дела государства в конечном счете проистекают от потребностей общества, и последнее должно иметь возможность не только контролировать властные структуры, но и само участвовать в их формировании и деятельности»⁵⁶. При этом такое участие осуществляется гражданами не только индивидуально, но и в рамках отдельных институтов гражданского общества, в том числе общественных объединений (ассоциаций). В демократическом обществе только возможность осуществления гражданским обществом общественного контроля над властью способна сделать государство правовым⁵⁷. По мнению Т. Н. Михеевой, «обще-

ственные объединения — один из самых многочисленных элементов гражданского общества, включающий наиболее активных граждан и с точки зрения общественного контроля представляющий огромный ресурс общества»⁵⁸.

В целом право на участие в управлении делами государства и общества закрепляется во многих зарубежных конституциях: в ст. 54 Конституции Азербайджана, ст. 52 Конституции Анголы, ст. 12 Конституции Буркина-Фасо⁵⁹, ст. 37 Конституции Беларуси, ст. 2 и 37 Конституции Киргизии, ст. 39 Конституции Молдовы, ст. 19 Конституции Сирии, ст. 6 Конституции Суринама⁶⁰, ст. 36 Конституции Узбекистана, ст. 204 Конституции Эквадора. Статья 2 Конституции Финляндии называет указанное право немного иначе, а именно правом на участие в развитии общества и своего окружения, оказание влияния на такое развитие: *...the right of the individual to participate in and influence the development of society and his or her living conditions*⁶¹.

Возможность осуществления общественного контроля в конституциях зарубежных стран указывается не часто. Например, в ст. 148 Конституции Узбекистана: «Граждане и институты гражданского общества осуществляют общественный контроль за формированием и исполнением государственного бюджета Республики Узбекистан. Порядок и формы участия граждан и институтов гражданского

⁵⁴ Конституция Армении // URL: <https://www.president.am/en/constitution-2015/> (дата обращения: 27.06.2023).

⁵⁵ См.: Япрыңцев И. М. Сущность и понятие общественного контроля как механизма участия граждан в управлении делами государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 3. С. 29.

⁵⁶ Липчанская М. А. Участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства: традиционные формы и современные тенденции // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 1 (31). С. 125–126.

⁵⁷ См.: Лучин В. О., Боброва Н. А. Конституционный строй России: основные политико-правовые характеристики // Право и политика. 2003. № 10. С. 17–30.

⁵⁸ Михеева Т. Н. Общественный контроль с позиций конституционного права граждан на участие в управлении делами государства // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 180.

⁵⁹ Конституция Буркина-Фасо // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Burkina_Faso_2015.pdf?lang=en (дата обращения: 27.06.2023).

⁶⁰ Конституция Суринама // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Surinam_1992.pdf?lang=en (дата обращения: 27.06.2023).

⁶¹ Конституция Финляндии // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Finland_2011 (дата обращения: 27.06.2023).

общества в бюджетном процессе устанавливаются законом». Статья 95 Конституции Эквадора не только закрепляет возможность общественного контроля, но и устанавливает принципы, в соответствии с которыми этот контроль должен осуществляться: «Граждане индивидуально и коллективно должны участвовать в качестве ведущих участников в принятии решений, планировании и управлении общественными делами, а также в общественном контроле за государственными учреждениями, обществом и их представителями в рамках текущего процесса укрепления власти народа. Участие должно регулироваться принципами равенства, автономии, общественного обсуждения, уважения различий, общественного контроля, солидарности и межкультурного взаимодействия» (перевод Г. Б.)⁶².

Таким образом, конституции зарубежных стран в большинстве своем закрепляют право на управление делами государства и общества, но в то же время далеко не все конституционные акты гарантируют возможность осуществления общественного контроля или мониторинга.

V. Право на объединение

Право на объединение — это «основа организованного контакта граждан, в результате которого возникает их общность»⁶³, считает С. А. Ава-

кьян. При этом «главным способом реализации права на объединение является создание и деятельность общественных объединений»⁶⁴. В конституционном праве зарубежных стран понятию «общественное объединение» соответствует также понятие «ассоциация», которое используется в конституционных актах многих государств.

Право на объединение как одно из фундаментальных прав человека признается и закрепляется в конституциях большинства стран мира независимо от политического режима. Право на объединение раскрывается подробно в ст. 48–50 Конституции Анголы, ст. 45 и 46 Конституции Армении, ст. 22 и 23 Конституции Грузии, ст. 78 и 79 Конституции Дании⁶⁵, ст. 73 и 74 Конституции Исландии⁶⁶, ст. 70 Конституции Узбекистана, ст. 48 Конституции Эстонии⁶⁷. Примечательным является то, что помимо формального закрепления права на объединение в приведенных статьях содержатся повышенные гарантии осуществления деятельности общественных объединений, а именно возможность прекращения деятельности общественных объединений только по решению суда. Так, в ст. 22 Конституции Грузии говорится, что «ликвидация объединения допускается только по решению этого же объединения или суда, в определенных законом случаях и установленном порядке»⁶⁸. Сходное регулирование содержится также в ст. 35 Конституции Афганистана. Однако при оценке общественно-политической ситуации в

⁶² Оригинал: Citizens, individually and collectively, shall participate as leading players in decision making, planning and management of public affairs and in the people's monitoring of State institutions and society and their representatives in an ongoing process of building citizen power. Participation shall be governed by the principles of equality, autonomy, public deliberation, respect for differences, monitoring by the public, solidarity and interculturalism.

⁶³ Авакьян С. А. Указ. соч. С. 722.

⁶⁴ Авакьян С. А. Указ. соч.

⁶⁵ Конституция Дании // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Denmark_1953?lang=en (дата обращения: 29.06.2023).

⁶⁶ Конституция Исландии // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Iceland_2013.pdf?lang=en (дата обращения: 29.06.2023).

⁶⁷ Конституция Эстонии // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Estonia_2015.pdf?lang=en (дата обращения: 29.06.2023).

⁶⁸ Конституция Грузии // URL: <https://matsne.gov.ge/en/document/view/30346?publication=36> (дата обращения: 29.06.2023).

стране необходимо вспомнить о продолжительных войнах, вооруженных конфликтах, высоком уровне терроризма, радикализма, коррупции и бедности населения. В связи с этим представляется, что действительное положение дел ощутимо отличается от идей, закрепленных в Основном Законе.

Многие конституционные акты включают в себя стандартные формулировки, содержащие формальное закрепление права на объединение, а также запрет на создание партий, общественных объединений, имеющих целью насильственное изменение конституционного строя, разжигание религиозной, национальной вражды и др. (ст. 5 Конституции Беларуси, ст. 21 Конституции Буркина-Фасо, ст. 9 и 21 Конституции Германии⁶⁹, ст. 5 Конституции Казахстана, ст. 21 Конституции Кипра⁷⁰, ст. 8 Конституции Киргизии, ст. 14 Конституции Мадагаскара⁷¹,

ст. 41 Конституции Молдовы, ст. 33 Конституции Омана⁷², ст. 6 Конституции Сирии, ст. 8 и 28 Конституции Таджикистана⁷³, ст. 17 и 44 Конституции Туркменистана, ст. 43 Конституции Хорватии⁷⁴, ст. 4 и 53 Конституции Чехии, ст. 1 и 24 ч. 1 гл. 2 Конституции Швеции⁷⁵ и т.д.).

Нередко встречаются конституции, которые, напротив, содержат крайне поверхностное правовое регулирование права на объединение. Формальное закрепление право на объединение получило в ст. 17 Конституции Андорры⁷⁶, ст. 27 Конституции Бахрейна, ст. 27 Конституции Бельгии⁷⁷, ст. 10 Конституции Гвинеи⁷⁸, ст. 16 Конституции Иордании⁷⁹, ст. 39 Конституции Ирака, ст. 26 Конституции Ирана⁸⁰, ст. 18 Конституции Италии⁸¹, ст. 44 и 45 Конституции Катара, ст. 43 Конституции Кувейта, ст. 102 Конституции Латвии⁸², ст. 35 Конституции Литвы, ст. 9 Конституции Мексики, ст. 8 Конституции Нидерландов,

⁶⁹ Конституция Германии // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/German_Federal_Republic_2014 (дата обращения: 30.06.2023).

⁷⁰ Конституция Кипра // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Cyprus_2013.pdf?lang=en (дата обращения: 30.06.2023).

⁷¹ Конституция Мадагаскара // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Madagascar_2010.pdf (дата обращения: 30.06.2023).

⁷² Конституция Омана // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Oman_2011.pdf?lang=en (дата обращения: 30.06.2023).

⁷³ Конституция Таджикистана // URL: <https://www.prokuratura.tj/en/legislation/the-constitution-of-the-republic-of-tajikistan.html> (дата обращения: 30.06.2023).

⁷⁴ Конституция Хорватии // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Croatia_2013.pdf?lang=en (дата обращения: 30.06.2023).

⁷⁵ Конституция Швеции // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Sweden_2012?lang=en (дата обращения: 30.06.2023).

⁷⁶ Конституция Андорры // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Andorra_1993.pdf?lang=en (дата обращения: 30.06.2023).

⁷⁷ Конституция Бельгии // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Belgium_2014.pdf?lang=en (дата обращения: 30.06.2023).

⁷⁸ Конституция Гвинеи // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Guinea_2010.pdf?lang=en (дата обращения: 30.06.2023).

⁷⁹ Конституция Иордании // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Jordan_2011 (дата обращения: 30.06.2023).

⁸⁰ Конституция Ирана // URL: <https://www.refworld.org/docid/3ae6b56710.html> (дата обращения: 30.06.2023).

⁸¹ Конституция Италии // URL: https://www.senato.it/documenti/repository/istituzione/costituzione_inglese.pdf (дата обращения: 30.06.2023).

⁸² Конституция Латвии // URL: <https://www.saeima.lv/en/legislative-process/constitution/> (дата обращения: 30.06.2023).

ст. 33 Конституции ОАЭ⁸³, ст. 35 и 36 Конституции Туниса, ст. 13 Конституции Финляндии, ст. 4 Конституции Франции⁸⁴, ст. 22 и 23 Конституции Швейцарии⁸⁵, ст. 18 Конституции ЮАР, ст. 21 Конституции Японии. Статья 10 Конституции Сирии упоминает право на объединение в привязке к праву на осуществление общественного контроля. Согласно ст. 67 Конституции КНДР⁸⁶ государство создает все условия для свободной деятельности демократических политических партий и общественных организаций. Вместе с тем известно, что в Республике свобода слова в действительности ограничена, а власть сконцентрирована в руках Трудовой партии Кореи.

Заключение

Термин «гражданское общество» встречается не во всех конституциях зарубежных стран. Несмотря на это, в конституциях большинства стран подчеркиваются интересы и причастность общества ко многим сферам общественно-политической, социальной и экономической жизни. Следует отметить, что термин «гражданское общество» (civil society) практически одинаково часто фигурирует в конституциях стран с разными режимами правления. В конституциях некоторых стран, в том числе на постсоветском пространстве, гражданское общество выделяется в качестве перспективной цели, которую только предстоит достичь. Содержательное наполнение специальных разделов о государстве и обществе в ряде зарубежных конституций оставляет желать лучшего. Например, не во всех конституциях арабских стран в специальных разделах можно обнаружить положения об институтах гражданского общества, напротив, основное внимание уделяется исключительно семейно-брачным отношениям, материнству, детству, образованию и

воспитанию. Положения об институтах гражданского общества подробно раскрыты в Конституции Узбекистана (гл. XIII). Поправки появились в результате конституционной реформы 2023 г.

Большинство зарубежных конституций содержат положения о роли государства в контексте отношений «государство — общество — личность». В конституциях ряда стран Европы, СНГ, Ближнего Востока и Латинской Америки в качестве роли государства и органов публичной власти отмечается служение не только государству, но и обществу. Уточняется, что работа органов публичной власти, проводимая в интересах общества, должна осуществляться с соблюдением принципа открытости и стремлением к выстраиванию диалога, в том числе с привлечением институтов гражданского общества. В целом указанный принцип прослеживается лишь в некоторых зарубежных конституциях, однако в их число входят как европейские государства, так и страны из других регионов.

Конституционно-правовое регулирование института общественного контроля закреплено в конституциях немногих государств (например, Узбекистан, Уругвай, Эквадор).

Право на участие в управлении делами государства и общества и право на объединение являются фундаментальными основами свободы и демократии. Зарубежный опыт конституционного законодательства демонстрирует приверженность большинства стран из разных регионов мира, отличающихся друг от друга подходами к организации государственной власти, к закреплению на конституционно-правовом уровне указанных прав. В конституционных актах содержится широкое понимание права на управление, которое включает в себя управление делами не только государства, но и общества.

Несмотря на общую позитивную тенденцию по закреплению в конституционных актах права

⁸³ Конституция ОАЭ // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/United_Arab_Emirates_2004.pdf (дата обращения: 30.06.2023).

⁸⁴ Конституция Франции // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/503815> (дата обращения: 30.06.2023).

⁸⁵ Конституция Швейцарии // URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1999/404/en> (дата обращения: 30.06.2023).

⁸⁶ Конституция КНДР // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Peoples_Republic_of_Korea_1998.pdf (дата обращения: 30.06.2023).

на объединение, содержательное наполнение данного права может существенно различаться от государства к государству. В конституциях западных государств встречается как формальное закрепление, так и содержательное раскрытие права на объединение. Наиболее поверхностное регулирование встречается в конституциях арабских стран. Представляется, что подобные тенденции обусловлены авторитарным характером правления.

Конституции европейских государств и некоторых стран постсоветского пространства в содержательном плане предусматривают повышенные гарантии функционирования институтов гражданского общества, выразившиеся в допустимости ограничения или запрета деятельности политических партий и общественных объединений только судом. Однако существует немало европейских стран, которые в своих конституционных актах лишь вскользь упоминают о праве на объединение.

Таким образом, тезис о сформировавшейся в западных странах культурной среде, в кото-

рой гражданское общество стало естественным явлением, подтверждается лишь в некоторой степени. В странах Запада нет единого подхода к конституционно-правовому регулированию содержания основ гражданского общества, поскольку одинаково часто встречаются конституционные акты как с поверхностным, так и с подробным правовым регулированием. Вместе с тем анализ многочисленных конституционных актов государств, не относящихся к странам Запада, позволяет сделать вывод о развитии тенденции к совершенствованию на конституционно-правовом уровне форм взаимодействия государства и общества с привлечением институтов гражданского общества к решению общественно значимых вопросов. В частности, за последние несколько лет на постсоветском пространстве в результате проведения конституционных реформ некоторые страны пересмотрели на уровне своих конституций фактуру взаимоотношений «государство — общество» в пользу расширения конституционных гарантий для гражданского общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Авакьян С. А.* Конституционное право России : учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. Т. 1. — 7-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2023. — 864 с.
2. *Автономов А. С.* Межсекторальное взаимодействие: принципы и основы // Межсекторальные взаимодействия: методология, технологии, правовые нормы, механизмы, примеры. Настольная книга. — М., 2000. — С. 24–25.
3. *Баглай М. В.* Конституционное право Российской Федерации : учебник для вузов — 6-е изд., изм. и доп. — М. : Норма, 2007. — 784 с.
4. *Бондарь Н. С.* Гражданин и публичная власть: Конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении. — М., 2004. — С. 309–313.
5. *Влазнев В. Н.* Гражданское общество как предмет конституционно-правового исследования : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2002. — 198 с.
6. Гражданское общество как гарантия политического диалога и противодействия экстремизму: ключевые конституционно-правовые проблемы : монография / рук. авт. кол. и отв. ред. д-р юрид. наук, профессор С. А. Авакьян. — М. : Юстицинформ, 2015. — 652 с.
7. *Гриб В. В.* Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2011. — 525 с.
8. *Зорькин В. Д., Мамут Л. С., Кикоть В. А.* Новая Конституция: путь к свободе // Конституционный вестник. — 1990. — № 4. — С. 3–7.
9. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) : в 6 т. (10 кн.) / под общ. ред. О. Г. Румянцева ; Фонд конституционных реформ. — М. : Волтерс Клувер, 2007–2010.

10. Липчанская М. А. Участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства: традиционные формы и современные тенденции // Ленинградский юридический журнал. — 2013. — № 1 (31). — С. 124–133.
11. Лучин В. О., Боброва Н. А. Конституционный строй России: основные политико-правовые характеристики // Право и политика. — М. : Nota Bene. — 2003. — № 10. — С. 17–30.
12. Мальцев Г. В. Социальные основания права : монография — М. : Норма : Инфра-М, 2023. — 800 с.
13. Михеева Т. Н. Общественный контроль с позиций конституционного права граждан на участие в управлении делами государства // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 10. — С. 177–183.
14. Пространство для деятельности гражданского общества и система прав человека ООН : практическое руководство для гражданского общества / Управление Верховного комиссара ООН по правам человека // URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/CS_space_UNHRSysytem_Guide_ru.pdf (дата обращения: 12.07.2023).
15. Румянцев О. Г. Новая Конституция для России: наши подходы // Конституционный вестник. — 1990. — № 2. — С. 14–19.
16. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2022. — 640 с.
17. Троицкая А. Междисциплинарность в сравнительном конституционно-правовом исследовании // Сравнительное конституционное обозрение. — 2017. — № 5 (120). — С. 57–77.
18. Цанн-кай-си Ф. В. Гражданское общество: реальность и понятие // Конституционный вестник. — 1990. — № 4. — С. 12–14.
19. Шевердяев С. Н. Перспективные направления развития категории гражданского общества // Конституционное и муниципальное право. — 2007. — № 16. — С. 2–10.
20. Япрынцеv И. М. Сущность и понятие общественного контроля как механизма участия граждан в управлении делами государства // Государственная власть и местное самоуправление. — 2017. — № 3. — С. 27–31.

Материал поступил в редакцию 22 июля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avakyan S. A. Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnyy kurs: ucheb. posobie: v 2 t. T. 1. — 7-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma: Infra-M, 2023. — 864 s.
2. Avtonomov A. S. Mezhsektoralnoe vzaimodeystvie: printsipy i osnovy // Mezhsektoralnye vzaimodeystviya: metodologiya, tekhnologii, pravovye normy, mekhanizmy, primery. Nastolnaya kniga. — M., 2000. — S. 24–25.
3. Baglay M. V. Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnyy kurs dlya vuzov — 6-e izd., izm. i dop. — M.: Norma, 2007. — 784 s.
4. Bondar N. S. Grazhdanin i publichnaya vlast: Konstitutsionnoe obespechenie prav i svobod v mestnom samoupravlenii. — M., 2004. — S. 309–313.
5. Vlaznev V. N. Grazhdanskoe obshchestvo kak predmet konstitutsionno-pravovogo issledovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2002. — 198 s.
6. Grazhdanskoe obshchestvo kak garantiya politicheskogo dialoga i protivodeystviya ekstremizmu: klyuchevye konstitutsionno-pravovye problemy: monografiya / ruk. avt. kol. i otv. red. d-r yurid. nauk, professor S. A. Avakyan. — M.: Yustitsinform, 2015. — 652 s.
7. Grib V. V. Vzaimodeystvie organov gosudarstvennoy vlasti i institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2011. — 525 s.
8. Zorkin V. D., Mamut L. S., Kikot V. A. Novaya Konstitutsiya: put k svobode // Konstitutsionnyy vestnik. — 1990. — № 4. — S. 3–7.

9. Iz istorii sozdaniya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii. Konstitutsionnaya komissiya: stenogrammy, materialy, dokumenty (1990–1993 gg.): v 6 t. (10 kn.) / pod obshch. red. O. G. Rumyantseva; Fond konstitutsionnykh reform. — M.: Volters Kluver, 2007–2010.
10. Lipchanskaya M. A. Uchastie grazhdan Rossiyskoy Federatsii v upravlenii delami gosudarstva: traditsionnye formy i sovremennye tendentsii // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2013. — № 1 (31). — S. 124–133.
11. Luchin V. O., Bobrova N. A. Konstitutsionnyy stroy Rossii: osnovnye politiko-pravovye kharakteristiki // Pravo i politika. — M.: Nota Bene. — 2003. — № 10. — S. 17–30.
12. Maltsev G. V. Sotsialnye osnovaniya prava: monografiya — M.: Norma: Infra-M, 2023. — 800 s.
13. Mikheeva T. N. Obshchestvennyy kontrol s pozitsiy konstitutsionnogo prava grazhdan na uchastie v upravlenii delami gosudarstva // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2018. — № 10. — S. 177–183.
14. Prostranstvo dlya deyatelnosti grazhdanskogo obshchestva i sistema prav cheloveka OON: prakticheskoe rukovodstvo dlya grazhdanskogo obshchestva / Upravlenie Verkhovnogo komissara OON po pravam cheloveka // URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/CS_space_UNHRSysSystem_Guide_ru.pdf (data obrashcheniya: 12.07.2023).
15. Rumyantsev O. G. Novaya Konstitutsiya dlya Rossii: nashi podkhody // Konstitutsionnyy vestnik. — 1990. — № 2. — S. 14–19.
16. Teoriya gosudarstva i prava: kurs lektsiy / pod red. N. I. Matuzova, A. V. Malko. — 3-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma: Infra-M, 2022. — 640 s.
17. Troitskaya A. Mezhdistsiplinarnost v sravnitel'nom konstitutsionno-pravovom issledovanii // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. — 2017. — № 5 (120). — S. 57–77.
18. Tsann-kay-si F. V. Grazhdanskoe obshchestvo: realnost i ponyatie // Konstitutsionnyy vestnik. — 1990. — № 4. — S. 12–14.
19. Sheverdyaev S. N. Perspektivnye napravleniya razvitiya kategorii grazhdanskogo obshchestva // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2007. — № 16. — S. 2–10.
20. Yapryntsev I. M. Sushchnost i ponyatie obshchestvennogo kontrolya kak mekhanizma uchastiya grazhdan v upravlenii delami gosudarstva // Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie. — 2017. — № 3. — S. 27–31.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.195-207

Е. Л. Никитин*,
В. С. Зорин**

Разграничение компетенции органов прокуратуры и суда по обеспечению законности оперативно-розыскной деятельности

Аннотация. Актуальность исследования определена ролью и местом правового института защиты прав и свобод человека и гражданина как атрибута правового государства, необходимостью надлежащего контроля и надзора за их соблюдением. Конституция Российской Федерации провозглашает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а государство обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, судебная защита гарантируется каждому. Указанное подразумевает, с одной стороны, что каждому гарантируется обеспечение реализации активного права на обжалование в суде решений, действий или бездействия органов публичной власти и их должностных лиц, а с другой стороны, проверку соблюдения пассивного права, которое преимущественно реализуется посредством контрольно-надзорных процедур. Вместе с тем в процессе реализации отдельных функций государства (в частности, правоохранительной) уполномоченным органам разрешено применять меры, существенно ограничивающие фундаментальные конституционные права и свободы человека. Важное место среди указанных видов государственной деятельности занимает оперативно-розыскная деятельность (ОРД). В сфере ОРД граждане довольно часто ограничены в возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, в связи с чем особая роль в данной сфере отдается суду и прокуратуре. В рамках исследования предпринята попытка комплексного изучения теоретико-правовых и практических вопросов организации деятельности прокурора и суда по защите прав человека и гражданина, законных интересов юридических лиц при производстве ОРД, анализа соотношения прокурорской и судебной деятельности, выработки органичного механизма их реализации, исключающего «взаимоподмену» и дублирование компетенций.

© Никитин Е. Л., Зорин В. С., 2024

* *Никитин Евгений Львович*, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры прокурорского надзора и участия прокуроров в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел судами Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации Литейный пр., д. 44, г. Санкт-Петербург, Россия, 191014
gakan73@mail.ru

** *Зорин Владимир Сергеевич*, аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, ведущий консультант Санкт-Петербургского городского суда Литейный пр., д. 44, г. Санкт-Петербург, Россия, 191014
Wladimir_Sorin@hotmail.com

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; права человека и гражданина; законные интересы юридических лиц; суд; прокуратура; прокурорский надзор; уполномоченный прокурор; кассационное (надзорное) представление; правосудие; процессуальное законодательство; судебный контроль; уполномоченный судья.

Для цитирования: Никитин Е. Л., Зорин В. С. Разграничение компетенции органов прокуратуры и суда по обеспечению законности оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 3. — С. 195–207. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.195-207.

Differentiation of the Competence of the Prosecutor's Office and the Court to Ensure the Legality of Operational Investigative Activities

Evgeniy L. Nikitin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Prosecutorial Supervision and Participation of Prosecutors in Consideration of Criminal, Civil and Arbitrazh Cases by the Courts, St. Petersburg Law Institute (Branch), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation
gakan73@mail.ru

Vladimir S. Zorin, Postgraduate Student, St. Petersburg Law Institute (Branch), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Leading Consultant, St. Petersburg City Court, St. Petersburg, Russian Federation
Wladimir_Sorin@hotmail.com

Abstract. The relevance of the study is determined by the role and place of the legal institution for the protection of human, civil rights, and freedoms as an attribute of the rule of law, the need for proper control and supervision of their compliance. The Constitution of the Russian Federation proclaims that a person, his rights and freedoms are the highest value, and the state is obliged to recognize, respect and protect the rights and freedoms of man and citizen, judicial protection is guaranteed to everyone. This implies, on the one hand, that everyone is guaranteed to ensure the implementation of the active right to appeal in court decisions, actions or inactions of public authorities and their officials, and on the other hand, verification of compliance with the passive right, which is mainly implemented through control and supervisory procedures. At the same time, in the process of implementing certain functions of the state (in particular, law enforcement), authorized bodies are allowed to apply measures that significantly limit the fundamental constitutional rights and freedoms of a person. An important place among these types of state activities is occupied by operational investigative activities (OIA). In the field of OIA, citizens are often limited in their ability to independently defend their rights and legitimate interests, and therefore a special role in this area is given to the court and the prosecutor's office. As part of the study, an attempt was made to comprehensively study the theoretical, legal and practical issues of organizing the activities of the prosecutor and the court to protect human and civil rights, the legitimate interests of legal entities in the production of operational investigations, analyze the relationship between prosecutorial and judicial activities, and develop an organic mechanism for their implementation, excluding «mutual substitution» and duplication of competencies.

Keywords: operational investigative activity; operational search activities; human and civil rights; legitimate interests of legal entities; court; prosecutor's office; prosecutor supervision; authorized prosecutor; cassation (supervisory) representation; justice; procedural legislation; judicial control; authorized judge.

Cite as: Nikitin EL, Zorin VS. Differentiation of the Competence of the Prosecutor's Office and the Court to Ensure the Legality of Operational Investigative Activities. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(3):195-207. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.195-207

Оперативно-розыскная деятельность (далее также — ОРД) должна носить законный характер, она представляет собой важную задачу государственного управления, поскольку при ее осуществлении могут затрагиваться фундаментальные права и свободы человека и гражданина, интересы юридических лиц, общества и государства. Специфика этой деятельности обусловлена действием принципа конспирации, а также принципа сочетания гласных и негласных методов и средств. Деятельность оперативно-розыскных служб во многом построена на работе с конфиденциальными источниками информации, с необходимостью сохранения в тайне полученных оперативных сведений, ведением особого (секретного) делопроизводства и соблюдением режима секретности. Это ограничивает возможности установления ее законности традиционными способами и предполагает использование специальных институтов внешнего контроля и надзора. Учитывая наличие правовых гарантий законности ОРД, включая соблюдение конституционных прав граждан при ее осуществлении, закрепленных на конституционно-правовом и специально-отраслевом уровнях, требуется формирование реального механизма их обеспечения, который, как представляется, до настоящего времени находится в процессе становления. Так, Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее — Закон об ОРД) к числу институциональных гарантий законности ОРД помимо ведомственного контроля (ст. 22) относит вневедомственные институты судебного контроля и прокурорского надзора (ст. 5, 8, 9 и 21). Как отмечают специалисты, при достаточных средствах и высоких потенциальных возможностях ведомственного контроля его эффективность недостаточно высока по причине отсутствия прямой заинтересованности у соответствующих руководителей оперативно-розыскных органов

и нижестоящих руководителей отдельных оперативных подразделений выявлять и устранять нарушения, допускаемые подчиненными сотрудниками, поскольку обычно приоритетом в их работе является повышение уровня выявляемости и раскрываемости преступлений по оперативным данным, решение иных задач ОРД, а не обеспечение ее законности².

С учетом указанных обстоятельств следует констатировать высокую значимость институтов внешнего контроля (судебного) и надзора (прокурорского) за исполнением законов в ОРД. Органы прокуратуры и суд обеспечивают законность ОРД исходя из установленной законом компетенции, соответствующих полномочий и в рамках собственного предмета деятельности. Следует учитывать, что способы и формы осуществления своих полномочий судом (контрольные) и прокуратурой (надзорные и иные) принципиально различаются³. Например, при определенном совпадении некоторых элементов предмета деятельности имеются и существенные отличия, касающиеся его содержания и объема, а также порядка достижения задач, инициативности, интенсивности, оперативности, форм реализации полномочий и реагирования на нарушения. В этой связи возникает потребность в четком разграничении компетенции органов прокуратуры и суда, выделении и анализе элементов предмета прокурорского надзора и контрольной деятельности суда. Для органов прокуратуры также актуальным является вопрос возможности применения в целях обеспечения законности ОРД правовых средств ненадзорных функций.

Поскольку судебная деятельность при реализации полномочий по осуществлению судебного контроля осуществляется только при наличии соответствующего обращения (заявления, жалобы, ходатайства), поступающего от гражданина, юридического лица либо оперативно-розыскного органа, а судебный контроль не обладает

¹ СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

² Козусев А. Ф. Прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности: современные проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 41–45.

³ Шалумов М. С. Судебный контроль и прокурорский надзор: не междоусобица, а взаимодействие // Российская юстиция. 2001. № 4. С. 15–16.

свойствами инициативности и наступательности при выявлении возможных нарушений в сфере ОРД, их устранении и предупреждении, по этой причине важнейшее значение для обеспечения законности в ОРД при проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) наряду с судебной защитой имеет прокурорская деятельность.

Надзорная деятельность, осуществляемая органами прокуратуры, традиционно рассматривается в качестве процессуальной деятельности по выявлению, предупреждению и устранению правонарушений⁴. Поскольку она всегда имеет предметный характер, постольку вопрос четкого определения предмета надзора является основополагающим для любой его отрасли и ключевым при разграничении компетенции с иными органами государственной власти. Специалисты-теоретики различным образом определяли предмет прокурорского надзора⁵. Большинство ученых склонялось к тому, что общим предметом прокурорского надзора является соблюдение и исполнение законов, действующих на территории Российской Федерации, то есть законность деятельности поднадзорных прокуратуре объектов⁶. Научная дискуссия и отсутствие единых теоретических подходов повлекли за собой потребность установить предмет прокурорского надзора для каждой существующей отрасли (ст. 21, 26, 29, 32 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»⁷ (далее — Закон о прокуратуре)). Научная полемика о должных элементах предмета прокурорского надзора в специальных отраслях не прекращается и в наши дни. К сожалению, предмет надзора за исполнением законов в ОРД и в процессуальной деятельности

не дифференцирован, что порождает как теоретические, так и правоприменительные проблемы в прокурорской деятельности. Разграничение самостоятельных предметов надзора за процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью имеет объективную потребность⁸. Анализ сущности и содержания прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД делает необходимым выделение его самостоятельно-го предмета⁹, разграничивая его с элементами предмета надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие. К предмету прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД (ст. 29 Закона о прокуратуре) относятся: соблюдение прав и свобод человека и гражданина; установленный порядок выполнения ОРМ; законность решений, принимаемых органами, осуществляющими ОРД.

Соблюдение прав и свобод человека и гражданина — важнейший элемент предмета прокурорского надзора. Осуществление ОРД предполагает проведение ОРМ, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 23 и 25 Конституции РФ). Они проводятся негласно и на основе принципа конспирации. Согласие на ограничение конституционных прав граждан при проведении указанных ОРМ дает судья в рамках судебного контроля с учетом его предмета, но только если оперативно-розыскной орган обращается в суд с соответствующим ходатайством. Поэтому именно органы прокуратуры в пределах установленного предмета надзора помимо их непосредственного соблюдения проверяют исполнение требования об обязательном обращении в суд при необходимости

⁴ Ломовский В. Д. Прокурорско-надзорные правоотношения. Ростов н/Д : Издательство Ростовского университета, 1987. С. 35.

⁵ Даев В. Г., Маршунов М. Н. Основы теории прокурорского надзора. Л. : Издательство Ленинградского университета, 1990. С. 62.

⁶ Басков В. И., Коробейников Б. В. Курс прокурорского надзора : учебник. М. : Зерцало, 2000. С. 7.

⁷ Российская газета. 1992. № 39. 18 февр.

⁸ Козусев А. Ф. Проблемы правового регулирования прокурорского надзора, судебного и ведомственного контроля за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности. М., 2002. С. 24.

⁹ Скосарев В. В. Предмет и пределы прокурорского надзора в сфере оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : материалы научно-практической конференции. М. : ВНИИ МВД России, 2002. С. 75–80.

производства ОРМ, ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина; о своевременном уведомлении суда о случаях неотложного проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина; о соблюдении сроков проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина (ст. 9 Закона об ОРД); об уведомлении за три месяца соответствующего судьи об уничтожении материалов, отражающих результаты ОРМ, проведенных на основании судебного решения (ст. 5 Закона об ОРД).

Условия проведения таких ОРМ, как правило, не дают гражданам самим оценить законность ограничения своих прав и свобод, в связи с чем процедура судебного контроля крайне редко ими инициируется самостоятельно. Предмет прокурорского надзора и полномочия, предоставленные прокурору, обязывают его выявлять факты нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина при проведении ОРМ самостоятельно, не рассчитывая на поступление информации от лиц, чьи права нарушены органом, осуществляющим ОРД.

В предмет прокурорского надзора включен «установленный порядок» выполнения ОРМ. Однако на законодательном уровне порядок проведения ОРМ не регламентирован. В нормах Закона об ОРД перечислены только виды и названия разрешенных к проведению ОРМ (ст. 6), установлены основания (ст. 7) и условия проведения отдельных ОРМ (ст. 8, 9). Ведомственные нормативные акты детализируют и более подробно раскрывают порядок проведения предусмотренных законом ОРМ. Оценка законности ОРМ осуществляется прокурором после их фактического проведения (по общему правилу, кроме длящихся) путем обращения к соответствующим оперативно-служебным документам и их инициативного истребования. Большинство ОРМ проводится инициативно оперативными сотрудниками, однако те из них, которые предполагают ограничение кон-

ституционных прав и свобод граждан, вызывают необходимость получения судебного решения, разрешающего их проведение. Вынесенное в рамках специальной судебной процедуры судебное решение является обязательным и неотъемлемым элементом их законности наряду с соблюдением базовых положений оперативно-розыскного законодательства (ст. 6, 7, 8 Закона об ОРД). Несоблюдение порядка обращения оперативно-розыскного органа в суд при получении судебного решения, недостатки самого судебного постановления по форме либо содержанию влекут за собой инициирование прокурором процедуры признания ОРМ незаконным и принятие мер к его прекращению, если оно длящееся. Попытки некоторых граждан обжаловать такие судебные постановления не сформировали однозначную и единообразную практику их пересмотра и отмены судами вышестоящих инстанций. Например, Верховный Суд РФ неоднократно возвращал эти жалобы заявителям без рассмотрения, указывая, что Закон об ОРД не содержит норм, регламентирующих возможность и порядок обжалования такого рода судебных решений¹⁰.

Возникает закономерный вопрос: в рамках компетенции какого органа должна быть дана оценка законности такого мероприятия и соответствующего ему судебного решения? К предмету прокурорского надзора не относится исполнение законов в деятельности судебных органов, поскольку органы правосудия и непосредственные носители судебной власти — судьи не относятся к объектам прокурорского надзора. Оценка законности принимаемых судебных решений предполагается в рамках функции органов прокуратуры по участию в рассмотрении дел судами (ст. 1, 35, 36 Закона о прокуратуре). Одновременно следует признать наличие недостаточного правового регулирования этих вопросов нормами законодательства о прокуратуре и оперативно-розыскной деятельности. Так, статьи 35 и 36 Закона о прокуратуре говорят только об участии прокурора в рассмо-

¹⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 08.02.2007 № 128-О-П «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мартиросяна Ованеса Борисовича на нарушение его конституционных прав статьей 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»» // СПС «КонсультантПлюс».

трени дел по существу, но не наделяют его соответствующими полномочиями и не включают в процедуру судебного контроля. Согласно сложившейся правоприменительной практике, прокурор обязан принять меры к прекращению незаконного ОРМ, которое проводится по судебному решению, а также оспорить само незаконное постановление судьи. В настоящее время прокурор направляет в суд кассационной (надзорной) инстанции кассационное (надзорное) представление по правилам, установленным главами 47.1 и 48.1 УПК РФ. Сложившаяся ситуация требует законодательного урегулирования рассмотренных выше процедур судебной и прокурорской деятельности.

Иным элементом предмета надзора является законность решений, принимаемых оперативно-розыскными органами. Организационно-управленческие (служебные) решения по конкретным вопросам ОРД относятся к категории правоприменительных и оформляются постановлениями, распоряжениями и другими документами соответствующих руководителей оперативных служб. Вместе с тем статья 29 Закона о прокуратуре прямо не упоминает правовые акты нормативного характера. Это представляется недостатком данной нормы, что требует своего устранения¹¹. Правоприменительная прокурорская практика, основанная на применении положений ведомственных приказов Генерального прокурора РФ, позволяет прокурору уже сейчас требовать отмены незаконных нормативных правовых актов оперативно-розыскных органов.

Вторым видом внешнего контроля и надзора за соблюдением законов в ОРД является судебный контроль.

Конституцией РФ установлено, что права и свободы человека и гражданина защищаются судом, судебная защита гарантируется каждому. Указанное подразумевает, с одной стороны, что каждому гарантируется обеспечение реализации активного права на обжалование в суде

решений, действий или бездействия органов публичной власти и их должностных лиц, а с другой стороны, проверку соблюдения пассивного права, которое преимущественно реализуется посредством контрольных процедур.

Необходимо отметить, что на современном этапе суд понимается в трех плоскостях.

Во-первых, как государственный орган, осуществляющий правосудие, то есть особый вид государственной деятельности, содержанием которой является рассмотрение и разрешение судами различных социальных конфликтов, связанных с действительным или предполагаемым нарушением норм права¹².

Во-вторых, как непосредственный носитель судебной власти — судья в процессе рассмотрения конкретного дела.

И в-третьих, как уполномоченный судья, под которым понимается судья, к полномочиям которого относится осуществление судебного контроля за законностью ограничения конституционных прав граждан в оперативно-розыскной и контрразведывательной деятельности.

Исходя из анализа действующего законодательства, можно определить следующий предмет судебного контроля в сфере ОРД:

- законность возбуждения органом, осуществляющим ОРД, ходатайства о проведении ОРМ, связанного с ограничением конституционных прав граждан;
- законность возбуждения органом, осуществляющим ОРД, ходатайства о проведении ОРМ, связанного с истребованием информации, составляющей банковскую тайну;
- законность действий органов, осуществляющих ОРД, которые, по мнению заявителя, привели к нарушению его прав и свобод;
- законность отказа в предоставлении сведений либо предоставление сведений не в полном объеме органом, осуществляющим ОРД, лицу, виновность которого в совершении преступления не была доказана в установленном законом порядке (в отношении которого в воз-

¹¹ Козусев А. Ф. Полномочия прокурора по надзору за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 10. С. 3–9.

¹² Судебная власть и правосудие в Российской Федерации : курс лекций / авт. кол.: В. М. Лебедев [и др.] ; под ред. В. В. Ершова. М. : РАП, 2011. С. 446.

буждении уголовного дела отказано либо уголовное дело прекращено в связи с отсутствием события преступления, в связи с отсутствием в деянии состава преступления), которое располагает фактами проведения в отношении его ОРМ и полагает, что при этом были нарушены его права.

Таким образом, исходя из цели и конкретных задач, судебный контроль в сфере ОРД осуществляется в двух видах — в виде предварительного судебного контроля (осуществляемого уполномоченным судьей при проверке судом законности проведения ОРМ) и в виде последующего (осуществляемого судом в порядке конкретного вида судопроизводства при обжаловании решений, действий или бездействия оперативно-розыскного органа и его должностных лиц).

Предварительный судебный контроль имеет целью обеспечить соблюдение и предупредить нарушение конституционных прав человека, а также иных прав, отнесенных федеральным законом к предмету судебного контроля в сфере ОРД.

Иницирует судебный контроль поступление в суд ходатайства о разрешении ОРМ, требующего судебного решения. Указанное ходатайство предстает в виде мотивированного постановления руководителя уполномоченного оперативно-розыскного органа.

К постановлению (по сути — ходатайству) руководителя органа, осуществляющего ОРД, закон предъявляет ряд требований, которым судьей должна быть дана правовая оценка, а именно: постановление должно быть мотивированным, законным и обоснованным.

Таким образом, в рамках судебного контроля проверяется, надлежащим ли должностным лицом уполномоченного на проведение указанного ОРМ оперативно-розыскного органа оно подано и соответствует ли содержание испрошенного

ОРМ тому, что предусмотрено законом и внутриведомственными нормативными правовыми актами оперативных органов; имеются ли основания и соблюдены ли условия проведения ОРМ; соответствуют ли выводы руководителя оперативно-розыскного органа документально оформленным фактическим данным материала и имеются ли достаточные и аргументированные доводы, подтверждающих необходимость и целесообразность проведения конкретного ОРМ.

Для принятия решения о разрешении оперативно-розыскного мероприятия в рамках судебного контроля должны быть установлены предусмотренные законом основания.

Несмотря на то что указанный термин прямо используется в Законе об ОРД (ст. 7), до настоящего времени среди ученых и практиков сохраняются дискуссии о его сущности.

Так, представители оперативно-розыскной науки полагают, что основаниями осуществления ОРМ являются поводы, оправдывающие их использование в сфере борьбы с преступностью (например, К. К. Горяинов, К. В. Сурков¹³, В. С. Овчинский¹⁴). Указанная точка зрения представляется исключительно корпоративистской, поскольку позволяет чрезмерно и фактически ничем не ограничено расширить категорию оснований, позволяя игнорировать категории целесообразности и соразмерности и проводить ОРМ практически по любому поводу.

А. Ю. Шумилов, давая свое определение термину оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий, структурно разделял их на юридические (формально-юридические) и фактические¹⁵. Под юридическими основаниями ученый понимал поводы для проведения ОРМ или предусмотренные законом или нормативным правовым актом источники фактической информации, поступившие в оперативный орган (к оперативному сотруднику), которые в обязательном порядке содержат сведения о

¹³ Горяинов К. К., Кваша Ю. Ф., Сурков К. В. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: комментарий. М., 1997. С. 287.

¹⁴ Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под общ. ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского и Г. К. Синилова. М.: Инфра-М, 2012. С. 288.

¹⁵ Шумилов А. Ю. Юридические основы оперативно-розыскных мероприятий: учеб. пособие. М., 1999. С. 30.

фактическом основании для проведения ОРМ. В качестве фактических оснований названо наличие достаточных данных, свидетельствующих о необходимости и возможности проведения в данной конкретной ситуации именно данного ОРМ. В целом сходных точек зрения придерживаются и другие исследователи, например В. Г. Бобров¹⁶, О. А. Вагин¹⁷, В. И. Зуев¹⁸, Г. Д. Луковников¹⁹, А. Е. Чечетин²⁰.

В случае если представленных судье материалов окажется недостаточно для принятия решения о разрешении или об отказе в разрешении ОРМ, закон восполняет указанное правом судьи требовать предоставления иных материалов, касающихся оснований для проведения ОРМ (с учетом приведенного в законе закрытого перечня исключений). К таким материалам можно отнести результаты ранее проведенных ОРМ, а также имеющиеся в распоряжении уполномоченного органа материалы контрольно-ревизионных, надзорных органов и др.

При этом важно отметить, что оценка эффективности и качества ранее проведенных ОРМ к предмету судебного контроля не относится. В связи с этим представляется целесообразным законодательно предусмотреть, что в случае выявления признаков указанного соответствующее уведомление направляется в органы прокуратуры.

Стоит отметить, что указанный порядок един как для разрешения проведения ОРМ, так и для проверки тех, проведение которых по причине безотлагательности начато без получения судебного решения (рядом авторов относится к отдельной форме судебного контроля)²¹.

Последующий судебный контроль имеет целью правососстановление, устранение нарушений закона, прав и законных интересов лиц.

В отличие от предварительного судебного контроля, осуществляемого в порядке Закона об ОРД и фактически не имеющего строгой и законодательно определенной процессуальной формы, последующий судебный контроль осуществляется в строго определенном процессуальном порядке уголовного судопроизводства. Вместе с тем до настоящего времени в надлежащем виде указанный институт законодательно не урегулирован, что на практике создает многочисленные проблемы правоприменения.

Отсутствует и единство в понимании сущности судебного контроля на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, который подчас отдельными авторами полностью поглощается функцией правосудия (В. В. Дорошков²², В. А. Лазарева²³, А. Д. Назаров²⁴).

В то же время ряд ученых хотя и отождествляют судебный контроль с правосудием, тем не менее признают его специфичность или характеризуют особой формой правосудия (А. П. Гусь-

¹⁶ *Атмажитов В. М., Бобров В. Г.* Оперативно-розыскные мероприятия: актуальные вопросы теории и практики // Государство и право. 2005. № 3. С. 28.

¹⁷ *Вагин О. А., Исиченко А. П., Шабанов Г. Х.* Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов : учебно-практическое пособие. М., 2006. С. 43–44.

¹⁸ *Зуев В. И.* Оперативно-розыскная деятельность : учеб.-метод. пособие. Оренбург, 2007. С. 85.

¹⁹ *Луковников Г. Д.* Следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия. М. : РПА Минюста России, 2013. С. 141.

²⁰ *Чечетин А. Е.* Оперативно-розыскные мероприятия и права личности : монография. Барнаул : Изд-во Барнаульского юридического института МВД России, 2006. С. 7.

²¹ *Бабичев Д. А.* Судебный контроль в обеспечении законности и обоснованности решений, принимаемых оперативными подразделениями органов внутренних дел // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2020. Т. 24. № 2. С. 389–409.

²² *Дорошков В. В.* Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. М. : Норма, 2004. С. 16.

²³ *Лазарева В. А.* Судебная власть. Судебная защита. Судебный контроль: понятие и соотношение : лекции-очерки. Самара, 1999. С. 20–24.

²⁴ *Назаров А. Д.* Влияние следственных ошибок на ошибки суда. СПб. : Юридический центр, 2003. С. 206.

кова²⁵, Н. Н. Ковтун²⁶, Н. А. Колоколов²⁷, В. М. Лебедев²⁸, И. Л. Петрухин²⁹).

С другой стороны, третья группа ученых (В. А. Азаров³⁰, В. Н. Галузо³¹, О. В. Химичева³²) придерживается позиции о самостоятельности функции судебного контроля, отличной от правосудия по уголовным делам.

Возвращаясь непосредственно к проблемам реализации последующего судебного контроля, необходимо отметить, что несмотря на то, что Основным Законом и Законом об ОРД предусмотрено право гражданина обжаловать незаконные решения, действия (бездействие) органов, осуществляющих ОРД, и их должностных лиц в суде, надлежащие правовые гарантии реализации указанного права не обеспечены.

Так, как следует из позиций Конституционного Суда РФ³³ и Пленума Верховного Суда РФ³⁴, судебному контролю в порядке уголовного судопроизводства подлежат только те оперативно-розыскные мероприятия, которые связаны с осуществлением уголовного преследования в досудебном производстве по уголовному делу.

Таким образом, фактически существенная часть потенциальных нарушений выведена из предмета судебного контроля, а судебная защита в таком случае возможна в порядке административного и арбитражного судопроизводства. Сама по себе вариативность и неясность для заявителя (по причине секретности оперативно-розыскных мероприятий) не может свидетельствовать о надлежащей обеспеченности гарантии на судебную защиту, которая должна быть ясной и недвусмысленной.

Вместе с тем необходимо отметить, что и указанная позиция высших судов спорную правоприменительную практику не разрешила.

Так, как следует из материалов обращений в Конституционный Суд РФ, имели место случаи, когда при обращении заявителя с жалобой в порядке уголовного судопроизводства на действия оперативных сотрудников при проведении оперативно-розыскных мероприятий в принятии данной жалобы было отказано с указанием на несоблюдение порядка обжалования и необходимость подачи жалобы в ином порядке судопроизвод-

²⁵ Гуськова А. П. Процессуально-правовые и организационные вопросы подготовки к судебному заседанию по УПК РФ : монография. Оренбург : ИПК ОГУ, 2002. С. 13.

²⁶ Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России : монография. Н. Новгород : Нижегородская правовая академия, 2002. С. 27.

²⁷ Колоколов Н. А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования: реальность, перспективы // Государство и право. 1998. № 11. С. 32.

²⁸ Лебедев В. М. Судебная защита свободы и личной неприкосновенности граждан на предварительном следствии : учеб. пособие. М. : РАП, 2001. С. 8.

²⁹ Петрухин И. Л. Прокурорский надзор и судебный контроль за следствием // Российская юстиция. 1998. № 9. С. 13.

³⁰ Азаров В. А. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России : монография. Омск : Омский государственный университет, 2004. С. 147–148.

³¹ Галузо В. Н. Судебный контроль за законностью и обоснованностью содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых на стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 21.

³² Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : монография. М. : Юнити-Дана, 2004. С. 27, 206–207.

³³ Определение Конституционного Суда РФ от 14.07.1998 № 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности” по жалобе гражданки И. Г. Черновой» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 28.06.2022) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ства (административном), после устранения указанных судом нарушений и подачи жалобы по тому же вопросу в тот же суд, но в порядке административного судопроизводства в принятии указанной жалобы также было отказано с указанием на несоблюдение порядка обжалования и необходимость подачи жалобы в ином порядке судопроизводства (уголовном). Оба судебных решения суда первой инстанции были обжалованы заявителем в один и тот же кассационный суд, судьи разных судебных коллегий которого дали взаимоисключающие ответы. Таким образом, ни уголовный, ни административный суд не увидели предмета своего рассмотрения, а заявитель не смог реализовать права на судебную защиту ни в порядке уголовного, ни в порядке административного процесса (до введения в действие КАС РФ производство по делам, возникающим из публичных правоотношений, осуществлялось в порядке ГПК РФ)³⁵.

Иным примером необеспеченности гарантии реализации судебной защиты, а следовательно, и препятствием для эффективной организации судебного контроля по данному направлению является пробельность и неопределенность действующего законодательного регулирования по вопросу о предоставлении заявителю данных о проведенных в его отношении оперативно-розыскных мероприятиях. Так, Закон об ОРД презюмирует отсутствие у указанного лица достоверных сведений о нарушении его прав и свобод, что лишает его возможности привести конкретные факты в свою защиту, объективно оценить и доказать объем допущенных нарушений. Следовательно, жалоба указанного лица изначально обречена стать необоснованной и немотивированной.

Аналогичное справедливо и для возможности подготовки жалобы на законность отказа в предоставлении либо частичном предоставлении сведений о проведенных в отношении лица оперативно-розыскных мероприятиях, поскольку закон, во-первых, требует, чтобы заявитель обладал фактами о проведении в отношении него оперативно-розыскных мероприятий, а во-вторых, создает на практике возможность

произвольного толкования перечня лиц, которые вправе получить указанную информацию, и никаким образом не регулирует, как и в каком порядке с соответствующими сведениями может ознакомиться лицо, в отношении которого проверка в порядке, предусмотренном УПК РФ, не проводилась.

Предельно ограничена и сама возможность оценки полноты (неполноты) предоставленных сведений. На практике указанные сведения предоставляются заявителю в виде справки, содержание и объем которой определяется самим оперативным органом. По указанным справкам, как правило, невозможно судить ни о достоверности, ни об объеме информации о заявителе, на получение которой он имеет право. Таким образом, заявителю как-либо обосновать неполноту полученных сведений в жалобе в суд заведомо затруднительно, если не невозможно.

Изложенное фактически превращает в настоящее время последующий судебный контроль в данной сфере в химеру, фикцию.

По итогам проведенного исследования представляется необходимым:

1. Разделить прокурорский надзор за исполнением законов в ОРД и за процессуальной деятельностью на досудебных стадиях уголовного судопроизводства на две отдельные отрасли с выделением самостоятельных предметов надзора.

2. Включить в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» и Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» нормы, регламентирующие порядок обжалования прокурором судебных решений, вынесенных в рамках судебного контроля и не отвечающих требованиям законности и обоснованности.

3. Включить в ст. 29 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» положение об отнесении к предмету прокурорского надзора нормативных правовых актов органов, осуществляющих ОРД.

4. Законодательно определить понятие судебного контроля в сфере ОРД и его виды.

5. Предусмотреть производство судебного контроля (или хотя бы последующего судебного

³⁵ Материалы обращения от 30.08.2010 № 12323/15-01/10 // Архив Конституционного Суда РФ.

контроля) в порядке одного процесса (в порядке уголовного судопроизводства или в порядке отдельного оперативно-розыскного процесса), отнеся к правосудию исключительно вопросы на судебных стадиях уголовного дела.

6. Предусмотреть на уровне федерального закона единое содержание сведений, кото-

рые должны быть предоставлены по запросу заявителей, в отношении которых проводились оперативно-розыскные мероприятия. Таким образом, в порядке судебного контроля будет проверяться законность и обоснованность отказа в предоставлении конкретных данных.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Азаров В. А., Таричко И. Ю.* Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России : монография. — Омск : Омский государственный университет, 2004. — 379 с.
2. *Атмажитов В. М., Бобров В. Г.* Оперативно-розыскные мероприятия: актуальные вопросы теории и практики // Государство и право. — 2005. — № 3.
3. *Бабичев Д. А.* Судебный контроль в обеспечении законности и обоснованности решений, принимаемых оперативными подразделениями органов внутренних дел // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». — 2020. — Т. 24. — № 2. — С. 389–409.
4. *Басков В. И., Коробейников Б. В.* Курс прокурорского надзора : учебник. — М. : Зерцало, 2000. — 512 с.
5. *Вагин О. А., Исиченко А. П., Шабанов Г. Х.* Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов : учеб.-практическое пособие. — М. : Изд. дом Шумиловой И. И., 2006. — 118 с.
6. *Галузо В. Н.* Судебный контроль за законностью и обоснованностью содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых на стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1995. — 29 с.
7. *Горяинов К. К., Кваша Ю. Ф., Сурков К. В.* Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» : комментарий. — М., 1997. — 570 с.
8. *Гуськова А. П.* Процессуально-правовые и организационные вопросы подготовки к судебному заседанию по УПК РФ : монография. — Оренбург : ИПК ОГУ. — 2002. — 107 с.
9. *Даев В. Г., Маршунов М. Н.* Основы теории прокурорского надзора. — Л. : Издательство Ленинградского университета, 1990. — 135 с.
10. *Дорошков В. В.* Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. — М. : Норма, 2004. — 320 с.
11. *Зуев В. И.* Оперативно-розыскная деятельность : учебно-методическое пособие. — Оренбург : Изд. центр ОГАУ, 2007. — 378 с.
12. *Ковтун Н. Н.* Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России : монография. — Н. Новгород : Нижегородская правовая академия, 2002. — 331 с.
13. *Козусев А. Ф.* Полномочия прокурора по надзору за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2010. — № 10. — С. 3–9.
14. *Козусев А. Ф.* Проблемы правового регулирования прокурорского надзора, судебного и ведомственного контроля за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности. — М. : Институт повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры РФ, 2002. — 91 с.
15. *Козусев А. Ф.* Прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности: современные проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2001. — 45 с.
16. *Колоколов Н. А.* Судебный контроль в стадии предварительного расследования: реальность, перспективы // Государство и право. — 1998. — № 11.
17. *Лазарева В. А.* Судебная власть. Судебная защита. Судебный контроль: понятие и соотношение : лекции-очерки. — Самара : Изд-во Самарской гуманитарной академии, 1999. — 63 с.

18. *Лебедев В. М.* Судебная защита свободы и личной неприкосновенности граждан на предварительном следствии : учеб. пособие. — М. : РАП, 2001. — 158 с.
19. *Ломовский В. Д.* Прокурорско-надзорные правоотношения. — Ростов н/Д : Издательство Ростовского университета, 1987.
20. *Луковников Г. Д.* Следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия : учеб. пособие. — М. : РПА Минюста России, 2013. — 236 с.
21. *Назаров А. Д.* Влияние следственных ошибок на ошибки суда. — СПб. : Юридический центр, 2003. — 321 с.
22. *Петрухин И. Л.* Прокурорский надзор и судебный контроль за следствием // Российская юстиция. — 1998. — № 9.
23. *Скосарев В. В.* Предмет и пределы прокурорского надзора в сфере оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : материалы научно-практической конференции. — М. : ВНИИ МВД России, 2002. — С. 75–80.
24. Судебная власть и правосудие в Российской Федерации : курс лекций / авт. кол.: В. М. Лебедев [и др.] ; под ред. В. В. Ершова. — М. : РАП, 2011. — 900 с.
25. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под общ. ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского и Г. К. Синилова. — М. : Инфра-М, 2012. — 689 с.
26. *Химичева О. В.* Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : монография. — М. : Юнити-Дана, 2004. — 287 с.
27. *Чечетин А. Е.* Оперативно-розыскные мероприятия и права личности : монография. — Барнаул : Барнаульский юридический институт, 2006. — 147 с.
28. *Шалумов М. С.* Судебный контроль и прокурорский надзор: не междуособица, а взаимодействие // Российская юстиция. — 2001. — № 4. — С. 15–16.
29. *Шумилов А. Ю.* Юридические основы оперативно-розыскных мероприятий : учеб. пособие. — М., 1999. — 127 с.

Материал поступил в редакцию 2 августа 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Azarov V. A., Tarichko I. Yu. Funktsiya sudebnogo kontrolya v istorii, teorii i praktike ugovnogo protsesssa Rossii: monografiya. — Omsk: Omskiy gosudarstvennyy universitet, 2004. — 379 s.
2. Atmazhitov V. M., Bobrov V. G. Operativno-rozysknyye meropriyatiya: aktualnye voprosy teorii i praktiki // Gosudarstvo i pravo. — 2005. — № 3.
3. Babichev D. A. Sudebnyy kontrol v obespechenii zakonnosti i obosnovannosti resheniy, prinimaemykh operativnymi podrazdeleniyami organov vnutrennikh del // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Yuridicheskie nauki». — 2020. — T. 24. — № 2. — S. 389–409.
4. Baskov V. I., Korobeynikov B. V. Kurs prokurorskogo nadzora: uchebnyk. — M.: Zertsalo, 2000. — 512 s.
5. Vagin O. A., Isichenko A. P., Shabanov G. Kh. Operativno-rozysknyye meropriyatiya i ispolzovanie ikh rezultatov: ucheb.-prakticheskoye posobie. — M.: Izd. dom Shumilovoy I. I., 2006. — 118 s.
6. Galuzo V. N. Sudebnyy kontrol za zakonnostyu i obosnovannostyu sodержaniya pod strazhey podozrevaemykh i obvinyaemykh na stadii predvaritelnogo rassledovaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 1995. — 29 s.
7. Goryainov K. K., Kvasha Yu. F., Surkov K. V. Federalnyy zakon «Ob operativno-rozysknoy deyatelnosti»: kommentariy. — M., 1997. — 570 s.
8. Guskova A. P. Protsessualno-pravovye i organizatsionnyye voprosy podgotovki k sudebnomu zasedaniyu po UPK RF: monografiya. — Orenburg: IPK OGU. — 2002. — 107 s.

9. Daev V. G., Marshunov M. N. *Osnovy teorii prokurorskogo nadzora*. — L.: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta, 1990. — 135 s.
10. Doroshkov V. V. *Mirovoy sudya. Istoricheskie, organizatsionnye i protsessualnye aspekty deyatel'nosti*. — M.: Norma, 2004. — 320 s.
11. Zuev V. I. *Operativno-rozysknaya deyatel'nost: uchebno-metodicheskoe posobie*. — Orenburg: Izd. tsentr OGAU, 2007. — 378 s.
12. Kovtun N. N. *Sudebnyy kontrol v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: monografiya*. — N. Novgorod: Nizhegorodskaya pravovaya akademiya, 2002. — 331 s.
13. Kozusev A. F. *Polnomochiya prokurora po nadzoru za ispolneniem zakonov v operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. — 2010. — № 10. — S. 3–9.
14. Kozusev A. F. *Problemy pravovogo regulirovaniya prokurorskogo nadzora, sudebnogo i vedomstvennogo kontrolya za ispolneniem zakonov v operativno-rozysknoy deyatel'nosti*. — M.: Institut povysheniya kvalifikatsii rukovodyashchikh kadrov General'noy prokuratury RF, 2002. — 91 s.
15. Kozusev A. F. *Prokurorskiy nadzor za ispolneniem zakonov v operativno-rozysknoy deyatel'nosti: sovremennye problemy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk*. — M., 2001. — 45 s.
16. Kolokolov N. A. *Sudebnyy kontrol v stadii predvaritelnogo rassledovaniya: realnost, perspektivy // Gosudarstvo i pravo*. — 1998. — № 11.
17. Lazareva V. A. *Sudebnaya vlast. Sudebnaya zashchita. Sudebnyy kontrol: ponyatie i sootnoshenie: lektsii-ocherki*. — Samara: Izd-vo Samarskoy gumanitarnoy akademii, 1999. — 63 s.
18. Lebedev V. M. *Sudebnaya zashchita svobody i lichnoy neprikosnovennosti grazhdan na predvaritel'nom sledstvii: ucheb. posobie*. — M.: RAP, 2001. — 158 s.
19. Lomovskiy V. D. *Prokurorsko-nadzornye pravootnosheniya*. — Rostov n/D: Izdatelstvo Rostovskogo universiteta, 1987.
20. Lukovnikov G. D. *Sledstvennyye deystviya i operativno-rozysknyye meropriyatiya: ucheb. posobie*. — M.: RPA Minyusta Rossii, 2013. — 236 s.
21. Nazarov A. D. *Vliyanie sledstvennykh oshibok na oshibki suda*. — SPb.: Yuridicheskiy tsentr, 2003. — 321 s.
22. Petrukhin I. L. *Prokurorskiy nadzor i sudebnyy kontrol za sledstviem // Rossiyskaya yustitsiya*. — 1998. — № 9.
23. Skosarev V. V. *Predmet i predely prokurorskogo nadzora v sfere operativno-rozysknoy deyatel'nosti organov vnutrennikh del // Problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoy deyatel'nosti: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. — M.: VNII MVD Rossii, 2002. — S. 75–80.
24. *Sudebnaya vlast i pravosudie v Rossiyskoy Federatsii: kurs lektsiy / avt. kol.: V. M. Lebedev [i dr.]; pod red. V. V. Ershova*. — M.: RAP, 2011. — 900 s.
25. *Teoriya operativno-rozysknoy deyatel'nosti: ucheb'nik / pod obshch. red. K. K. Goryainova, V. S. Ovchinskogo i G. K. Sinilova*. — M.: Infra-M, 2012. — 689 s.
26. Khimicheva O. V. *Kontseptualnye osnovy protsessual'nogo kontrolya i nadzora na dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo sudoproizvodstva: monografiya*. — M.: Yuniti-Dana, 2004. — 287 s.
27. Chechetin A. E. *Operativno-rozysknyye meropriyatiya i prava lichnosti: monografiya*. — Barnaul: Barnaulskiy yuridicheskiy institut, 2006. — 147 s.
28. Shalumov M. S. *Sudebnyy kontrol i prokurorskiy nadzor: ne mezhdousobitsa, a vzaimodeystvie // Rossiyskaya yustitsiya*. — 2001. — № 4. — S. 15–16.
29. Shumilov A. Yu. *Yuridicheskie osnovy operativno-rozysknykh meropriyat'iy: ucheb. posobie*. — M., 1999. — 127 s.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

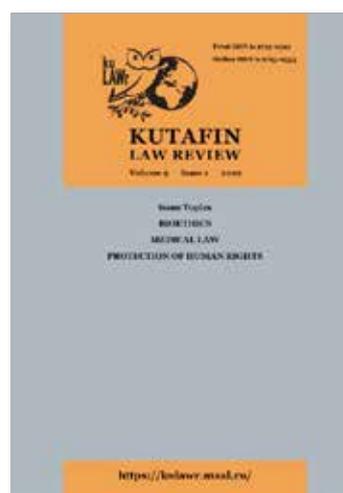
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 19 № 3 (160) март 2024

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002